РУССКІЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ
СВ. БЛАГОВѢРНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ
СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

СВЯТЫЙ
БЛАГОВѢРНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
Александръ Ярославичъ
НЕВСКІЙ.

ПОДРОБНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

СЪ РИСУНКАМИ, ПЛАНАМИ И КАРТАМИ.

М. Хитрова.

Княженіе князя Александра Ярославича Богомъ благословенно. Сказ. 4.

Господь, меня готовя къ бою,
Любовь и гнѣвъ вложилъ мнѣ въ грудь,
И мнѣ десницею святою
Онъ указалъ правдивый путь,
Одушевилъ могучимъ словомъ,
Вдохнулъ мнѣ въ сердце много силъ,
Но непреклоннымъ и суровымъ
Меня Господь не сотворилъ.

А. Толстой.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°., Валовая улица, собственный домъ.
1893.

Отъ Московскаго духовнаго цензурнаго комитета печатать дозв. Москва, 14 іюня 1892 г.

Цензоръ священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 848

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Якоже убо царскія утвари златомъ украшени съ многоцѣннымъ каменіемъ веселятъ очи зрящихъ на ня, паче же сихъ духовная красота!“

У каждаго народа есть завѣтныя имена, которыя никогда не забываются, напротивъ—чѣмъ дальше развивается историческая жизнь народа, тѣмъ ярче, свѣтлѣе становится въ памяти потомства нравственный обликъ тѣхъ дѣятелей, которые, отдавъ всѣ силы на служеніе своему народу, успѣли оказать ему существенныя услуги. Такіе дѣятели становятся излюбленными народными героями, составляютъ его національную славу, ихъ подвиги прославляются въ позднѣйшихъ сказаніяхъ и пѣснѣхъ. Это — какъ бы звѣзды на историческомъ горизонтѣ, освѣщающія весь дальнѣйшій историческій путь народа. Еще выше значеніе тѣхъ дѣятелей, жизнь которыхъ озаряется ореоломъ святости, которые умѣли совершать дѣло служенія своему народу въ угожденіе Богу. Тогда они становятся ангелами-хранителями своего народа, предстателями за него предъ Богомъ, къ нимъ въ тяжелыя годины обращается народъ съ молитвою о помощи, ихъ небесной защитѣ приписываетъ счастливыя событія и случаи избавленія отъ разныхъ бѣдствій.

Но чѣмъ выше значеніе священной личности въ исторіи и памяти народной, тѣмъ труднѣе для позднѣйшаго жизнеописателя воспроизвести его свѣтлый образъ. Чтобы объяснить тайну того благоговѣнія, той горячей любви, которыми народъ наградилъ своихъ избранниковъ, необходимо своимъ разсказомъ произвести на своихъ читателей приблизительно такое же впечатлѣніе, какое производилъ самъ историческій дѣятель на своихъ современниковъ, необходимо разсказать жизнь народнаго подвижника и героя такъ, чтобы въ сердцахъ отдаленныхъ потомковъ вспыхнула искра любви къ нему, одушевлявшей его современниковъ. Но вѣдь это—задача почти неисполнимая по своей трудности. «Горе тебѣ, бѣдный человѣче!—восклицаетъ современникъ-очевидецъ, приступая къ описанію кончины св. Александра Невскаго,—какъ опишешь ты кончину господина своего? Какъ не выпадутъ у тебя зеницы вмѣстѣ съ слезами? Какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? Человѣкъ можетъ оставить отца, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, если бъ можно было!» Такъ выражали свою любовь современники.

Задача жизнеописателя нѣсколько облегчается, если о жизни великаго и святого человѣка сохранились богатыя историческія свидѣтельства. Но, къ великому сожалѣнію, въ разсказѣ о св. Александрѣ Невскомъ намъ приходится довольствоваться скудными историческими извѣстіями. Лѣтописныя извѣстія о лицахъ и событіяхъ XIII и XIV вв. кратки, отрывочны, сухи. «Тяжекъ становится для историка его трудъ въ XIII и XIV вѣкахъ, когда онъ остается съ одною сѣверною лѣтописью; появленіе грамотъ, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, даетъ ему новый богатый матеріалъ, но все не восполняетъ того, о чемъ молчатъ лѣтописи, а лѣтописи молчатъ о самомъ главномъ, о причинахъ событій, не даютъ видѣть связи явленій. Нѣтъ болѣе живой драматической формы разсказа, къ какой историкъ привыкъ въ южной лѣтописи; въ сѣверной лѣтописи дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча: воюютъ, мирятся: ни они сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что они воюютъ, вслѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ ничего не слышно, все тихо; всѣ сидятъ запершись и думаютъ думу про себя; отворяются двери, выходятъ люди на сцену, дѣлаютъ что-нибудь, но дѣлаютъ молча. Конечно, здѣсь выражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія, котораго дѣйствующія лица являются представителями. Лѣтописецъ не могъ выдумывать рѣчей, которыхъ онъ не слыхалъ; но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что самъ лѣтописецъ не разговорчивъ, ибо въ его характерѣ также отражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія» (Исторія Россіи—Соловьева, т. IV, 371).

Съ другой стороны уваженіе къ памяти героя не позволяетъ пускаться въ догадки, предположенія, создавать образы и картины для оживленія разсказа. Надлежитъ постоянно помнить строгое предостереженіе великаго московскаго святителя Филарета: «Не надежно для насъ догадками проникнуть въ души святыхъ, которые далеко выше нашего созерцанія. Надежнѣе слѣдовать простымъ сказаніямъ очевидцевъ и близкихъ къ нимъ» (Письм. м. Филарета къ архіеп. Филарету черниговск. Приб. къ Твор. св. отецъ 1864 г., т. I, 341). Единственное средство—сколько-нибудь помочь горю—это самому автору проникнуться глубокимъ благоговѣніемъ и любовію къ предмету изображенія и чутьемъ сердца угадать то, на что не даютъ отвѣта соображенія разсудка. Согрѣтая глубокимъ искреннимъ чувствомъ рѣчь коснется сердца читателя—сердце сердцу вѣсть подаетъ. Но, увы! мы глубоко сознаемъ свою немощь въ этомъ отношеніи, сравнительно съ жизнеописателями древнихъ временъ. Начиная свой разсказъ, они своимъ восторженнымъ духомъ возносились къ высокому идеалу нравственнаго совершенства въ лицѣ угодника, житіе котораго писали. «Какъ старинный миніатюристъ XIII вѣка,—говоритъ почтенный изслѣдователь русской старины,—украшая священныя рукописи изображеніями, хотя и *свѣдущъ былъ въ искусствѣ*, но отъ благочестиваго умиленія, по выраженію Данта («Ch'ha l' abito dell'arte e man che trema», Parad. XIII, 78), трепетала рука его: такъ и авторъ житія, приступая къ своему благочестивому подвигу, признается, что онъ, взявъ трость и начавъ ею писать, не разъ бросалъ ее: «трепетна бо ми десница, яко скверна сущи и не достойна къ начинанію повѣсти»; но потомъ, утѣшаясь молитвою и находя въ ней для себя и нравственную подпору, и творческое вдохновеніе, принимался писать, какъ бы въ поэтическомъ восторгѣ, весь проникнутый вѣрованіемъ и любовью къ изображаемому имъ угоднику» (Древне-русская народная литература и искусство—Ѳ. Буслаева, т. II, 239).

Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о св. в. кн. Александрѣ Невскомъ служитъ житіе его, написанное современникомъ. Въ краткомъ отрывочномъ разсказѣ «самовидца возраста его» живо отображается глубокое впечатлѣніе, произведенное свя-

тымъ княземъ на современниковъ. Живыя черты, которыми современникъ обрисовываетъ личность «своего добраго господина», тѣмъ болѣе драгоцѣнны для насъ, что ихъ, какъ сказано выше, не встрѣчается въ сѣверной лѣтописи. «О велицѣмъ князи нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смысленномъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра Македоньскаго, подобникѣ царю Алевхысу крѣпкому и храброму, сице бысть повѣсть о немъ, ему же бяше Богъ лѣта приложилъ по его правдѣ, и угобзи ему Богъ дни и чьсти въ славу его. О Господѣ Бозѣ нашемъ, азъ, худый и грѣшный и малосмысленный, покушаюся написати житіе св. в. кн. Александра Ярославича, внука в. кн. Всеволода. Понеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ есмь възраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но яко же Приточникъ рече: «въ злохитру душю не внидетъ мудрость; на высокихъ бо краѣхъ есть посреди же стезь стояще, при вратъ сильныхъ присѣдить. Аще грубъ есмь умомъ, но молитвою Св. Богородицы и поспѣшеніемъ св. в. кн. Александра начатокъ положю». Такъ начинаетъ современникъ свое жизнеописаніе, которое дошло до насъ, по словамъ изслѣдователя древнерусскихъ житій святыхъ, «въ свѣжемъ, не потертомъ позднимъ преданіемъ видѣ». Начиная писать каждую новую главу, мы внимательно перечитывали жизнеописаніе современника, стараясь проникнуться тѣмъ настроеніемъ, которое сказывается въ его словахъ. Не намъ судить, насколько это удалось. Мы можемъ сказать только, что насъ ни на минуту не оставляло искреннѣйшее желаніе—«да не будетъ ми лгати на святаго»!

Да не посѣтуетъ читатель на то, что въ предлагаемомъ жизнеописаніи св. Александра Невскаго онъ встрѣтитъ подробное воспроизведеніе эпохи, событій и всѣхъ обстоятельствъ времени, имѣющихъ то или другое отношеніе къ личности св. князя. То были темныя, тяжелыя времена! За то, по выраженію поэта, «чѣмъ ночь темнѣй—тѣмъ звѣзды ярче»!.. «Якоже ароматы,—говоритъ великій святитель московскій,—чѣмъ болѣе растираются руками, тѣмъ больше издаютъ благоуханія: тако и житія святыхъ, чѣмъ болѣе углубляемъ мы въ нихъ свое размышленіе, тѣмъ болѣе открывается святость и слава праведныхъ, а наша польза» (Московск. митроп. Платона слово на день преподобнаго Сергія, т. V. 26). И если наша книга введетъ хотя нѣсколько читателя въ глубокую древность, въ родную завѣтную старину, дастъ возможность подышать ея воздухомъ, если нашъ разсказъ сколько-нибудь оживитъ въ душѣ читателя свѣтлый образъ святого и великаго подвижника земли русской, обновитъ чувства любви и благоговѣнія къ его священной памяти,—мы сочтемъ себя вполнѣ вознагражденными за трудъ.

М. Хитровъ.

1881 г. 28 ноября.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ	Стран.
I. Предки св. Александра Невскаго.—Общая характеристика суздальскихъ князей.—Дѣды св. Александра — св. Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III, „Большое гнѣздо“.—Дяди св. Александра—кн. Константинъ и св. Юрій Всеволодовичи.—Отецъ вел. кн. Ярославъ.—Предки св. Александра по матери.—Общая характеристика южно-русскихъ князей. — Прадѣдъ св. Мстиславъ Ростиславичъ „Храбрый“. — Дѣдъ Мстиславъ „Удалой“. — Мать св. Александра.—Св. Александръ—наслѣдникъ добродѣтелей своихъ предковъ . .	1—11
II. Рожденіе св. Александра.—Постриги.—Книжное ученіе—Религіозный характеръ обученія.—Свѣтскія науки.—Физическое воспитаніе.—„Отъ младыхъ ногтей всякому дѣлу благу наученъ“.—Посаженіе на столъ.—Свадьба.—Домашняя жизнь князей.—Вліяніе среды	12—28
III. Пребываніе св Александра въ Новгородѣ до начала самостоятельнаго княженія.—Владѣнія и политическое устройство Великаго Новгорода.—Отношенія къ суздальскимъ князьямъ.—Князь Ярославъ Всеволодовичъ.—Народныя бѣдствія и волненія въ Новгородѣ.—Торжество Ярослава —Смерть Ѳеодора Ярославича.—Оставленіе Александра на княженіе въ Новгородѣ.—Удаленіе кн. Ярослава въ Кіевъ.—Вліяніе новгородской жизни на характеръ Александра	29—29
IV. Міровое положеніе Россіи.—Востокъ и азіатскіе варвары. — Нашествіе Батыя.—Состояніе русской земли послѣ нашествія.—Дѣятельность Ярослава Всеволодовича и его кончина	40—51
V. Германо-романскій міръ въ XII и XIII столѣтіяхъ.—Объединеніе западныхъ націй подъ властью папъ.—Движеніе крестоносцевъ на православный Востокъ.—Крестоносное движеніе Запада противъ Россіи и монгольское иго. .	52—56
VI. Положеніе Новгорода послѣ татарскаго нашествія.—Нападеніе шведовъ.—Ярлъ Биргеръ.—Походъ 1240 года.—Образъ дѣйствій Александра.—Небесная помощь.—Невская побѣда и ея значеніе	57—67
VII. Утвержденіе нѣмецкаго владычества въ Ливоніи.—Войны нѣмцевъ съ русскими.—Паденіе Пскова.—Удаленіе Александра изъ Новгорода.—Возвращеніе его въ Новгородъ и война съ нѣмцами.—Освобожденіе Пскова.—Ледовое побоище.—Небесная помощь.—Религіозный характеръ борьбы.—Миръ съ нѣмцами.—Значеніе Чудской побѣды	68—80
VIII. Литовцы и тевтонскій орденъ.—Набѣги литовцевъ на русскую землю.—Семь побѣдъ.—Кончина великой княгини Ѳеодосіи.—Продолженіе борьбы съ Литвою.—Характеръ войнъ св. Александра Невскаго	81—85
IX. Внутреннее состояніе Россіи въ половинѣ XIII вѣка.—Невозможность борьбы съ татарами.—Погребеніе Ярослава Всеволодовича.—Безпорядки во Владимірѣ.—Грозный пріѣздъ Александра.—Отправленіе въ Орду	86—95
X. Путешествіе св. Александра на поклоненіе верховному хану.—Семья Чингизидовъ.—Кара-Корумъ.—Церемонія возведенія на престолъ.—Представленіе св. Александра хану Менгу.—Распредѣленіе областей между Ярославичами.—Великодушіе св. Александра.—Событія на Руси.—Михаилъ „Хоробритъ“.—Возвращеніе св. Александра.—Прибытіе въ Новгородъ.—Болѣзнь.—Посольство къ Гакону	96—107

ГЛАВЫ. Стран.

XI. Великій князь Андрей Ярославичъ.—Гнѣвъ на него хана и Неврюево нашествіе.—Несправедливость обвиненія Александра въ наведеніи Неврюя.—Бѣгство Андрея изъ Владиміра.—Александръ Ярославичъ—великій князь. 108—122

XII. Великое княженіе Александра Ярославича.—Св. Александръ—правитель.—Отношеніе къ Западу.—Политика относительно татаръ . . . . . 123—127

XIII. Посольство папы Иннокентія IV.—Врученіе папскаго посланія св. Александру.—Отвѣтъ папѣ . . . . . 128—134

XIV. Войны съ литовцами и ливонскими нѣмцами.—Походъ 1262 года.—Раковорская битва.—Финляндскій походъ . . . . . 135—144

XV. Заслуги св. Александра предъ Россіей по отношенію къ монголамъ.—Положеніе монгольской державы.—Первыя попытки обложенія данью.—Указы верховнаго хана.—Великіе труды св. Александра.—Значеніе данничества.—Повинности русскаго народа.—Устраненіе вмѣшательства монголовъ въ дѣла внутренняго управленія . . . . . 145—153

XVI. Внутренняя политика св. Александра.—Мятежъ въ Новгородѣ 1255 г.—Волненія новгородцевъ по случаю требованія дани со стороны татаръ.—Благополучный исходъ ихъ . . . . . 154—165

XVII. Два года отдыха.—Пребываніе св. Александра въ Ростовѣ.—Рожденіе сына Даніила.—Учрежденіе сарайской епархіи.—Кончина ростовскаго епископа Кирилла и избраніе ему преемника . . . . . 166—170

XVIII. Послѣдній великій подвигъ св. Александра.—Бесермены.—Возстаніе народа.—Гнѣвъ хана.—Путешествіе св. Александра въ Орду „избавы ради христіанъ".—Успѣхъ ходатайства. . . . . 171—177

XIX. Кончина св. Александра.—Скорбь народа.—Чудо при погребеніи.—Нравственный образъ св. князя . . . . . 178—186

XX. Небесное покровительство св. Александра надъ русской землей.—Исцѣленія, полученныя по молитвѣ къ св. угоднику . . . . . 187—193

XXI. Воля Петра Великаго о перенесеніи мощей св. Александра въ Петербургъ.—Основаніе Александро-Невской лавры.—Шествіе изъ Владиміра до Москвы.—Пребываніе святыни въ Москвѣ и Новгородѣ.—Встрѣча въ Петербургѣ.—Заботы Петра и его преемниковъ объ устроеніи и украшеніи Александро-Невской обители . . . . . 194—206

Приложенія . . . . . 207—234

Источники, пособія и примѣчанія . . . . . 235—270

Къ рисункамъ . . . . . 271—277

I.

Предки св. Александра Невскаго.—Общая характеристика суздальскихъ князей.—Дѣды св. Александра: св. Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III „Большое гнѣздо“ —Дяди св. Александра: кн. Константинъ и св. Юрій Всеволодовичи.—Отецъ в. кн. Ярославъ. — Предки св. Александра по матери. — Общая характеристика южно-русскихъ князей.—Прадѣдъ св Мстиславъ Ростиславичъ „Храбрый“.—Дѣдъ Мстиславъ „Удалой“.—Мать св. Александра.—Св. Александръ—наслѣдникъ добродѣтелей своихъ предковъ.

Св. Александръ Невскій.

Радуйся, отрасле пречестнаѧ корене благочестиваго!
Радуйся, благовѣріѧ предковъ наслѣдниче!
Радуйся, подражателю добродѣтелей отца боголюбиваго!
Радуйся, кротости и благочестіѧ матернѧго преемниче!

Въ ста-двадцати верстахъ отъ Москвы и на такомъ же разстояніи отъ Ярославля, при упраздненной шоссейной дорогѣ, среди неровной и довольно болотистой мѣстности, по обоимъ берегамъ рѣки Трубежа, впадающей здѣсь въ озеро Переяславское, расположенъ небольшой уѣздный городокъ Переяславль-Залѣсскій [1]). Первый устроитель суздальской земли, прадѣдъ св. Александра Невскаго — князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, въ 1152 году основалъ этотъ городъ среди глухихъ дремучихъ лѣсовъ и назвалъ его Переяславлемъ въ память

Переяславля южно-русскаго. Подобно другимъ древнимъ русскимъ городамъ, въ немъ и теперь еще много церквей и 4 монастыря. Нѣкогда это былъ знаменитый, стольный городъ удѣльнаго княжества. Отецъ св. Александра Невскаго, князь Ярославъ Всеволодовичъ, былъ удѣльнымъ княземъ переяславскимъ и жилъ въ своемъ удѣлѣ, когда родился у него сынъ Александръ. Но прежде чѣмъ говорить о первыхъ годахъ жизни Александра Ярославича, познакомимся съ его ближайшими предками.

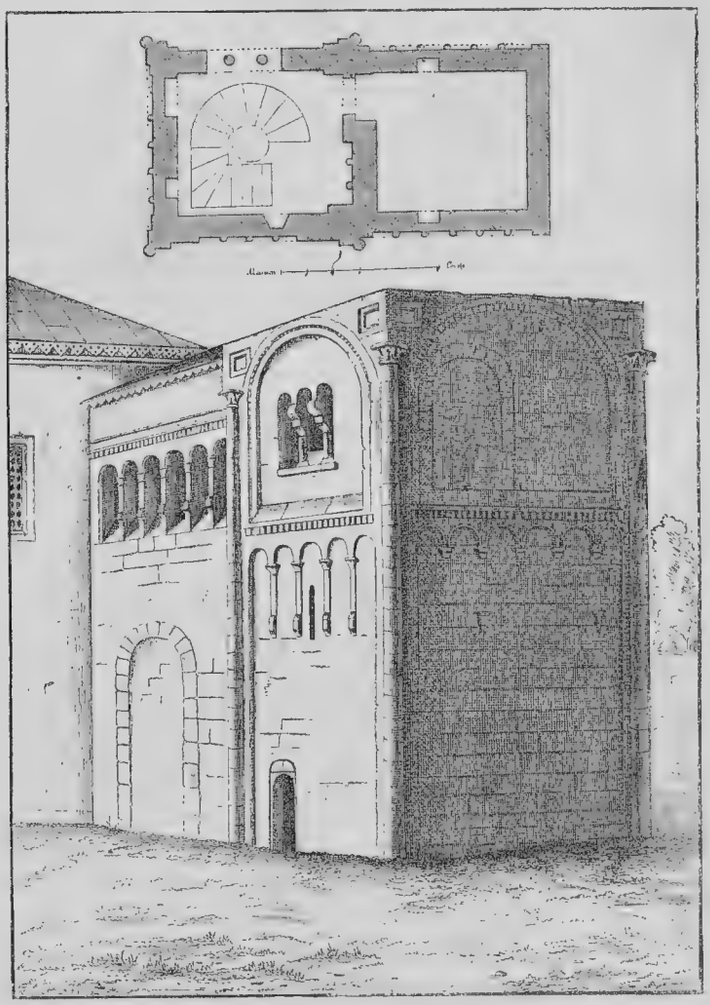
Ближайшіе предки св. Александра жили въ знаменательную эпоху, положившую на нихъ рѣзкій отпечатокъ. То была эпоха возвышенія ростовско-суздальской земли, когда замѣтно начали выясняться новыя начала общественнаго развитія русскаго народа. Русь, видимо, уходила все далѣе и далѣе въ глубь сѣверо-востока, чтобы тамъ, вдали отъ всякихъ иноземныхъ вліяній, выработать крѣпкія, устойчивыя основы быта, драгоцѣнный залогъ будущаго мощнаго развитія. Характеръ населенія значительно видоизмѣняется: образуется племя великорусское, замѣтно отличающееся по своему складу, по своимъ свойствамъ отъ другихъ славянскихъ племенъ, раньше упоминавшихся въ исторіи русской земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность князей ростовско-суздальской земли носитъ характеръ, чуждый идеалу южно-русскихъ князей. Суздальскіе князья отличаются трезвымъ, практическимъ взглядомъ, строгимъ разсчетомъ, искусствомъ организаціи, „наряда“,—они полагаютъ начало единовластію на Руси въ противоположность той разноголосицѣ и нескончаемымъ междоусобіямъ, которыя причинили такъ много горя русской землѣ въ такъ называемый кіевскій періодъ. Въ связи съ этимъ стремленіемъ въ ихъ дѣятельности замѣчается пренебреженіе старыми родовыми княжескими отношеніями и счетами, намѣчается борьба съ боярствомъ, съ стариннымъ вѣчевымъ строемъ и мало-по-малу подготовляется возможность государственнаго объединенія Руси. Таковъ былъ, напримѣръ, самый выдающійся изъ суздальскихъ князей—князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, родной братъ и предшественникъ на суздальскомъ престолѣ дѣда Александра Невскаго в. к. Всеволода Юрьевича.

„Если вы будете во Владимірѣ,—говоритъ историкъ,—ступайте въ кремль поклониться этому древнему зданію зодчества въ русскомъ царствѣ (храму Святой Богородицы Золотоверхой—созданіе князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго). На правой сторонѣ отъ сѣверныхъ дверей стоитъ серебряная гробница, и не далеко отъ нея виситъ древній шитый образъ во весь ростъ усопшаго. Помолитесь ему и поклонитесь мощамъ благовѣрнаго князя Андрея. Это былъ самый смышленый князь своего времени, который умѣлъ захватить въ свои руки власть почти надъ всею своею братьею, котораго слушались равно и Кіевъ, и Новгородъ, и Ростовъ, и Суздаль, и Владиміръ, князья смоленскіе, полоцкіе, волынскіе и прочіе. Но не тѣмъ онъ заслужилъ особливую память въ лѣтописяхъ отечества, а вотъ чѣмъ: онъ обратилъ средоточіе русской государственной тяжести въ нашу сторону, онъ вывелъ на позорище исторіи другое племя, великорусское, самое младшее изъ всѣхъ племенъ здѣшнихъ, изъ всѣхъ племенъ славянскихъ, и, второй Рюрикъ, положилъ основаніе другому княжеству, которое приметъ въ одинъ изъ меньшихъ городовъ своихъ, заложенный отцомъ его, всѣ прочіе, и заключитъ въ себѣ судьбы отечества“ [2]).

Не менѣе былъ знаменитъ и вышеупомянутый дѣдъ св. Александра в. к. Всеволодъ Юрьевичъ „Большое гнѣздо“. При самомъ началѣ своего

княженія, несмотря на свои молодые годы, онъ проявилъ большое мужество и твердость нрава, разсчетливость и осторожность—качества, благодаря которымъ онъ пріобрѣлъ огромную силу на Руси. Не торопя событій, безъ видимыхъ усилій съ своей стороны, умѣло пользуясь обстоятельствами, онъ собралъ подъ своей властью почти всю сѣверную Русь. Про его силу пѣлъ древній пѣвецъ:

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами людей
И вычерпать Донъ многоводный
Шеломами рати твоей.



Великокняжеская горница и сѣни въ Боголюбовѣ.

Являясь великими правителями, ближайшіе предки св. Александра отличались глубокимъ, искреннимъ благочестіемъ, пламенною ревностью къ распространенію Слова Божія и укорененію его въ сердцахъ современниковъ. Черта глубокознаменательная! Оцѣнивая эту сторону дѣятельности суздальскихъ князей, историкъ говоритъ: „Христіанство, утвердившись въ ростово-суздальской землѣ не раньше XI вѣка, только при Андреѣ получаетъ, такъ

сказать, полную осѣдлость въ этой землѣ. При немъ открываются мощи святыхъ, покровителей земли, Леонтія и Исаіи; Владимірская икона Божіей Матери, привезенная Андреемъ съ юга, и икона Боголюбская становятся предметами особаго мѣстнаго почитанія, освящаютъ своими чудесами княжескую власть Боголюбскаго; православіе начинаетъ пріобрѣтать „земское“ значеніе, становясь мало-по-малу у нарождающагося великорусскаго племени символомъ того политическаго сознанія, которое въ наше время выражается терминомъ „народность“. Подготовляется то многознаменательное единеніе церкви и государства, которое вполнѣ выясняется въ позднѣйшій, московскій періодъ русской исторіи, и которое составляетъ характеристическую особенность исторіи великорусскаго племени“ [3]). Въ теплыхъ искреннихъ словахъ изображаетъ лѣтописецъ глубоко-религіозное настроеніе души князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго. „Сей благовѣрный и христолюбивый князь Андрей съ юныхъ лѣтъ возлюбилъ Христа и Его Пречистую Матерь, очистивъ свой умъ, какъ свѣтлую палату, и украсивъ душу всѣми добрыми нравами. Онъ уподобился Соломону, соорудивъ двѣ великолѣпныя и богатѣйшія церкви, — одну въ Боголюбовѣ, другую во Владимірѣ... А потомъ создалъ и многія другія каменныя церкви и многіе монастыри: ибо Богъ отверзъ его сердечныя очи на весь церковный чинъ и на церковники. Не омрачилъ онъ ума своего пьянствомъ; былъ кормителемъ чернецамъ и черницамъ, и для всѣхъ людей былъ какъ бы отцомъ любвеобильнымъ. Особенно же любилъ подавать милостыню: каждый день приказывалъ возить по городу различное брашно и питье и раздавать больнымъ и нищимъ и, видя всякаго нищаго, просящаго милостыню, подавалъ ему и говорилъ въ себѣ: „Не Христосъ ли это пришелъ испытать меня?..“ По ночамъ входилъ онъ въ церковь, самъ зажигалъ свѣчи и, повергаясь предъ иконами Господа и святыхъ Его, съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ приносилъ, подобно Давиду, покаяніе и плакалъ о грѣхахъ своихъ [4]). Православная Церковь причла благовѣрнаго князя къ лику святыхъ. Живымъ благочестіемъ отличался также и Всеволодъ Юрьевичъ, скончавшійся въ 1212 году. По словамъ лѣтописи, онъ „имѣяше присно страхъ Божій въ сердцѣ своемъ, подавая требующимъ милостыню, судъ судя истиненъ и нелицемѣренъ, необинуяся лица сильныхъ“, которые притѣсняли слабыхъ и сиротъ, и подобно брату своему Андрею, „многи церкви созда во власти своей“. „Тѣмъ,—замѣчаетъ лѣтописецъ, и дарова ему Богъ чада добросмысленна, яже и воспита въ наказаньи и въ разумѣ совершеннѣ, и даже и до мужества“ [5]). Съ особенной теплотой отзываются лѣтописи о дядѣ св. Александра, старшемъ сынѣ Всеволода, Константинѣ, хотя онъ умеръ очень рано, на 33 году своей жизни. „Этотъ блаженный князь возлюбилъ Бога всею душою и всѣмъ желаніемъ; не омрачилъ онъ ума своего суетною славою міра сего, но весь свой умъ устремлялъ туда—къ жизни вѣчной, которую и улучилъ своими милостынями и великимъ незлобіемъ. Былъ правдивъ, щедръ, кротокъ, смиренъ, всѣхъ миловалъ, всѣхъ снабдѣвалъ, особенно же любилъ дивную и славную милостыню и церковное строеніе, помышляя о томъ день и ночь. Весьма заботился онъ о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей и много ихъ создалъ въ своей области, надѣляя святыми иконами, книгами и разными украшеніями... Не щадилъ имѣнія своего, раздавая его требующимъ, и воистину былъ по Іову окомъ слѣпымъ, ногою хромымъ, рукою неимущимъ, всѣхъ любя, нагихъ одѣвая, усталымъ доставляя покой, печальныхъ утѣшая и не

Икона Божіей Матери Владимірская.

огорчая никого ничѣмъ. Всѣхъ умудрялъ... бесѣдами: ибо часто читалъ книги съ прилежаніемъ и все творилъ по Писанію, не воздавая зломъ за зло... По преставленіи его, жители Владиміра стеклись на его дворъ и плакали о немъ великимъ плачемъ...“ Глубокая искренность христіанскаго благочестія слышится намъ въ его прощальномъ наставленіи своимъ дѣтямъ: „Возлюбленныя чада мои! Будьте между собою въ любви, Бога бойтеся всею душою, заповѣди Его соблюдайте во всемъ и воспріимите всѣ мои правы, которые вы видѣли во мнѣ. Нищихъ и вдовицъ не презирайте, церкви не отлучайтесь, іерейскій и монашескій чинъ любите, книжнаго ученія слу-

Суздальскій соборъ.

шайте, и Богъ мира да будетъ съ вами. Имѣйте послушаніе къ старѣйшимъ васъ, которые внушаютъ вамъ доброе, такъ какъ вы еще малолѣтни. Чувствую, дѣти мои, что отшествіе мое изъ міра приближается, и вотъ я поручаю васъ Богу и Его Пречистой Матери и брату моему Георгію, который да будетъ вамъ вмѣсто меня“ [6]). Этотъ князь Георгій Всеволодовичъ, положившій свою жизнь въ бою съ татарами за родину на берегахъ Сити, православною церковію причтенъ къ лику святыхъ.

Съ особенной силой выступаютъ характерныя черты суздальскихъ князей въ лицѣ отца св. Александра, князя Ярослава Всеволодовича. Упорно, настойчиво и смѣло стремится онъ къ намѣченнымъ цѣлямъ, дѣйствуя на-

перекоръ установившимся, освященнымъ вѣками, обычаямъ. Трудно въ такія переходныя эпохи, какъ тогдашняя, избѣжать крутыхъ, подчасъ жестокихъ мѣръ... Но отсюда нельзя еще заключить, чтобы печальная необходимость прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ указывала на злой характеръ правителя. Трудно рѣшить, чья жертва выше: того ли, кто, слѣдуя влеченіямъ своего сердца, охотно жертвуетъ своими интересами, или того, кто, подчиняясь голосу разума, прибѣгаетъ къ суровымъ мѣрамъ, хотя бы въ душѣ и возмущался ими. Князь Ярославъ Всеволодовичъ умѣлъ жертвовать собою во имя общаго блага, умѣлъ подавлять свои личныя чувства. Первый изъ русскихъ князей, собравъ и утѣшивъ, ободривъ пораженныхъ ужасомъ татарскаго нашествія жителей, покорился онъ печальной, но неизбѣжной участи—смиренной покорностью спасать родину отъ конечнаго разоренія, а подъ конецъ жизни совершилъ трудный подвигъ, отправившись въ далекую Татарію, гдѣ и погибъ страдальческой смертью. Лично же, независимо отъ высшихъ государственныхъ интересовъ, онъ былъ „милостивъ ко всякому, требующимъ невозвратно даяше“. А его кончину современники и ближайшіе потомки высоко чтили и выражали свѣтлое упованіе, что Господь „причте его ко избранному Своему стаду праведныхъ селенія“ [7]).

Съ другой стороны, по матери своей, св. Александръ является наслѣдникомъ всѣхъ блестящихъ качествъ, отличавшихъ южно-русскихъ князей [8]). Его дѣдъ по матери былъ знаменитый князь Мстиславъ Мстиславичъ, прозванный „Удатнымъ“. Онъ не преслѣдовалъ какихъ-либо новыхъ цѣлей, не давалъ новаго направленія ходу событій. Въ противоположность суздальскимъ князьямъ, это былъ героическій защитникъ старины, неустрашимый боецъ за правду раньше установившихся отношеній и взглядовъ. „Это былъ, по словамъ историка, лучшій человѣкъ своего времени, но не переходившій той черты, которую назначилъ себѣ духъ предшествовавшихъ вѣковъ“ [9]), это былъ, однимъ словомъ, блестящій представитель отживавшей старины. Позволимъ привести здѣсь слѣдующее сравненіе, которое дѣлаетъ историкъ между представителями двухъ эпохъ—отживающей и грядущей. „Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былого. Зато за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Бо́льшее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они лучшіе его представители и доблестные защитники“ (Грановскій). Беззавѣтное мужество на полѣ брани, покровительство всѣмъ утѣсненнымъ, рыцарственная прямота въ поступкахъ, сердечное отношеніе къ людямъ и благородная довѣрчивость чистой души, самоотверженное служеніе родной землѣ, безъ всякихъ своекорыстныхъ разсчетовъ—таковы черты, составлявшія древній народный идеалъ князя. Таковъ былъ Мстиславъ Мстиславичъ Удатный, скончавшійся схимникомъ, таковъ же былъ и его отецъ, прадѣдъ св. Александра по матери, Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый, причисленный къ лику святыхъ. Оба пользовались

Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.

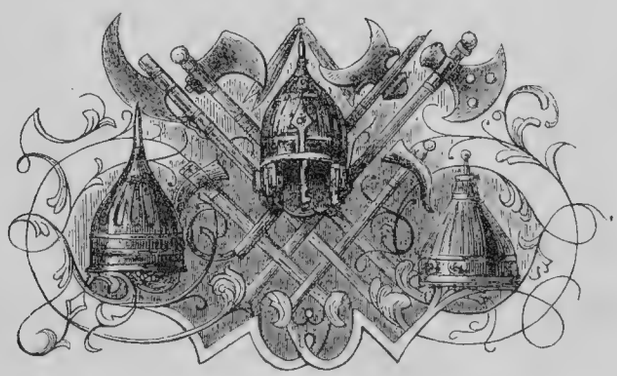
горячей любовью своихъ современниковъ. „Онъ всегда порывался на великія дѣла,—говоритъ лѣтописецъ о Мстиславѣ Ростиславичѣ.—И не было земли на Руси, которая бы не хотѣла его имѣть у себя и не любила бы его. И не можетъ вся русская земля забыть доблести его“. Дочь Мстислава Мстиславича Ѳеодосія была матерью св. Александра [10]). Мало сохранилось о ней свѣдѣній, но не даромъ лѣтописи единогласно называютъ ее святою [11]). Она, какъ и ея доблестный родитель, передъ кончиною приняла иноческій чинъ и имя Евфросиніи [12]).

Сдѣлаемъ выводъ изъ всего сказаннаго. Если въ характерѣ и дѣятельности предковъ св. Александра по матери мы видимъ черты блестящей беззавѣтной храбрости, видимъ „золотыя сердца“, то въ соединеніи съ благоразуміемъ, унаслѣдованнымъ отъ суздальскихъ предковъ, въ Александрѣ Невскомъ мы увидимъ въ одномъ лицѣ прекрасное гармоническое соединеніе разнообразныхъ дарованій, увидимъ цѣльный могучій характеръ, прекрасное созданіе Божіе, даръ всеблагаго Провидѣнія въ одну изъ труднѣйшихъ годинъ нашей исторіи.

Родословная Александра Невскаго.

Рюрикъ
Игорь—св. Ольга
Святославъ
Владиміръ св.
Ярославъ Мудрый
Всеволодъ
Владиміръ Мономахъ

Мстиславъ I		Юрій Долгорукій
Ростиславъ	Андрей Боголюбскій	Всеволодъ III „Большое гнѣздо“
Мстиславъ „Храбрый“	Константинъ	Юрій II
Мстиславъ „Удалой“		Ярославъ
Ѳеодосія		св. Александръ Невскій.
св. Александръ Невскій.		



II.

Рожденіе св. Александра.—Постриги.—Книжное ученіе.—Религіозный характеръ обученія.—Свѣтскія науки.—Физическое воспитаніе.—„Отъ младыхъ ногтей всякому дѣлу благу наученъ“.—Посаженіе на столъ.—Свадьба.—Домашняя жизнь князей.—Вліяніе среды.

Радуйся, Іосифову чистоту и цѣломудріе стяжавый!
Радуйся, сердце свое отъ всякія страсти душевредныя
чисто сохранивый!
Радуйся, путемъ Іаковля смиренномудріе ходивый!
Радуйся, яко возлюбилъ еси душею еже о небесныхъ
помышленіе!
Радуйся, чрезъ все житіе свое Богу послуживый!
Радуйся, себе Богу всесовершенне предавый!

30 мая 1219 года жители Переяславля узнали радостную новость: у князя Ярослава Всеволодовича родился второй сынъ, названный при св. крещеніи Александромъ; но болѣе всѣхъ, конечно, обрадованы были родители и, безъ сомнѣнія, отпраздновали рожденіе сына свѣтлымъ пиромъ [13]). Къ сожалѣнію, намъ мало извѣстны первые годы дѣтства св. Александра, но, несомнѣнно, онъ воспитывался точно такъ же, какъ вообще воспитывались юные княжичи въ древней Руси. Они отдавались обыкновенно на воспитаніе кормильцамъ, или дядькамъ, изъ боярскаго сословія, которые должны были ходить за ними и оберегать ихъ. Впослѣдствіи упоминаются, въ качествѣ воспитателей Александра и старшаго брата его Ѳеодора, бояринъ Ѳеодоръ Даниловичъ и судья Іоакимъ [14]). По третьему или по четвертому году справлялись постриги [15]). Обрядъ постриженія въ древней Руси имѣлъ важное значеніе и въ кругу семейномъ и въ быту гражданскомъ. Онъ вытекалъ изъ понятій и взглядовъ нашихъ предковъ на мужчину, какъ на главу семьи, на его обязанности и отношенія къ обществу, какъ самостоятельнаго члена этого общества. Постриженіе было какъ бы символомъ признанія правъ личности за постригаемымъ: съ момента постриженія онъ становился мужемъ,

гражданиномъ. Поэтому его брали отъ женщинъ-нянекъ и отдавали подъ присмотръ мужчинъ. Православная церковь освятила древній обрядъ, сообщивши ему христіанскій характеръ. На постриженіе стали смотрѣть, какъ на посвященіе дитяти Богу, какъ на выраженіе преданности волѣ Божіей, и его остриженные волосы были какъ бы первою жертвою, приносимою Богу непосредственно отъ самого постригаемаго. Обрядъ происходилъ обыкновенно въ храмѣ. Отрока ставили предъ царскими вратами. Сыновья князей постригались обыкновенно епископомъ, который произносилъ молитву, призывая на постригаемаго благословеніе Божіе. Послѣ совершенія обряда отрока сажали на коня. Это означало его будущую самостоятельность. Въ руки давали оружіе, обыкновенно лукъ со стрѣлами—это указывало на обязанность князя защищать родину отъ внѣшнихъ враговъ. Затѣмъ слѣдовала веселая пирушка, свѣтлое семейное торжество, на которое приглашались родственники. Родители дарили гостей дорогими подарками, конями, золотыми и серебряными сосудами, одеждами и т. п.

Съ молодыхъ лѣтъ князей учили грамотѣ. Наши князья высоко ставили образованіе. Потомки Ярослава Мудраго подражали его ревности къ распространенію книжнаго ученія. Суздальскіе князья не менѣе другихъ, если не болѣе, заботились о просвѣщеніи. Про дядю Александра, Константина Всеволодовича, разсказывается, что онъ часто и прилежно читалъ книги и всѣхъ умудрялъ духовными бесѣдами. У него было богатое собраніе книгъ какъ греческихъ, такъ и русскихъ. Онъ самъ писалъ и усердно собиралъ свѣдѣнія о подвигахъ древнихъ славныхъ князей. И, навѣрное, не разъ начинавшимъ свое обученіе княжичамъ приходилось слышать отъ своихъ родителей наставленія Мономаха: „его же не умѣючи, а тому ся учите... Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудетъ, а его же не умѣеть, тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе“. Наставниками, конечно, были лица духовныя, да и самое обученіе, имѣя главнымъ образомъ цѣлью ознакомленіе съ истинами христіанской вѣры, было проникнуто духомъ христіанскаго благочестія. „Родители святымъ книгамъ научиша его“,—говорится въ жизнеописаніи св. Александра[16]). По сохранившимся памятникамъ того времени мы можемъ хорошо представить себѣ, какіе уроки и наставленія преподавались тогда юношамъ.

„Вѣдай, княже, что душа наша создана дуновеніемъ Божіимъ и по образу Божію. Въ ней три силы; разумъ выше другихъ: имъ-то мы отличаемся отъ животныхъ; имъ познаемъ небо и прочія творенія; имъ восходимъ къ уразумѣнію Самого Бога... Таково правильное употребленіе разума! Но есть и неправильное: разуменъ и денница — ангелъ, нынѣ діаволъ, но, извративъ свой разумъ, возмечтавъ быть равнымъ Богу, палъ съ чиномъ своимъ“...

„Вторая сила—чувство, выражается въ ревности по Богѣ и въ непріязни къ врагамъ Божіимъ. При неправильномъ же употребленіи обнаруживается злобою, завистью. И вотъ Каинъ убилъ брата своего Авеля“...

„Третья сила—воля: при добромъ направленіи ея человѣкъ стремится къ Богу, не думая о всемъ прочемъ, ждетъ отъ Него просвѣщенія и наслаждается веселіемъ въ самыхъ злостраданіяхъ ради Бога“ [17]).

„Милыя дѣти, не надѣйтесь на себя, и въ употребленіи всѣхъ силъ и даровъ вашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ взирайте на примѣръ Христа, св. апостоловъ и св. отцовъ, которые за Христа страдали во всѣ дни своей

жизни. А ослушанія остерегайтесь, чтобы не погибнуть, какъ погибъ первозданный Адамъ чрезъ Еву, приведенную въ непослушаніе Богу. Любовь имѣйте ко всѣмъ, со всѣми пребывайте въ мирѣ, какъ Христосъ весь міръ возлюбилъ, безъ выбора, и подалъ намъ совершенный образецъ въ Себѣ. Ибо пришелъ Онъ, Господь милостивый, съ небесъ, и родился въ вертепѣ отъ Дѣвы—для насъ; жилъ съ человѣками и принялъ крещеніе не имѣя грѣха; свѣтло преобразился для нашего увѣренія; былъ связанъ и затворенъ въ темницѣ, внушая намъ не унывать въ такомъ же несчастіи; былъ распятъ на крестѣ, все для того, чтобы наше спасеніе устроить; возлегъ во гробѣ не за Свои грѣхи; воскресъ, чтобъ насъ извести на свѣтъ; вознесся на небеса, чтобы и намъ, по апостолу, быть восхищенными въ срѣтеніе Его. Все сіе сотворилъ Онъ премудро, съ любовію и увѣренностью, что Своимъ примѣромъ насъ приведетъ ко спасенію, и для того, чтобы насъ избавить отъ муки въ будущемъ вѣкѣ“ [18]).

При обученіи старались юношу ознакомить съ книгами Священнаго Писанія, главнымъ образомъ съ Евангеліемъ и Псалтирью, которая надолго сдѣлалась особенно любимой книгою для русскаго народа. Чтеніе книгъ Священнаго Писанія, безъ сомнѣнія, сопровождалось необходимыми объясненіями, вродѣ слѣдующаго:

„Читай, княже мой, читай третій псаломъ перваго часа: Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи, и проч. Въ немъ вѣрное изображеніе, каковъ долженъ быть царь и князь. Если ты будешь испытывать и соблюдать то, о чемъ говорится въ этомъ псалмѣ, онъ просвѣтитъ еще болѣе умныя очи твои, отвратитъ отъ нихъ всякую суету, освятитъ твой слухъ, очиститъ сердце, исправитъ стопы, предохранитъ ноги твои отъ поползновенія... И возсіяетъ тебѣ свѣтъ, сіяющій праведникамъ, на много лѣтъ останешься неосужденнымъ и неповиннымъ, а потомъ отъ царства дольняго вознесешься въ горнее“ [19])...

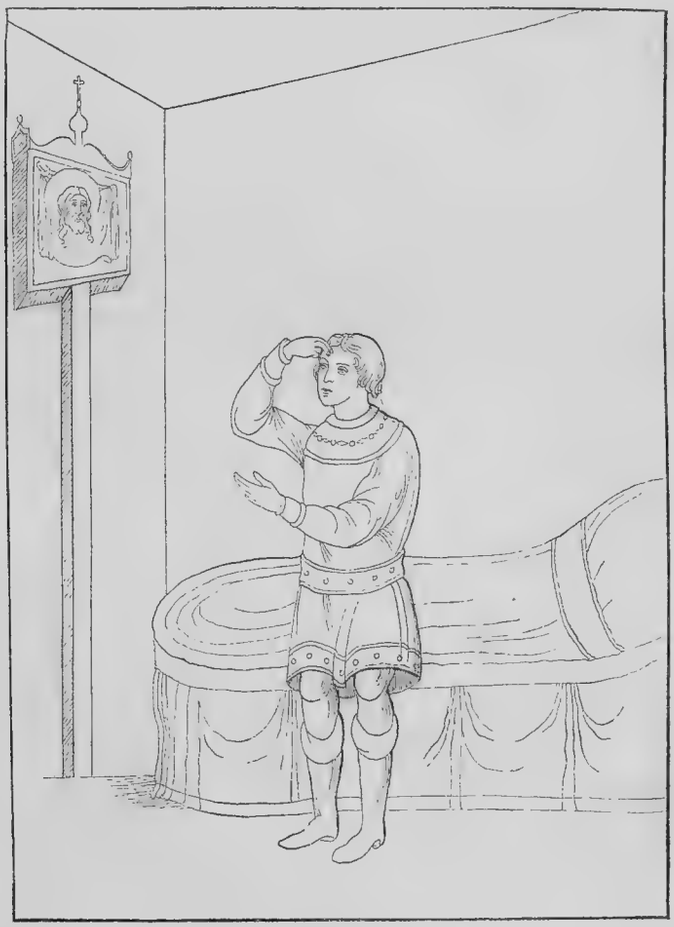
Эти простыя, задушевныя наставленія глубоко западали въ сердце. Книги Священнаго Писанія оставались неразлучными спутниками на всю жизнь, къ нимъ прибѣгали, ища вразумленія, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни.

Можно вообразить, съ какимъ вниманіемъ относился юный Александръ къ словамъ наставниковъ! Съ раннихъ лѣтъ онъ отличался глубокимъ религіознымъ настроеніемъ и живымъ чувствомъ долга [20]). Всякое дѣло, всякую свою обязанность онъ старался исполнить вполнѣ добросовѣстно, „преподобнѣ и праведнѣ“ и „яко вѣрный рабъ благоуготови себе во благихъ угодити Господу своему“. Серьезный не по лѣтамъ характеръ его не дозволялъ ему предаваться пустымъ забавамъ [21]). Любимымъ его занятіемъ, кромѣ чтенія священныхъ книгъ, было пѣніе церковныхъ пѣснопѣній. Безъ сомнѣнія, съ раннихъ же лѣтъ св. Александръ пріучалъ себя къ посту и воздержанію, чѣмъ укрѣплялись и его физическія силы [22]). Благочестивыя упражненія согрѣвались молитвеннымъ настроеніемъ духа, чему способствовали частыя посѣщенія храма, и мѣстныя святыни Переяславля и Новгорода ему были хорошо извѣстны. Говорить ли о томъ, что юный князь, душа котораго съ дѣтства согрѣта была любовію къ Богу, въ тишинѣ ночной имѣлъ обыкновеніе повергаться предъ иконами Христа и Его Пречистой Матери и изливать свою душу въ горячей молитвѣ [23])?

Кромѣ книгъ Св. Писанія, извѣстны были въ то время и святоотеческія творенія: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Лѣствичника, Ки-

рилла Александрійскаго, Ефрема Сирина и друг. Наши предки особенно любили Златоустаго. Въ общемъ употребленіи были и житія святыхъ, переведенныя, вѣроятно, съ греческаго языка, поученія русскихъ пастырей и т. п.[24]).

Не были въ пренебреженіи и свѣтскія знанія. Юные князья обучались иностраннымъ языкамъ, преимущественно латинскому и греческому. Знаніе языковъ, по словамъ Мономаха, давало почетъ отъ иностранцевъ. Для знакомства съ событіями всемірной исторіи служили „книги Бытийскыя, рекомыя Палѣя“—обозрѣніе событій отъ сотворенія міра до христіанства и до поги-



бели „жидовьства“. Но съ особеннымъ усердіемъ юныхъ князей знакомили съ событіями родной старины. Для этой цѣли служили наши лѣтописи. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что св. Александръ „вскоры извыче вся граматикія“, потому что, какъ свидѣтельствуетъ жизнеописатель, потщанно бѣ ему отъ отеческихъ ни въ чесомъ же отстати“ [25]).

На ряду съ книжнымъ обученіемъ, разумѣется, обращалось большое вниманіе и на воспитаніе физическое: для этой цѣли служили верховая ѣзда, стрѣльба въ цѣль, военныя игры и т. п. упражненія. Старинная пѣсня поетъ объ этихъ занятіяхъ:

„Кто изъ васъ гораздъ стрѣлять изъ луку изъ каленаго,
Прострѣлить бы стрѣлочка каленая
По тому острею по ножовому,
Чтобы прокатилася стрѣлочка каленая
На двѣ стороны вѣсомъ равна,
И попала бы въ колечко серебряное".

Военныя игры смѣнялись ловами. Прекрасны были эти ловы! Лишь только утренняя заря начинала золотить верхушки деревъ, толпа охотниковъ, молодыхъ товарищей-дружинниковъ, собиралась близъ княжескаго терема. Въ городѣ подымался шумъ, сбѣжавшаяся толпа глазѣла на убранство охотниковъ; къ княжескому терему подводили коней. Выходятъ молодые князья. Они сіяютъ красотой и бодрымъ, веселымъ видомъ. Слуги подаютъ князьямъ охотничьи копья съ желѣзными остріями, „ловчій нарядъ", другіе ведутъ привязанныхъ за шею собакъ. Рога трубятъ, и звуки весело разносятся по воздуху. Князья выѣзжаютъ изъ города.

Все общество собирается на опушкѣ лѣса. Собаки освобождаются отъ цѣпей и бросаются въ лѣсъ отыскивать дичь. Много водилось въ то время на Руси въ непроходимыхъ дебряхъ всякаго рода звѣрей: туровъ, медвѣдей, волковъ, кабановъ и др. Не безопасны были эти ловы, но здѣсь же развивалась удаль молодецкая, ловкость и присутствіе духа. „Вотъ какъ я трудился на ловахъ,—разсказываетъ про себя Владиміръ Мономахъ.—Два тура метали меня на рогахъ своихъ съ конемъ, олень бодалъ, одинъ лось топталъ ногами, другой бодалъ рогами; вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь около колѣна сѣдло прокусилъ, лютый звѣрь вскакивалъ мнѣ на плечи и повергалъ на землю и меня, и коня. Но Богъ меня сохранилъ невредимо. Съ копя я падалъ много разъ, дважды разбивалъ себѣ голову, повреждалъ и руки, и ноги, особенно въ юности, когда не дорожилъ жизнью, не щадилъ головы своей... Самъ я заботился объ охотничьемъ нарядѣ, о коняхъ, о соколахъ, о ястребахъ... Дѣти мои! Не охуждайте меня, такъ какъ я не хвалю ни себя, ни своей храбрости; я хвалю Бога и прославляю Его милость, такъ какъ Онъ меня, грѣшнаго и недостойнаго, сохранилъ отъ столькихъ опасностей и сотворилъ меня не лѣнивымъ на всѣ дѣла, достойныя человѣка".

Безъ сомнѣнія, юнымъ Ѳеодору и Александру не разъ удавалось отличаться на этихъ охотахъ. Множество убитой дичи служило наградой охотникамъ. По многу убивали „куницъ, лисицъ

И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ
. . . . . .
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ".

Солнце садилось; наступала ночь, и нерѣдко усталые охотники ложились отдыхать отъ дневныхъ трудовъ въ палаткахъ среди зеленаго лѣса. Охота на звѣрей смѣнялась соколиною. Запѣвалась старинная пѣсня:

„Вейте силышка шелковыя,
Становите силышка на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верхъ,
Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу".

Предстоитъ и здѣсь добыча богатая: бѣлые гоголи, чернеди, сизые орлы, галицы, кречеты, черные вороны, сороки, чайки, соколы, дятлы.

Все это вмѣстѣ — игры и охоты — должны были укрѣпить и развить физическія силы отрока и приготовить изъ него будущаго защитника родины,

добраго страдальца за землю русскую, какимъ и явился впослѣдствіи св. Александръ, „отъ юна возраста и отъ младыхъ ногтей всякому дѣлу благу наученъ бывъ“ [26]).

Выдающимся событіемъ въ жизни князей было „посаженіе на столъ“ [27]). При отъѣздѣ Ярослава Всеволодовича въ Кіевъ и при вокняженіи Александра Ярославича въ Новгородѣ въ 1236 году обрядъ посаженія на столъ былъ совершонъ въ Новгородѣ у св. Софіи. Этотъ обрядъ считался необходимымъ, безъ него князь не былъ бы княземъ. Поэтому въ лѣтописяхъ къ выраженію „вокняжился“ обыкновенно прибавляется: „и сѣлъ на столѣ“. Благословляя сына своего на княженіе въ Новгородѣ, Ярославъ Всеволодовичъ, подобно отцу своему, говорилъ ему: „Крестъ будетъ твоимъ хранителемъ и помощникомъ, а мечъ твоею грозою! Богъ далъ тебѣ старѣйшинство между братьями, а Новгородъ Великій—старѣйшее княженіе во всей землѣ русской“ [28]).

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

Народъ новгородскій толпами окружаетъ свой знаменитый храмъ. Обыкновенно царствующій въ немъ полумракъ смѣнился яркимъ освѣщеніемъ отъ множества возженныхъ свѣчей. Въ числѣ собравшагося во множествѣ народа благовѣрный князь Александръ возноситъ теплыя молитвы Царю царей. Онъ высокъ ростомъ, строенъ, прекрасенъ собой и еще прекраснѣе въ своемъ молитвенномъ одушевленіи. По красотѣ наружности его сравниваютъ съ Іосифомъ прекраснымъ, а по силѣ и величественному виду съ Самсономъ. Его звучный и сильный голосъ, подобно громогласной трубѣ, гремѣлъ въ народѣ [29]). Но теперь слезы блестятъ въ прекрасныхъ очахъ и обильно струятся по щекамъ. Благочестивый князь знаетъ, что всѣ усилія человѣка, какъ много даровъ ни дано ему, не принесутъ надлежащей пользы безъ Божія благословенія, и теперь, въ этотъ торжественный часъ, готовясь отдать всѣ свои силы въ жертву дорогой землѣ русской, онъ смиренно преклоняетъ колѣна и испрашиваетъ Божіей помощи. Усердно

вмѣстѣ съ своимъ юнымъ княземъ молятся и граждане... Слышится стройное пѣніе духовнаго чина, благовонной волной струится ѳиміамъ. Все въ этомъ храмѣ дѣйствуетъ на душу и усиливаетъ молитвенное настроеніе: и воспоминанія, связанныя съ прошлыми судьбами города и Святой Руси, и почивающія нетлѣнно мощи святыхъ. Вотъ почти у самыхъ южныхъ вратъ рака съ мощами св. князя, строителя храма, Владиміра Ярославича. Здѣсь же покоятся и мать его Анна, первый новгородскій владыка Іоакимъ корсунянинъ, присланный сюда св. Владиміромъ, Лука Жидята, св. Никита, бывшій затворникомъ Кіево-Печерской лавры, архіепископы: свв. Іоаннъ и Мартирій; здѣсь и знаменитый прадѣдъ Александра св. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый... А съ вышины, точно съ небесъ, взираетъ на все собраніе величественный и строгій ликъ Спасителя [30]).

При возложеніи руки на главу князя архипастырь вознесъ молитву Царю царей, чтобы Онъ „изъ святого жилища“ Своего благословилъ вѣрнаго раба Своего Александра, укрѣпилъ его „силою свыше“, утвердилъ его „на престолѣ правды“, оградилъ „вооружьствомъ“ Пресвятаго Духа и показалъ его доблестнымъ защитникомъ св. соборной церкви и сподобилъ его „небеснаго царствія“ [31]).

Затѣмъ весь новгородскій народъ принесъ торжественно присягу на вѣрность князю. Всѣ цѣловали крестъ и громко, одушевленно воскликнули: „ты нашъ князь!“ Посаженіе совершилось.

Между тѣмъ бирючи разъѣзжали по улицамъ, „зовучи къ князю на обѣдъ, отъ мала и до велика“. Народъ толпами шелъ на дворъ Ярослава. Тамъ въ изобиліи приготовлено вино, медъ, перевара, всякое кушанье и овощи. Безъ сомнѣнія, не одинъ день продолжалось свѣтлое пиршество. Князь веселился радостью народа; народъ радовался, любуясь и гордясь своимъ княземъ.

Черезъ три года, въ 1239 году, новгородцамъ снова пришлось быть свидѣтелями и участниками семейнаго торжества по случаю брака своего юнаго князя.

Въ 1239 году литовцы, воспользовавшись разореніемъ русской земли отъ татаръ, сдѣлали опустошительный набѣгъ на смоленскую область. Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ поспѣшилъ на освобожденіе смоленской земли, побѣдилъ литовцевъ и взялъ въ плѣнъ ихъ князя, устроилъ дѣла въ Смоленскѣ и пріобрѣлъ этимъ походомъ великую честь и славу. Въ то время въ тѣсной связи съ Смоленскомъ, если не въ полной зависимости, находилось полоцкое княжество. Такимъ образомъ, обороняя смоленскую землю, Ярославъ являлся въ то же время защитникомъ и земли полоцкой. Полоцкимъ княземъ въ то время былъ Брячиславъ. Его-то дочь, Александру, Ярославъ Всеволодовичъ высваталъ за своего старшаго сына. Мы очень мало имѣемъ свѣдѣній о супругѣ Александра Ярославича; но есть полное основаніе утверждать, что это было благословенное супружество. Незадолго до того времени въ Полоцкѣ жила и скончалась (23 мая 1173 г.) знаменитая полоцкая княжна, преподобная Евфросинія [32]). Она рано постриглась въ монахини и въ затворѣ занималась переписываніемъ книгъ, а выручаемую плату раздавала бѣднымъ. Впослѣдствіи она основала свой монастырь и построила каменный храмъ Спасителя, сохранившійся до нашего времени и извѣстный въ народѣ подъ именемъ Спасъ-Юрьевичи. До нашего же времени сохранился и драгоцѣнный напрестольный крестъ, устроенный

Евфросиніею, съ замѣчательной надписью: „Честьное древо бесцѣнно есть; а кованье его, злато и сребро и каменье, жьнчугъ, въ 100 гривенъ, а др... 40 гривенъ“ [33]). Въ преклонныхъ лѣтахъ Евфросинія совершила путешествіе ко св. мѣстамъ въ Царьградъ и Іерусалимъ, гдѣ имѣла утѣшеніе поклониться Живоносному Гробу и поставила надъ нимъ лампаду. Во время этого путешествія она и скончалась. Жизнь и подвиги преподобной, конечно, съ дѣтства хорошо были извѣстны невѣстѣ Александра Ярославича, находившейся съ ней, безъ сомнѣнія, въ родствѣ. Не разъ во время своего дѣтства

Церковь св. Спаса въ монастырѣ св. Евфросиніи.

она посѣщала храмъ преподобной и входила въ двѣ тѣсныя келліи на хорахъ. Въ одной изъ нихъ жила преподобная и слушала богослуженіе; а сквозь небольшое, пробитое въ стѣнѣ, оконце любовалась на міръ Божій, на открывавшіяся во всѣ стороны обширныя поля и на видъ города. Послѣ Евфросиніи остался замѣчательный образъ. Изъ трехъ иконъ, писанныхъ, по преданію, евангелистомъ Лукою, одна хранилась въ Ефесѣ. Императоръ Мануилъ по родству съ Евфросиніей (сестра ея вышла замужъ за сына Алексѣя Компена) прислалъ ей эту икону. Отправляясь на бракъ съ Але-

ксандромъ Ярославичемъ, совершеніе котораго назначено было въ Торопцѣ, невѣста, княжна Александра Брячиславовна, взяла съ собою изъ Полоцка знаменитую икону и поставила ее, въ память своего вѣнчанія, въ торопецкой соборной церкви. Св. икона сохранилась въ Торопцѣ до нашего времени и извѣстна подъ именемъ Корсунской [54]). Очевидно, юная княжна желала, чтобы на ея брачной жизни пребывало благословеніе преподобной Евфросиніи и Царицы Небесной.

О свадьбѣ Александра Ярославича въ новгородской лѣтописи кратко сказано: „Вѣнчася въ Торопци, ту кашу чини, а въ Новгородѣ другую“ [55]). Но мы скажемъ объ ней поподробнѣе. Русскіе люди того времени называли свадьбу „вторымъ земнымъ почетомъ“. „Немного дошло до насъ памятниковъ, сохранившихъ свѣдѣнія о старыхъ свадьбахъ русскихъ людей,—говоритъ описатель старинныхъ русскихъ обычаевъ. —Но и въ этой малости мы видимъ все величіе нашей семейной жизни; и въ этихъ остаткахъ мы узнаемъ свой родной духъ, духъ нашихъ предковъ...“ (Сахаровъ.)

Княжна.

Къ свадьбѣ созывались издалека князья, родственные и союзные. За невѣстами отправлялись многочисленные поѣзды. Когда всѣ сборы и приготовленія оканчивались, начинался самый обрядъ совершенія свадьбы. „Древняя русская свадьба есть цѣлая поэма въ дѣйствіи, состоящая изъ знаменательныхъ обрядовъ, съ присоединеніемъ множества разнообразныхъ пѣсенъ“ (Погодинъ).

Прежде всего молодые готовились къ свадьбѣ говѣньемъ и исповѣдію, испрашивали благословенія у своихъ родителей.

„Не прошу я, батюшка,
Ни злата, ни серебра.
Прошу я, батюшка,
Благословенья твоего“.

Въ день свадьбы собирались всѣ участники торжества: тысяцкій и тысяцкаго жена, дружки, свахи, поѣзжане, бояре и боярыни, конюшій, ясельничій, свѣчники, коровайники, носильщики съ ковромъ, съ подножками и т. д., все должностныя лица. Бояре уряжали людей, и когда все было готово, извѣщали жениха, который убирался въ палатахъ. Конюшій подводилъ рѣзваго аргамака, котораго обязанъ былъ стеречь во время вѣнчанія.

Въ то же время происходили сборы и наряженіе въ дорогіе уборы невѣсты. При этомъ волосы не заплетали въ косу, а оставляли распущенными по плечамъ. Затѣмъ невѣста и боярыни садились за столъ. Передъ ними стояли разныя должностныя лица со свѣчами, короваемъ и ширинками въ ожиданіи извѣстія отъ жениха.

Всѣ были при дѣлѣ: старшій дружко жениха рѣзалъ сыръ и перепечу; старшій дружко невѣсты долженъ былъ поднести коровай, а меньшой раздавалъ дары — ширинки, платки и полотенца, вынизанныя жемчугомъ и шитыя золотомъ и шелками. Путь къ храму устилался дорогими

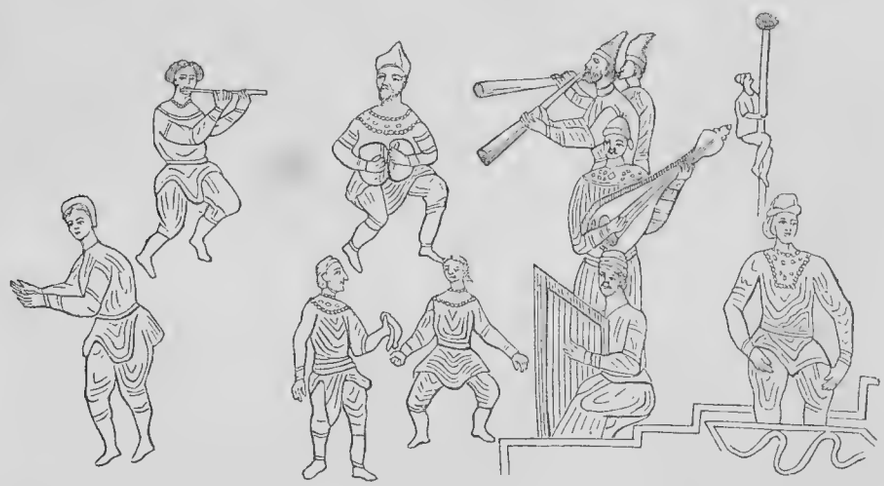
тканями и коврами, въ храмѣ возжигали свѣчи, а полъ устилали хмелемъ и льномъ.

По полученіи извѣстія отъ жениха, къ палатамъ невѣсты боярин подавалъ богато убранныя сани и начиналось шествіе къ храму: свѣчники, коровайники и др. въ дорогихъ нарядахъ несли обручальныя свѣчи и св. богоявленскую воду. Священники кропили путь св. водою. Особые сторожа наблюдали порядокъ среди народа и смотрѣли, чтобы кто-нибудь не перешелъ дороги.

При входѣ въ церковь молодыхъ осыпали хмелемъ.

Вѣнчаніе князей нерѣдко совершалось епископомъ. Послѣ совершенія таинства новобрачные, по прекрасному обычаю того времени, причащались Св. Таинъ.

Послѣ вѣнчанія, оставивъ новобрачнаго въ церкви на вѣнчальномъ мѣстѣ, свахи отводили молодую въ трапезу или на паперть. Здѣсь съ ея головы снимали дѣвичій уборъ и, раздѣливъ волосы надвое, заплетали въ двѣ косы, которыми окружали голову. Накрывъ голову кокошникомъ, покры-



Музыканты и плясуны. (Фрески Софійскаго собора.)

вали ее фатой и подводили къ новобрачному. На другой день свадьбы косу обрѣзывали, при слезахъ и рыданіи новобрачной.

Затѣмъ слѣдовали поѣздъ отъ вѣнчанія, шествіе въ палаты и пиръ или столованье. Свадебный пиръ назывался княжимъ столомъ. Свадебная комната богато убиралась. Дубовые столы покрывались браными скатертями и устанавливались яствами. Молодымъ приготовляли мѣсто въ углу подъ иконами. Прежде всего новобрачные вкушали коровай, который былъ символомъ ихъ брачнаго союза. На особомъ столѣ ставилась перепеча. Она приготовлялась изъ сдобнаго хлѣбнаго тѣста въ видѣ конуса, съ гранью, похожею на ананасную. Перепеча также заранѣе приносилась въ палату, вмѣстѣ съ сыромъ и солью. Чинно шло честное столованье, съ строгимъ соблюденіемъ установленнаго порядка. Въ опредѣленное время старшій дружко, благословясь у посаженаго отца и матери, разрѣзалъ перепечу; въ свое время большой дружко, обернувъ сосудъ соболями, подавалъ новобрачнымъ *кашу*, приготовлявшуюся съ особыми обрядами и т. д. Свѣтлое пиршество продолжалось три дня. Оно сопровождалось музыкой и играми.

Гости разъѣзжались, получивъ богатые подарки. За княжнами родители давали большое приданое, „многое множество безъ числа злата и серебра“. При разставаніи съ дочерью родители проливали слезы, „занеже бѣ мила има“.

Такимъ-то образомъ Александръ Ярославичъ „чини кашу“ въ Торопцѣ, но онъ повторилъ свадебныя пиршества и по пріѣздѣ въ Новгородъ, „не изъ любви къ пирамъ, по справедливому замѣчанію историка, а изъ желанія дѣлиться своею радостью съ народомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его домашняя жизнь имѣла тѣсную связь съ государственною“ [36]).

„Сіи народныя угощенія, по справедливому замѣчанію Карамзина, обыкновенныя въ древней Россіи, установленныя въ началѣ гражданскихъ обществъ и долго поддерживаемыя благоразуміемъ государственнымъ, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, какъ истинный хозяинъ, подчивалъ гражданъ, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; вельможи, тіуны, воеводы, знаменитыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными толпами гостей всякаго состоянія; духъ братства оживлялъ сердца, питая въ нихъ любовь къ отечеству и вѣнценосцамъ“ [37]).

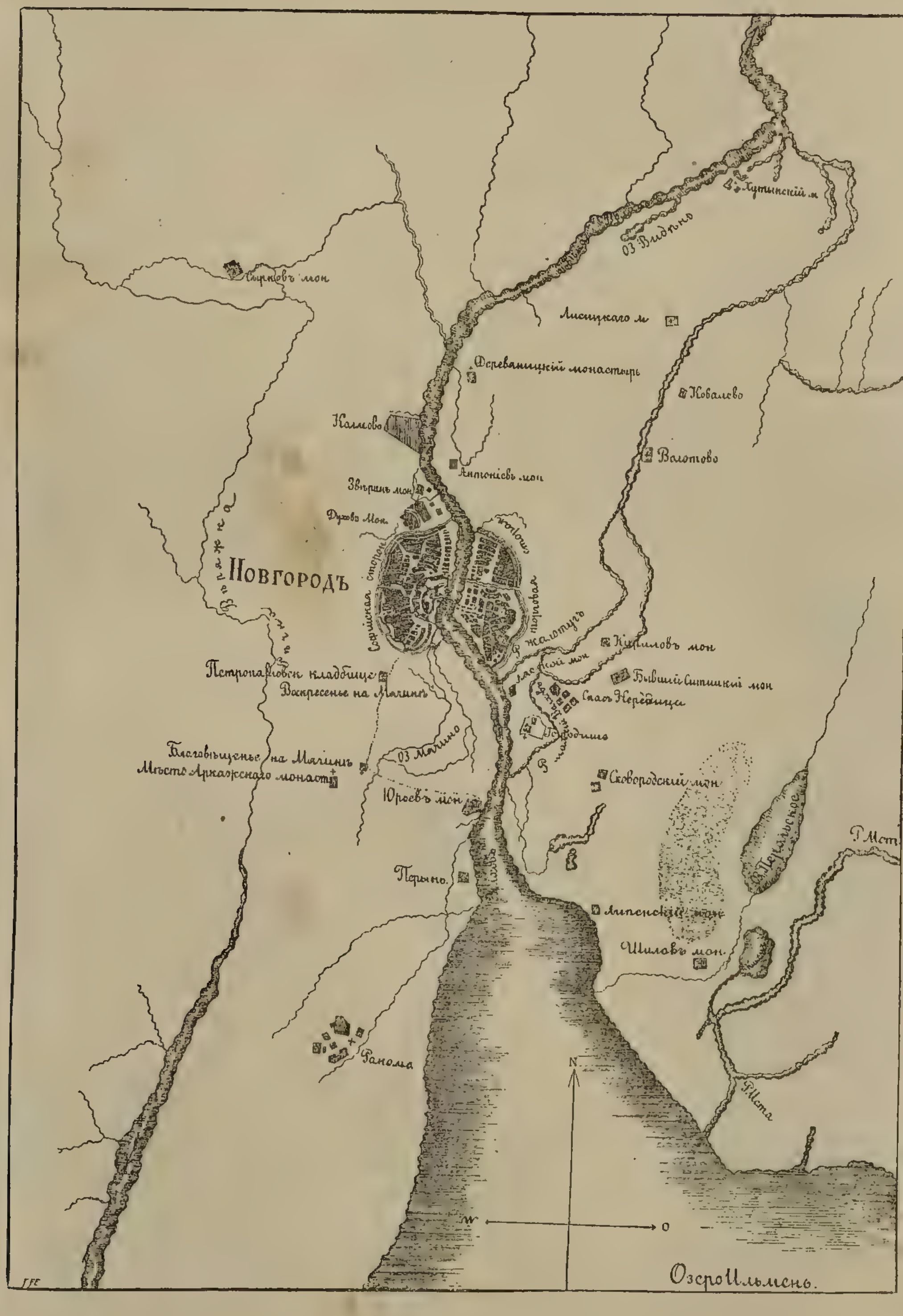
Въ Новгородѣ съ молодой супругой Александръ Ярославичъ поселился въ обычномъ мѣстопребываніи новгородскихъ князей—въ Городищѣ.

Окрестности великаго Новгорода изобилуютъ водою. По выходѣ изъ Ильменя Волховъ отдѣляетъ отъ себя рукавъ Волховецъ, а близъ самой торговой стороны Новгорода—другой рукавъ Жилотугъ, соединяющійся потомъ съ Волховцемъ. На правомъ берегу рѣки между истоками этихъ рукавовъ находится возвышеніе, имѣющее около квадратной версты. Здѣсь мы встрѣчаемъ теперь простое село, жители котораго занимаются рыбной ловлей и разведеніемъ овощей, но нѣкогда это было такъ называемое Городище или загородный княжескій дворъ, гдѣ большею частію жили князья великаго Новгорода [38]). Князья любили соединять въ своихъ загородныхъ жилищахъ всѣ удобства для жизни, какія представляло то время: не даромъ они называли ихъ „расмъ“, „краснымъ селомъ“ и т. п. Княжескій теремъ, отъ котораго теперь не осталось никакихъ слѣдовъ, со множествомъ пестрыхъ узорчатыхъ украшеній, съ позолоченнымъ гребнемъ и смотрѣвшими въ разныя стороны коньками на его концахъ, съ рѣзными карнизами представлялъ весьма красивый видъ. Внутри терема особеннымъ убранствомъ отличались сѣни или столовая комната, гдѣ происходили пиршества. Полы устилались дорогими коврами, а стѣны расписывались.

„Хорошо теремы изукрашены!“ —говорится въ старинной пѣснѣ.

„На небѣ солнце,—и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ,—и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды,—и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори,—и въ теремѣ зори:
Все въ теремѣ по небесному“.

Но, разумѣется, самой священной принадлежностью и лучшимъ украшеніемъ жилища были св. иконы. Посѣтители при входѣ и выходѣ изъ дома прежде всего обращались къ нимъ и набожно крестились. Члены семейства усердно молились предъ ними и утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ. Древніе русскіе люди, въ присутствіи св. иконъ, не дозволяли себѣ, подъ опасеніемъ тяжкаго грѣха, чего-либо предосудительнаго. Иконы у князей богато украшались золотыми и серебряными окладами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.


Сырковъ мон
Хутынскій м
Оз Видъно
Лисицкаго м
Деревяницкій монастырь
Ковалево
Колмово
Антоніевъ мон
Волотово
Звѣринъ мон
Духовъ Мон
Новгородъ
Софійская сторона
Торговая
Р. Жилотугъ
Кириловъ мон
Бывшій Ситицкій мон
Спасъ Нередица
Петропавловск кладбище
Воскресенье на Мячинѣ
Благовѣщенье на Мячинѣ
Мѣсто Аркажскаго монаст
Оз Мячино
Юрьевъ мон
Сковородскій мон
Перынь
Липенскій мон
Шиловъ мон
Ракома
Р. Мет
Р. Мста
N
W
O
Озеро Ильмень

Къ сѣнямъ пристраивалась лѣстница съ крытой площадкой наверху или крыльцо, также затѣйливо украшенное красивыми точеными столбиками. Къ крыльцу вели расчищенныя дорожки, усыпанныя желтымъ пескомъ. На дворѣ близъ терема можно было увидать княжескихъ слугъ, конюховъ и дворниковъ, коротающихъ свой досугъ за игрою въ шашки или бабки. Нерѣдко число такихъ слугъ набиралось до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Близъ терема располагались хозяйственныя постройки, гдѣ складывалось всякаго рода добро, кладовыя, погреба, въ которыхъ въ изобиліи хранились „меды стоялые, питьица медвяныя, зелено вино“. Скотные дворы и конюшни вмѣщали въ себѣ множество добрыхъ коней, крупнаго и мелкаго скота. На дворѣ стояло по нѣскольку сотъ стоговъ. Обширность построекъ и всякаго рода запасовъ будетъ для насъ вполнѣ понятна, если вспомнимъ, что при князѣ неотлучно находилась часть его дружины, такъ называемые „отроки, дѣтскіе, пасынки“, у князя же хранилось оружіе и содержались запасы коней для военнаго времени. Сверхъ того, нѣкоторые князья отличались самой широкой благотворительностью. „Дивная и святая милостыня“ не даромъ считалась наиболѣе священной обязанностью древняго русскаго человѣка.

Наиболѣе цѣнное имущество состояло въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, мѣхахъ, паволокахъ, дорогомъ оружіи, камняхъ, жемчугѣ и т. п. Дѣлались большіе запасы одежды. Одежда князей состояла изъ кафтана, спускавшагося немного ниже колѣнъ. Кафтаны шились изъ дорогихъ привозныхъ тканей разнообразныхъ цвѣтовъ: синяго, зеленаго, краснаго. Сверхъ кафтана — корзно или мантія. На корзно употреблялись самыя дорогія ткани, напримѣръ: оксамитъ, золотая или серебряная ткань, привозимая изъ Греціи, расшитая шелковыми разводками и узорами. Его застегивали на правомъ плечѣ запоною. Кафтанъ перехватывался золотымъ поясомъ съ четырьмя концами. Атласный воротникъ, рукава или „поручи“, подолъ кафтана и края корзна наводились золотомъ. Отъ шеи до пояса по кафтану иногда шла золотая обшивка съ тремя поперечными золотыми полосами. Сапоги носились цвѣтные съ острыми носами. На головѣ шапка съ наушниками, называвшаяся клобукомъ, цвѣтного бархата съ соболиною опушкой [39]). На груди носили кресты. Ношеніе креста на груди скоро на Руси вошло во всеобщій обычай. Св. крестъ считался крѣпкой порукой въ вѣрности данному слову. Вѣра въ силу креста и надежда на его помощь была столь сильна въ русскомъ человѣкѣ, что онъ, вооружившись крестомъ, безстрашно шелъ въ бой съ врагами.

Наши князья вели бодрую, дѣятельную жизнь [40]). Съ молодыхъ лѣтъ ихъ уже посылали участвовать въ походахъ. О св. Александрѣ также можно сказать, что у него „изъ млада не бы покоя“. Въ мирное же время день ихъ проходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ: вставали они рано поутру, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ и прежде всего шли въ церковь. Службу слушали по большей части на полатяхъ, въ домовыхъ церквахъ. Нѣкоторые благочестивые князья имѣли обыкновеніе приходить въ церковь до начала службы и сами возжигали свѣчи.

„Первое къ церкви,—говоритъ Владиміръ Мономахъ,—да не застанетъ васъ солнце въ постели... Заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцу восходящу и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью“. Живое религіозное чувство одушевляло князей на молитвѣ, и примѣръ ихъ имѣлъ могущественное вліяніе на народъ [41]).

Храмы въ древней Руси имѣли огромное значеніе. Они были не только главною святыней города, но и символами гражданской жизни. „Постоять за св. Софію“, какъ впослѣдствіи въ Московскомъ государствѣ „за домъ Пречистыя Богородицы“, значило постоять за свою родину, за ея цѣлость и независимость. Храмъ въ глазахъ нашихъ предковъ былъ живою благодатной силой. Этой силѣ они приписывали всѣ свои удачи, побѣды надъ врагами, избавленіе отъ бѣдствій. Какъ мѣсто, посвященное Богу, храмъ считался неприкосновеннымъ убѣжищемъ: тамъ часто находили себѣ защиту спасавшіеся отъ буйства мятежной толпы. Но прежде всего храмъ былъ училищемъ вѣры и благочестія, главнымъ просвѣтительнымъ и образовательнымъ центромъ. Красота храма и богослуженія имѣли неотразимую прелесть для нашихъ предковъ. Потому-то они „вельми болѣзновали духомъ, зря подписаніемъ неукрашену церковь“. Понятно, что всякое построеніе и украшеніе храма было важнымъ событіемъ жизни, въ высшей степени занимало всѣхъ и каждаго отъ князя до простолюдина и соединяло всѣхъ въ чувствѣ радости и умиленія. Ко дню освященія всѣ спѣшили во вновь построенный и украшенный храмъ и испытывали высокое духовное наслажденіе, „видяще превеликое созданіе церкви и многочудную подпись, воистину мнящеся яко на небеси стояти [43]).“ Послѣ освященія храма слѣдовалъ пиръ, иногда всенародный. Князья одаривали подарками „вся яже отъ первыхъ и до послѣднихъ, не токмо ту сущая, но и прилучившаяся тогда“. При такомъ отношеніи къ храму наши князья естественно желали видѣть храмъ вблизи своего жилища. Такъ въ обычномъ мѣстопребываніи новгородскихъ князей, на Городищѣ, было нѣсколько храмовъ, и между прочими церковь Благовѣщенія, построенная Мстиславомъ, сыномъ Мономаха. Тамъ хранилось богато-украшенное Евангеліе, сохранившееся до нашего времени—даръ благочестиваго строителя храма. Безъ сомнѣнія, этотъ храмъ былъ особенно часто посѣщаемъ св. Александромъ во время его новгородской жизни...

Одежда князей. (Въ изборникѣ 1073. Изображеніе семьи в. кн. Святослава.)

Послѣ божественной службы князья завтракали и затѣмъ садились думать съ дружиною или творить судъ, „людей оправливать“. Безъ сомнѣнія, при этомъ оправливаніи людей Александръ Ярославичъ имѣлъ случай проявить свою проницательность и мудрость, которую сравнивали съ мудростью Соломона. Онъ особенно любилъ правосудіе и строго требовалъ отъ бояръ,

чтобы они справедливо судили, не потворствовали сильнымъ и не обижали слабыхъ, чтобы отнюдь не брали неправедной мзды и довольствовались законнымъ вознагражденіемъ. Не одной прекрасной наружностью, не однимъ именемъ онъ напоминалъ современникамъ великаго македонскаго героя: юный

князь умѣлъ держать бояръ въ повиновеніи. Кроткій и ласковый въ обращеніи, онъ невольно внушалъ уваженіе къ себѣ своими выдающимися душевными качествами, а непокорныхъ смирялъ грозой своего гнѣва и примѣрнаго наказанія [44]). За отсутствіемъ дѣлъ князья развлекались охотой, о чемъ было уже сказано раньше.

Обѣдъ князя съ митрополитомъ. (По сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ.)

Иногда князей навѣщали духовныя лица. Какъ самые образованные люди своего времени, пастыри церкви пользовались великимъ уваженіемъ со стороны князей, которые совѣтовались съ ними о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, и ни одного предпріятія не начинали безъ пастырскаго благословенія.

Въ полдень былъ обѣдъ. Столъ былъ изобильный, подавалося „брашно многое“: тетеря, гуси, жеравіе и рыби, голуби, кури, заяци и елени и т. п. За столомъ служили повара и домашняя прислуга. Обыкновенными напитками были: квасъ, медъ, вино, олуй (норманскій напитокъ, oel). Самъ всегда воздержный, Александръ Ярославичъ былъ очень радушнымъ хозяиномъ, но всѣ хорошо знали его взглядъ на излишество въ пищѣ и питіи.

Посты соблюдались очень строго.

Послѣполуденное время посвящалось отдыху. Это вполнѣ понятно, если вставали до разсвѣта. „Спанье есть отъ Бога присужено полудне,—говоритъ Мономахъ,—отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птици, и человѣки“.

Вечеръ отдавался, по всей вѣроятности, заботамъ о домашнихъ дѣлахъ по управленію селами, дворами, стадами; принимались и выслушивались счеты и разсчеты съ тіунами и т. п.

День оканчивался ужиномъ. Сну предшествовала молитва. „Ночнымъ поклономъ и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ діавола“,—замѣчаетъ Мономахъ.

Князь.

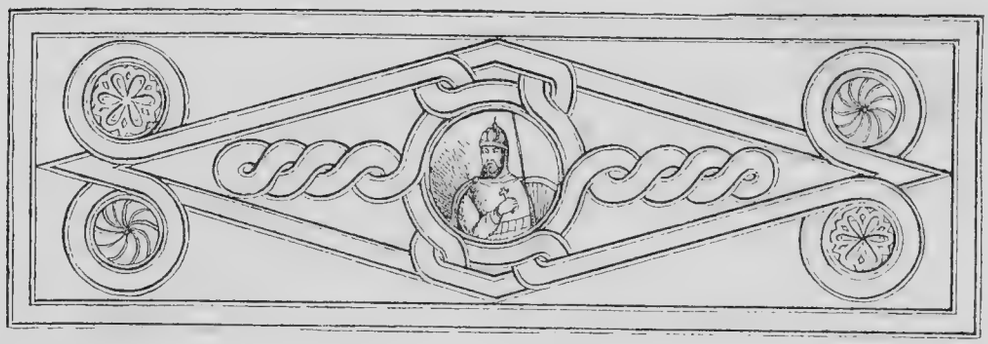
Но чѣмъ бы князья ни занимались, мирнымъ ли строеніемъ или ратнымъ дѣломъ, высшимъ идеаломъ истинно-христіанской жизни они считали иночество. Въ теченіе всей жизни ихъ не покидала „мысль на постриженіе“; они стремились къ отрѣшенію отъ „многомятежнаго житія“ къ „мнишьскому чину“. Такой взглядъ, несмотря на всю воинственность эпохи, естественно налагалъ замѣтный отпечатокъ на всю домашнюю повседневную жизнь.

Закончимъ нашъ очеркъ слѣдующимъ замѣчаніемъ. Несомнѣнно, самое могущественное вліяніе на человѣка оказываетъ среда. Христіанская вѣра, вполнѣ отвѣчавшая мирному характеру русскаго народа, сдѣлала рѣшительный поворотъ въ умственной и нравственной его жизни. Справедливо сказано, что христіанство „не клиномъ врѣзалось въ народное міросозерцаніе и стало въ немъ особнякомъ, а привилось къ народу послѣ продолжительнаго процесса переработки народныхъ воззрѣній, усвоилось народомъ, сдѣлалось неотъемлемою и, пожалуй, существенною частью его духовной природы“ [43]). Христіанство давало русскому народу отвѣты на всѣ запросы его совѣсти, опредѣляло всѣ частные случаи жизни христіанина и мало-по-малу вводило новыя начала въ глубину семейнаго и частнаго быта. Можно сказать, вся жизнь древняго русскаго общества была проникнута христіанскимъ духомъ. Все, въ чемъ только выражалась умственная жизнь народа, — всѣ его думы, убѣжденія, чаянія и идеалы—все носило сильный отпечатокъ новой вѣры. Лѣтописи, сочиненія и письма свѣтскихъ лицъ проникнуты религіознымъ

настроеніемъ и наполнены текстами Священнаго Писанія. Самыя повѣсти, сказки, былины и пѣсни той эпохи носятъ характеръ религіозный. Правда, въ народной массѣ еще довольно крѣпко держались пережитки язычества, въ видѣ суевѣрій разнаго рода, но это происходило не отъ сознательнаго противодѣйствія новымъ началамъ: здѣсь скорѣе сказывалась сила привычки, застарѣлость традицій. Правда, въ дѣйствительной жизни еще господствовали часто необузданные страсти и пороки, святыя слова очень часто были въ разладѣ съ дѣломъ. Но вѣдь „и слова,—по справедливому замѣчанію историка,—имѣли силу, когда безпрестанно повторяются съ убѣжденіемъ въ ихъ правдѣ, когда ихъ повторяютъ и сами князья, и духовенство, и народъ“. Дѣйствительная жизнь далеко не соотвѣтствовала высокимъ требованіямъ христіанства, но въ духовной сферѣ христіанское начало царило безусловно, сообщая удивительную цѣльность міросозерцанію тогдашнихъ людей, и души, особенно воспріимчивыя, всецѣло съ пламеннымъ усердіемъ отдавали всю свою жизнь на служеніе христіанскому идеалу. Такова была среда, въ которой росли и воспитывались русскіе люди того времени.

„Богомудре Александре, тя новопросвѣщенная россійская страна возрасти!“ [46]).

Главный входъ въ Александро-Невскую лавру.



III.

Пребываніе св. Александра въ Новгородѣ до началъ самостоятельнаго княженія.—Владѣнія и политическое устройство великаго Новгорода.—Отношеніе къ суздальскимъ князьямъ.—Князь Ярославъ Всеволодовичъ. — Народныя бѣдствія и волненія въ Новгородѣ. — Торжество Ярослава.—Смерть Ѳеодора Ярославича.—Оставленіе Александра на княженіе въ Новгородѣ.—Удаленіе кн. Ярослава въ Кіевъ.—Вліяніе новгородской жизни на характеръ Александра.

Радуйся, стяжателю совершеннаго дара
бодрственнаго себѣ вниманія!
Радуйся, нищихъ алчущихъ питателю!
Радуйся, сирыхъ сильный покровителю!

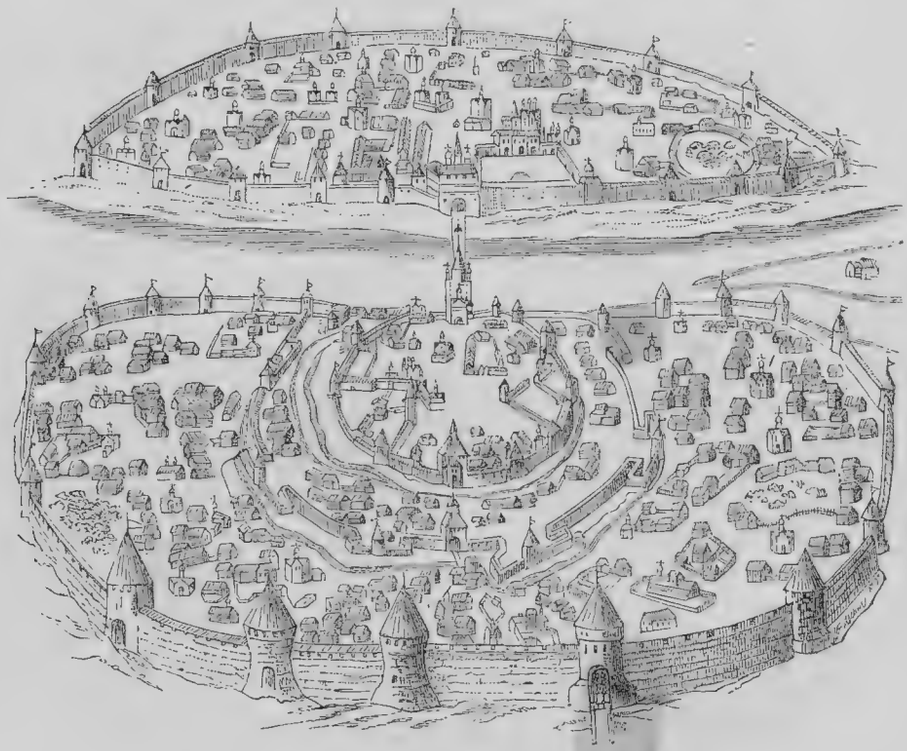
Не суждено было Александру Ярославичу мирно расти и развивать свои силы подъ кровомъ родительскимъ, вдали отъ тревогъ и заботъ житейскихъ. Слишкомъ рано ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью и испытать ея суровые уроки. Уже въ раннемъ возрастѣ онъ долженъ былъ познакомиться со всѣми треволненіями тогдашней вольной новгородской жизни, но зато, съ другой стороны, трудно было бы указать какой-нибудь другой городъ или область, гдѣ нашлись бы столь благопріятныя условія для образованія великихъ качествъ правителя, гдѣ можно было бы пройти наилучшую школу политической мудрости, какъ именно въ Новгородѣ [47]).

Богатъ и славенъ былъ господинъ великій Новгородъ! Широко раскидывался онъ своими пятью концами по обоимъ берегамъ рѣки Волхова: на лѣвой Софійской сторонѣ виднѣлись зубчатыя стѣны кремля, а за ними, вѣнчаясь крестами, возвышалась соборная церковь Софіи Премудрости Божіей—главная новгородская святыня, символъ новгородской свободы и самостоятельности. На другой сторонѣ стоялъ завѣтный дворъ Ярославовъ.

Когда-то звучалъ тамъ свободный
Народный языкъ вѣчевой,
Когда созывалъ новгородцевъ
На вѣче, на судъ иль на бой.

Обширны были владѣнія Новгорода! Ему принадлежала *новгородская* земля, простиравшаяся на востокъ до Торжка, на западъ до Финскаго залива, до рѣки Наровы, Чудскаго и Псковскаго озеръ, до самыхъ границъ ливонской земли, на югъ до Великихъ Лукъ и на сѣверъ до Ладожскаго

и Онежскаго озеръ. Далѣе за предѣлами новгородской земли простирались новгородскія области, занимавшія громадное пространство земель до Ледовитаго океана на сѣверѣ и до Оби въ Сибири... Однако, не обширное пространство подвластныхъ земель было главнымъ источникомъ силы новгородской: Новгородъ былъ самымъ торговымъ городомъ въ древней Руси, чему, конечно, болѣе всего способствовали близость Балтійскаго моря и удобные водные пути, соединявшіе его съ внутренними частями Россіи. Большія богатства стекались въ Новгородъ! Но больше всего Великій Новгородъ гордился и дорожилъ своей вольностью. Не даромъ водились тамъ встарину „удалые добрые молодцы“, называвшіеся повольниками, неугомонныя, буйныя головы. Не зная, куда дѣвать свою удаль молодецкую, свою силу богатырскую, они бросались, подобно скандинавскимъ викингамъ, въ дальнія



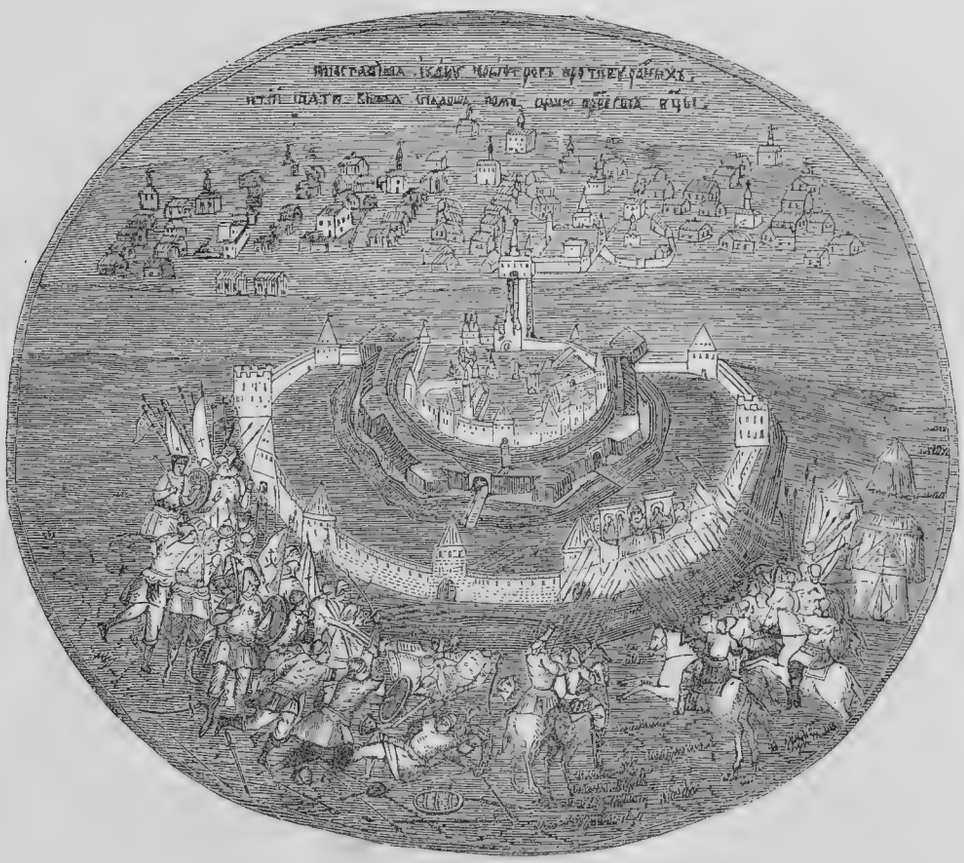
Планъ древняго Новгорода.

и опасныя предпріятія, подъ руководствомъ отважнаго и опытнаго вождя, прославленнаго пѣснями за удалые подвиги. И море Варяжское, и берега Студенаго моря, и Поволжье были свидѣтелями ихъ буйства и грабежей, равно какъ и ихъ безстрашнаго мужества, смѣтливости и ловкости. Оживлялись пустыни, въ темныхъ дебряхъ звенѣлъ топоръ, по вѣковымъ трущобамъ росли новые поселки, и изъ конца въ конецъ по краю звонко раздавалась, высоко залетая надъ глушью лѣсовъ и степей, пѣсня Руси молодой, и въ пѣснѣ той — вольный кличъ лихихъ борцовъ, орлиный клекотъ, сила бурная, неудержимая... Но куда бы судьба ни занесла повольника, онъ нигдѣ и никогда не долженъ былъ забывать ни великаго Новгорода, ни своего имени христіанскаго: горячая любовь къ родинѣ, защита бѣдныхъ и несчастныхъ, великодушіе въ отношеніи къ побѣжденнымъ составляли главныя

его доблести. Нагулявшись и натѣшившись досыта, повольники возвращались домой и приносили свою опытность, свою закаленную въ опасностяхъ энергію на службу великаго Новгорода, а иногда и открывали для новгородской торговли новыя земли и рынки.

Новгородъ считалъ себя государствомъ самостоятельнымъ, не то что другіе удѣлы земли русской. Правительство новгородское составлялъ самъ господинъ великій Новгородъ и власти, имъ избранныя. Верховной властью, распоряжавшейся судьбами города и не признававшей никого выше себя, было вѣче.

На вѣчѣ онъ творилъ свой судъ
И изгонялъ князей,
На вѣчѣ избиралъ владыкъ
И отличалъ друзей [48]).



Осада Новгорода суздальскими войсками.

Но это же вѣче очень часто превращалось въ бурную сходку, кончавшуюся кровопролитіемъ и грабежами, и только иногда вмѣшательство новгородскаго архипастыря, являвшагося въ полномъ облаченіи и съ крестнымъ ходомъ, прекращало буйство враждующихъ сторонъ.

Тѣмъ не менѣе Новгородъ никогда не могъ обойтись безъ князя, выборъ котораго, однако, вполнѣ зависѣлъ отъ самого Новгорода. Навязать князя, противъ воли народа, было нельзя, иначе въ Новгородѣ не примутъ его. Но если князь, избранный и принятый Новгородомъ, полюбится ему,

сумѣетъ ужиться съ новгородскими порядками, онъ смѣло могъ разсчитывать на вѣрность и преданность гражданъ. Новгородцы не любили нововведеній и, окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, хорошо сознавали необходимость княжеской власти. „Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы головами своими вержемъ!“ говорили они князю, жившему съ ними въ ладу. Бѣда была въ томъ, что ужиться-то князю съ новгородцами, при крайне стѣснительныхъ условіяхъ княжеской власти, было очень трудно. Не даромъ еще древній Святославъ говорилъ новгородцамъ, просившимъ у него князя: „да кто къ вамъ пойдетъ?“ И дѣйствительно бывало такъ, что въ теченіе ста лѣтъ ни одинъ князь не жилъ въ Новгородѣ болѣе пяти лѣтъ... Слишкомъ ужъ ревниво охраняли новгородцы свою вольность и подчасъ злоупотребляли ею [49]).

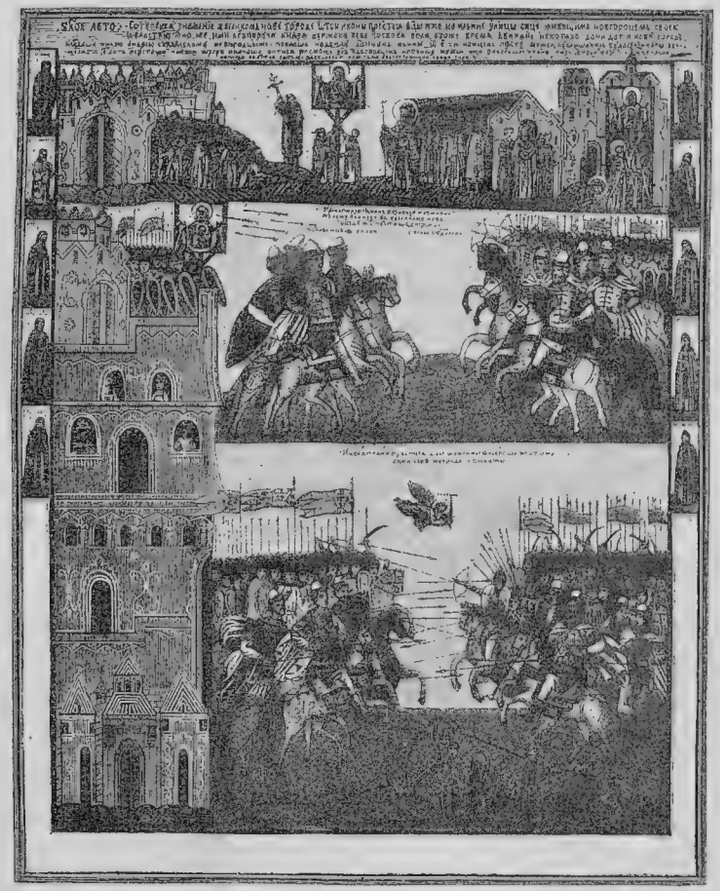
Но вотъ показалась гроза на востокѣ!.. Андрей Боголюбскій рѣшительно объявилъ новгородцамъ: „вѣдомо вамъ буди—хочу искать Новагорода и добромъ и лихомъ“ [50])! Пришло время новгородцамъ призадуматься, почуяло ихъ сердце, что настаютъ и для нихъ иныя времена. Правда, они не задумались отважно вступить въ борьбу съ суздальскими князьями, и въ этой борьбѣ выказали много энергіи, тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ суздальское вліяніе, какъ какой-то неотразимый рокъ, начинаетъ тяготѣть надъ новгородцами.

„И оттолѣ начашася новгородци мясти и вѣчи часто начаша творити“ [51]).

Хотя вѣче составлялось изъ всѣхъ членовъ новгородской общины, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, но, въ сущности, всѣми дѣлами и рѣшеніями вѣча орудовали знатные и вліятельные боярскіе роды, принадлежавшіе къ различнымъ враждебнымъ другъ другу партіямъ. Появлялось ли какое-нибудь народное бѣдствіе въ Новгородѣ—и враждебныя партіи уже спѣшили воспользоваться возбужденіемъ черни и народнымъ горемъ для своихъ цѣлей. Бѣдный людъ такимъ образомъ былъ не болѣе какъ орудіемъ въ рукахъ враждующихъ между собою боярскихъ родовъ, которые нерѣдко готовы были жертвовать благомъ родины, лишь бы добиться торжества надъ противниками.

Въ своихъ стремленіяхъ къ установленію единовластія въ русской землѣ суздальскіе князья, для утвержденія своей власти въ Новгородѣ, первоначально также старались заручиться поддержкою своей партіи. Возставая противъ ихъ притязаній, противники суздальскаго вліянія возбуждали народъ во имя старинныхъ правъ и вольностей, во имя свободы и независимости родины, выступая такимъ образомъ защитниками отечества противъ князей, стремившихся, будто бы, къ его порабощенію. Только впослѣдствіи выяснялось все болѣе и болѣе, что бояре, волнуя народъ и продавая отечество различнымъ князьямъ, имѣютъ въ виду далеко не благо народа, а преслѣдуютъ свои эгоистическія цѣли. Подъ конецъ боярская аристократія окончательно разошлась съ народомъ, ставши въ рѣзкое противорѣчіе съ его кровными интересами и духовными стремленіями. Ясно стало, что князь, желавшій прочно и навсегда владѣть Новгородомъ, долженъ взять подъ свою защиту весь новгородскій народъ, обижаемый боярами, въ твердой увѣренности, что онъ не пойдетъ за своими притѣснителями. Таковъ внутренній смыслъ продолжительной борьбы, начатой съ Новгородомъ суздальскими князьями и окончившейся при Іоаннѣ III...

Особенно замѣчательны были отношенія новгородцевъ къ отцу св. Александра—князю Ярославу Всеволодовичу. Новгородцы нѣсколько разъ приглашали и снова прогоняли его отъ себя, вслѣдствіе его крутого и самовластнаго нрава. Въ 1228 году Ярославъ Всеволодовичъ, разгнѣвавшись на новгородцевъ за ихъ непослушаніе, удалился въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей Ѳеодора и Александра съ ихъ воспитателями [52]). Тотчасъ по отъѣздѣ князя въ Новгородѣ начались безпорядки. Въ 1228 году въ новгородской землѣ стояла необыкновенно дождливая осень. Съ самаго Успеньева дня начали литъ дожди и продолжались



Древняя икона Знаменія Пр. Богородицы въ Новгородѣ.

непрерывно до Николина дня. „За все это время мы не видали ни одного свѣтлаго дня“,—замѣчаетъ лѣтописецъ.—Нельзя было ни сѣнокоса окончить, ни убрать съ полей хлѣба [53]). Очевидно, Богъ прогнѣвался на новгородцевъ. Нужно было найти виноватыхъ. Въ то время владыкой въ Новгородѣ былъ инокъ Арсеній, избранный въ архіепископы приверженцами Ярослава Всеволодовича. Враги послѣдняго воспользовались народнымъ возбужденіемъ по случаю небывалаго ненастья. Собралось бурное вѣче. Раздались крики: „Владыка Арсеній во всемъ виноватъ. Изъ-за него стоитъ непастье. Зачѣмъ онъ неправильно сѣлъ на владычнемъ столѣ, заплативши мзду князю!“ Толпа бросилась на владычнемъ дворъ. Кроткій Арсеній едва успѣлъ укрыться въ

храмѣ св. Софіи, но его оттуда вытащили, „акы злодѣя пьхающе за воротъ“. Владыка едва спасся отъ смерти. Тогда толпа принялась за истребленіе другихъ приверженцевъ Ярослава. Весь городъ поднялся на ноги. Никогда не бывало столь бурнаго вѣча. Ярославовы сторонники рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Готовилось ужасное кровопролитіе, но, къ счастью, подъ самый Николинъ день, на 6-е декабря, произошло страшное наводненіе, сломало Волховскій мостъ и такимъ образомъ раздѣлило противниковъ, собравшихся съ оружіемъ въ рукахъ на противолежащихъ сторонахъ. Восторжествовавшая партія послала сказать князю, что онъ можетъ пріѣхать въ Новгородъ, но долженъ отказаться отъ всѣхъ затѣянныхъ имъ новинъ, долженъ уважать новгородскую старину и вольности. Въ противномъ случаѣ, замѣчали послы, „ты себѣ, а мы себѣ“. Но Ярославъ вовсе не былъ такой князь, который бы легко отказывался отъ своихъ стремленій. Среди зимы, въ ночь на вторникъ въ сыропустную недѣлю новгородцы узнали, что юные княжичи, Ѳеодоръ и Александръ, по приказанію отца, покинули Новгородъ. Это внезапное исчезновеніе было отвѣтомъ Ярослава на новгородскія требованія. Новгородцы поняли, что Ярославъ сильно разгнѣвался на нихъ. На слѣдующее же утро собралось вѣче. „Князь задумалъ какое-нибудь зло на св. Софію... Мы не гнали князей отъ себя и самому князю не сдѣлали никакого зла, казнили только свою братью. Пусть судитъ имъ въ томъ Богъ и честный крестъ, а мы промыслимъ себѣ князя!“ кричали на вѣчѣ. Такого именно результата и добивались противники суздальскаго вліянія. Рѣшено было послать въ Черниговъ и звать князя Михаила Всеволодовича. Но послѣднему недолго пришлось пробыть въ Новгородѣ. Послѣ его отъѣзда снова начались волненія. Борьба партій разгоралась все болѣе и болѣе, и безпорядкамъ, казалось, не было конца. Новгородцы рѣшили снова призвать Ярослава Всеволодовича. Очевидно, твердый, строго послѣдовательный образъ дѣйствій этого князя производилъ сильное впечатлѣніе на новгородцевъ, которые, какъ будто сами утомившись отъ внутреннихъ волненій и мятежей, спѣшили подъ защиту сильнаго князя. Ярославъ не замедлилъ явиться на зовъ новгородцевъ и прибылъ въ Новгородъ 30 декабря 1230 года. Проживъ здѣсь около двухъ недѣль, онъ вторично оставилъ своихъ сыновей Ѳеодора и Александра и удалился въ свой Переяславль [54]).

Юнымъ князьямъ и на этотъ разъ пришлось быть свидѣтелями ужасныхъ народныхъ бѣдствій. Глубокое, неизгладимое на всю жизнь, впечатлѣніе должны были производить на юныя души ихъ потрясающія картины посѣтившаго Новгородъ страшнаго несчастія. Не дай Богъ никому переживать ничего такого! Но подобныя испытанія, потрясая душу, воспитываютъ серьезный взглядъ на жизнь: жизнь—не веселый праздникъ, но подвигъ... Въ грозныя минуты народныхъ бѣдствій умолкаютъ себялюбивыя стремленія, и чужое горе, живо ощущаемое, порождаетъ у благородныхъ натуръ желаніе принести себя въ жертву, лишь бы облегчить чужія страданія. Не можетъ пройти безъ важныхъ послѣдствій, когда правителю народа, какъ св. Александру, приходится такъ близко ознакомиться съ народными бѣдствіями и такъ рано заботиться объ ихъ облегченіи. Здѣсь-то научился св. Александръ быть „сиротамъ и вдовицамъ заступникомъ и безпомощныхъ помощникомъ“, „не изыде бо изъ дому его никто же тощь“ [55]).

Вслѣдствіе ранняго мороза всѣ озимые посѣвы погибли въ новгородской области, и „оттолѣ горе уставися велико“: цѣны на хлѣбъ стали быстро

возрастать и дошли до небывалой высоты—по гривнѣ серебра (около фунта) за четверть ржи. На подвозъ не было никакой надежды, потому что бѣдствіе постигло на этотъ разъ не одинъ Новгородъ. По всей землѣ русской терпѣли голодъ, кромѣ Кіева. Несчастные новгородцы сначала ѣли мохъ, липовую и сосновую кору, жолуди, ильмовый листъ, потомъ принялись за конину, собакъ и кошекъ, но, видно, подъ конецъ и этой пищи не хватило [56]). Множество непогребенныхъ труповъ умершихъ отъ голода людей валялось по улицамъ. „Что сказать о постигшей насъ карѣ Божіей!—восклицаетъ лѣтописецъ, продолжая свой ужасный разсказъ.—Кто не прослезится, видя мертвецовъ, разбросанныхъ по улицамъ, и младенцевъ, которыхъ пожирали псы!?“ Голодъ заглушалъ, казалось, всѣ человѣческія чувства: отцы и матери продавали дѣтей въ рабство, только бы добыть хлѣба. Братъ брату, отецъ сыну, мать дочери отказывали въ кускѣ хлѣба [57]). Тупо и безсмысленно смотрѣли родители на муки умиравшихъ голодною смертью дѣтей своихъ... „Не бысть милости межи нами, нъ бяше, туга и печаль, на уличи скорбь другъ съ другомъ, дома тъска, зряще дѣті плачуще хлѣба, а другая умирающа“ [58]). Люди обращались въ голодныхъ звѣрей: обезумѣвъ отъ голода и отчаянія, несчастные принялись поѣдать человѣческіе трупы, а нѣкоторые доходили до такого неистовства, что нападали на живыхъ людей, рѣзали и пожирали ихъ. Тщетно старались остановить злодѣйства ужасными казнями: пойманныхъ и уличенныхъ въ звѣрскихъ злодѣяніяхъ жгли огнемъ, вѣшали, но голодъ пересиливалъ страхъ смерти [59]). Весь гражданскій порядокъ приходилъ въ разрушеніе: начались грабежи, поджоги жилищъ съ цѣлію отыскать какіе-нибудь запасы хлѣба. Пошла рѣзня... Немудрено, что среди такого крушенія всякаго порядка, въ началѣ 1231 года произошелъ страшный пожаръ, обратившій въ пепелъ весь Славенскій конецъ. Огненное море распространялось во всѣ стороны и грозило гибелью всему городу, благодаря вихрю, переносившему огонь даже черезъ Волховъ. Уцѣлѣвшіе отъ голода становились жертвою пламени или тонули въ рѣкѣ, спасаясь отъ огня. „Уже бяше при конци городъ сей!“ [60])

Настала весна. Нѣмцы привезли изъ-за моря хлѣба, муки и жита. Народъ началъ оживать и поправляться, но чаша бѣдствій еще не переполнилась... „Горькая и бѣдная память“ о той веснѣ осталась въ народѣ! Противники князя Ярослава Всеволодовича не дремали и спѣшили воспользоваться народнымъ горемъ и нуждою, чтобы снова возбудить народъ противъ князя. Легко можно представить себѣ, какіе возгласы раздавались на вѣчѣ.

„Князь цѣловалъ икону Пресвятой Богородицы на томъ, что будетъ княжить по-старинѣ, но это оказалось только на словахъ!.. Зачѣмъ онъ уѣхалъ изъ Новгорода и увезъ съ собою нашихъ лучшихъ мужей? Не старается ли онъ въ конецъ погубить Великій Новгородъ? Не онъ ли произвелъ у насъ голодъ, захвативши всѣ обозы? Поищемъ себѣ другого князя!“

Отправлено было посольство къ князю Святославу Трубчевскому. Городу грозило страшное междоусобіе. Къ счастью, Ярославъ, во-время получивъ объ этомъ извѣстіе, поспѣшно пріѣхалъ въ Новгородъ, переловилъ подстрекателей и засадилъ ихъ подъ стражу на Городищѣ въ гридницѣ, но нѣкоторые изъ мятежниковъ бѣжали къ нѣмцамъ въ Медвѣжью Голову и начали вмѣстѣ съ заклятыми врагами Новгорода нападать на новгородскія земли, какъ будто для восполненія пережитыхъ бѣдствій нужно было присовокупить еще иноземное нашествіе.

Что пережили, что перечувствовали за все это время въ Новгородѣ юные князья? Какъ глубоко должна была проникнуть и ихъ сердца жалость къ бѣдному люду, который, только что перенеся невыразимыя бѣдствія, сдѣлался игрушкою въ рукахъ своевольныхъ людей, которые ставили свои интересы и честолюбивыя стремленія выше блага народнаго? Впослѣдствіи мы увидимъ, какой глубокій слѣдъ оставили въ душѣ Александра происки и мятежи, волновавшіе Новгородъ во дни его юности. Отголоскомъ чувствъ, которыя питали въ то тяжкое время всѣ добрые граждане, служатъ безыскусственныя разсужденія лѣтописца: „По дѣламъ нашимъ воздалъ намъ Богъ, видя наши беззаконія, ненависть другъ къ другу, зависть, непокорство и нарушеніе клятвы!“

Ярославъ Всеволодовичъ привелъ въ Новгородъ свои переяславскіе полки и вмѣстѣ съ новгородцами весною 1234 года выступилъ противъ нѣмцевъ, разбилъ ихъ наголову и опустошилъ ихъ землю. Нѣмцы поклонились Ярославу и заключили съ нимъ такой миръ, какой ему хотѣлось. Лѣтомъ того же года Ярославъ одержалъ еще славную побѣду надъ литовцами, сдѣлавшими набѣгъ на Русу [61]). Торжественно послѣ этихъ побѣдъ вступалъ въ Новгородъ Ярославъ Всеволодовичъ. Народъ встрѣчалъ его съ великой честью, какъ защитника новгородской земли. Преступный союзъ партіи его противниковъ съ иновѣрцами уронилъ ихъ въ глазахъ всего народа. Каждый честный новгородецъ считалъ за лучшее повиноваться русскому князю Ярославу и держаться его стороны, чѣмъ дружить съ измѣнниками, которые приводятъ нѣмцевъ опустошать родину. Враги Ярослава ничего лучше не могли придумать для полнаго торжества этого князя, какъ именно вступивъ въ союзъ съ нѣмцами. Теперь они оказались врагами св. Софіи, а князь Ярославъ—защитникомъ свободы и земли новгородской.

Такъ послѣ продолжительной и страстной борьбы съ суздальскими князьями Новгородъ, истомленный междоусобіями, голодомъ, моромъ, пожарами, палъ окончательно и почти сдѣлался простымъ удѣломъ дома Ярослава. Теперь Ярославъ Всеволодовичъ могъ распорядиться имъ по своей волѣ и отдать своему сыну, а тотъ—своему и т. д. Можно было въ скоромъ времени ожидать и въ Новгородѣ полнаго торжества княжеской власти надъ старымъ вѣчевымъ устройствомъ, и только неожиданный и страшный погромъ монгольскій отвлекъ на долго вниманіе князей отъ дѣлъ новгородскихъ въ другую сторону.

Около году прожилъ Ярославъ Всеволодовичъ въ Новгородѣ и въ 1236 году отправился въ Кіевъ для занятія кіевскаго престола, оставивши княжить въ Новгородѣ сына своего Александра, потому что старшаго его сына Ѳеодора въ живыхъ уже не было [62]).

Въ исторіи народовъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ событіями, въ которыхъ нельзя не видѣть явнаго проявленія Высшей Воли, направляющей теченіе ихъ по Своему всеблагому усмотрѣнію. Видно, при тѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ, которыя суждено было пережить русскому народу, во главѣ его долженъ былъ стоять не другой кто-нибудь, не старшій братъ Ѳеодоръ, а именно Александръ. Въ 1232 году великій князь Георгій Всеволодовичъ, старшій братъ Ярослава, посылалъ въ походъ противъ Мордвы своего сына Всеволода. Ѳедоръ Ярославичъ также принялъ участіе въ этомъ походѣ своего двоюроднаго брата, вмѣстѣ съ князьями рязанскимъ и муромскимъ [63]). Отсутствіе Ѳеодора изъ Новгорода на этотъ разъ, однако, не было

продолжительно: въ слѣдующемъ 1233 году онъ уже снова былъ въ Новгородѣ, гдѣ родители готовились отпраздновать его свадьбу. Но вмѣсто свѣтлаго брачнаго пира предстояло другое... Всѣ приготовленія къ свадьбѣ были уже сдѣланы, какъ женихъ внезапно скончался, 5 іюня 1233 года, и былъ погребенъ въ Юрьевѣ монастырѣ.

„Еще младъ и кто не пожалуеть сего? Сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачъ и сѣтованіе, за грѣхы наша; нъ Господи, слава Тебѣ, Царю Небесный! Извольшю Ти тако“ [64]) ..

Можно представить себѣ неутѣшную скорбь родителей и Александра Ярославича! Ярославъ Всеволодовичъ не могъ оставаться въ Новгородѣ и уѣхалъ въ Переяславль [65]). Несчастная мать до самаго гроба не могла забыть сердечной раны. Прошло около 10 лѣтъ, и она, безъ сомнѣнія, по

Варлаамо-Хутынскій монастырь близъ Новгорода.

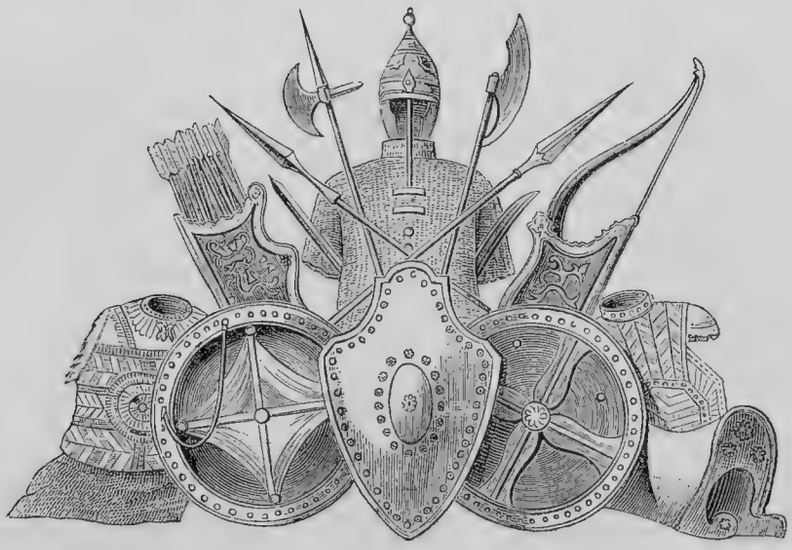
собственному выбору, нашла себѣ мѣсто вѣчнаго покоя въ томъ же монастырѣ „сторонь сына своего Ѳеодора“ [66]). Глубоко должно было поразить горестное событіе и Александра Ярославича. Среди послѣднихъ треволненій, безъ сомнѣнія, не разъ приходилось ему отводить душу въ братской бесѣдѣ съ Ѳеодоромъ, повѣрять другъ другу свои думы и чувства. И, навѣрное, въ эти горькія минуты, приходили ему на память сѣтованія другого брата, также въ самое сердце пораженнаго подобной же утратой: „Увы мнѣ, Господи! Лучше бы мнѣ умереть вмѣстѣ съ братомъ, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ! Дорогой братъ и другъ, ужъ не видать мнѣ болѣе твоего ангельскаго лица, не слыхать твоихъ ласковыхъ рѣчей“... Теперь онъ одинокимъ долженъ былъ оставаться въ Новгородѣ.

Но среди печали и слезъ о почившемъ, безъ сомнѣнія, не разъ возникала въ головѣ Александра мысль о предстоящемъ ему великомъ служеніи, и рѣшеніе его родителя оставить его въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ самостоятельнымъ княземъ въ новгородской землѣ не могло быть для него неожиданностью.

„Ежели безспорно,—говоритъ историкъ,—что обстоятельства, сопровождающія нашу жизнь въ молодости, имѣютъ большое вліяніе на образованіе нашего характера, то несомнѣнно, что Александръ Невскій твердостію воли, обдуманнымъ и постояннымъ преслѣдованіемъ разъ принятой цѣли, умѣньемъ видимо уступать, выждать время и дѣйствовать рѣшительно, когда этого требуютъ обстоятельства, вполнѣ обязанъ своей постоянной новгородской жизни въ молодости. Здѣсь Александръ по необходимости долженъ былъ пріучить себя къ постоянной осторожности, къ неусыпному надзору за своими поступками и къ умѣнью достигать своихъ цѣлей, не раздражая противниковъ и въ то же время не поблажая ихъ своеволію. Ибо въ Новгородѣ онъ жилъ какъ бы между двухъ огней, т. е. завися съ одной стороны отъ непреклонной воли отца, постоянно стремившагося развить княжескую власть въ вольнолюбивомъ краю, и съ другой—отъ свободной воли новгородцевъ, хорошо понимавшихъ виды Ярослава и старавшихся по возможности отстоять свою самостоятельность и народную независимость. Отецъ требовалъ безусловнаго исполненія своихъ приказаній, явно противныхъ новгородцамъ, а Новгородъ хотѣлъ, чтобы его князь былъ въ согласіи съ интересами и волею народа. Не исполняя отцовскихъ приказаній, Александръ лишался его поддержки и не могъ жить въ Новгородѣ; исполняя же ихъ, онъ рисковалъ не только утратить любовь народа, но даже лишиться свободы или подвергнуться оскорбительному изгнанію, чему примѣровъ такъ много видѣлъ между своими предшественниками. Но Александръ умѣлъ такъ хорошо поставить себя и такъ мудро приноровиться къ обстоятельствамъ, что и отецъ оставался имъ доволенъ, и новгородцы не возставали на его распоряженія.

„Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ первые годы своей жизни въ Новгородѣ, будучи еще малолѣтнимъ, не могъ самъ управлять народомъ, и за него правили отцовскіе бояре, его пѣстуны, подъ руководствомъ и при дѣятельной помощи самого Ярослава; слѣдовательно, всѣ успѣхи за это время принадлежатъ собственно Ярославу и его боярамъ. Но тѣмъ не менѣе въ продолженіе этихъ лѣтъ незамѣтно вырабатывался характеръ Александра; складывались тѣ черты, которыя впослѣдствіи составили то прекрасное цѣлое, которое доставило Александру уваженіе современниковъ и славу въ дальнемъ потомствѣ. Чтобы быть точкою соприкосновенія между Новгородомъ и Ярославомъ, Александръ еще въ ранней молодости долженъ былъ пріобрѣсти вниманіе новгородцевъ своею обходительностію съ народомъ, своимъ умомъ и своими поступками, которые бы обличали въ отрокѣ и юношѣ будущія доблести мужа; и Александръ вполнѣ исполнилъ это назначеніе своей молодости; ибо въ противномъ случаѣ новгородцы, въ продолженіе десяти лѣтъ, двадцать бы разъ успѣли послать къ Ярославу съ просьбою перемѣнить неугоднаго князя. Но во все это время Новгородъ ни разу не выказывалъ своего неудовольствія противъ Александра, хотя опека Ярославовыхъ бояръ, безъ сомнѣнія, была не по сердцу вольному народу; слѣдовательно, Александръ еще въ раннія годы молодости успѣлъ снискать

любовь новгородцевъ, а это по тогдашнему времени былъ уже великій подвигъ даже и для взрослаго князя; ибо со времени Всеволода Мстиславича, въ продолженіе почти ста лѣтъ ни одинъ князь не жилъ въ Новгородѣ болѣе пяти лѣтъ, а Александръ прожилъ тамъ десять лѣтъ. И современники вполнѣ цѣнили достоинства Александра, слава о немъ гремѣла далеко; по свидѣтельству лѣтописей, въ цѣлой Россіи не было области, которая бы не желала имѣть его своимъ княземъ“ [67]).



IV.

Міровое положеніе Россіи.—Востокъ и азіатскіе варвары.—Нашествіе Батыя.—Состояніе русской земли послѣ нашествія.—Дѣятельность Ярослава Всеволодовича и его кончина.

Смири Господь Богъ русскую землю нахожденіемъ иноплеменникъ.
„Тверск. л.“ 365.

—

Была пора: татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ хранительныя Волги.
Погибло все: народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій!

—

Братіе и сестры, счастливо наслаждающіеся драгоцѣнною свободой, вспомните всѣ бѣды, которыя ваши дѣды перенесли изъ-за нея.
Изъ рѣчи митрополита Михаила.

Перейдемъ теперь къ печальной повѣсти о томъ ужасномъ потрясеніи, которое выпало на долю русскаго народа въ XIII вѣкѣ. Мы увидимъ, какъ мрачныя тучи одновременно надвигаются съ востока и съ запада. Но среди мглы проглянетъ яркое солнце, среди невыразимо тяжкихъ и смутныхъ обстоятельствъ въ лицѣ Александра Ярославича явится предъ нами истинный представитель своего вѣка—великій государственный мужъ, спасающій будущность русскаго народа, народный герой, добрый страдалецъ за землю русскую. Преклоняясь предъ неисповѣдимыми судьбами Промысла, посылающаго испытанія, съ искреннимъ чувствомъ умиленія и сердечной благодарности облобызаемъ Десницу, подающую въ то же время и необходимую помощь и утѣшеніе.

Взаимныя несогласія и распри русскихъ людей побудили ихъ нѣкогда призвать князя изъ-за моря владѣть и княжить на Руси. Но княжескій родъ

размножился, и кровавыя распри начались между самими князьями-родственниками. Русь стала обширнымъ воинскимъ станомъ. Бурныя страсти молодого народа разыгрывались на просторѣ, и сильный могъ безнаказанно угнетать слабаго.

„Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!
Братья спорятъ: то мое и это!
Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе!“

На далекомъ сѣверѣ явился князь, сознавшій всю гибельность такихъ порядковъ, и, собравшись съ силами, потребовалъ отъ своей братьи—остальныхъ князей повиновенія. Но другой, не менѣе знаменитый князь, не боявшійся никого, кромѣ Бога, прислалъ сказать ему:

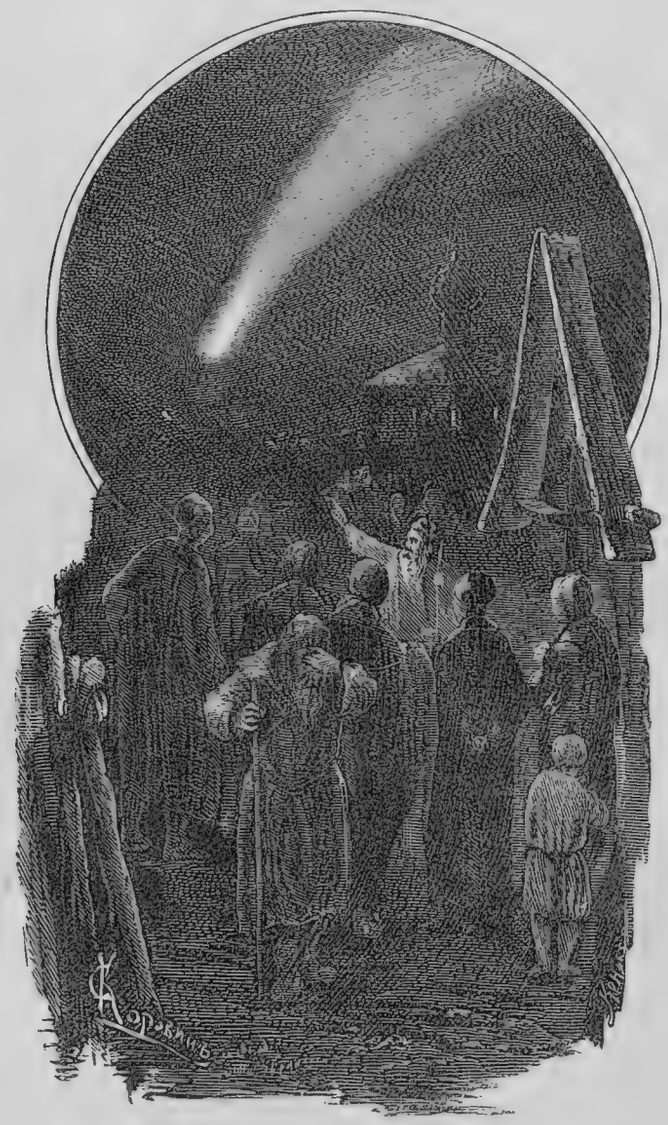
„Мы приняли тебя старшимъ, отцомъ, а ты поступаешь съ нами не какъ съ родственниками, такими же князьями, какъ и ты, но какъ съ подручниками“ [68])!

Такимъ образомъ князья не хотѣли отречься отъ своихъ правъ располагать собой и своими землями по своему произволу. Но вотъ Провидѣніе посылаетъ русскому народу тяжкое испытаніе; и среди ужасныхъ бѣдствій и русскій народъ и его вожди должны были во всей силѣ уразумѣть великую истину, которую внушаетъ религія, возвѣщающая Великую Жертву, принесенную за міръ. Необходимо было, во имя блага государства, пожертвовать своими личными правами, хотя бы и освященными давностію, необходимо было научиться подчинять свою личную волю другой волѣ, которая стремится къ общему благу.

Но великія испытанія, посланныя русскому народу въ XIII столѣтіи, вразумляя его, въ то же время указывали на его великое всемірно-историческое призваніе въ будущемъ, на грядущее его величіе. Всеблагому Провидѣнію благоугодно было поселить русскій народъ на обширномъ открытомъ пространствѣ междуУраломъ и Карпатами, гдѣ лицомъ къ лицу встрѣчаются столь разнородныя части свѣта, Европа и Азія. Не одну тысячу лѣтъ продолжалась да не окончилась еще и теперь борьба между двумя противоположными культурными мірами, между Востокомъ и Западомъ. Не замыкаться во внутреннихъ распряхъ, не тратить на нихъ свои богатыя силы, даже не думать только о своемъ благоустройствѣ и благополучіи, лишь отбиваясь отъ внѣшнихъ враговъ, нѣтъ—„русское государство призывалось къ высокой миссіи въ человѣчествѣ—твердо стоять на стражѣ между двумя частями свѣта, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, пока перстъ Божій не укажетъ поры для мирной встрѣчи Востока съ Западомъ въ духѣ христіанскихъ и культурныхъ идей“ [69]).

Обратимся сначала къ Востоку. До XII столѣтія русскій народъ, можно сказать, только отбивался отъ враговъ, окружавшихъ его съ разныхъ сторонъ. Въ XIII вѣкѣ обнаружилось, что онъ долженъ восторжествовать надъ ними, преодолѣть ихъ, если не желаетъ совсѣмъ отказаться отъ самостоятельнаго національнаго существованія. Отъ половины IX вѣка до сороковыхъ годовъ XIII-го въ борьбѣ Руси съ разными степными варварами не было перевѣса ни на сторонѣ кочевыхъ ордъ, ни на сторонѣ Руси. Печенѣги и затѣмъ половцы производятъ иногда сильныя опустошенія въ Приднѣпровьѣ, но зато и русскіе князья иногда проникаютъ вглубь ихъ степей, за

Донъ, и плѣнятъ ихъ вежи. Но въ первой половинѣ XIII вѣка Азія высылаетъ столь страшныя силы, что объ успѣшной борьбѣ съ ними на первыхъ порахъ нельзя было и думать. По одному мѣткому сравненію, Азія была всегда какъ бы народовержущимъ вулканомъ; но на этотъ разъ ужасы изверженія были столь поразительны, что потрясли огромное пространство земель отъ истоковъ далекаго Амура до Атлантиды. Западная Европа трепетала и ждала повторенія погромовъ Аттилы: папы и короли спѣшили отвратить нашествіе посольствами въ Азію. Но испытать всю тяжесть бѣдствія, выпить до дна горькую чашу невыразимыхъ страданій суждено было только нашему отечеству.



Въ нѣдрахъ Азіи, у подошвы Алтая, началось это страшное движеніе народовъ. Бурнымъ опустошительнымъ ураганомъ, „вѣтромъ разрушенія“ пронеслись монголо-татары подъ предводительствомъ кровожаднаго Чингизъ-хана чрезъ всю Азію. Великія царства были сокрушены; много народовъ истреблено; развалины и груды костей человѣческихъ обозначали ихъ путь. Наконецъ, обогнувъ южный берегъ Каспійскаго моря, свирѣпые варвары вошли на Кавказъ, въ Грузію и проникли въ степи половецкія. Русскіе князья вмѣстѣ съ половцами выступили противъ невѣдомыхъ пришельцевъ и потерпѣли въ 1224 году на берегахъ рѣки Калки страшное, небывалое пораженіе, исполнившее ужасомъ современниковъ [70]).

— Кого Богъ въ гнѣвѣ Своемъ посылалъ на землю русскую?—спрашивали наши предки.—Откуда приходили эти ужасные иноплеменники?—Отвѣта не было.

Прошло тринадцать лѣтъ, и снова огромная сила татарская, на этотъ

разъ подъ предводительствомъ Батыя, внука Чингизъ-хана, перейдя Яикъ и сокрушивъ болгаръ, обрушилась на Россію. Необыкновенное впечатлѣніе производила на современниковъ огромность двигавшейся орды. „Отъ множества воиновъ земля стонала; отъ громады войска обезумѣли дикіе звѣри и ночныя птицы“ [71]). Даже теперь, на разстояніи столькихъ вѣковъ, живо представляется намъ чувство ужаса, охватывавшее современниковъ, если при этомъ вспоминаемъ, что огромная масса варваровъ надвигалась на Русь съ единственною цѣлію безпощаднаго убійства и грабежа.

Отвратительной наружности, „безобразнѣе всѣхъ людей“ [72]), съ грубыми религіозными понятіями, монголо-татары не признавали вообще никакихъ нравственныхъ правилъ, кромѣ насилія и убійства. Выносливые, способные терпѣть голодъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, они набрасывались при первой возможности на всякую пищу и съ жадностью пожирали даже падаль и человѣческіе трупы, исполнены были неутолимой и безстыдной похоти и алчнаго грабительства, крайне неопрятны и грязны. Но болѣе всего поражала ихъ лютая свирѣпость. Они не знали пощады, тысячами избивали людей, не разбирая ни пола, ни возраста, предавая при этомъ несчастныхъ всевозможнымъ истязаніямъ и поруганіямъ [73]). Ненасытная кровожадность ихъ доходила до того, что они бросались пить и сосать кровь изъ ранъ захваченнаго врага. Среди непрерывныхъ войнъ они пріобрѣли всѣ свойства для обезпеченія успѣха истребленія. „Они имѣли мужество львиное, терпѣніе собачье, хитрость лисицы, дальнозоркость ворона, хищность волчью, чуткость кошки и буйность вепря при нападеніи“ [74]).

— Какое благо выше всѣхъ на землѣ? — спросилъ однажды, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Чингизъ-ханъ своихъ вельможъ.

Одинъ указывалъ на одно, другой—на другое. Покачалъ головой старый ханъ и отвѣтилъ слѣдующее:

— Все не то... Нѣтъ, счастливѣе всѣхъ тотъ, кто гонитъ предъ собой разбитыхъ враговъ, грабитъ ихъ имущество, скачетъ на коняхъ ихъ, любуется слезами людей, имъ близкихъ, и цѣлуетъ ихъ женъ и дочерей...

Въ этомъ отвѣтѣ—цѣлая характеристика татаръ.

Такіе-то варвары ворвались сквозь мордовскіе лѣса въ началѣ 1237 года въ рязанскую землю. Опустошеніе рязанской земли производилось съ особой свирѣпостью и безпощадностью. „Варвары, по словамъ историка, явились въ нее, исполненные дикой, ничѣмъ необузданной энергіи, еще не пресыщенные русской кровью, неутомленные разрушеніемъ“ [75]). Ужасны были неистовства татаръ при взятіи Рязани. Съ адскимъ хохотомъ они смотрѣли на отчаяніе, слезы и муки людей и тѣшились убійствомъ: распинали плѣнныхъ; связавъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; осквернили святыню храмовъ насиліемъ юныхъ монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи умирающихъ матерей, отцовъ и мужей; жгли священниковъ и обагряли алтари ихъ кровью—и эти ужасы продолжались нѣсколько дней! Наконецъ, стихли вопли отчаянія и крики торжества и злобы. Рязанская земля стала страшной пустыней, неизмѣримымъ кладбищемъ.

Ни младенца, ни старца въ живыхъ не осталося...
Плакать некому было и не-по-комъ...
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ померзлые,
На травѣ-ковылѣ обнаженны, терзаемы
И звѣрями, и птицами хищными,
Безъ креста и могилы лежали убитые

Воеводы рязанскіе, витязи
И семейные князя и сродники,
И все множество люда рязанскаго:
Всѣ одну чашу смертную выпили.

Въ однообразно-убійственномъ порядкѣ двигались татары изъ одной области въ другую, охватывая ихъ широкими облавами. Послѣ Рязани очередь дошла до суздальской земли. Взявъ Москву, татары направились къ Владиміру.

Великій князь Георгій Всеволодовичъ отправился собирать войска для болѣе сильнаго отпора и поручилъ на время своего отсутствія защищать столицу двумъ сыновьямъ своимъ, Всеволоду и Мстиславу, разсчитывая, можетъ быть, встрѣтиться съ татарами раньше, чѣмъ они подойдутъ къ столицѣ. Но онъ жестоко ошибся. Татары не шли, а летѣли какъ птицы. Въ то время, какъ онъ на рѣкѣ Сити поджидалъ братьевъ съ полками, татары 3 февраля во вторникъ, за недѣлю до мясопуста, тьмами темъ обступили Владиміръ.

— Не стрѣляйте!—крикнули татары защитникамъ столицы, смотрѣвшимъ со стѣны.

Вслѣдъ затѣмъ они подвели юнаго князя Владиміра Георгіевича, захваченнаго въ Москвѣ. Блѣдный, исхудалый и измученный, со впалыми глазами и унылымъ видомъ, въ лохмотьяхъ, онъ едва былъ узнанъ своими братьями и гражданами. Никто не могъ удержаться отъ слезъ. Юные князья Всеволодъ и Мстиславъ порывались немедленно ударить на враговъ. Никто не думалъ о спасеніи, напротивъ, начали готовиться къ неминуемой смерти. „Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное, говоритъ Карамзинъ.— Всеволодъ, супруга его, вельможи и многіе чиновники собрались въ храмъ Богоматери и требовали, чтобы епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ схиму, или въ великій образъ ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые Россіяне простились съ міромъ, съ жизнію, но стоя на прагѣ смерти, еще молили небо о спасеніи Россіи; да не погибнетъ вовѣки ея любезное имя и слава“ [76])!

7 февраля, въ воскресенье мясопустное, послѣ заутрени татары вломились въ городъ и начали свою адскую работу. Епископъ Митрофанъ, супруга великаго князя Агаѳія съ дочерью, снохами, внучатами и многими боярынями заперлись въ соборномъ храмѣ Богородицы на хорахъ. Разграбивъ храмъ, татары натаскали въ него дровъ и зажгли. Епископъ благословилъ обреченныхъ на ужасную смерть: „Господи, Боже силъ, сѣдяй на херувимѣхъ, простри руку Твою невидимую, и пріими съ миромъ души рабъ Твоихъ!“ Всѣ погибли въ дыму и пламени. Величественный храмъ, знаменитое сооруженіе Андрея Боголюбскаго, прекрасный образецъ изящнаго суздальскаго стиля, былъ богато украшенъ внутри. Безъ сомнѣнія, лучшіе мастера того времени потрудились надъ его иконописью. Посѣтителей пріятно поражалъ блескъ отъ разноцвѣтныхъ плитъ и позолоты, шедшей по карнизамъ, аркамъ и преддверіямъ. Св. иконы сіяли золотыми окладами и драгоцѣнными камнями, а въ алтарѣ надъ престоломъ опускалась позолоченная сѣнь. Соборъ былъ предметомъ удивленія православныхъ и иновѣрцевъ, но теперь онъ представлялъ печальную картину разрушенія [77])...

Князья Всеволодъ и Мстиславъ, пытаясь пробиться, сложили свои головы въ жестокой сѣчѣ.

Великій князь Георгій Всеволодовичъ громко зарыдалъ, когда до него дошла потрясающая вѣсть о гибели столицы и семьи.

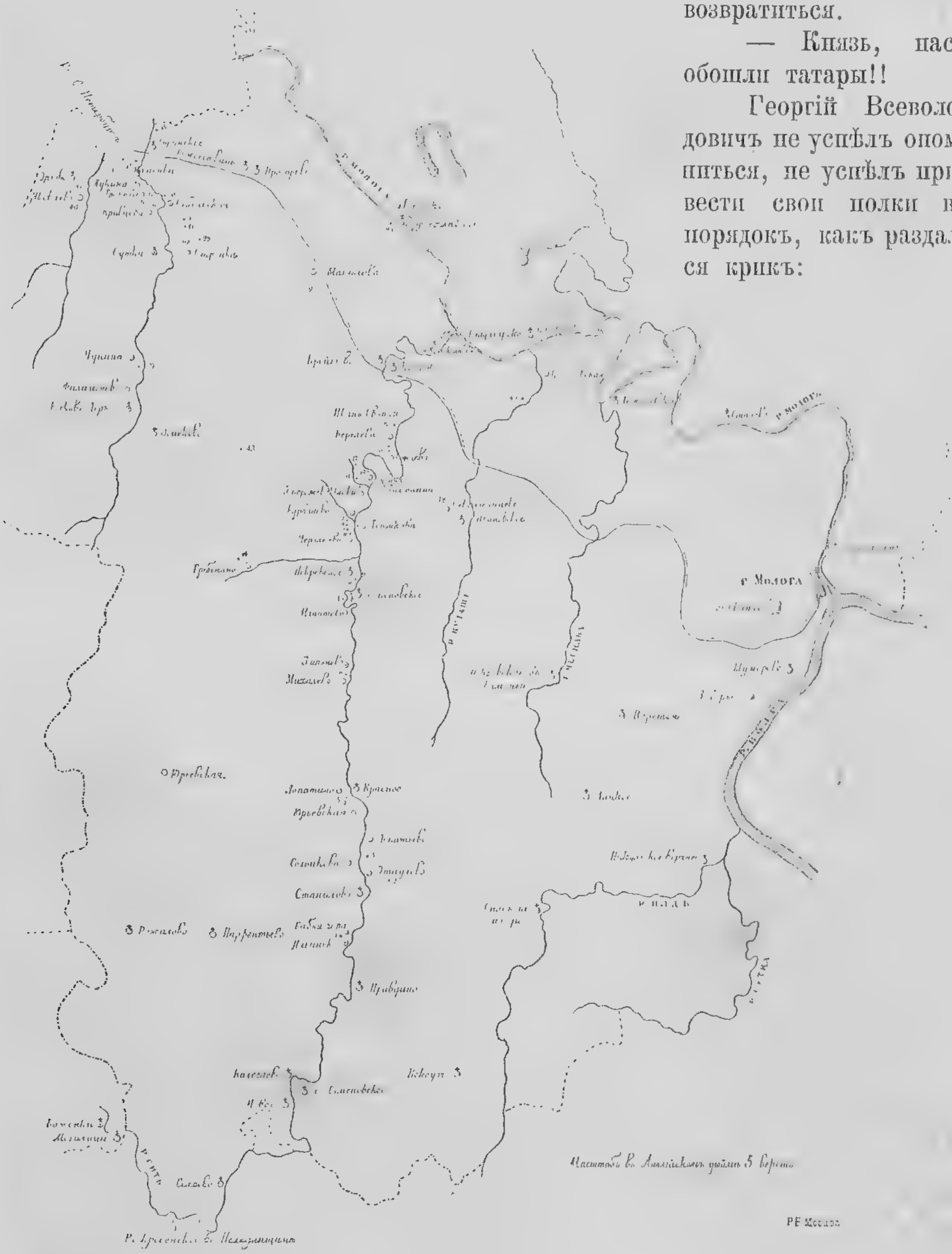
Древній Успенскій соборъ во Владимірѣ.

— Господи! - воскликнулъ несчастный изъ глубины души, — такъ ли судилъ Ты? Буди святая воля Твоя! Радъ умереть и я: на что мнѣ жизнь?

Желаніе его скоро исполнилось. Одинъ изъ воеводъ, посланный для развѣдокъ, поспѣшилъ возвратиться.

— Князь, насъ обошли татары!!

Георгій Всеволодовичъ не успѣлъ опомниться, не успѣлъ привести свои полки въ порядокъ, какъ раздался крикъ:



Общій чертежъ кургановъ Моложскаго уѣзда,—на мѣстѣ битвы съ татарами при рѣкѣ Сити.

— Идутъ! идутъ!

Князь немедленно бросился въ бой, его полки устремились за нимъ. Кровь полилась ручьями. Но несмѣтное множество враговъ тѣснитъ рус-

скихъ со всѣхъ сторонъ. Дружина княжеская подается назадъ. Сраженіе превращается въ ужасное побоище. Великій князь убитъ. Кругомъ его сноньями полегли его дружинники. Остальные въ ужасѣ разбѣгаются. Это было 4-го марта, всего нѣсколько дней спустя послѣ взятія Владиміра. Рядъ кургановъ по рѣкѣ Сити съ находимыми въ нихъ скелетами, носящими слѣды тяжелыхъ ранъ, указываетъ на то, что бѣжавшіе повременамъ останавливались, пытались отбиваться, снова бѣжали... Какъ глухіе звуки, доносящіеся изъ глубины вѣковъ, звучатъ мѣстныя названія: Рѣзанино, Станово, Сторожево, Боронишино, Могилицы, Юрьево [78])...

Братья и племянники великаго князя спаслись бѣгствомъ, но попался въ плѣнъ одинъ изъ послѣднихъ — Василько Константиновичъ, сынъ Константина Всеволодовича. Это былъ юноша цвѣтущей красоты, съ свѣтлымъ и величественнымъ взоромъ. Наслѣдникъ отцовскихъ добродѣтелей, онъ отличался отвагою, яснымъ умомъ, познаніями, благороднымъ характеромъ, кротостью и великой добротою. Всѣ знавшіе горячо любили его. Кто служилъ ему, кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ нимъ чашу, говорили про него, тотъ ужъ не могъ быть слугою другого князя. Схваченный врагами, онъ едва дышалъ: битва, голодъ и неутолимая скорбь сокрушили его силы, но онъ отказался принять пищу изъ рукъ враговъ. Пораженные его наружностью, татары предлагали ему соединиться съ ними и стать слугою Батыя.

— О, темное, злое и скверное царство!—вскрикнулъ князь. — Лютые кровопійцы, враги отечества и Христа! Какъ я могу быть заодно съ вами? Вы отдадите Богу отвѣтъ за то несчетное множество душъ, которыя вы погубили безвинно. Онъ, правосудный, предастъ васъ за нихъ мукамъ въ безконечные вѣки!

Потомъ, возведя очи къ небу, князь взмолился: „Господи Іисусе Христе, много разъ помогавшій мнѣ въ бѣдахъ! избави мя отъ сихъ плотоядецъ!“ Но, взглянувъ на свирѣпыя лица враговъ, на ихъ глаза, налившіеся кровью отъ ярости, видя, что они схватились за оружіе, воскликнулъ: „Господи Іисусе Христе! Вижу, младость моя погибаетъ желѣзомъ... Помоги христіанамъ, спаси жену мою, дѣтей моихъ, епископа Кирилла... Пріими духъ мой, да и азъ почію во славѣ Твоей“ [79])... И абье безъ милости убіенъ бысть. Тѣло его татары бросили въ Шерепскомъ лѣсу. Этотъ лѣсъ находится на рѣкѣ Шерпѣ между Ярославскимъ и Углицкимъ уѣздами, на половинѣ дороги между Ростовомъ и мѣстомъ побоища, и здѣсь одна мѣстность до сихъ поръ носитъ названіе Васили. Ростовскій епископъ Кириллъ потомъ отыскалъ тѣло великаго князя и тѣло Василька, принесъ ихъ въ Ростовъ и положилъ въ соборномъ храмѣ Богородицы. Тѣло Георгія было безъ головы, но впослѣдствіи нашли и положили въ гробъ и голову. Горько рыдали русскіе люди при видѣ злой смерти своихъ князей...

Разоривъ суздальскую землю, татары направились къ Великому Новгороду. При видѣ ужасовъ разрушенія у всѣхъ опускались руки, падало мужество [80]). Исчезали безслѣдно города и селенія. Багровое зарево пожаровъ обозначало движеніе страшной орды. Головы жителей падали, какъ скошеная трава... Не дойдя до Новгорода ста верстъ, татары поворотили на югъ. Историки объясняютъ это движеніе разными причинами. Батый устрашился разлива рѣкъ и озеръ при наступавшей веснѣ въ обильной водою мѣстности. Здѣсь сошлась облава, и Батый не захотѣлъ составить новой [81]).

Татары прослышали о приготовленіяхъ новгородцевъ къ отчаянной оборонѣ. Но сами новгородцы приписывали единодушно свое избавленіе Всеблагому Провидѣнію. „Новъ же городъ заступи Богъ и св. Софія“. Направляясь на югъ, въ степи половецкія, татары продолжали неутомимо свирѣпствовать. Всѣ города по лѣвую сторону Днѣпра были взяты и разрушены. Городъ Козельскъ оказалъ особенно упорное и мужественное сопротивленіе, зато при взятіи его всѣ защитники были избиты „и до отрочатъ“ [82])...

Зимою 1240 года татары взяли и разорили Кіевъ. Казалось, сила татарская не уменьшалась отъ безчисленныхъ битвъ. Чувство ужаса невольно сказывается въ словахъ лѣтописца. „Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множьствомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарская, и бысть градъ въ обдержаньи велицѣ... И бѣ Батый у города и отроци его обсѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревѣнія вельблудъ его, и рьжанія отъ гласа стадъ конь его“ [83])... Сопротивленіе кіевлянъ было чрезвычайно упорно, но безполезно. „Стрѣлы омрачали воздухъ, копья трещали и ломались“. По трупамъ кіевлянъ варвары вломились въ городъ. Отчаянная оборона ожесточила ихъ до крайности... „Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки“ [84]). Камня не осталось на камени, кромѣ двухъ-трехъ полуразрушенныхъ церквей да одного придѣла среди развалинъ Печерской обители. Уцѣлѣвшіе иноки иногда собирались сюда для богослуженія, заслышавъ унылый и протяжный звонъ колокола.

Изъ Южной Россіи татары направились въ Венгрію. Европа содрогнулась въ виду грознаго нашествія, но отъ Голомуца (въ Моравіи) татары обратились назадъ и расположились на берегахъ Волги. Поволжскія и подонскія степи стали ихъ главнымъ мѣстопребываніемъ. Впослѣдствіи все царство Батыево получило названіе „Золотой Орды“. Наступило *монгольское иго*.

„Умилительное, высокое зрѣлище представила русская земля въ эту критическую минуту своей исторіи, о которой нельзя вспоминать безъ благоговѣнія!“ — восклицаетъ историкъ. Святая Русь была сокрушена, но послѣ мужественной обороны. Воины, дружины, бояре, отроки—всѣ честно исполнили свой долгъ и положили животъ свой за отечество, за вѣру христіанскую, въ непоколебимой надеждѣ имѣть вѣнцы мученическіе на томъ свѣтѣ. Терпѣніе, русская добродѣтель по преимуществу, преданность въ волю Божію проявились здѣсь единственно, и смиренные лѣтописатели заключаютъ обыкновенно свои прискорбныя писанія слѣдующими словами: „Се же бысть за грѣхи наши... Господь силу отъ насъ отъя, а недоумѣніе и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи въ насъ за грѣхи наша“ [85]).

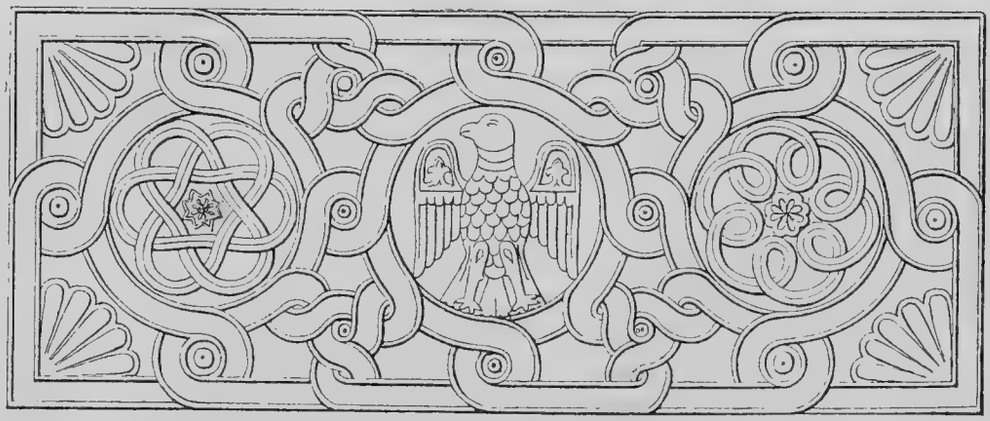
Но если насъ до глубины души трогаютъ и утѣшаютъ нравственныя качества, проявленныя нашими предками въ годину испытанія, то съ другой стороны приводитъ въ ужасъ картина разрушенія, которую представляло наше отечество послѣ погрома Батыева. „Казалось, что огненная рѣка промчалась отъ восточныхъ предѣловъ до западныхъ, что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ“ [86]). Судя по страшному впечатлѣнію на современниковъ, можно сказать, что ни прежде, ни послѣ того не приходилось русскому народу испытывать такого бѣдствія, которое такъ же сильно потрясло бы крѣпкую натуру русскаго человѣка, какъ нашествіе Батыя. Груды развалинъ вмѣсто цвѣтущихъ еще такъ недавно селъ и городовъ, бѣлѣющія кости множества непогребенныхъ людей, поля, за-

росшія сорной травой, полное безлюдье—вотъ что можно было видѣть тогда на Руси. Уцѣлѣвшіе боязливо прятались въ лѣсахъ.

Одна только небольшая часть русской земли на сѣверѣ осталась нетронутой, по особымъ планамъ Провидѣнія. Здѣсь Богъ сохранилъ отъ руки варваровъ и будущихъ строителей русскаго государства. Исчисливъ всѣхъ сыновей „благочестиваго и правовѣрнаго князя Ярослава Всеволожа“, лѣтописецъ прибавляетъ: „Сіи вси сохранены быша молитвами святыа Богородица“ [87]). Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться судьбамъ Божественнаго Промысла, сохранившаго для Россіи невредимымъ князя Ярослава Всеволодовича и его семейство, точно Ноя въ ковчегѣ, среди ужасовъ гибели и разоренія. Такой именно князь, какъ Ярославъ Всеволодовичъ, и нуженъ былъ въ первыя критическія времена послѣ нашествія. Немного позже мы видимъ во главѣ русскаго народа его доблестнаго сына Александра, но теперь, непосредственно послѣ погрома, ему трудно было бы выступить на первый планъ. Безъ сомнѣнія, во время нашествія, быстро доходили до Новгорода извѣстія одно ужаснѣе другого, гроза подходила все ближе и ближе... Можно ли передать, что пережилъ, что перечувствовалъ за все это время юный новгородскій князь, слыша о гибели множества народа, о лютой смерти столь многихъ и столь дорогихъ родственниковъ? Кому изъ насъ не приходилось въ жизни терять близкихъ и дорогихъ людей? Кто можетъ изобразить чувства безпредѣльной скорби, овладѣвающей сердцемъ, когда опускаютъ въ могилу дорогое существо, для спасенія котораго готовъ былъ бы пожертвовать своею жизнью? Какъ пустъ и ничтоженъ въ такія минуты кажется міръ со всѣми его утѣхами! Но можетъ ли быть сравниваемо чувство личнаго горя, какъ бы оно ни было сильно, съ тѣмъ нравственнымъ потрясеніемъ, которое можетъ вызвать въ возвышенныхъ душахъ зрѣлище погибающей родины?.. Нужно было время, чтобы дать растерзанному сердцу хотя нѣсколько успокоиться, чтобы уму, смущенному событіями, возвратить ясность, чтобы юной душѣ собраться съ силами. Только окрѣпшій въ испытаніяхъ, съ трезвымъ практическимъ смысломъ и закаленной энергіей — Ярославъ Всеволодовичъ одинъ могъ не растеряться среди всеобщаго смятенія. Мужественно перенеся извѣстіе о смерти старшаго брата Георгія, онъ поспѣшилъ во Владиміръ, чтобы занять великокняжескій столъ, привести въ порядокъ потрясенное государство и ободрить народъ. Правда, онъ „пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами“ [88]), но и это его не смутило. Напротивъ теперь-то вполнѣ проявилась его несокрушимая энергія и жажда дѣятельности. Онъ не пришелъ въ уныніе, не проливалъ слезъ, не проклиналъ судьбу, какъ это дѣлали другіе, но спѣшилъ сдѣлать все возможное, чтобы исправить хотя нѣсколько причиненное зло. Съ его прибытіемъ край точно оживился: по его распоряженію во владимірской землѣ очищали дороги, въ городахъ выносили и хоронили трупы. По его призыву собирались жители, укрывавшіеся въ лѣсахъ, слышали бодрое слово утѣшенія. Вновь начинался разрушенный порядокъ общежитія. Отрадное впечатлѣніе производила эта кипучая дѣятельность на упавшій духомъ народъ. „Поча ряды рядить и бысть радость велика хрестьяномъ“,—замѣчаетъ лѣтописецъ. Съ честью похоронивъ во Владимірѣ старшаго брата, Ярославъ, въ качествѣ великаго князя, распредѣлилъ волости: оборонивъ смоленскую волость отъ литовцевъ, онъ поставилъ здѣсь княземъ Всеволода Мстиславича; Суздаль отдалъ своему брату Святославу, Старо-

дубъ—Іоанну, Переяславль оставилъ за собою. Теперь предстояло рѣшить главную и самую трудную задачу—установить отношенія къ грознымъ завоевателямъ Въ 1243 году онъ отправился въ орду къ Батыю и первый изъ русскихъ князей изъявилъ ему полную покорность. Батый принялъ его съ честью. „Ярославе! буди ты старѣй всѣмъ княземъ въ русской землѣ“, — рѣшилъ ханъ. Возвратившись во Владиміръ, Ярославъ немедленно отправилъ третьяго своего сына Константина въ далекую Татарію на поклоненіе главному хану, которому подчиненъ былъ самъ Батый. Въ 1245 году Константинъ Ярославичъ благополучно вернулся изъ своего дальняго путешествія и привезъ отцу приказаніе великаго хана самому явиться къ нему. Простившись съ отечествомъ и родными, Ярославъ Всеволодовичъ, преодолѣвая всевозможныя лишенія, пустился чрезъ среднеазіатскія степи къ берегамъ далекаго Амура, гдѣ въ то время находилось главное кочевье монголовъ, и прибылъ въ ханскую ставку какъ разъ ко времени торжественнаго провозглашенія великимъ ханомъ Гаюка. Не суждено было великому князю возвратиться въ отечество. Много натерпѣвшись въ ордѣ, Ярославъ Всеволодовичъ скончался насильственною смертью. Папскій посолъ Плано Карпини передаетъ намъ подробности этого печальнаго событія. „Въ 1246 году умеръ Ярославъ, великій князь суздальской области, которая составляетъ часть русскаго государства. Однажды онъ былъ призванъ къ матери великаго хана, которая, какъ будто оказывая особую честь Ярославу, желала изъ своихъ собственныхъ рукъ дать ему ѣсть и пить. Когда Ярославъ возвратился отъ ханши, то сильно ослабѣлъ и черезъ семь дней умеръ. Замѣчательно, что все тѣло его при этомъ удивительнымъ образомъ позеленѣло; всѣ говорили, что онъ былъ отравленъ матерью хана“ [89]). Наши лѣтописи подтверждаютъ это извѣстіе, называя кончину великаго князя „нужною“, т. е. насильственною, а въ одной прямо говорится, что его „зеліемъ уморили“.

Кончина Ярослава Всеволодовича была страшнымъ несчастіемъ для его осиротѣлой семьи и для русскаго народа; но въ то время уже взошло красное солнышко земли русской — уже всюду гремѣла слава о доблестяхъ его старшаго сына, новгородскаго князя Александра Ярославича.



V.

Германо-романскій міръ въ XII и XIII столѣтіяхъ.—Объединеніе западныхъ націй подъ властью папъ.—Движеніе крестоносцевъ на православный Востокъ.—Крестоносное движеніе Запада противъ Россіи и монгольское иго.

Гласъ Божій: „сбирайтесь на праведный судъ,
Сбирайтесь къ Востоку, народы!
И, слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшатъ черезъ бурныя воды.

(Данилевскій).

Одновременно съ нашествіемъ азіатскихъ полчищъ надвигалась на наше отечество не менѣе, если не болѣе, страшная и опасная гроза съ Запада.

Прошло около трехъ столѣтій съ того замѣчательнаго историческаго момента, когда главнымъ образомъ подъ ударами германцевъ пала Западная Римская имперія. Германцы успѣли войти въ тѣснѣйшее соединеніе съ побѣжденными римлянами. Образовались новыя германо-романскія народности, и могучій Карлъ соединилъ ихъ въ одно огромное государственное тѣло. Съ того времени начинается великая борьба между міромъ германо-романскимъ и міромъ греко-славянскимъ. Противоположность между ними еще болѣе усилилась со времени отпаденія западной церкви отъ единенія съ восточною и особенно, когда во главѣ германо-романскаго міра сталъ папа. Западныя европейскія націи составили единое свѣтско-духовное государство, подъ верховнымъ главенствомъ не императоровъ и королей, а именно римскихъ папъ. „*Весь Западъ* считаетъ насъ за земного бога!“—горделиво заявляетъ одинъ изъ нихъ. Подъ руководствомъ папъ и ихъ именемъ западныя націи, какъ единый народъ, разливаются всюду огромными колоніями и стремятся покорить весь міръ — во имя чего?—Во имя христіанскаго Бога—на словахъ, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлію порабощенія всѣхъ другихъ народовъ.

Особенно же папы стремились поработить восточныхъ христіанъ, не признававшихъ ихъ главенства надъ вселенскою церковью. Стремленія папъ совпали съ дикими хищническими наклонностями германцевъ — и вотъ мы

видимъ, какъ вся Западная Европа въ XII и XIII вѣкахъ превращается въ огромный вооруженный лагерь, высылающій на православный Востокъ многочисленныя арміи.

То была эпоха всеобщаго энтузіазма! О чемъ пѣли пѣвцы въ древнихъ пѣсняхъ? Что было предметомъ старинныхъ сказаній? Не то ли, какъ Сигфридъ убилъ ядовитаго дракона, какъ Дитрихъ умертвилъ великана, какъ Гагенъ раздавилъ язычниковъ-гунновъ? О чемъ говорили земледѣлецъ у пылающаго очага, ремесленникъ въ своей мастерской? Не о томъ ли, какъ удалымъ военнымъ подвигомъ можно достать несмѣтныя богатства, золотые клады? Теперь же Самъ Богъ, вѣщалъ папа, вмѣсто покаянія и истинно-христіанскихъ подвиговъ, звалъ будто бы на бой, Самъ Великій Царь небесный требовалъ трудовъ, которые болѣе всего по сердцу германцевъ, — требовалъ сильныхъ ударовъ, земного геройства и битвъ, и сердца народовъ радостно забились отъ восхищенія, отъ восторга. Это былъ непреодолимый зовъ для многихъ тысячъ людей. Воинственное одушевленіе, подобно молніи, разомъ охватило цѣлыя націи. Мало смущались тѣмъ, что христіанство неминуемо должно было принять языческій характеръ, когда христіанскій Богъ, въ глазахъ западныхъ христіанъ, сдѣлался богомъ брани, какъ нѣкогда языческій богъ германцевъ... Не было недостатка въ разнаго рода знаменіяхъ, указывавшихъ будто бы на небесное призваніе. На небѣ видѣли кометы; съ востока и запада подымались огненныя облака и сражались между собою; цѣлыя полчища двигались въ небесныхъ высяхъ; во тьмѣ ночной носились пылающіе факелы и освѣщали легіоны рыцарей, сражавшихся въ воздухѣ, на сѣверѣ блестѣло сіяніе; огромный мечъ подымался отъ земли до неба; на площадяхъ и улицахъ городовъ, въ деревняхъ подъ сѣнью вѣтвистыхъ дубовъ и липъ являлись люди и указывали на знакъ креста, будто бы чудесно напечатлѣвшійся у нихъ на лбу или на платьѣ. А клирики спѣшили воспользоваться возбужденіемъ народныхъ массъ, раздавали и освящали мечи, посохи и сумки пилигримовъ, папы спѣшили возвѣстить отпущеніе грѣховъ всѣмъ, возложившимъ на себя крестъ...

Правда, первоначально крестоносцы направились противъ невѣрныхъ— противъ арабовъ и турокъ съ цѣлію освобожденія Святой земли и Іерусалима. Этой цѣли они не достигли. Святая земля и Іерусалимъ, лишь не надолго освобожденные отъ ига невѣрныхъ, скоро обратно были завоеваны турками. Въ сущности движеніе крестоносцевъ направлялось противъ православнаго Востока. Восточные христіане скоро почувствовали, что власть латинянъ для нихъ несравненно болѣе тягостна, чѣмъ иго турецкое. Распространяя свою власть въ православныхъ странахъ Востока, крестоносцы старались всюду утвердить владычество папы и прибѣгали къ кровавымъ мѣрамъ тамъ, гдѣ встрѣчали сопротивленіе. Достаточно припомнить, какъ, напримѣръ, на островѣ Кипрѣ латинскій клиръ жегъ на кострахъ и распиналъ на крестахъ православныхъ христіанъ и особенно священниковъ, не хотѣвшихъ подчиниться папѣ.

Утвердивъ власть папы въ Сиріи и Палестинѣ, крестоносцы, наконецъ, въ самомъ началѣ XIII столѣтія покорили и тогдашнюю Византію. Ужасны были неистовства латинянъ при взятіи въ 1204 году Константинополя! Православныхъ грековъ избивали безпощадно, не разбирая ни званія, ни пола, ни возраста. Благородныя женщины, монахини, дѣвы подвергались безчестію. Имущество гражданъ было разграблено. Въ храмахъ разыгрывались неисто-

выя оргіи. Въ Софійскомъ соборѣ крестоносцы пировали и кощунствовали съ распутными женщинами, пили вино изъ священныхъ сосудовъ, плясали въ священныхъ одеждахъ, ругались надъ св. Тайнами. Великія святыни Царьграда и мощи святыхъ были отправлены въ Римъ въ даръ папѣ или западнымъ государямъ. Не было пощады и памятникамъ наукъ и искусствъ: дорогія рукописи, книги, художественныя произведенія подверглись порчѣ и уничтоженію. Таково было первое проявленіе открытой братоубійственной вражды Запада къ Востоку! Между тѣмъ папа, внѣшне порицая крестоносцевъ за совершенныя ими неистовства, въ то же время внутренно радовался, что Богъ руками вѣрныхъ чадъ его смирилъ упрямство грековъ и привелъ ихъ въ послушаніе апостольскому престолу. Латинскіе епископы по строгому наказу изъ Рима должны были немедленно занять греческія церкви и водворить всюду латинскіе обряды...

За покореніемъ Византіи, та же участь готовилась и нашему отечеству. Здѣсь на помощь папѣ, кромѣ инстинктовъ хищничества и религіознаго фанатизма, присоединилась вѣковая племенная вражда германскаго племени къ славянскому. Эта вражда — одно изъ тѣхъ всемірно-историческихъ явленій, начало которыхъ мало доступно историческому изслѣдованію, скрываясь въ глубокомъ мракѣ до-историческихъ временъ. Изъ сѣдой старины доносятся до насъ отголоски борьбы и утѣсненія славянскихъ племенъ германцами. Съ IX вѣка, со временъ Карла Великаго, какъ сказано выше, мы наблюдаемъ уже непрерывное многовѣковое преслѣдованіе славянъ германцами, которые тѣснятъ ихъ къ Востоку, неуклонно двигаясь за ними и порабощая ихъ. Прежде всего подпали игу великой франкской монархіи иллирійскіе славяне, обитатели восточныхъ склоновъ Альпъ и сѣвернаго Адріатическаго побережья. Съ ожесточеннымъ упорствомъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ идетъ борьба на сѣверѣ, по берегамъ Балтійскаго моря. Зато эта борьба и оканчивается не только подчиненіемъ игу германцевъ, но полнымъ истребленіемъ и онѣмеченіемъ многочисленныхъ славянскихъ племенъ—Полабскихъ и Поморскихъ. Въ срединѣ нѣкоторое время мужественно отстаиваетъ независимость славянства Святополкъ моравскій и проницательно противопоставляетъ вооруженному латинству духовное оружіе, которое приносится ему славянскими первоучителями изъ православной Византіи. Нѣмцы призываютъ мадьяръ и при помощи ихъ сокрушаютъ могущество славянскаго государя. Чехи за своими горами успѣшнѣе защищаются отъ напора нѣмцевъ, но въ концѣ концовъ и они подчиняются Германской имперіи и латинству. Поляки безъ борьбы принимаютъ католицизмъ и являются слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ папъ. Такимъ образомъ на всемъ обширномъ пространствѣ отъ Адріатики до береговъ Балтійскаго моря разгорѣлась борьба германскаго и славянскаго міра, православія и латинства. Въ началѣ XIII вѣка эта борьба принимаетъ особенно рѣшительный характеръ. Никогда папство не было болѣе могущественно, никогда не располагало болѣе грозными и болѣе сосредоточенными средствами. Папою былъ въ то время знаменитый Иннокентій III. Распоряжаясь по своему произволу царскими вѣнцами почти во всей Европѣ, онъ съ полнымъ правомъ могъ считать себя верховнымъ владыкою Запада. Утвердивъ послѣ паденія Константинополя свою власть на православномъ Востокѣ, онъ могъ надѣяться, что теперь Самарія, какъ они называли всю греческую церковь, обратится къ Господу, т.-е. подчинится папѣ, и имя

Господне будетъ призываться одинаково въ Данѣ и Веѳилѣ, т. е. на Востокѣ и Западѣ.

Въ самый годъ взятія и разграбленія Константинополя латинянами, Иннокентій спѣшитъ отправить въ Россію посольство къ знаменитѣйшему изъ тогдашнихъ русскихъ князей Роману галицкому, при чемъ въ награду за вѣроотступничество предлагаетъ ему королевскій вѣнецъ и матеріальную помощь противъ враговъ. Посольство это не имѣло никакого успѣха. Чрезъ три года, все еще обольщенный сокрушеніемъ православной Византіи, папа отправляетъ новое торжественное посольство ко всѣмъ русскимъ архипастырямъ, клиру и народу.

„Вотъ теперь, писалъ папа, Греческая имперія и церковь почти вся покорилась апостольскому сѣдалищу и униженно пріемлетъ отъ него повелѣнія,—ужели жъ не будетъ несообразнымъ, если часть (то-есть церковь русская) не станетъ сообразоваться съ своимъ цѣлымъ и не послѣдуетъ ему?.. Посему, любезнѣйшіе братья и чада, желая вамъ избѣжать временныхъ и вѣчныхъ бѣдъ, посылаемъ къ вамъ возлюбленнаго сына нашего кардинала-пресвитера Виталиса, мужа благороднаго и просвѣщеннаго, да возвратитъ онъ дщерь къ матери, и убѣждаемъ васъ принять его, какъ посла апостольскаго сѣдалища, даже какъ насъ самихъ, и безпрекословно повиноваться его спасительнымъ совѣтамъ и наставленіямъ“.

Однако всѣ посольства и увѣщанія оставались тщетными. Тогда по мановенію владыки Запада являются многочисленныя полчища монаховъ и рыцарей, готовыхъ ревностно подвизаться за власть папы. Въ то же время русскую землю постигаетъ страшное несчастіе — нашествіе татаръ, и для папской политики открываются новые виды на Востокѣ [90])...

Не знаменательно ли такое совпаденіе событій, какъ одновременный грозный натискъ на наше отечество съ Востока и съ Запада! Притомъ—какое сходство въ конечныхъ цѣляхъ!

— Міромъ обладаетъ одинъ Богъ, на небѣ сіяетъ одно солнце, на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ. Всѣ сопротивляющіеся ему оскорбляютъ небо и должны быть истреблены!—говорилъ восточный деспотъ.

— На небѣ Господь, на землѣ — Его намѣстникъ! Одно солнце озаряетъ вселенную и сообщаетъ свой свѣтъ другимъ свѣтиламъ, одинъ верховный властелинъ долженъ быть на землѣ! — восклицалъ въ то же время владыка Запада.

— Все, что не крещено, избито! — говорили съ похвальбой его служители.

Теряясь въ безконечно-разнообразныхъ и сложныхъ явленіяхъ всемірной исторіи, нашъ разумъ стремится въ многообразіи отыскать единство, въ частностяхъ—общіе законы, стремится найти руководящую нить при объясненіи событій, открыть производящія ихъ причины. Въ самомъ дѣлѣ, какая сила возбудила алтайскихъ дикарей въ XII вѣкѣ и двинула ихъ изъ глубины Азіи на наше отечество въ то самое время, когда и Западъ, собравшись съ силами и придвинувшись къ нашимъ границамъ, грозно ополчился на насъ съ свѣтскимъ и духовнымъ оружіемъ? „Причины синхронистической связи столь разнородныхъ событій, скажемъ словами знаменитаго писателя, нельзя, конечно, отыскать ближе, чѣмъ въ томъ самомъ планѣ міродержавнаго Промысла, по которому развивается историческая жизнь человѣчества“ [91]). Въ грозномъ могуществѣ монголовъ не противопоставилъ ли Онъ твердый

оплотъ противъ разлива западнаго могущества? Монгольскимъ игомъ не отдѣлилъ ли Онъ насъ надолго отъ всякихъ сношеній съ Западомъ, не приковалъ ли насъ надолго къ Востоку съ цѣлію охранить нашу народную самобытность, нашу духовную самостоятельность въ такое время, когда мы еще не въ силахъ были сами успѣшно защитить ее?

Вѣчная похвала князю, который съ изумительной, истинно-геніальной проницательностью во-время разгадалъ страшную опасность, угрожавшую намъ съ Запада, предпочелъ татарскую неволю, всевозможныя униженія и тяжелыя матеріальныя жертвы, но въ то же время мужественно сталъ на стражѣ русской народности.

VI.

Положеніе Новгорода послѣ татарскаго нашествія.—Нападеніе шведовъ.—Ярлъ Биргеръ.—Походъ 1240 года.—Образъ дѣйствій Александра. — Небесная помощь. — Невская побѣда и ея значеніе.

Радуйся, доблественный въ защитѹ вѣры и церкве воителю!
Радуйся, мира безпомощныхъ сильный оградителю!
Радуйся, воинства свейскаго на брегахъ Невскихъ славный побѣдителю!
Радуйся, велехвальнаго крала побѣдивый пособіемъ Божіимъ!

Тяжело было положеніе молодого новгородскаго князя послѣ погромовъ Батыя. Хотя Новгородъ и уцѣлѣлъ, но зато онъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ и средствамъ въ борьбѣ съ многочисленными врагами, безъ всякой надежды на помощь изъ другихъ областей. Въ прежніе годы Ярославъ Всеволодовичъ, защищая Новгородъ, приводилъ съ собою суздальскіе полки; слѣдовательно, новгородцы сражались не одни [92]). Теперь Ярославу Всеволодовичу было не до Новгорода... Враги новгородцевъ — шведы, ливонскіе нѣмцы и литовцы, спѣшили воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами. Покорность русскихъ князей татарамъ, какъ ни была унизительна и горька сама по себѣ, однако, не приносила безчестья: русскій народъ на себѣ испыталъ страшную силу татаръ и ясно видѣлъ всю безполезность какого бы то ни было сопротивленія. Можно ли было укорять князей за то, что они подчинялись неотразимой необходимости? Но какъ оправдать покорность предъ врагами, которыхъ неоднократно побѣждали

русскіе раньше? Отступить предъ шведами, нѣмцами и литовцами, покориться имъ—не значило ли это навсегда опозорить себя? Да и въ одномъ ли безславіи заключалась бѣда? Можно ли было забыть, что за этими ближайшими врагами двигалась страшная сила всего Запада, возбуждаемаго непрестанными буллами и энергическими посланіями римскаго папы? Оставалось одно—положиться на Бога и взяться за оружіе. Александръ Ярославичъ во всемъ объемѣ сознавалъ всю опасность, всю отвѣтственность своего положенія. Онъ зналъ, что онъ долженъ быть щитомъ, прикрывающимъ родину, уже обезсиленную татарами, отъ другихъ болѣе опасныхъ враговъ. Прежніе князья, не имѣя недостатка въ военной силѣ, грудью отражали враговъ. Но при измѣнившихся обстоятельствахъ, при малочисленности наличныхъ силъ одного Новгорода, пришлось подумать о другого рода защитѣ. И вотъ новгородскій князь, едва окончивъ свадебное торжество, спѣшитъ постройкой укрѣпленій на западныхъ границахъ новгородской земли съ цѣлію оградить себя отъ внезапныхъ нападеній [93]). Въ то же время, подобно древнему Святославу, Александръ Ярославичъ старается набрать дружину отважныхъ бойцовъ, людей беззавѣтной удали, которыхъ среди новгородцевъ можно было найти скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. „У князя Александра бѣ множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда царя; бяху бо сердца ихъ аки сердца львовъ“. Про него также можно было сказать: каковъ самъ, такова и дружина. Не долго пришлось ему оставаться безъ дѣла...

Въ 1240 году въ Новгородѣ было получено извѣстіе, что на Невѣ появились шведы [94]).

У новгородцевъ и прежде не разъ были столкновенія со шведами изъза Финляндіи. Распространяя свое владычество и католическую вѣру въ Финляндіи, шведы становились все болѣе и болѣе опасными для Новгорода. Царствовавшій въ то время въ Швеціи король Эрихъ Эрихсонъ мало занимался дѣлами, и все управленіе страной находилось въ рукахъ знаменитаго Биргера. Онъ происходилъ изъ древней могущественной фамиліи Фольконунговъ. Близкое родство съ царствующими домами Швеціи и Норвегіи давали этой фамиліи огромное вліяніе и несмѣтныя богатства. Высшія должности въ государствѣ — ярла, лагмана и др. принадлежали исключительно роду Фольконунговъ. Ненасытное честолюбіе и жадность были главными чертами этой фамиліи. Биргеръ былъ женатъ на сестрѣ короля и за его бездѣтностью самъ разсчитывалъ занять престолъ. Его выдающіяся способности позволяли ему питать столь гордыя надежды. Современемъ ему дѣйствительно удалось оказать своему отечеству безсмертныя заслуги. Онъ обезпечилъ спокойствіе въ странѣ, сокрушивъ силу рода Фольконунговъ, производившихъ

междоусобія и отразивъ внѣшнихъ враговъ, главнымъ образомъ пиратовъ. Съ необыкновенною предусмотрительностью угадалъ онъ мѣсто для столицы и основалъ Стокгольмъ на островѣ, лежавшемъ при входѣ въ Меларское озеро, улучшилъ законы, исправилъ судопроизводство, не оставивъ безъ вниманія даже нравы и домашній бытъ шведовъ. Отличаясь желѣзною волей, не отступавшей предъ злодѣяніемъ и коварствомъ, онъ сокрушалъ всѣ препятствія на пути своихъ реформъ. Ненасытный честолюбецъ, великій герой и мудрый законодатель, онъ входилъ рѣшительно во все и былъ во многихъ отношеніяхъ истиннымъ благодѣтелемъ и преобразователемъ своего отечества. Но то былъ вѣкъ, когда слава и популярность пріобрѣтались главнымъ образомъ громкими военными подвигами. Биргеръ получилъ руку Ингерды за боевыя услуги противъ сильнаго и честолюбиваго Фольконунга Кнута Іогансона Долгаго, похитившаго было престолъ. За другой болѣе славный подвигъ, доставившій его отечеству большія торговыя выгоды—за освобожденіе Любека отъ нападеній датскаго короля онъ былъ облеченъ высокимъ званіемъ ярла и получилъ бразды правленія. Но для достиженія конечной цѣли его честолюбивыхъ стремленій ему нужно было прославиться какимъ-нибудь выдающимся предпріятіемъ. То былъ, какъ сказано выше, вѣкъ крестовыхъ походовъ. Совершить славный крестовый походъ, пріобрѣсть славу героя вѣры и въ то же время расширить предѣлы государства сдѣлалось мечтою ярла. На восточныхъ границахъ Финляндіи происходили смуты по случаю насильственныхъ поступковъ абоскаго епископа Томаса. Назначенный главою новообращенныхъ финновъ, родомъ англичанинъ, онъ довелъ финскій народъ до крайней степени озлобленія своей алчностью и жестокостью. Подстрекаемые новгородцами финны-язычники вступили въ истребительную борьбу противъ епископа и совершали страшныя неистовства. Они хватали миссіонеровъ, выкалывали имъ глаза, забивали въ голову гвозди, заливали горло растопленнымъ свинцомъ, бросали въ пропасти и на съѣденье звѣрей. Тогда папа повелѣлъ архіепископу упсальскому буллою отъ 9 декабря 1237 года возвѣстить крестовый походъ противъ язычниковъ-финновъ и русскихъ. Закипѣли сборы въ давно желанный походъ. Папа Григорій IX именемъ Всевышняго обѣщалъ прощеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ похода, а падшимъ въ бою—вѣчное блаженство. Приготовленія продолжались слишкомъ два года. Въ храмахъ раздавались горячія проповѣди, призывавшія къ участію въ походѣ. Священники указывали народу на яркую комету, явившуюся на востокѣ отъ Швеціи, какъ на указаніе свыше. „Туда спѣшите, братья! Вотъ вамъ небесная путеводительница къ славѣ, къ вѣчному блаженству!“ Призывъ не пропалъ даромъ. Собралось многочисленное ополченіе, къ которому присоединилось множество искателей приключеній и добычи. Шведы захватили съ собою норвежцевъ и подчинившихся имъ финновъ. Войско сопровождали „честные бискупы“, множество духовенства, а во главѣ ополченія, „пыхая духомъ ратнымъ“, сталъ самъ знаменитый ярлъ. Точно на турокъ во Святую землю, съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, съ крестомъ впереди, ополченіе взошло на корабли. Переѣздъ чрезъ Балтійское море до Або и отъ Або къ устью Невы совершился вполнѣ благополучно. Нева стояла полною въ своихъ зеленыхъ берегахъ, благодаря весеннимъ дождямъ, и непріятельскій флотъ гордо вступилъ въ ея воды. Надѣясь на многочисленность войска, Биргеръ разсчитывалъ прежде всего напасть на Ладогу и, ставши здѣсь твердой ногой, ударить на Новгородъ. Покореніе новгород-

ской земли и обращеніе русскихъ въ латинство было конечною цѣлію похода. Остановившись при устьѣ Ижоры *), Биргеръ, „загордѣвся“, послалъ сказать Александру: „Выходи противъ меня, если можешь сопротивляться! Я уже здѣсь и плѣню твою землю“ [95])... Но этотъ надменный вы-

Древнее вооруженіе русскихъ

зовъ не смутилъ юнаго героя. Богатырскія силы проснулись въ немъ. Онъ „разгорѣлся сердцемъ“ [96]). Вотъ онъ—великій подвигъ, на который зоветъ

*) Ижора—небольшая рѣчка Петербургской губ., беретъ начало изъ Гатчинскихъ озеръ. Берега ея круты, теченіе извилисто. Вѣроятно встарину при устьѣ ея было большое селеніе. Ганзейскіе корабли, приходя съ моря, здѣсь, по всей вѣроятности, останавливались для перегрузки товаровъ, чтобы чрезъ Ладожское озеро идти далѣе въ Волховъ, къ Новгороду.

его священный долгъ. Враги идутъ терзать дорогую родину и искоренять вѣру. Ихъ много, но они—грабители, лишь прикрывающіе свою алчность священнымъ знаменемъ служенія Богу. Многіе изъ нихъ сами не вѣрятъ въ правоту своего дѣла, а нечистая совѣсть—плохой союзникъ. Своихъ новгородцевъ онъ позоветъ на защиту родины и святой вѣры. Это дастъ имъ необоримое мужество, это вызоветъ единодушный порывъ на святую брань. Александръ Ярославичъ быстро сообразилъ все это и не долго предавался скорби по случаю малочисленности своей дружины [97]). Внезапному нападенію слѣдовало противопоставить внезапность отпора и хорошо разсчитанную быстроту дѣйствій. Медлить было не время. Враги не за горами, всего въ какихъ-нибудь ста верстахъ отъ Новгорода. Все равно — ждать помощи не

откуда. Съ горстью отборныхъ воиновъ онъ ударитъ на врага и, уповая на Св. Троицу, сокрушитъ его...

„Жалостно и слышати, пишетъ лѣтописецъ, яко отецъ его честный князь Ярославъ Всеволодовичъ не бѣ вѣдалъ таковаго встанія на сына своего милаго“ [98]).

Отдавъ необходимыя приказанія наличнымъ силамъ быть готовыми къ походу, Александръ поспѣшилъ въ соборный храмъ св. Софіи. Тамъ святитель, окруженный смятеннымъ и плачущимъ народомъ, умолялъ Бога даровать помощь правому дѣлу. Упавъ на колѣна предъ алтаремъ, Александръ излилъ свою душу въ горячей молитвѣ.

„Боже хвальный и праведный! Боже великій и крѣпкій! Боже превѣчный! сотворивый небо и землю и поставивый предѣлы языкомъ, и жити повелѣвый, не преступая въ чужія части... И нынѣ Владыко прещедрый!

слыши словеса гордаго варвара сего, похваляющась разорити святую вѣру православную и пролити хотяща кровь христіанскую, призри съ небесе и виждь и посѣти насъ винограда своего и суди обидящихъ мя, и возбрани борющимся со мною, и пріими оружіе и щитъ и стани въ помощь мнѣ, да не рекутъ врази наши, гдѣ есть Богъ ихъ? Ты бо еси Богъ нашъ и на Тя уповаемъ“ [99])!

Принеся теплую молитву Всевышнему, Александръ Ярославичъ принялъ благословеніе отъ владыки Спиридона и, утирая слезы, но съ одушевленнымъ и бодрымъ видомъ, вышелъ къ своей дружинѣ. Кратко, но исполнено силы и вѣры было слово, съ которымъ юный герой обратился къ дружинѣ.

„Братья! Не въ силахъ Богъ, а въ правдѣ! Вспомнимъ слова псалмопѣвца: сіи во оружіи, и сіи на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ... Не убоимся множества ратныхъ, яко съ нами Богъ“ [100])!

Настроеніе всѣхъ быстро измѣнилось. Святое одушевленіе князя передалось народу и войску. У всѣхъ явилась увѣренность въ торжествѣ праваго дѣла. Богъ не оставитъ Своей помощью благочестиваго князя, возложившаго на Него все упованіе. Горькое разочарованіе постигнетъ дерзкихъ враговъ, всуе будетъ ихъ трудъ [101])!

Между тѣмъ непріятели, не ожидая близкаго отпора, бросили якори у устья Ижоры и предались отдыху послѣ плаванія. О нападеніи со стороны Александра они, очевидно, менѣе всего помышляли, какъ вдругъ 15 іюля 1240 года въ день памяти св. князя Владиміра, просвѣтившаго русскую землю св. крещеніемъ, Александръ Ярославичъ явился близъ мѣста стоянки непріятелей [102]).

Не забудемъ упомянуть, что князь съ своей стороны принялъ всѣ мѣры предосторожности. По его распоряженію за врагами наблюдалъ вѣрный слуга Новгорода, начальникъ приморской стражи, ижорскій старшина Пелгусій, названный во св. крещеніи Филиппомъ. Это былъ человѣкъ, со всѣмъ усердіемъ принявшій христіанскую вѣру. Живя среди своихъ соплеменниковъ, грубыхъ язычниковъ (ижоры—народъ чудскаго племени), онъ свято исполнялъ завѣты своей новой вѣры [103]). Ему удалось высмотрѣть все расположеніе непріятельскаго войска и во-время сообщить свои свѣдѣнія Александру. Но Пелгусій имѣлъ открыть князю нѣчто, еще болѣе важное...

„Всю ночь провелъ я безъ сна, наблюдая за врагами,—такъ говорилъ Пелгусій, удалившись нѣсколько въ сторону съ Александромъ.—На восходѣ солнца я услыхалъ на водѣ „шумъ страшенъ“ и одинъ насадъ съ гребцами. Посреди насада стояли, положивъ на рамена другъ другу руки, святые мученики Борисъ и Глѣбъ, а гребцы, сидѣвшіе въ насадѣ, были „яко мьглою одѣяни“. И рече Борисъ: „брате Глѣбе! вели грести, да поможемъ сроднику своему в. кн. Александру Ярославичу“. Увидавъ дивное видѣніе и услыхавъ свв. мучениковъ, я стоялъ „трепетомъ въ ужасѣ“, пока насадъ ушелъ „отъ очію“ [104]).

Радостно забилось сердце героя при этомъ разсказѣ. Въ глубокомъ умиленіи проникаясь увѣренностью въ Божіей помощи, Александръ тихо проговорилъ Пелгусію: „Не говори никому объ этомъ, пока не увидимъ славы Божія“ [105]).

Это было утромъ 15 іюля [106]). Туманъ, съ восходомъ солнца, понемногу разсѣялся, и наступилъ день яркій и знойный. Враги ничего не

подозрѣвали... Ихъ шнеки лѣниво покачивались на волнахъ, привязанные бичевами къ берегу. По всему побережью ярко бѣлѣли многочисленные шатры, и среди всѣхъ высоко подымался златоверхій шатеръ самого Биргера. Прежде чѣмъ враги успѣли опомниться, русскіе дружнымъ натискомъ ударили на нихъ. Какъ Божія гроза, впереди всѣхъ пронесся въ средину враговъ юный князь и... увидалъ своего страшнаго врага. Съ неукротимой

отвагой бросившись на Биргера, онъ нанесъ ему тяжкій ударъ по лицу,— „возложилъ ему печать на лицо“, по выраженію лѣтописи [107]). Русская дружина прошла, избивая смятенныхъ непріятелей, черезъ весь станъ. Вражеское полчище бросилось къ берегу и спѣшило укрыться на корабли. Однако, лучшая часть ополченія успѣла оправиться отъ внезапнаго удара, и въ разныхъ концахъ обширнаго лагеря закипѣлъ упорный бой, продолжавшійся до ночи. Но дѣло враговъ было уже проиграно безвозвратно. Новгородцы

овладѣли боемъ. Искусно распоряжался молодой вождь, среди увлеченія боемъ умѣвшій сохранить ясность соображенія, направляя отряды своей дружины; звучно раздавался его голосъ, наводя ужасъ на враговъ. Храбрѣйшіе изъ нихъ были избиты. Оставшіеся въ живыхъ съ наступленіемъ ночи поспѣшили убрать съ поля битвы наиболѣе знаменитыхъ павшихъ и, наполнивши ими три корабля, съ разсвѣтомъ бѣжали. На другой день на мѣстѣ побоища виднѣлись разорванные шатры, разбросанные трупы и наскоро вырытыя ямы, наполненныя убитыми, которыхъ, очевидно, пытались предать погребенію.

Побѣда русскихъ была столь неожиданна и рѣшительна, что они, въ чувствѣ смиренія, не осмѣливались приписать ее своей храбрости и были увѣрены, что вмѣстѣ съ ними ангелы Божіи поражали непріятелей. Съ удивленіемъ видѣли они на другой день множество непріятельскихъ труповъ на противоположномъ берегу Ижоры [108]).

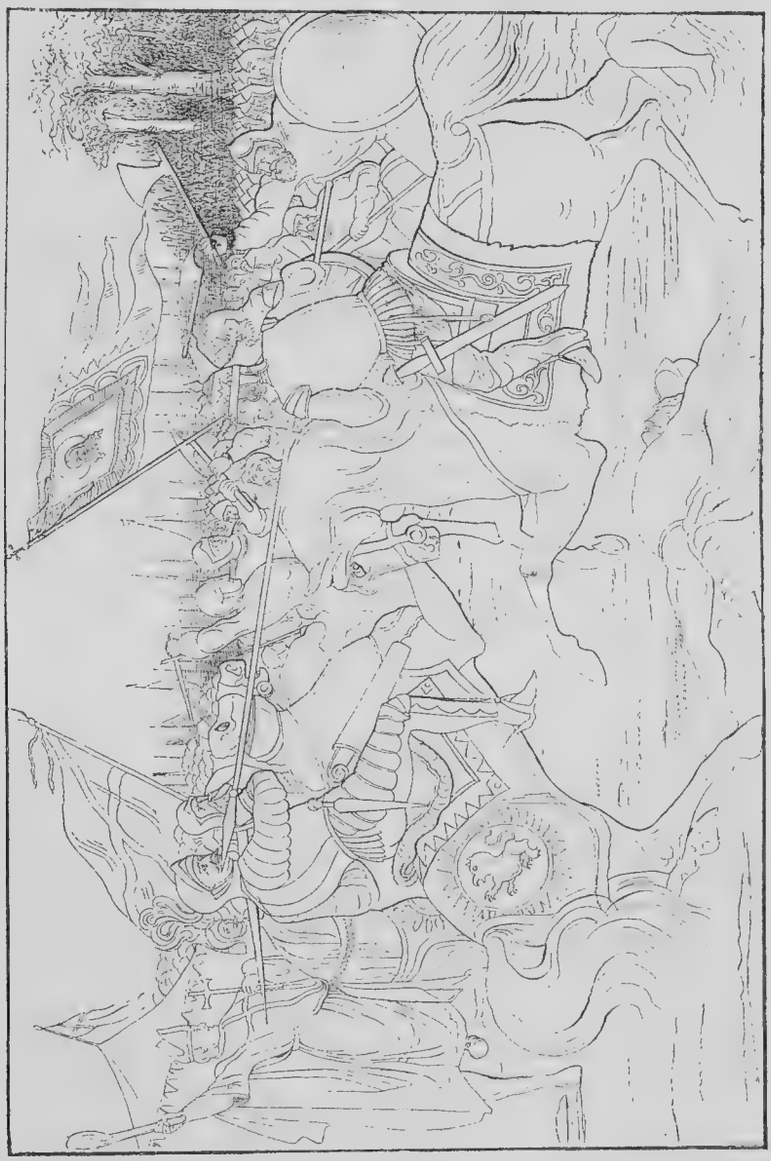
— Кто жъ избилъ ихъ тамъ?—съ недоумѣніемъ спрашивали новгородцы.—Насъ тамъ не было...

При возвращеніи въ Новгородъ Александръ Ярославичъ радостно встрѣченъ былъ ликующимъ народомъ, но онъ прежде всего спѣшилъ во храмъ воздать горячую благодарность Богу.

„Благодарю Тебя, Владыко преблагій, славлю пресвятое Имя Твое, яко не оставилъ мя еси раба Твоего, и отъ враговъ нашихъ избавилъ ны еси. Тіи спяти быша и падоша, мы возстахомъ и исправихомся!..“

Какъ истинный христіанинъ, Александръ Ярославичъ скромно умалчивалъ о своихъ подвигахъ, но, какъ вождь, онъ спѣшилъ вознаградить своихъ подвижниковъ. Ничто не ускользнуло отъ его зоркаго взгляда. Лично распоряжаясь боемъ, онъ имѣлъ возможность видѣть подвиги каждаго, и самъ охотно разсказывалъ объ нихъ, чтобы добрая слава его богатырей не умерла въ потомствѣ. Лѣтописецъ, разсказавши все ему извѣстное о ходѣ сраженія, прибавляетъ: „вся слышахъ отъ господина своего в. кн. Александра и отъ инѣхъ, иже въ то время обрѣтошася въ той сѣчи“ [109]). „Уважая память Александра и желая почтить память его сподвижниковъ, которыхъ онъ самъ призналъ достойными этой памяти,—справедливо говоритъ историкъ,—мы считаемъ непремѣнною обязанностію привесть этотъ разсказъ тѣми почти словами, какими онъ переданъ въ лѣтописи, и тѣмъ болѣе находимъ это необходимымъ, что разсказъ сей, заключающій въ себѣ частію разговоръ Александра, частію свидѣтельство другихъ участниковъ Невскаго боя, превосходно характеризуетъ духъ того времени. „Здѣсь явились въ полку Великаго Князя Александра Ярославича шесть мужей храбрыхъ, которые крѣпко мужествовали съ Княземъ. Первый былъ именемъ Гаврило Олексичъ, онъ наѣхалъ на шнеку, и видя, что несутъ королевича подъ руки, взъѣхалъ до самаго корабля по той же доскѣ, по которой несли королевича, и когда, оттолкнувши лодку, сбросили его въ море вмѣстѣ съ конемъ, то онъ снова бросился къ кораблю и вступилъ въ бой съ самимъ воеводою и такъ крѣпко бился, что убилъ и воеводу и бискупа. Другой былъ новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ; этотъ много разъ въѣзжалъ въ самыя густыя полчища непріятелей съ однимъ только топоромъ, и такъ безстрашно разсѣкалъ толпы противниковъ, что всѣ дивились его силѣ и храбрости. Третій Яковъ Полочанинъ, ловчій князя, съ своимъ мечомъ одинъ ударилъ на цѣлый полкъ непріятелей и такъ мужественно и крѣпко поражалъ ихъ, что самъ князь похвалилъ его. Четвертый новгородецъ, именемъ

Миша, собравъ дружину соратниковъ, пѣшій бросился въ море и погубилъ три корабля шведовъ. Пятый былъ нѣкто изъ младшихъ воиновъ, по имени Сава, онъ наѣхалъ на большой златоверхній шатеръ королевъ и уронилъ его, подсѣкши столпъ, и тѣмъ возвѣстилъ побѣду полкамъ Александровымъ, которые, видя паденіе шатра непріятельскаго, возрадовались. Шестый муже-



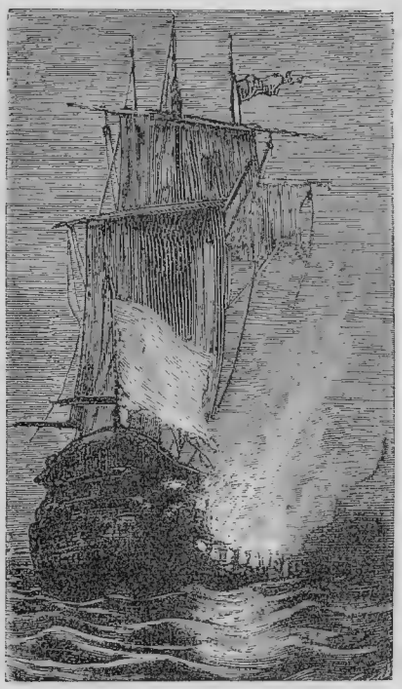
ственный воитель былъ слуга Александровъ Ратмиръ, сей пѣшій бился и погибъ отъ ранъ, врубившись въ толпу шведовъ“ [110]).

Потери новгородцевъ были весьма незначительны, всего съ ладожанами двадцать человѣкъ [111]). Такъ недорого обошлась славная побѣда! Намъ невѣроятными представляются эти извѣстія, „да и не мудрено,—замѣчаетъ историкъ: — имъ дивились современники и даже очевидцы“ [112]). Но чего не можетъ совершить беззавѣтная удаль и самоотверженная любовь къ родинѣ,

одушевленная надеждой на небесную помощь! Успѣхъ русскихъ много зависѣлъ отъ быстроты, неожиданности нападенія. Въ страшномъ замѣшательствѣ и переполохѣ разноплеменные враги, обманувшись въ своей надеждѣ на богатую добычу и раздраженные неудачей, можетъ быть, бросились избивать другъ друга и продолжали кровопролитный бой между собою и на другомъ берегу Ижоры. Но болѣе всего, безъ сомнѣнія, побѣда зависѣла отъ личныхъ достоинствъ вождя, который „бѣ побѣждая вездѣ, а непобѣдимъ николиже“. Не даромъ современники и потомство дали Александру Ярославичу славное имя Невскаго. Его орлиный взглядъ, его мудрая сообразительность, его юный энтузіазмъ и распорядительность во время боя, его геройская отвага и разумно принятыя мѣры предосторожности, а главное—небесное содѣйствіе ему всего вѣрнѣе обезпечили успѣхъ дѣла. Онъ сумѣлъ воодушевить войско и народъ. Самая личность его производила чарующее впечатлѣніе на всѣхъ, кто его видѣлъ. Незадолго до славной Невской побѣды, въ Новгородъ приходилъ магистръ ливонскій Андрей Вельвенъ, „хотя видѣти мужество и дивный возрастъ блаженнаго Александра, якоже древле царица южская прінде къ Соломону видѣти премудрость его. Подобно тому и сей Андріяшъ, яко узрѣ святаго великаго князя Александра, зѣло удивился красотѣ лица его и чудному возрасту, паипаче же видя Богомъ дарованную ему премудрость и непремѣнный разумъ, и не вѣдяше како нарещи его и въ величѣ недоумѣніи бысть. Егда же возвратился отъ него, и прінде во-свояси, и начатъ о немъ повѣдати со удивленіемъ. Прошедъ, рече, многи страны и языки, и видѣхъ много цари и князи, и нигдѣ же такова красотою и мужествомъ не обрѣтохъ ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя, яко же великій князь Александръ“ [113]). Для объясненія тайны этого обаянія недостаточно указанія только на отвагу и предусмотрительность. Одновременно съ этими качествами въ немъ было нѣчто высшее, что неотразимо влекло къ нему: на челѣ его сіяла печать генія. Какъ яркій свѣтильникъ, горѣлъ въ немъ явно для всѣхъ даръ Божій. Этимъ-то даромъ Божіимъ всѣ любовались въ немъ. Прибавимъ къ этому его искреннее благочестіе. Подобно слову Божію о Немвродѣ, онъ также былъ воинъ „предъ Господомъ“. Вдохновенный вождь, онъ умѣлъ вдохновлять народъ и войско. Всего ярче отражается свѣтлый образъ невскаго героя въ лѣтописяхъ, писанныхъ большею частію современниками. Какимъ теплымъ чувствомъ, какимъ, можно сказать, благоговѣніемъ дышатъ ихъ безыскусственные разсказы! „Какъ дерзну я, худой, недостойный и многогрѣшный, написать повѣсть объ умномъ, кроткомъ, смысленномъ и храбромъ великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ“ [114])!—восклицаютъ они. Изображая его подвиги, они сравниваютъ его съ Александромъ Великимъ, съ Ахилломъ, съ Веспасіаномъ—царемъ, плѣнившимъ землю іудейскую, съ Самсономъ, съ Давидомъ, по мудрости съ Соломономъ. Это—не риторическая прикраса. Все это подсказано глубоко искреннимъ чувствомъ. Подавленный страшнымъ нашествіемъ татаръ, русскій народъ инстинктивно искалъ утѣшенія, отрады, жаждалъ того, что хотя нѣсколько могло бы поднять и ободрить упавшій духъ, оживить надежды, показать ему, что не все еще погибло на святой Руси... И онъ нашелъ все это въ лицѣ Александра Ярославича. Со времени Невской побѣды онъ сдѣлался свѣтлой путеводной звѣздой, на которой съ горячей любовью и упованіемъ сосредоточилъ свои взоры русскій народъ. Онъ сталъ его славой, его надеждой, его утѣхой и гордостью [115]).

Притомъ онъ былъ еще такъ молодъ, такъ много предстояло ему еще впереди...

Римляне побѣждены и посрамлены!—радостно восклицали новгородцы,—не свея, мурмане, сумь и емь—*римляне* [116])!!.. Въ этомъ выраженіи, въ этомъ названіи побѣжденныхъ враговъ римлянами народный инстинктъ вѣрно угадалъ смыслъ нашествія. Народъ прозрѣвалъ здѣсь посягательство Запада на русскую народность и вѣру. Здѣсь, на берегахъ Невы, со стороны русскихъ данъ былъ *первый* славный отпоръ грозному движенію германства и латинства на православный Востокъ, на святую Русь.



Видъ Пскова.

VII.

Утвержденіе нѣмецкаго владычества въ Ливоніи.—Война нѣмцевъ съ русскими.—Паденіе Пскова.—Удаленіе Александра изъ Новгорода. — Возвращеніе его въ Новгородъ и война съ нѣмцами. — Освобожденіе Пскова. — Ледовое побоище.—Небесная помощь.—Религіозный характеръ борьбы.—Миръ съ нѣмцами. Значеніе Чудской побѣды.

Радуйся, злыхъ козней иновѣріи, подвигшихъ чюжду рать на землю нашу, разрушителю!
Радуйся, Пскова, отечества святыя Ольги, свободителю!
Радуйся, ненавидѣвшихъ міръ оумирителю!

Немедленно послѣ побѣды надъ шведами Александру Ярославичу пришлось бороться съ другими еще болѣе опасными врагами—нѣмцами [117]).

На восточномъ побережьи Балтійскаго моря, тамъ, гдѣ теперь Лифляндская и Эстляндская губерніи, съ незапамятныхъ временъ жили финскія и латышскія племена. Этотъ край, извѣстный подъ общимъ названіемъ Ливоніи, находился въ зависимости отъ русскихъ, — отъ Новгорода и полоцкихъ князей. Тамъ находились издавна русскія владѣнія. Ярославъ Мудрый построилъ здѣсь городъ Юрьевъ. По берегамъ Двины полоцкимъ князьямъ принадлежали двѣ волости съ городами Кукейносъ и Герсикъ. Благодаря сношеніямъ съ русскими, туземцы постепенно знакомились съ ихъ вѣрой и обычаями. Можно было надѣяться, что весь край понемногу сдѣлается русскимъ православнымъ. Но вотъ въ XIII столѣтіи здѣсь впервые появились нѣмцы и стали силой принуждать ливонцевъ креститься. Папа объявилъ противъ нихъ крестовый походъ, обѣщая отпущеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ похода. Второй нѣмецкій епископъ Бартольдъ прибылъ въ Ливонію съ значительнымъ отрядомъ.

— Отпусти войско домой! — говорили ему туземцы. — Убѣждай словами, а не палками [118])!

Но нѣмцы не послушались ливонцевъ. На мѣсто убитаго въ бою Бартольда, явился также во главѣ крестоноснаго ополченія новый епископъ Альбертъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ отличался желѣзной волей и необыкновенно-проницательнымъ и хитрымъ умомъ. Его энергія поистинѣ изу-

Карта Ливоніи.

мительна. Вполнѣ справедливо считаютъ его главнымъ основателемъ нѣмецкаго владычества въ прибалтійскомъ краѣ. Въ 1200 году Альбертъ основалъ при устьѣ Двины городъ Ригу и населилъ его вызванными изъ Германіи жителями, но скоро онъ придумалъ другое болѣе вѣрное и быстрое средство овладѣть краемъ — основаніе ордена воинствующихъ братій. То были иноки, дававшіе Богу, между прочимъ, обѣтъ распространять оружіемъ католичество. Такихъ военно-монашескихъ обществъ было уже нѣсколько въ распоряженіи папъ. Иннокентій III благословилъ предпріятіе Альберта, и въ 1202 году основанъ былъ орденъ Меченосцевъ. Иноки-воины должны были носить бѣлый плащъ съ краснымъ мечомъ и крестомъ. Первымъ магистромъ ордена былъ Винно фонъ-Рорбахъ.

Съ того времени загорѣлась безпощадная кровавая борьба между непрошенными пришельцами и ливонцами. Рыцари оружіемъ обращали туземцевъ въ католицизмъ, захватывали ихъ земли, ихъ самихъ обращали въ рабство, упрочивая свое владычество крѣпкими замками. Ливонцы ожесточились и не разъ поднимали возстанія, при чемъ жестоко расправлялись съ рыцарями, попадавшими имъ въ руки. Ненависть къ нѣмцамъ они перенесли на самое христіанство: они бросались въ Двину, чтобы смыть съ себя крещеніе, которое казалось имъ символомъ рабства. Но изъ Германіи безпрестанно прибывали новые отряды закованныхъ въ желѣзо рыцарей и усмиряли туземцевъ. Ужасны были эти войны! Нерѣдко нѣмцы истребляли все мужское населеніе, забирая въ плѣнъ женщинъ и дѣвицъ, жилища выжигали дотла, а скотъ уводили съ собой. На пепелищѣ сожженныхъ селеній свирѣпые крестоносцы, при воплякъ плѣнныхъ, устраивали шумныя и отвратительныя пиршества, съ музыкой и плясками, при чемъ вино лилось рѣкой... Не даромъ папы сзывали въ походъ даже поджигателей и другихъ преступниковъ, отпуская имъ всѣ грѣхи, лишь бы приняли крестъ. Несчастные ливонцы стали покидать свои жилища и селиться въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ или въ подземельяхъ. Но не всегда и здѣсь имъ удавалось укрыться отъ враговъ. Однажды нѣмецкій отрядъ замѣтилъ одно изъ такихъ подземелій. Немедленно при входѣ въ него разложены были костры, и до 1.000 человѣкъ туземцевъ было задушено дымомъ. Ливонцы преслѣдовались, какъ дикіе звѣри, гонимые изъ одной берлоги въ другую. Среди безпрерывной рѣзни не было времени для погребенія труповъ, которые валялись всюду и, разлагаясь, заражали воздухъ. Иногда туземцы, доведенные до отчаянія, пытались просить мира, но всякій разъ получали безпощадный отвѣтъ: крещенье или смерть [119])!.. Глубоко затаивъ въ сердцѣ ненависть къ своимъ поработителямъ, ливонцы утѣшали себя надеждами на лучшую будущность за гробомъ. „Ступай, несчастный, изъ этого міра, гдѣ надъ тобою господствовали нѣмцы, въ лучшій міръ, гдѣ уже не они надъ тобою, но ты будешь господствовать надъ ними!“ Такимъ напутствіемъ провожали туземцы своихъ покойниковъ въ загробный міръ [120]).

Папы всѣми силами старались ускорить завоеваніе Ливоніи. Въ промежутокъ между 1216—1240 гг. можно насчитать до 40 папскихъ посланій, выражающихъ большую заботливость папъ о тѣхъ, которые шли на помощь „святой землѣ, вновь пріобрѣтенной въ Ливоніи“ [121]). Но конечной цѣлью всѣхъ стремленій папъ было порабощеніе русской церкви. Завоеваніе Ливоніи было лишь первымъ шагомъ на этомъ пути. Въ своихъ посланіяхъ папы называютъ русскихъ нарушителями католической вѣры, повелѣваютъ отнюдь не слагать

оружія и не заключать мира съ язычниками и русскими [122]), требуютъ, чтобы русскіе въ Ливоніи принуждаемы были къ латинству [123]), наконецъ, объявляютъ всю русскую землю на вѣчныя времена собственностью св. Петра и грозно предписываютъ рыцарямъ искоренять „проклятый греческій законъ и присоединять Русь къ римской церкви“ [124]).

Съ утвержденіемъ нѣмецкаго владычества въ Ливоніи мы встрѣчаемъ въ ней въ миніатюрѣ всѣ черты, которыя отличали тогдашній западно-европейскій бытъ; мы видимъ здѣсь и стремленія папъ, желавшихъ господствовать надъ совѣстью всѣхъ народовъ, и „культуру“ нѣмцевъ съ ихъ стремленіемъ къ владычеству надъ всѣмъ міромъ и надъ всѣми народами, и феодализмъ съ рабствомъ и угнетеніемъ простого народа, и пресловутое рыцарство со всѣми его уродливыми проявленіями, и кулачное право, и бюргерство и т. д. Словомъ, полное экономическое и духовное порабощеніе! Вотъ что приносилось къ финнамъ и латышамъ, а затѣмъ и къ русскимъ подъ священнымъ знаменіемъ вѣры!..

Какъ же поступали русскіе въ виду надвигавшейся грозы? Задача отразить пришельцевъ на первыхъ же порахъ выпадала на долю новгородцамъ и полоцкимъ князьямъ. Но двѣ причины мѣшали успѣшнымъ дѣйствіямъ русскихъ: своеволіе и рознь. Новгородцы заняты были своими нескончаемыми внутренними распрями, пропсками и борьбою различныхъ партій. Съ другой стороны полоцкіе князья никогда не были въ близкомъ единеніи съ другими русскими князьми, вели между собою усобицы, боролись съ своими же гражданами. Тѣмъ не менѣе съ 1206 года начинается непрерывный рядъ кровопролитныхъ войнъ между русскими и нѣмцами, при чемъ ливонцы обыкновенно помогали русскимъ, надѣясь съ ихъ помощью вернуть свою свободу. Изъ русскихъ владѣній въ Ливоніи предъ „желѣзными людьми“ первымъ палъ Кукейносъ. Узнавъ о грозныхъ приготовленіяхъ нѣмцевъ, русскіе, забравъ свое добро, сами зажгли городъ и ушли далѣе на востокъ, а окрестные туземцы разбѣжались по дремучимъ лѣсамъ, спасаясь отъ свирѣпости крестоносцевъ. Затѣмъ очередь дошла до Герсика. Княземъ этой области въ то время былъ Всеволодъ, страшный врагъ латинянъ [125]). Епископъ Альбертъ составилъ коварный планъ внезапнаго нападенія на Герсикъ. Это ему вполнѣ удалось. Князь едва успѣлъ бѣжать въ лодкахъ, но его жена и вся домашняя прислуга попалась въ плѣнъ. Городъ былъ преданъ разграбленію. Не довольствуясь награбленнымъ въ большомъ числѣ имуществомъ, „добрый и вѣрный пастырь“ Альбертъ приказалъ разрушить православные храмы и обобрать св. иконы, украшенія и колокола. Цѣлый день продолжались неистовства. На другой день, уходя съ награбленнымъ добромъ и плѣнными, нѣмцы зажгли городъ. Всеволодъ находился на другомъ берегу Двины. Увидавъ пожаръ, онъ жалостно вскрикнулъ: „Герсикъ, Герсикъ! Любимый городъ, дорогая моя отчина! Довелось увидать мнѣ, несчастному, пожаръ твой и гибель монхъ людей!“ Епископъ и рыцари, подѣливъ добычу, съ княгиней и плѣнными возвратились въ Ригу. Всеволодъ долженъ былъ явиться къ Альберту и униженно молить объ освобожденіи своей супруги и русскихъ плѣнниковъ. Его просьбу исполнили подъ условіемъ уступки своей волости „въ даръ Св. Богородицы“, т.-е. во власть самихъ нѣмцевъ [126])... Впослѣдствіи Всеволодъ погибъ при вторичномъ нападеніи враговъ. Наконецъ палъ и Юрьевъ, первое и самое крѣпкое поселеніе русскихъ въ Ливоніи. Тамъ княжилъ Вячко или Вячеславъ, изгнанный нѣмцами изъ Кукейноса.

Онъ также былъ непримиримымъ врагомъ латинства [127]). Нѣмцы платили ему равною ненавистью и рѣшились жестоко покарать его. Огромное ополченіе рыцарей ордена, слугъ римской церкви, пришлыхъ крестоносцевъ и нѣмецкихъ поселенцевъ края окружили городъ 15 августа 1224 года, въ тотъ роковой 1224 годъ, когда русскіе впервые увидали татаръ. Защита была упорная, нѣмцы собрали военный совѣтъ: „Не станемъ терять времени и сдѣлаемъ рѣшительный приступъ. Взявъ городъ, проучимъ жителей — въ примѣръ другимъ! До сихъ поръ мы поступали слишкомъ милостиво, оттого другимъ не задано надлежащаго страха. Первый, кто взойдетъ на стѣну, будетъ превознесенъ почестями, получитъ лучшихъ лошадей и знатнѣйшаго плѣнника, исключая князя. Ему не будетъ пощады! Мы повѣсимъ его на самомъ высокомъ деревѣ!..“ На слѣдующее утро начался приступъ. Русскіе отчаянно боролись. Среди общей схватки братъ епископа Іоганнъ фонъ-Ангельдернъ съ огнемъ въ рукѣ первый началъ взбираться на валъ, за нимъ бросались другіе, стремясь взойти на стѣны раньше товарищей. Началась ужасная рѣзня. Пощады никому не было. Русскіе были всѣ перебиты. Нѣмцы окружили городъ со всѣхъ сторонъ и такимъ образомъ преградили путь къ бѣгству. Изъ всѣхъ мужчинъ оставили въ живыхъ только одного. Его посадили на лошадь и отправили извѣстить новгородцевъ о судьбѣ Юрьева [128]). Новгородскому лѣтописцу пришлось записать грустное событіе: „Того же лѣта убиша князя Вячка нѣмцы въ Гюргевѣ и городъ взяша“...

Причины успѣховъ нѣмцевъ зависѣли главнымъ образомъ отъ образа дѣйствій самихъ русскихъ: они дѣйствовали, по обыкновенію, не дружно. Въ самыя рѣшительныя минуты то одни, то другіе оставляли поле сраженія и даже вступали въ союзъ съ нѣмцами. Въ 1228 году князь Ярославъ Всеволодовичъ собрался было въ походъ противъ нѣмцевъ и привелъ съ собою свои переяславскіе полки. Естественно, что онъ желалъ соединить силы Новгорода и Пскова для дружнаго отпора врагамъ. Но псковичи наотрѣзъ отказались идти въ походъ и поспѣшили заключить отдѣльный миръ съ нѣмцами, давши имъ и заложниковъ съ тѣмъ, чтобы нѣмцы помогли имъ, въ случаѣ разрыва съ Ярославомъ и новгородцами.

— Идите со мною въ походъ!—звалъ Ярославъ псковичей.—Я зла на васъ не думалъ, выдайте мнѣ тѣхъ, кто оговорилъ меня передъ вами.

— Кланяемся тебѣ, князь, и вамъ, братья-новгородцы, но въ походъ не пойдемъ. Съ рижанами мы заключили миръ. Своей братьи не выдадимъ... Нѣмцевъ вы только дразните, а намъ приходится отвѣчать за это...

— Безъ своей братьи псковичей и мы нейдемъ!—закричали новгородцы на вѣчѣ.—А тебѣ, князь, кланяемся...

Ярославу ничего болѣе не оставалось, какъ отпустить домой свои переяславскіе полки.

— Можно ли было при такихъ отношеніяхъ успѣшно бороться съ нѣмцами!—справедливо восклицаетъ историкъ [129]).

Новгородцы и псковичи жестоко ошибались, если полагали, что могутъ ужиться въ мирѣ съ нѣмцами. Они не могли, конечно, ясно сознавать, что ихъ вражда съ опасными сосѣдями—одно изъ проявленій великой вѣковой борьбы, которая не съ ними началась, не съ ними и кончится, но они должны были бы хорошо помнить, что православныхъ русскихъ нѣмцы считали такими же язычниками, какъ и ливонцевъ. Можно было предвидѣть, что послѣ покоренія Ливоніи нѣмцы устремятся далѣе на Востокъ. Такъ

дѣйствительно и случилось. Папа неотложно требовалъ дальнѣйшаго распространенія его власти надъ русскими. Дерптскій епископъ Германъ первый началъ составлять ополченіе [130]). Собралось множество рыцарей. Безъ объявленія войны нѣмцы бросились на Изборскъ и взяли его приступомъ. „Изъ русскихъ никто не былъ оставленъ въ покоѣ. Убивали или забирали въ плѣнъ всѣхъ, кто только осмѣливался защищаться. Вопль и стоны раздавались по всей землѣ!“—говоритъ съ торжествомъ современный нѣмецкій лѣтописецъ. Въ самую годовщину Невской побѣды псковичи поспѣшили было выступить противъ непріятелей, но потерпѣли пораженіе. Русскіе, по словамъ нѣмецкаго историка, бѣжали, „отчаянно пришпоривая и прихлестывая своихъ лошадей, и лѣсъ оглашался стонами и проклятіями“. По пятамъ бѣжавшихъ нѣмцы [131]), не теряя времени, устремились къ Пскову. Измученные псковичи, не имѣя времени перевести духъ послѣ пораженія, не могли защищаться. Съ ужасомъ смотрѣли они на лагерь непріятелей. Кругомъ горѣли неукрѣпленныя мѣстности, селенія и храмы Божіи. Наконецъ псковичи, послѣ недѣльной осады, сдались нѣмцамъ, которые и вступили въ обладаніе всѣми землями, принадлежавшими псковичамъ [132]). То былъ громкій успѣхъ! Вѣсть о немъ быстро распространялась, и новыя толпы текли изъ западной Европы для продолженія столь успѣшно начатыхъ завоеваній. Въ то время какъ многіе изъ несчастныхъ псковичей бѣжали изъ родного города съ своими семействами и появились въ Новгородѣ, прося крова и защиты, новгородцы съ ужасомъ узнали, что нѣмцы напали уже на новгородскія области. Намѣреніе враговъ овладѣть Новгородомъ было очевидно. Забирая новгородскія земли, нѣмцы въ то же время жестоко опустошали ихъ. Поселяне съ жалобами сбѣгались въ городъ. „Не на чемъ орать по селамъ“ [133]). Успѣхи нѣмцевъ были быстры и рѣшительны. Овладѣвши новгородскими пригородами, непріятели показались въ мѣстности, непосредственно прилегающей къ Новгороду, не далѣе 30 верстъ, и хватали новгородскихъ и пріѣзжихъ торговцевъ [134]).

Что же знаменитый невскій герой, князь новгородскій?! Отчего онъ допустилъ враговъ причинить такъ много зла его землямъ? Увы, его въ это время не было въ Новгородѣ. Несмотря на всѣ его высокія и благородныя качества, несмотря на укоренившуюся къ нему любовь народа, несмотря на славу, покрывшую его послѣ Невской побѣды, неблагодарные новгородцы не могли ужиться съ нимъ въ мирѣ. Даже въ виду страшной опасности отъ враговъ, они не могли отстать отъ своей привычки къ мятежамъ и волненіямъ. Скоро они замѣтили, что ихъ молодой князь, начавъ править самостоятельно, обнаруживаетъ не одни только блестящія качества полководца, но твердую волю и сильный умъ правителя: усвоивъ себѣ взгляды отца, дѣда и прадѣда, онъ, очевидно, началъ выказывать стремленіе положить конецъ внутреннимъ смутамъ и безтолковому кричанію на вѣчахъ, производящему лишь „разньствіе въ братіи“. Мы не знаемъ достовѣрно, въ чемъ заключалась сущность распри, возникшей между княземъ и новгородцами. Извѣстно только, что новгородцы „распрѣніе нѣкое показаша, возропташа на св. великаго князя Александра Невскаго, крамольще, молву составляюще въ людехъ“ [135])—явленіе обычное въ Новгородѣ, но вовсе не подходившее къ тяжелымъ обстоятельствамъ, среди которыхъ приходилось жить на Руси съ начала XIII столѣтія! Въ справедливомъ гнѣвѣ на неблагодарный городъ, Александръ Ярославичъ, по примѣру отца, съ матерью, супругой и со всѣмъ дворомъ отъѣхалъ въ суздальскую землю — въ Переяславль [136]). Это было

зимою 1240 года. Тамъ онъ спѣшилъ прежде всего исполнить, вѣроятно, давнее желаніе своего сердца — основать Александровскій монастырь съ храмомъ во имя св. мученика Александра персскаго [137]). Очевидно, среди благочестивыхъ трудовъ, подобно своимъ предкамъ, онъ жаждалъ найти отдыхъ отъ бранныхъ тревогъ и заботъ правительственныхъ. Но не долго пришлось ему пробыть на родинѣ. Новгородцы скоро увидали все свое неразуміе: близость враговъ напомнила имъ объ Александрѣ. Чувствуя свою вину предъ нимъ, они не посмѣли обратиться прямо къ нему. Посольство изъ Новгорода явилось къ Ярославу Всеволодовичу съ просьбою дать Новгороду князя. Вѣроятно новгородцы надѣялись, что Ярославъ Всеволодовичъ догадается прислать имъ старшаго сына. Но они ошиблись. Ярославъ прислалъ имъ другого своего сына Андрея [138]). Но не Андрей нуженъ былъ новгородцамъ,—имъ нуженъ былъ Александръ. Новое посольство изъ лучшихъ людей Новгорода, съ самимъ архіепископомъ во главѣ, отправилось къ Ярославу съ порученіемъ усердно просить о возвращеніи Александра. Дѣло шло не объ одномъ Новгородѣ, а касалось всей Русской земли—и Александръ рѣшился явиться на помощь новгородцамъ [139]). Честь и слава великой душѣ, забывающей оскорбленія въ виду священнаго долга! Вѣроятно, пользуясь обстоятельствами, Александръ постарался какими-нибудь обязательствами ограничить своеволіе новгородцевъ, чтобы имѣть болѣе свободы дѣйствій на будущее время [140]). Съ прибытіемъ князя все ожило въ Новгородѣ. Народъ встрѣтилъ его съ неподдѣльною радостью. Немедленно вокругъ доблестнаго вождя собралось ополченіе. Александръ быстро двинулся къ Копорью, гдѣ укрѣпились нѣмцы, и взялъ его. Много непріятелей пало отъ оружія новгородцевъ, много попало въ плѣнъ [141]). Александръ Ярославичъ строго покаралъ измѣнившихъ русскимъ ливонцевъ и новгородскихъ измѣнниковъ [142]). Очевидно крамолы и измѣны особенно ненавистны были прямодушному герою, потому что съ другой стороны съ плѣнными нѣмцами онъ поступилъ совсѣмъ иначе: только нѣкоторыхъ изъ нихъ привелъ съ собою въ Новгородъ, а остальнымъ возвратилъ свободу. Милостивъ былъ „паче мѣры!“—какъ бы съ легкимъ укоромъ замѣчаетъ лѣтописецъ [143]).

Но для освобожденія Пскова однихъ новгородскихъ силъ было недостаточно. Поэтому Александръ отправился къ отцу въ суздальскую землю просить подкрѣпленій. Ярославъ Всеволодовичъ согласился отпустить свои полки, и Александръ съ свѣжими силами и съ братомъ Андреемъ возвратился въ Новгородъ. По своему всегдашнему обыкновенію, благочестивый князь прежде всего явился во храмъ св. Софіи и въ горячей молитвѣ со слезами просилъ у Господа силъ благословенія на новый подвигъ [144]). Здѣсь же онъ возвѣстилъ походъ на нѣмцевъ, похвалявшихся „укорить словеньскій языкъ“ [145]), и, не теряя времени въ ожиданіи, пока соберется новгородская рать, поспѣшилъ занять всѣ дороги, ведущія къ Пскову. Нѣмцы еще не успѣли узнать о предполагаемомъ походѣ, какъ Александръ уже находился подъ стѣнами Пскова. Городъ безъ особеннаго труда былъ освобожденъ. Нѣмецкіе намѣстники были закованы въ цѣпи и отправлены въ Новгородъ. Псковъ былъ объявленъ свободнымъ [146]). Немедленно послѣ того Александръ устремился на нѣмецкія земли. По приказу князя, новгородцы опустошили ихъ на большое пространство, при чемъ погибло много непріятелей, не ожидавшихъ такой быстроты нападенія [147]).

Страшная вѣсть объ освобожденіи Пскова, подобно громовому уда-

ру, поразила ливонскихъ нѣмцевъ. Вся Ливонія пришла въ движеніе [148]). Быстро собиралось громадное нѣмецкое ополченіе. Нѣмцы рѣшили покончить съ новгородскимъ княземъ, подобно Вячеславу. Первый магистръ ордена и „честные бискупы“ были вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ. „Пойдемъ, погубимъ великаго князя русскаго, возьмемъ Александра живымъ въ плѣнъ!“ хвастливо говорили рыцари [149]). Эти гордыя надежды имѣли свое основаніе: всѣ, кто видѣлъ многочисленность непріятельскаго войска, со страхомъ говорили о „силѣ нѣмецкой [150]). Но, надѣясь на помощь Божію, невскій герой не палъ духомъ. „Воинъ предъ Господомъ“, выступая на рѣшительный бой, онъ и въ Псковѣ еще разъ спѣшитъ подкрѣпить свой духъ молитвою. Надъ стѣнами кремля, „Дѣтинца“, величественно возвышается соборный храмъ Св. Троицы,—святыня, столь же дорогая народному сердцу Пскова, какъ св. Софія Кіеву и Новгороду. Псковичи считали своихъ враговъ врагами Св. Троицы; за Св. Троицу они всегда готовы были положить свои головы. Первоначальное основаніе храма приписывается св. Ольгѣ. Впослѣдствіи храмъ былъ построенъ изъ камня св. княземъ Всеволодомъ-Гавріиломъ. Въ главномъ храмѣ, по лѣвой сторонѣ, между колоннами—серебряная рака съ мощами благодѣтеля и защитника Пскова св. благовѣрнаго князя Всеволода-Гавріила и икона его супруги, весьма древняя и близкая къ подлиннику [151]). Здѣсь-то и пролилъ слезы, вознося теплыя молитвы, Александръ Ярославичъ. Безъ сомнѣнія, онъ призывалъ на помощь св. заступника Пскова, прося его ходатайства предъ Богомъ за свой городъ. Вмѣстѣ съ княземъ усердно помолились и его сподвижники и граждане Пскова. Принявъ благословеніе отъ пастырей церкви, князь выступилъ навстрѣчу врагамъ. Время было зимнее. Пользуясь удобными путями, передовые полки Александра должны были выслѣдить движеніе непріятелей. Къ несчастію, легкіе отряды наткнулись на главныя силы враговъ. Нѣмцы съ яростью бросились на русскихъ и разбили ихъ. Часть войска попалась въ плѣнъ, другіе бѣжали къ Александру съ печальнымъ извѣстіемъ о постигшей неудачѣ [152]). Однако, успѣхъ непріятелей, повидимому, принесъ имъ больше вреда, чѣмъ пользы. Нѣмцы приняли передовой отрядъ за главныя силы русскихъ и съ большою самоувѣренностью двинулись впередъ. Они шли по направленію къ Пскову по льду Чудскаго озера *). Передовые русскіе полки отступали предъ непріятелями. Между тѣмъ къ Александру постоянно подходили новые отряды новгородцевъ, вполнѣ готовые къ бою. Главныя силы русскихъ сосредоточивались у скалы „Вороній камень“, получившей свое названіе отъ множества кружившихся тамъ вороновъ, на Узмени, при поворотѣ изъ Чудскаго озера въ Псковское. Съ высоты уступа Александръ внимательно слѣдилъ за движеніями непріятельскаго войска. Предъ нимъ на далекое пространство разстилалось къ сѣверу Чудское озеро съ низменными, поросшими лѣсомъ, берегами, и по льду его, сверкая издали доспѣхами, двигалось стройное рыцарское ополченіе.

Что передумалъ, что перечувствовалъ въ эти мгновенія невскій герой!? Глубокое сознаніе собственной правоты, невозможность какой-либо уступки врагамъ, покушавшимся на свободу родины, на вѣру, на все, что дорого

*) Чудское озеро—въ Псковской губерніи. Другое его названіе—Пейпусъ. Оно соединяется проливомъ или такъ-называемымъ Теплымъ озеромъ съ Малымъ Пейпусомъ или Псковскимъ озеромъ. Длина Чудскаго озера 90, ширина 47 верстъ. Длина озеръ Теплаго и Псковскаго 50 верстъ; ширина Теплаго—9, Псковскаго—20 верстъ.

человѣку на землѣ, мысль о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя враги уже причинили русскому народу, объ ихъ гордыхъ притязаніяхъ—все это съ быстротою молніи пронеслось у него въ умѣ, и изъ глубины души вырвалось у него восклицаніе, потрясшее сердца русскихъ.

— Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!— громко произнесъ онъ, воздѣвъ руки къ небу.—Помоги мнѣ, Господи, какъ нѣкогда прадѣду моему Ярославу противъ Святополка Окаяннаго [153]).

Громкія восклицанія окружавшихъ его полковъ раздались въ отвѣтъ на эти слова:

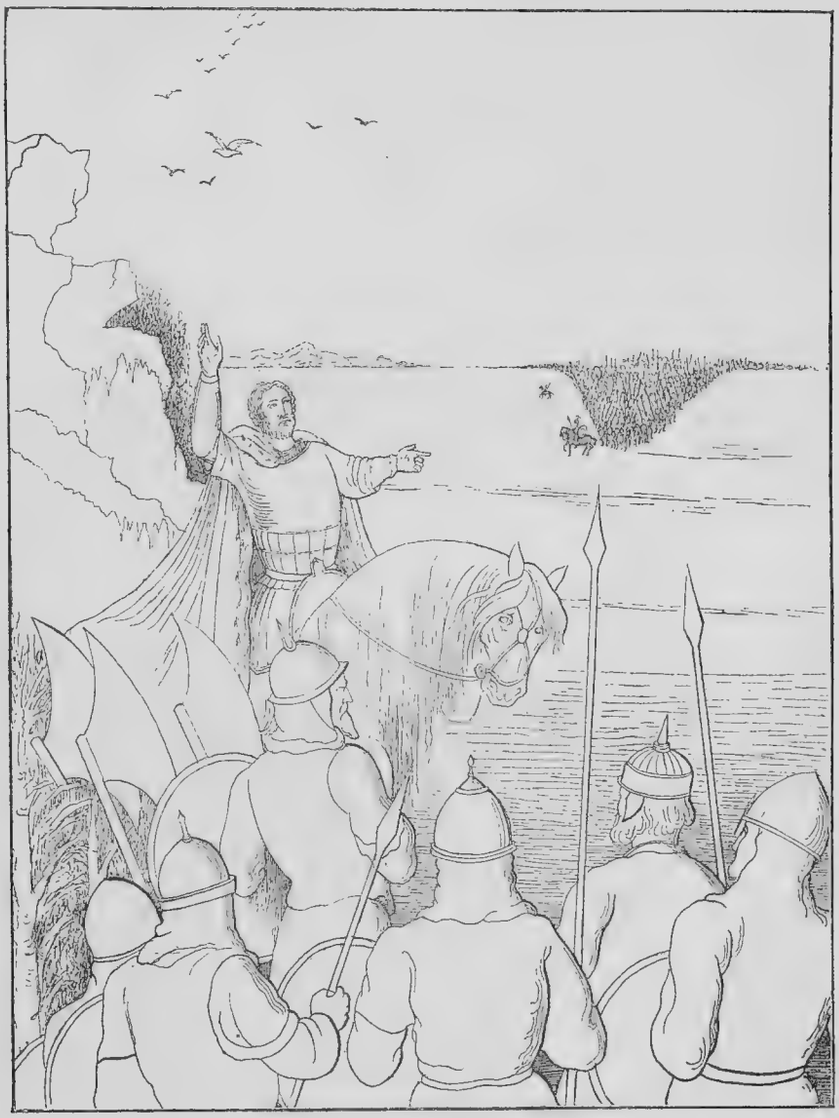
— О дорогой и честный нашъ княже! Пришло время! Мы всѣ положимъ за тебя свои головы“ [154])!

Одно чувство общаго одушевленія проникало сердца русскихъ. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ сразиться. Для страха не было мѣста.

Была суббота, день 5 апрѣля 1242 г., на восходѣ солнца, когда предъ русскими открылся клинообразный строй нѣмецкаго войска, который русскіе называли *свиньею* [155]). Этотъ строй страшенъ для слабаго войска, которое онъ разсѣкаетъ надвое и дробитъ на мелкіе отряды, подобно скалѣ, разбивающей морскія волны. Разсѣянные непріятели, теряя между собою связь и вмѣстѣ съ тѣмъ присутствіе духа, разбѣгаются въ разныя стороны. Но не таковы были полки Александра. Несокрушимой стѣной двигались впередъ „желѣзные люди“, стремясь пройти какъ можно дальше сквозь густые полки русскихъ. Они и прошли. Но дорого стоилъ имъ этотъ путь. Русскіе не смутились смѣлымъ напоромъ непріятелей и мужественно поражали ихъ съ разныхъ сторонъ. Множество рыцарей пало подъ ударами топоровъ и мечей русскихъ. Нѣмцы озираются кругомъ и вмѣсто ожидаемаго разстройства и разсѣянія враговъ съ ужасомъ видятъ, какъ ряды русскихъ плотно смыкаются живою стѣной. Грозные взоры русскихъ, ихъ сверкающее оружіе, дымящееся непріятельской кровью, ихъ готовность броситься на враговъ смутили нѣмцевъ. Александръ Ярославичъ только и ждалъ этого „психологическаго“ момента боя. Подобно вихрю, налетѣлъ онъ на оторопѣлыхъ враговъ, совершивъ искусное обходное движеніе, и ударилъ на нихъ съ отборными полками съ той стороны, откуда они вовсе не ожидали нападенія. Военная хитрость Александра вполнѣ удалась. Весь боевой планъ нѣмцевъ разстроился. Тогда началась ужасная сѣча. Поднялся невообразимый шумъ отъ частыхъ ударовъ мечей по щитамъ и шлемамъ, отъ треска ломавшихся копій, отъ разрывовъ льда, отъ воплей сраженныхъ и утопавшихъ. Казалось, все озеро всколыхнулось и тяжко застонало... Ледъ побагровѣлъ отъ крови... Правильнаго боя уже не было,— началось избіеніе враговъ, упорно боровшихся до поздняго вечера. Зато и потери ихъ были громадны. Многіе пытались спастись бѣгствомъ, но русскіе настигали ихъ. Озеро на протяженіи семи верстъ покрылось трупами, вплоть до Суболичскаго берега. Много славныхъ рыцарей пало въ бою

и попалось въ плѣнъ. Войско, недавно еще столь грозное и блестящее, болѣе не существовало [156]).

Безъ сомнѣнія, то былъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней въ исторіи Пскова, когда побѣдоносный вождь съ торжествомъ возвращался въ городъ. Весь народъ въ праздничныхъ нарядахъ вышелъ встрѣчать побѣдителя. Впереди шло духовенство—игумены и священники съ св. иконами и крестами,



Ледовое побоище.

въ свѣтлыхъ ризахъ. Вотъ онъ, освободитель, герой, защитникъ вѣры и родины, впереди своихъ славныхъ полковъ. Близъ его копя—50 знатнѣйшихъ плѣнныхъ. Какой печальный видъ у нихъ, у этихъ недавно столь гордыхъ завоевателей Пскова [157])! Позади войска—множество простыхъ плѣнныхъ... Несмолкаемый гулъ радостныхъ восклицаній раздался въ воздухѣ. Всѣ славили Бога и вѣрнаго раба Его Александра Ярославича.

— Пособивый, Господи, кроткому Давиду побѣдити иноплеменники и вѣрному князю нашему оружіемъ крестнымъ, свободи городъ Псковъ отъ иноязычныхъ и отъ иноплеменникъ рукою великаго князя Александра Ярославича [158])!

— Прославилъ Богъ великаго князя Александра Ярославича передъ всѣми полками, яко Іисуса Навина у Ерихона! Вотъ говорили нѣмцы: возьмемъ великаго князя Александра руками... Но Богъ предалъ ихъ въ руки его, и не нашлось ему противника въ брани [159])!

Общій восторгъ смѣнился слезами умиленія, когда благочестивый герой, сойдя съ коня, поклонившись, съ благоговѣніемъ приложился къ святынѣ и принялъ благословеніе. Не гордость побѣдителя — чувство благодарности къ Богу озаряло его прекрасное одушевленное лицо. Вступивъ въ городъ, Александръ Ярославичъ прежде всего поспѣшилъ во храмъ Св. Троицы излить свою душу въ благодарной молитвѣ. Свѣтлое торжество, безъ омрачѣнія, продолжалось нѣсколько дней. Псковичи радушно угощали побѣдителей. Общее одушевленіе сказывается въ словахъ лѣтописца: „О невѣгласи Пьсковичи!—

Возвращеніе послѣ побѣды.

восклицаетъ онъ, какъ бы разсердившись при одномъ предположеніи неблагодарности со стороны псковичей,—аще забудете великаго князя Александра Ярославича, или отступите отъ него или отъ дѣтей его, или отъ всего роду его, уподобитесь жидомь, ихъ же препита Господь въ пустыни крестелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша благъ Бога своего, изведшаго ихъ изъ работы Египетскія Моисеомъ, се же вамъ глаголю: аще кто пріидетъ и напослѣдокъ рода его великихъ князей, или въ печали пріѣдетъ къ вамъ жити въ Псковъ, а не примете его, или не почтите его, наречетеся вторая жидова“ [160]).

Отраднѣе всего замѣчать, что предки наши, далекіе отъ ропота на Бога въ несчастіяхъ, смиренно признавая ихъ за справедливое наказаніе Божіе за грѣхи, не превозносились суетною гордостью среди торжества побѣды. Всѣ успѣхи свои они приписывали помощи Божіей. Глубоко-религіознымъ, почти библейскимъ духомъ вѣетъ во всѣхъ разсказахъ, дошедшихъ до насъ. Да и немудрено: охраняя свой вертоградъ, Десница Божія видимо помогала въ этой борьбѣ, гдѣ прежде всего стоялъ вопросъ о чистотѣ вѣры. Самъ виновникъ побѣды подвигся на брань, потому что „вельми оскорбѣ за кровь

христіанскую". Онъ поспѣшилъ, забывъ обиды, въ Новгородъ, „разгорѣвся духомъ и своею ревностію по Св. Троицѣ и по Святѣй Софіи". Не увѣренность въ человѣческихъ силахъ руководила имъ, напротивъ, выступая изъ Новгорода, онъ „поклонися святѣй Софіи съ молбою и плачемъ". Въ рѣшительный моментъ боя онъ „въздѣвъ руцѣ на небо", призываетъ Бога. Онъ разгромилъ враговъ, „побѣдивъ силою Божіею и святыя Софіи и святаго мученика Бориса и Глѣба". „Се же слышахъ отъ самовидца,—говоритъ лѣтописецъ,—рече ми: яко видѣхъ полкы Божія на вздусѣ, пришедше на помощь великому князю Александру Ярославичу". Не забываетъ лѣтописецъ замѣтить, что самый бой произошелъ 5 апрѣля „на Похвалу Святыя Богородица" [161])...

Какъ бы въ ознаменованіе непрекращающагося покровительства Божія, Псковъ вскорѣ обрадованъ былъ дивнымъ проявленіемъ благодати Божіей [162]). „Господи, слава Тебѣ!—восклицаетъ по этому поводу лѣтописецъ.—Давый намъ, недостойнымъ рабомъ Своимъ, такое благословеніе, и на Тя уповаемъ, Господи Вседержителю, яко призираеши на насъ убогихъ Своею милостью, Человѣколюбче" [163])!

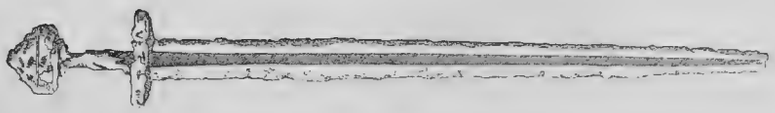
Раздѣливъ радость торжества съ псковичами, Александръ поспѣшилъ въ Новгородъ. Безъ сомнѣнія, новгородцы не отстали отъ псковичей въ выраженіи сердечной благодарности Богу и восторга по случаю славной побѣды, о которой память хранилась у нихъ очень долгое время. Даже въ концѣ XVI столѣтія въ храмахъ возносились молитвы объ упокоеніи братій, павшихъ на льду Чудскаго озера, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ синодики новгородскіе [164]).

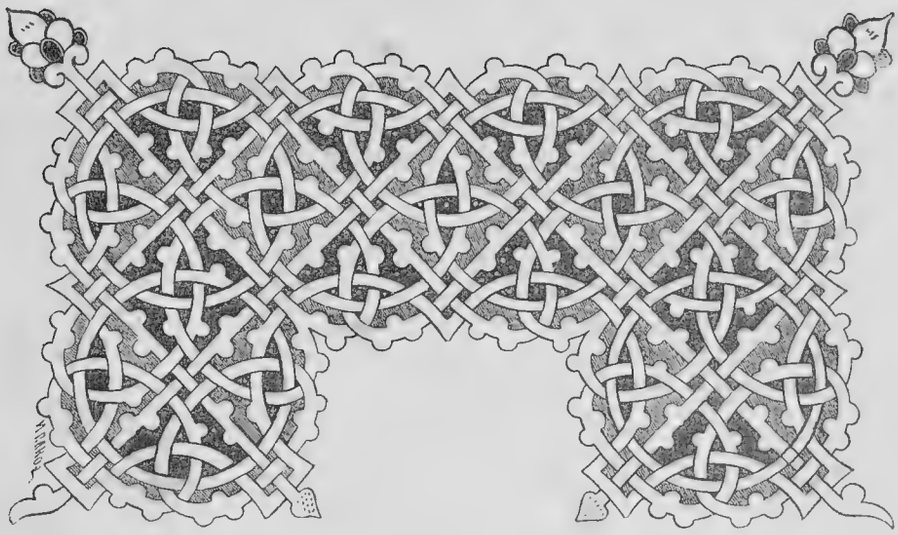
Скромный герой не превозносился своими славными побѣдами, но его „прослави Богъ": со времени Ледоваго побоища, по словамъ лѣтописца, „нача имя слыти великаго князя Александра Ярославича по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжскаго и до моря Понтьскаго и до моря Хупожьскаго, и до страны Тиверійскыя, и до горъ Араратьскихъ, объ ону страну моря Варяжского, и горъ Аравитьскихъ, даже и до Рима великого: распространи бо ся имя его предъ тмы тмами и предъ тысящи тысящами [165]).

Между тѣмъ какъ на Руси радовались по случаю побѣды, по Ливоніи разносилась потрясающая вѣсть о разгромѣ нѣмецкаго ополченія и исполняла всѣхъ ужасомъ. Нѣмцы со дня на день ожидали Александра подъ стѣнами Риги. Магистръ ордена немедленно отправилъ посольство къ датскому королю просить неотложной помощи противъ *невѣрныхъ* [166]). Судя по себѣ, наши враги не могли предполагать, что ихъ благородный побѣдитель считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ жить, „не преступая въ чужая части". Для него довольно было и того, что онъ навелъ страхъ на враговъ, отъ котораго они долгое время не могли придти въ себя, и заставилъ ихъ уважать русское имя. Пробывъ не мало времени въ тревожномъ ожиданіи, нѣмцы понемногу успокоились и спѣшили заключить съ новгородцами миръ. Послы ихъ явились въ Новгородъ съ дарами и поклонами. Александра въ это время не было въ Новгородѣ, и новгородцы „безъ князя" самостоятельно вели переговоры. Нѣмцы отказывались отъ всѣхъ своихъ послѣднихъ завоеваній и уступали значительную часть своихъ земель. Заключенный миръ былъ свято исполненъ [167]).

„Такъ печально окончилось предпріятіе ордена противъ русскихъ!—съ грустью восклицаетъ нѣмецкій историкъ.—Храбрый Александръ (der tapfere

Alexander) принудилъ рыцарей къ миру“ [168]). Для русскихъ побѣда на льду Чудскаго озера имѣетъ огромное значеніе: здѣсь указанъ предѣлъ распространенію нѣмецкаго владычества, здѣсь Самъ Богъ разсудилъ вѣковой споръ германцевъ и славянъ, оградивъ навсегда наше отечество отъ опасныхъ иноземцевъ. Что было бы съ нашей сѣверо-восточной окраиной, съ Новгородомъ, съ Псковомъ, съ прилегающими къ нимъ землями, если бы успѣхъ остался за врагами!? Примѣръ несчастной Ливоніи даетъ намъ ясный отвѣтъ на это. Кто знаетъ—можетъ быть—намъ никогда впослѣдствіи не пришлось бы и думать о пріобрѣтеніи береговъ Балтійскаго моря, о тѣхъ славныхъ задачахъ, которыя одушевляли Петра Великаго...





VIII.

Литовцы и тевтонскій орденъ.—Набѣги литовцевъ на русскую землю.—Семь побѣдъ.—Кончина великой княгини Ѳеодосіи.—Продолженіе борьбы съ Литвою.—Характеръ войнъ св. Александра Невскаго.

Радꙋйсѧ, бꙋйства неꙋстроенныѧ въ тыѧ дни Литвы оукротителю!
Радꙋйсѧ, своеѧ земли мꙋжественный защитителю!

По восточному побережью Балтійскаго моря, отъ устьевъ Вислы до Западной Двины, разстилается равнина, на которой съ незапамятныхъ временъ поселилось литовское племя, близко родственное по языку и происхожденію съ племенами славянскими [169]). Невеселый, глухой и бѣдный край! Песчано-глинистая почва, множество рѣкъ, озеръ, болотъ, непроходимыя лѣсныя чащи, гдѣ преобладаютъ дубъ и сосна, съ множествомъ звѣрей, изрѣдка встрѣчающіеся холмы и пригорки—такова природа страны, среди которой, подъ надежной защитой лѣсовъ и болотъ, долгое время, какъ бы всѣми забытыя, жили бѣдныя литовскія племена, пока сосѣдніе съ ними полоцкіе и волынскіе князья не начали мало-по-малу подчинять ихъ своей власти. Но что было взять у бѣдныхъ литовцевъ! Скотъ, звѣриныя шкуры, лыки и вѣники—вотъ въ чемъ состояла вся добыча русскихъ [170])... Въ свою очередь литовскіе князья дѣлали набѣги на сосѣднія русскія области, созвавъ своихъ дикарей звукомъ трубы „на четыре стороны“.

Встрѣча русскихъ съ литовцами какъ бы заранѣе предрѣшала судьбу этого племени. Ихъ язычество должно было пасть предъ свѣтомъ истинной вѣры. Русскіе превосходили ихъ своею гражданственностью. При большемъ знакомствѣ литовцевъ съ русскими между обоими народами мало-по-малу начинала устанавливаться близкая связь. Кроткій, невоинственный характеръ литовцевъ позволялъ надѣяться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на

мирное сожительство, если не на полное сліяніе, двухъ родственныхъ народовъ. „Для литовскихъ князей союзъ съ русскими былъ необходимостью, которая обусловливалась всей исторіею полоцкой и литовской земли; Литву тянула къ Руси сама исторія, сама жизнь; въ теченіе вѣковъ Литва такъ сроднилась и срослась съ Русью, что не могла безъ нея жить. Войны и разбойническіе набѣги, какъ они ни были часты, не могли разорвать этой связи, сложившейся вѣками“ [171]).

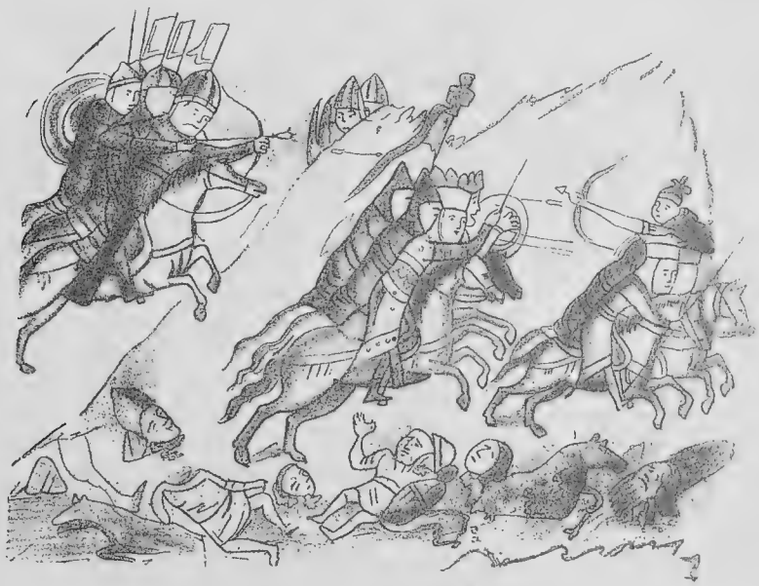
Но вотъ и къ литовцамъ явились непрошенные гости — нѣмцы, подъ знаменемъ креста и цивилизаціи попиравшіе все священное и драгоцѣнное человѣку. Въ 1231 г. на берегахъ Вислы впервые увидали суровыхъ крестоносцевъ [172]). То были иноки-рыцари тевтонскаго ордена, прибывшіе сюда изъ Палестины. Только нѣмцы и притомъ дворянскаго рода могли быть членами этого общества. Черная туника и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ отличали ихъ отъ другихъ воинствующихъ братій. Литовское племя—пруссы, обитавшіе по нижнему теченію Вислы, съ него-

Битва (по древнему рисунку).

дованіемъ увидали, какъ незнакомые пришельцы, высадившись близъ вѣковаго священнаго дуба, начали воздвигать свое укрѣпленіе. Какъ въ Ливоніи, такъ и здѣсь загорѣлась кровавая истребительная война. Вооруженные дубинами, каменными топорами и стрѣлами, пруссы не могли успѣшно бороться съ завоевателями. За пораженіемъ, конечно, слѣдовало насильственное крещеніе, рабство, тяжкія работы, всякаго рода угнетеніе. Верховный владыка ордена—папа спѣшилъ оказать свое содѣйствіе рыцарямъ, настоятельно призывая крестоносцевъ на дальнѣйшую борьбу съ язычниками и щедро раздавая полное отпущеніе грѣховъ. Наконецъ въ 1237 году въ своей резиденціи, въ Витербо, папа Григорій IX благословилъ соединеніе двухъ орденовъ, ливонскаго и тевтонскаго, для болѣе успѣшныхъ дѣйствій противъ общихъ враговъ—литовцевъ и русскихъ, чѣмъ значительно увеличилъ силы нѣмцевъ [173]). Тогда литовцы оказались какъ бы сдавленными желѣзнымъ кольцомъ. Будучи охвачены съ противоположныхъ сторонъ владѣніями двухъ соединенныхъ орденовъ, они встрепенулись. Спавшій дотолѣ въ своей берлогѣ звѣрь былъ встревоженъ и поднялся на ноги. Въ виду грозы, надвигавшейся

съ береговъ Вислы и изъ-за Двины, литовцы быстро превратились изъ кроткаго и мирнаго племени въ дикихъ озлобленныхъ хищниковъ и сдѣлались сами грозою своихъ сосѣдей. Отбиваясь отъ нѣмцевъ, они начали рядъ опустошительныхъ набѣговъ на сосѣднія русскія земли [174]).

Такимъ образомъ, въ то время, когда наше отечество, истерзанное татарами, можно сказать, едва дышало, свирѣпые хищники, отличавшіеся другъ отъ друга происхожденіемъ, языкомъ и религіею, какъ бы условившись между собою, собрались почти въ одно время докончить дѣло восточныхъ варваровъ. Едва прошелъ годъ послѣ нашествія шведовъ, нѣмцы овладѣваютъ Псковомъ. Непосредственно за повѣствованіемъ о мирѣ новгородцевъ съ нѣмцами, заключенномъ послѣ Ледоваго побоища, лѣтописцу приходится говорить о новыхъ врагахъ: „въ то время (1242 г.) умножишася языка литовскаго, и начаша пакостити въ области великаго князя Александра“ [175]). Съ каждымъ годомъ возрастаютъ затрудненія, но не ослабѣваетъ изумитель-



Битва (по древнему рисунку).

ная энергія доблестнаго защитника отечества Александра Ярославича. Онъ всюду поспѣваетъ. Едва окончивъ одну борьбу, онъ уже громитъ новыхъ опасныхъ враговъ. Великій человѣкъ не падаетъ духомъ подъ ударами судьбы, напротивъ, его сильная воля еще болѣе закаляется среди опаспостей, которыя смутили бы слабаго.

Лѣтомъ 1242 года, съ полученіемъ первыхъ извѣстій о набѣгахъ литовцевъ, Александръ съ немногочисленнымъ войскомъ выступилъ навстрѣчу врагамъ. Недостаточность силъ онъ восполнялъ искусствомъ и необыкновенною быстротою: за одинъ походъ ему удалось разсѣять до семи непріятельскихъ отрядовъ, при чемъ много литовскихъ князей было избито или взято въ плѣнъ. Раздраженные опустошеніями, новгородцы не щадили плѣнныхъ: привязавши ихъ къ хвостамъ своихъ лошадей, они гнали за собой нестройныя толпы непріятелей. Походъ Александра достигъ цѣли, хотя и не надолго: съ этого времени литовцы „начаша блюстися имени его“ [176]).

Около двухъ лѣтъ послѣ того Александръ Ярославичъ прожилъ спокойно въ Новгородѣ. Но за это время пришлось ему понести тяжелую семейную утрату: въ 1244 году въ Новгородѣ скончалась его мать, „блаженная и чудная“ великая княгиня Ѳеодосія [177]). Александръ, отличавшійся нѣжностью родственныхъ чувствъ, горько оплакивалъ кончину матери, но его скорбь смягчалась отраднымъ упованіемъ, что дорогое его сердцу существо переселилось въ лучшій міръ. Украшенная христіанскими добродѣтелями, великая княгиня незадолго до кончины приняла иночество, съ именемъ Евфросиніи [178]).

Въ слѣдующемъ 1245 году, оправившись отъ понесенныхъ пораженій, литовцы вновь сдѣлали набѣгъ на русскія земли. Жестоко опустошивъ окрестности городовъ Торжка и Бѣжецка, они сбирались уже съ захваченной добычей возвратиться на родину, но подъ стѣнами Торопца были настигнуты соединенными силами новоторжцевъ, тверичей и дмитровцевъ. Потерпѣвъ пораженіе въ открытомъ полѣ, литовцы засѣли въ Торопцѣ. На утро слѣдующаго дня съ неожиданной быстротой явился съ своей дружиной и новгородцами грозный Александръ. Появленіе его произвело великое одушевленіе и радость среди русскихъ. Торопецъ въ тотъ же день былъ взятъ. Литовцы въ ужасѣ бросились бѣжать изъ города, надѣясь на быстроту своихъ коней, но большею частію были изсѣчены русскими. Восемь князей ихъ пало въ битвѣ. Вся добыча и плѣнные достались побѣдителямъ. Довольные побѣдой, новгородцы не захотѣли продолжать борьбы, но дальновидный князь ихъ на этотъ разъ рѣшилъ иначе: съ дикарями нельзя заключать мирныхъ договоровъ—они нарушаютъ ихъ при первой возможности. Только страхъ предъ силой, только тяжесть руки, наносящей сокрушительные удары, могутъ удерживать ихъ отъ новыхъ набѣговъ. Какъ бы предвидя, что скоро нужды отечества надолго отвлекутъ вниманіе отъ западныхъ враговъ, Александръ рѣшился на этотъ разъ дать литовцамъ урокъ, который остался бы у нихъ въ памяти. Поэтому, не желая терять времени на убѣжденія близорукихъ новгородцевъ, съ одной своей дружиною, „со своимъ дворомъ“ Александръ погнался за врагами, которые успѣли спастись бѣгствомъ. Недолго пришлось ему отыскивать непріятелей. Бѣжавши безъ оглядки послѣ торопецкаго погрома, литовцы остановились было передохнуть близъ озера Жизца, въ той же торопецкой области, какъ вдругъ нагрянулъ на нихъ страшный новгородскій князь и истребилъ всѣхъ до послѣдняго человѣка, до послѣдняго князя [179]). Но этимъ дѣло не кончилось. Александръ Ярославичъ прибылъ въ Витебскъ, гдѣ въ то время княжилъ тесть его Брячиславъ [180]). Тамъ у дѣда гостилъ его сынъ. Послѣ кратковременнаго отдыха въ Витебскѣ, взявъ съ собою сына, Александръ выступилъ въ походъ и встрѣтился съ новыми полчищами непріятелей близъ Усвята (мѣстечко въ Витебской губерніи, Суражскаго уѣзда, при озерѣ того же имени) [181]). Неожиданное нападеніе Александра привело непріятелей въ смятеніе: несмотря на свою многочисленность, они бросились бѣжать. Но Александръ, не давши имъ опомниться, спѣшилъ нанесть имъ рѣшительное пораженіе.

Не чувство мести, не увлеченіе военной славой были причиной настойчивости Александра: имъ руководилъ вѣрный разсчетъ, внушенный заботой о благѣ родины. Дальнѣйшія событія вполнѣ оправдали его образъ дѣйствій: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ литовцы не осмѣливались нападать на его владѣнія. А можетъ быть, проницательный геній Александра и въ этихъ

нападеніяхъ новаго врага уже предугадывалъ проявленіе той же враждебной намъ политики, которая толкала противъ насъ силы Запада...

Отмѣтимъ еще одну замѣчательную черту въ этой борьбѣ Александра съ западными врагами. Неутомимо сражаясь съ ними, онъ въ сущности всякій разъ ведетъ оборонительную войну и не стремится къ захватамъ чужихъ владѣній, являясь въ этомъ отношеніи вполнѣ представителемъ своего народа. Его заставляетъ прибѣгать къ оружію необходимость самозащиты. Мы не видимъ въ немъ ни одной черты, которая обличала бы славолюбіе или жажду добычи. Безкорыстный и великодушный, милостивый „паче мѣры“, онъ безъ сомнѣнія охотно отказался бы отъ военныхъ лавровъ, если бы враги не вызывали его. Но, разъ взявшись за мечъ, онъ уже не останавливается на полдорогѣ, не довольствуется какимъ-нибудь частнымъ успѣхомъ, достаточнымъ для удовлетворенія самолюбія вождя, но стремится достигнуть болѣе или менѣе прочныхъ результатовъ, насколько было возможно для него при тѣхъ незначительныхъ силахъ, которыми онъ располагалъ. Своими побѣдами онъ доказалъ западнымъ врагамъ, что даже обезсиленная, лишенная политической самостоятельности, св. Русь сумѣетъ постоять за себя...

IX.

Внутреннее состояніе Россіи въ половинѣ XIII вѣка.—Невозможность борьбы съ татарами.—Погребеніе Ярослава Всеволодовича.—Безпорядки во Владимірѣ.—Грозный пріѣздъ Александра.—Отправленіе въ Орду.

Радуйся, яко не оустрашился еси, призвавъ Бога, пріити
къ Батыеви, исполняя его велѣніе!
Радуйся, злобы невѣрныхъ не оустрашивыйся!
Радуйся, твари паче Создавшаго не послужливый!
Радуйся, солнцу и огню въ станѣ безбожныхъ не поклонивыйся!
Радуйся, вѣры Христовой непобѣдимый исповѣдниче!

Несмотря на то, что Новгородъ не былъ завоеванъ татарами, доблестному новгородскому князю, которому „не обрѣтеся противникъ во брани никогда же“, благодаря которому „королю части римскыя отъ полунощныя страны“ не удалось обратить „въ работу себѣ славянскихъ людей“, пришлось наравнѣ съ другими князьями испить горькую чашу униженія отъ свирѣпыхъ завоевателей и принять отъ нихъ честь, которая показалась Даніилу Галицкому „злѣе зла“ [182]).

„Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы: *ты ли одинъ* не хочешь покориться державѣ моей?“ Въ такихъ выраженіяхъ Батый прислалъ ему приказъ явиться въ Орду. „Если хочешь сохранить за собою свою землю, прійди ко мнѣ: увидишь честь и славу царства моего“ [183]).

Естественно недоумѣніе: если въ самую печальную эпоху монгольскаго ига могли же удаваться намъ рѣшительныя побѣды, да къ тому же надъ врагами вовсе не дюжинными, что же помѣшало намъ, русскимъ, имѣя во главѣ такого героя, сбросить позорное иго? Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли звучитъ послѣ одушевленнаго разсказа лѣтописца о знаменитыхъ побоищахъ Невскомъ и Чудскомъ призывъ—приказъ „царя отъ восточныя страны“: „аще мыслеши соблюсти землю твою невредиму, то потщися немедленно

пріити ко мнѣ", т.-е. прійти съ поклонами?! И доблестный князь, краса и утѣшеніе своей земли, спѣшитъ исполнить волю варвара...

Разсмотрѣніе обстоятельствъ того времени дастъ намъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе этого факта.

На Западѣ мы имѣли дѣло съ народами осѣдлыми, культурными, которые, имѣя свои собственныя территоріи, высылали противъ насъ избытокъ своихъ силъ въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ колоній или крестоносныхъ дружинъ. Это не было въ строгомъ смыслѣ слова движеніе *народовъ*. Съ такими врагами Александръ могъ перевѣдаться тѣми силами, которыми онъ располагалъ, силами земли новгородской. Не то—восточные варвары. Благодаря кочевому быту, они имѣли возможность переселяться цѣлыми ордами въ видѣ громадныхъ массъ. Это была стихійная, страшная сила, которую можно было побороть также лишь съ напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ, при дружномъ участіи всей Руси. Но вотъ этого-то условія и недоставало: у насъ не было государственной централизаціи.

Мы знаемъ, что въ суздальской области князья, ближайшіе предки Александра Невскаго, сознали всю неудовлетворительность старыхъ порядковъ, когда на Руси владѣло множество князей-родичей, едва признававшихъ надъ собою власть старшаго въ родѣ, великаго князя. Безспорно, наши князья и ихъ дружины были храбры, мужественно боролись съ врагами и, по выраженію лѣтописца, расплодили русскую землю. Таково, по свидѣтельству историка, было назначеніе старой Руси: расплодить, распространить русскую землю, намѣтить границы. Но нужно было подумать и о томъ, чтобы закрѣпить пріобрѣтенное, связать, сплотить части, дать имъ внутреннее единство [184]). Иначе—какая могла быть польза въ томъ, что была намѣчена обширнѣйшая территорія, когда, при отсутствіи государственной централизаціи, русской землѣ неминуемо грозило распаденіе? Много ли пользы могла принесть блестящая храбрость при отсутствіи единой воли, которая направляла бы ее на благо родины, когда изъ-за пустяковъ всегда готова была возгорѣться ссора между князьями? Какой урокъ могъ быть краснорѣчивѣе нашей первой встрѣчи съ татарами на берегахъ Калки? Русь выслала противъ нихъ сонмъ своихъ князей-героевъ, но эти князья затѣяли распрю и погубили рать... Занятые своими междуусобіями, переходя постоянно изъ одной волости въ другую, князья не смогли и точнѣе опредѣлить своихъ отношеній къ подвластному народонаселенію, не могли заняться установленіемъ твердаго порядка. Отдѣльныя области имѣли также мало связи между собою. Когда нагрянули татары, граждане городовъ не спеслись между собою, не представляя даже возможности соединенія своихъ силъ для дружнаго отпора и поодиночкѣ погибли на развалинахъ. Сельское населеніе представляло еще большую картину разбросанности, чему не мало способствовали самая обширность страны, безпредѣльный просторъ, безпрепятственность передвиженія. Не привыкло и оно къ соединенію силъ для преодолѣнія затрудненій, предпочитая уходъ, средство самое легкое при простотѣ быта. Такъ—князья съ дружинами жили сами по себѣ, города сами по себѣ, сельское народонаселеніе само по себѣ...

Печальными чертами изображаютъ наши историки внутреннее устройство удѣльно-вѣчевой Руси. По словамъ одного, оно представляло „только еще несогласныя начала вещей въ общественномъ хаосѣ",— discordia semina rerum [185]).

„Безпрерывное перехожденіе съ мѣста на мѣсто князей, бояръ, воевъ и отчасти самыхъ поселянъ — и нигдѣ никакого установленнаго твердо порядка, котораго вотще, видно, искали Словене за моремъ, жалуется другой. Совершенно полная свобода, подвижность, измѣняемость господствовала во всѣхъ учрежденіяхъ—въ преемствѣ князей и въ ихъ отношеніи къ людямъ, между собою, въ собраніи вѣчъ, въ избраніи духовныхъ сановниковъ; какая-то недовѣрчивость или отвращеніе отъ всякаго положительнаго опредѣленія; привычка, сдѣлавшаяся второй природой, рѣшать всѣ дѣла внѣ правилъ, смотря по обстоятельствамъ и требованіямъ времени, какъ въ ту или другую минуту представлялось нужнымъ, полезнымъ и цѣлесообразнымъ.

„Сколько источниковъ и поводовъ для замѣшательствъ всякаго рода!

„А нравственный, духовный уровень въ передовыхъ дѣятеляхъ стоялъ между тѣмъ высоко, поднимался безпрестанно,—и во всѣхъ областяхъ, во всѣхъ слояхъ общества являлись люди глубоко просвѣщенные о единомъ, еже есть на потребу, — исключительный предметъ древней русской любознательности и просвѣщенія, — но голоса ихъ были голосами вопіющихъ въ пустынѣ.

„Народъ принималъ всѣ бѣдствія, какъ естественныя, такъ и гражданскія, справедливымъ наказаніемъ за грѣхи и приносилъ покаяніе устами своихъ лѣтописей, но помочь злу онъ былъ не въ силахъ и не въ понятіяхъ.

„Что же грозило государству, до такой степени распущенному, далѣе,— при естественномъ умноженіи князей!

„Мелкопомѣстность, чересполосность, разнобоярщина, однодворчество!

„Вотъ въ какомъ ужасномъ, отчаянномъ положеніи находилось отечество въ половинѣ XIII столѣтія!

„Враги сильные, грозные, многочисленные, одни другихъ лютѣе, съ востока, юга, запада, сѣвера и моря, какъ хищные звѣри съ зіяющею пастью, стали надъ нимъ и грозили порабощеніемъ. Татары, литовцы, поляки, венгерцы, нѣмцы, датчане, шведы окружили святую Русь какъ бы облавою, напирали на нее, грозили разнять ее по составамъ, готовясь подѣлить ризы ея по себѣ и объ одеждѣ метати жребій.

„Была ли какая человѣческая возможность сладить съ такимъ страшнымъ сборищемъ враговъ странѣ, изнуренной двухсотлѣтними междуусобіями, лишенной теперь почти всего своего военнаго сословія, опустошенной огнемъ и мечемъ вдоль и поперекъ, отъ одного конца до другого?

„Казалось, погибель ея неизбѣжна, нигдѣ не видать было исхода, надежды никакой не мелькало на перемѣну обстоятельствъ къ лучшему,—пропадетъ святая Русь. Казалось тогда, что на роду написано ей: не быть!

„Такую горькую, тяжелую думу думалъ, вѣроятно, святой отшельникъ въ глубинѣ пещеръ кіевскихъ или черниговскихъ, смиренный лѣтописатель, заносившій въ лѣтопись не чернилами, а слезами и кровію, описаніе страшныхъ событій—думалъ и молился со страхомъ и трепетомъ о спасеніи дорогой отчизны,—Господи, помилуй!

Помилуетъ ли Онъ?

„Да, Онъ помилуетъ, она спасется, она перенесетъ тяжелое огне-кровавое испытаніе, она превозможетъ всѣхъ своихъ враговъ, она возстанетъ съ новою силою и славою: аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

„Кто же спасетъ святую Русь?

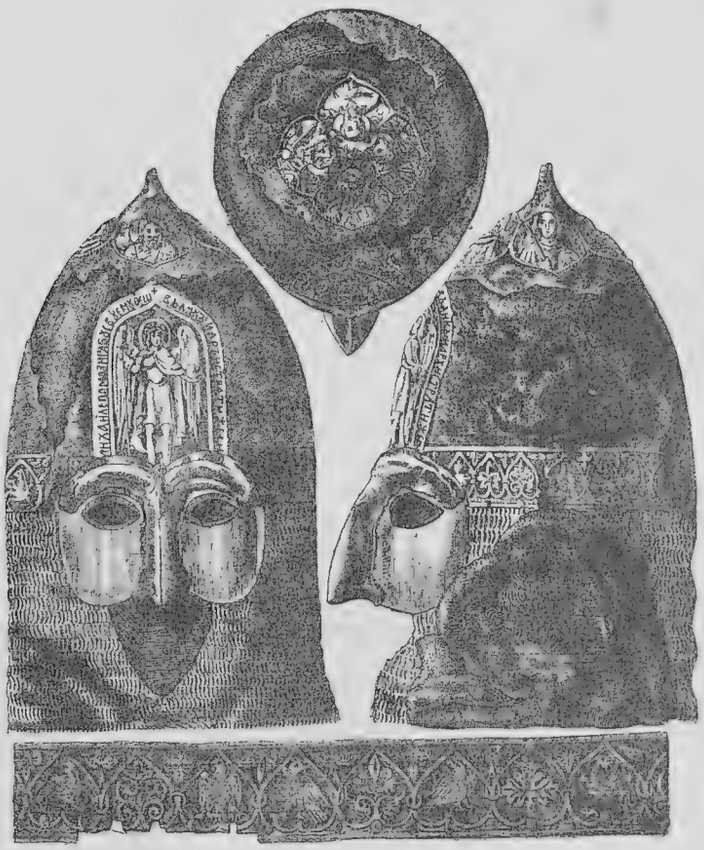
„Спасетъ ее народъ терпѣливый, смиренный, твердый, толковый, талантливый, носившій въ глубинѣ своего сердца сознаніе о государственномъ и земскомъ единствѣ.

„Спасетъ ее земля просторная, плодоносная, разнообразная, достаточная для безчисленныхъ грядущихъ поколѣній.

„Спасетъ ее языкъ творческій, сильный, многосмысленый, обильный, благозвучный.

„Спасетъ ее вѣра православная, горячая, безусловная, готовая въ избранныхъ душахъ на всякія жертвы“ [186]).

Но если во всемъ этомъ,—въ основныхъ чертахъ нашей народности,



Шлемъ в. кн. Ярослава Всеволодовича.

въ нашей народной святынѣ заключалось спасеніе Руси, *Александръ Невскій является предъ нами въ то страшное время поистинѣ ангеломъ-хранителемъ этихъ драгоцѣнныхъ залоговъ.*

Эта истина станетъ вполнѣ очевидною изъ дальнѣйшаго изложенія событій.

30 сентября 1246 года, какъ извѣстно, скончался въ далекой Монголіи „нужною“, т. е. насильственною, смертью великій князь Ярославъ Всеволодовичъ. Бояре привезли тѣло его во Владиміръ. Узнавъ объ этомъ, Александръ поспѣшилъ немедленно изъ Новгорода туда же, чтобы воздать послѣдній долгъ почившему [187]). Горькія, тяжелыя думы внушала страдаль-

ческая кончина Ярослава... Спутники его, безъ сомнѣнія, подробно разсказывали обо всемъ его сыновьямъ. Какой-то Ѳедоръ Яруновичъ оговорилъ его предъ татарами Въ клеветахъ этого обвинителя можно было предполагать козни князей-родственниковъ, имѣвшихъ почему-либо причины желать скорой смерти Ярослава [188])...

Погребеніе совершилось конечно со всѣми подобающими почестями. При выносѣ за гробомъ слѣдовали князья, дружина и народъ, несли стягъ (знамя) умершаго князя и вели его коня. Всѣ были въ „скорбныхъ“, т.-е. траурныхъ, платьяхъ, „въ черныхъ мятлихъ“.

Окружая гробъ отца, дѣти безъ сомнѣнія вспоминали съ чувствомъ сердечной скорби послѣднія слова почившаго, переданныя имъ его спутниками: „Вельми изнемогая“, вспомнилъ онъ васъ, „любезная своя чада“. Обращаясь къ вамъ, какъ будто вы находились предъ его глазами, онъ говорилъ: „О возлюбленніи мои! плодъ чрева моего, *храбрый и мудрый* Александре, и *постьшный* Андрею, и Константине удалый, и Ярославе, и милый Даниле, и добротный Михаиле! Будите благочестію истинныи поборницы, и величествію державы русскія настольницы... Не презрите двоихъ мидерій, Евдокіи и Ульяніи... Для нихъ настоящее время горче желчи и полыни“ [189]).

Горячо молилась осиротѣлая семья, да „причтетъ его Богъ къ Своему избранному стаду“.

Печальный обрядъ завершился обычнымъ поминовеніемъ, а „монастыремъ и нищимъ роздана была щедрая милостыня.

Посѣщая святыни Владиміра, каждый русскій безъ сомнѣнія найдетъ во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ на правой сторонѣ, могилу Ярослава Всеволодовича и съ благоговѣніемъ поклонится праху этого князя, „много истомленія подъявшаго и душу свою положившаго за землю русскую“.

Между тѣмъ оставшійся старшимъ въ родѣ братъ покойнаго, Святославъ Всеволодовичъ занялъ владимірскій великокняжескій столъ и роздалъ удѣлы своимъ племянникамъ, при чемъ Александръ, удерживая Новгородъ, получилъ Переяславль [190]). Такъ слѣдовало по старинѣ. Старшій въ родѣ наслѣдовалъ и великое княженіе. Но и встарину бывали примѣры, когда великому князю наслѣдовалъ не братъ, не старшій въ родѣ, но сынъ. Такъ было, напримѣръ, при кончинѣ великаго князя Всеволода Ярославича, послѣ котораго великимъ княземъ сдѣлался сынъ его Владиміръ Мономахъ. Онъ не былъ старшимъ въ родѣ, но его высокія личныя качества, его заслуги предъ русской землей устраняли въ глазахъ современниковъ всякое соперничество. То же самое могло произойти и послѣ смерти Ярослава. Старшій сынъ его Александръ, слава котораго гремѣла далеко за предѣлами Россіи, такъ же высоко стоялъ среди современныхъ ему князей, какъ въ свое время Владиміръ Мономахъ. Объ немъ можно было сказать то же самое, что говорили о его славномъ прадѣдѣ: „Не было земли на Руси, которая бы не хотѣла его имѣть у себя и не любила бы его“. Соперничество съ доблестнымъ племянникомъ было бы не подъ силу Святославу Всеволодовичу. Можетъ быть, сознавая это, Святославъ немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ Ярослава поспѣшилъ въ Орду, чтобы противопоставить заслугамъ племянника рѣшеніе хана [191]). Туда же отправился и племянникъ его Андрей, младшій братъ Александра [192]). Если Святославъ дѣйствительно опасался своего великаго племянника, то это опасеніе во всякомъ случаѣ было неосновательно: невскій герой

не искалъ корысти. Если же Святославъ думалъ упрочить свое положеніе, заискавши въ Ордѣ, то жестоко ошибался, мало того—онъ другимъ указывалъ путь, какимъ образомъ всего легче можно было добиться великаго княженія, даже не имѣя на то никакихъ правъ [193]). Стоило только отправиться въ Орду и, вытерпѣвъ всевозможныя униженія, задарить хана и его приближенныхъ. И дѣйствительно многіе князья устремились въ Орду, гдѣ они „идяху сквозѣ огонь, и кланяхуся кусту и идоламъ, славы ради свѣта сего, и прошаху кождо себѣ власти; они же безъ възбраненія даяхуть имъ, да прелестять я славою свѣта сего“ [194]). Для татаръ такое поведеніе князей представляло прямую выгоду: они обирали всѣхъ, раздавая волости сегодня одному, завтра другому—кто дороже заплатитъ. Помимо денежныхъ выгодъ, соперничество русскихъ князей обезпечивало татарамъ владычество надъ Русью. Они скоро поняли, какъ много пользы можно извлечь изъ застарѣлой наклонности князей къ междоусобіямъ. „Обычай бо поганыхъ вмещуще вражду межу братіи, князей русьскыхъ, и на себя болшая дары взимаху“ [195]). Но самое главное—по весьма вѣрному замѣчанію лѣтописца, татары старались о томъ, „да прелестятъ я славою свѣта сего“. Запутавшись въ своекорыстныхъ стремленіяхъ, князья всего скорѣе могли забыть объ интересахъ угнетенной родины, о возвращеніи ей независимости. Такъ поступали многіе князья, но не такъ поступалъ Александръ! Его стремленія далеко расходились съ стремленіями его ближайшихъ родственниковъ. Почти одинокій съ своей серьезной думой, мало понимаемый, онъ идетъ своимъ особымъ путемъ,—не спѣшитъ въ Орду склонить свою благородную голову предъ варваромъ. Отдавъ послѣдній долгъ родителю, Александръ возвращается въ Новгородъ, не заявивъ ничѣмъ своего неудовольствія на раздѣлъ земель, произведенный его дядею. Тамъ онъ получаетъ грозный укоръ хана за свою медлительность и, покоряясь необходимости, спѣшитъ принести новую жертву для блага родины. Дорогою онъ заѣзжаетъ во Владиміръ. Но на этотъ разъ „великій князь Александръ приде въ Володимерь въ силѣ тяжцѣ и бысть грозенъ пріѣздъ его“ [196])... Очевидно, недостойное поведеніе его ближайшихъ родственниковъ, скорое обнаруженіе ими себялюбивыхъ стремленій, высказавшаяся наклонность продолжать прежнее соперничество изъ-за преобладанія одного надъ другимъ — возмутили духъ его. Ему стало ясно, что немногіе изъ его братіи-князей сознаютъ всю опасность положенія отечества, что для большинства потрясающія событія эпохи и тяжкія испытанія не послужили полезными уроками. Самъ же онъ, до сихъ поръ съ напряженіемъ всѣхъ силъ боровшійся съ наступавшими отовсюду врагами, отлично понималъ, что времена измѣнились, что отнынѣ жизнь князя, народнаго вождя, должна быть самоотверженнымъ служеніемъ родинѣ, непрестаннымъ подвигомъ. Безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ кто-либо, онъ сознавалъ цѣну истинной славы, пріобрѣтаемой доблестными заслугами—могли ли въ его глазахъ имѣть какое-нибудь значеніе честолюбивыя притязанія, преимущества и почести, пріобрѣтенныя позорной цѣною всевозможныхъ униженій въ Ордѣ? Тѣмъ менѣе могли занимать его душу праздныя развлеченія и забавы: съ юныхъ лѣтъ привыкши видѣть и понимать народное горе, могъ ли онъ помышлять о суетныхъ удовольствіяхъ міра, объ утѣхахъ жизни, когда кругомъ народъ стоналъ подъ тяжкимъ игомъ? Вотъ почему грозенъ былъ пріѣздъ его во Владиміръ въ силѣ тяжцѣ. Не будучи великимъ княземъ, онъ тѣмъ не менѣе давалъ понять, чтобы князья-родичи не забывали его правъ, основан-

ныхъ на великихъ заслугахъ. Всѣ должны были знать, что хотя онъ не вмѣшивается въ соперничество изъ-за первенства, напротивъ осуждаетъ его, однако, не дозволитъ и другимъ продолжать образъ дѣйствій, явно вредный для родины. Для этого у него найдется достаточно силы. Правда, подобно другимъ, онъ также отправляется въ Орду, но никто не долженъ забывать, что онъ могъ бы и не дѣлать этого. Князь области, не покоренной татарами, сумѣвшій уже побороть опасныхъ враговъ, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, могъ бы отважиться на попытку борьбы съ татарами. Его подчиненіе скорѣе всего можно назвать добровольнымъ. Если онъ поклонится Батыю, то не изъза того, чтобы взять верхъ надъ родственниками, но единственно въ интересахъ горячо любимой родины. Несмотря на то, что онъ не спѣшитъ, какъ другіе, добиваться великаго княженія, которое татары могутъ отдать „безъ възбраненія“ всякому, кто дороже заплатитъ, всѣ должны были почувствовать, что настоящимъ хозяиномъ положенія, главнымъ руководителемъ дѣлъ на Руси можетъ быть не кто иной, какъ именно славный новгородскій князь. Не одно заискиваніе предъ татарами — надлежащій авторитетъ главѣ государства должны доставлять силы нравственныя и матеріальныя, а подавляющій перевѣсъ ихъ безспорно на сторонѣ доблестнаго побѣдителя шведовъ и нѣмцевъ. Таковъ, повидимому, смыслъ грознаго пріѣзда Александра во Владиміръ.

Между тѣмъ надлежало поспѣшить исполненіемъ ханской воли. Подкрѣпивъ себя молитвой и принявъ благословеніе епископа Кирилла, Александръ простился съ народомъ и отправился въ путь. Мы ничего не знаемъ, но можемъ догадываться о тѣхъ чувствахъ, которыя волновали душу Александра на пути къ мѣстопребыванію Батыя. Для блага родины онъ шелъ на униженіе, жертвовалъ своимъ покоемъ, семейными радостями, но такія жертвы приносили и другіе. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что ему особенно теперь не разъ приходили на память его славныя побѣды. Высоко поднялъ онъ русское имя предъ западными врагами, не склонилъ своей головы ни предъ шведами, ни предъ нѣмцами. И вотъ теперь ему, ни разу не побѣжденному въ бою, приходится изъявлять унизительную покорность предъ азіатскими варварами. Душевная буря, безъ сомнѣнія, не разъ поднималась въ немъ и всякій разъ заглушаема была голосомъ разума, указывавшаго на неизбѣжность предстоявшаго шага. Но ограничится ли дѣло однимъ униженіемъ? Не предстоитъ ли ему опасность лишиться жизни? Кто скажетъ, съ какою цѣлью ханъ вызываетъ его къ себѣ? Можетъ быть, онъ дѣйствительно желаетъ насладиться видомъ славнаго русскаго князя, простирающагося у подножія его трона, желаетъ поразить его блескомъ своего могущества, но возможно и другое предположеніе, на которое могла наводить Александра страдальческая кончина его отца. Но желаютъ ли татары избавиться отъ храбрѣйшаго русскаго князя, который одинъ изъ всѣхъ князей могъ съ нѣкоторымъ основаніемъ надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ ними или, по крайней мѣрѣ, не чувствовать себя въ совершенной зависимости отъ хана? Въ предлогѣ для его убіенія у татаръ недостатка не будетъ. Около этого же времени звѣрски умерщвлены были въ Ордѣ князь Михаилъ черниговскій и бояринъ его Ѳеодоръ за отказъ выполнить языческіе обряды. Если татары вздумаютъ и Александра принуждать къ тому же, можетъ ли онъ колебаться въ выборѣ между смертью и отступничествомъ? Среди подобныхъ опасеній и душевныхъ тревогъ благочестивый князь, безъ сомнѣнія, искалъ

утѣшенія и подкрѣпленія въ вѣрѣ. Прибѣгая съ молитвою къ Богу, онъ по своему обыкновенію изливалъ свою душу въ словахъ псалмопѣвца, которыя такъ хорошо подходили къ его положенію.

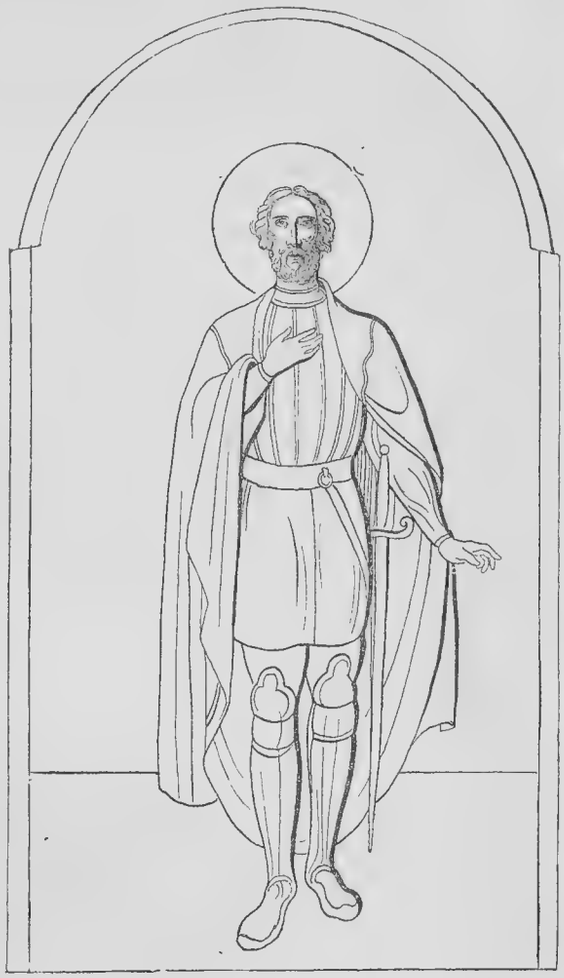
Избави меня отъ враговъ моихъ, Боже мой!
Защити меня отъ возстающихъ на меня
Избавь меня отъ дѣлающихъ беззаконіе,
Спаси отъ кровожадныхъ!
Ибо вотъ они подстерегаютъ душу мою;
Собираются на меня сильные,—
Не за преступленіе мое и не за грѣхъ мой, Господи,
Безъ вины моей сбѣгаются и вооружаются;
Подвигнись на помощь мнѣ и воззри.
Сила у нихъ, но я къ Тебѣ прибѣгаю,
Ибо Богъ заступникъ мой! (Пс. 58.)

* * *

Господи, Боже мой! На Тебя я уповаю;
Спаси меня отъ всѣхъ гонителей моихъ,
И избавь меня;
Да не исторгнетъ онъ подобно льву души моей,
Терзая, когда нѣтъ избавляющаго. (Пс. 7.)

* * *

Боже! Ты отринулъ насъ, Ты сокрушилъ насъ,
Ты прогнѣвался: обратись къ намъ!
Ты потрясъ землю, разбилъ ее:
Исцѣли поврежденія ея, ибо она колеблется.
Ты далъ испытать народу Твоему жестокое,
Напоилъ насъ виномъ изумленія.
Даруй боящимся Тебя знамя,
Чтобы они подняли его ради истины,
Чтобы избавились возлюбленные Твои.
Спаси десницею Твоею и услышь меня! (Пс. 59.)



Св. Александръ Невскій.

По мѣрѣ углубленія въ степи Александру Ярославичу все чаще приходилось встрѣчать многочисленныя стада, подъ присмотромъ лихихъ татарскихъ наѣздниковъ и наѣздницъ, непрерывно упражнявшихся въ стрѣльбѣ, селенія изъ круглыхъ юртъ, сплетенныхъ изъ хворосту и крытыхъ войлокомъ. Впрочемъ, постоянныхъ поселеній на Волгѣ у татаръ еще не было. Обыкновенно ханъ или значительный мурза указывалъ мѣсто для поселенія, и немедленно выросталъ подвижной городъ изъ безчисленнаго множества кибитокъ, перевозимыхъ на телѣгахъ съ мѣста на мѣсто. По прошествіи болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени — новый приказъ сниматься и укладываться. Огромный обозъ въ нѣсколько сотъ и тысячъ телѣгъ, запряженныхъ лошадьми и волами, двигался въ другое мѣсто, въ сопровожденіи безчисленныхъ стадъ и конскихъ табуновъ. Въ такихъ поселеніяхъ Александру и его спутникамъ, разумѣется, не разъ приходилось оста-

навливаться во время пути. Громкая слава предшествовала ему. Татары съ невольнымъ чувствомъ уваженія смотрѣли на доблестнаго русскаго князя, поражавшаго ихъ своимъ величественнымъ видомъ.

— Молчите! — говорили, унимая плакавшихъ дѣтей, „жены моавитскія“.—Вотъ идетъ великій князь Александръ!

Приходилось Александру Ярославичу встрѣчать среди татаръ и своихъ соотечественниковъ, томившихся въ рабствѣ. Сострадательное сердце его наполнялось жалостью, но помочь имъ онъ былъ не въ силахъ...

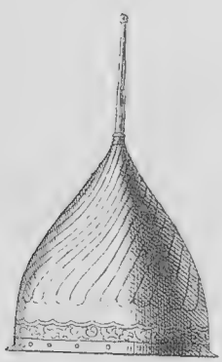
Наконецъ, показалась въ виду и ставка самого хана [197]). „Самъ Батый, пишетъ Плано Карпини, живетъ на берегу Волги, имѣя пышный, великолѣпный дворъ и 600.000 воиновъ, 160.000 татаръ и 450.000 иноплеменниковъ, христіанъ и другихъ подданныхъ. Въ пятницу Страстныя недѣли провели насъ въ ставку его между двумя огнями для того, какъ говорили татары, что огонь есть чистилище для всякихъ злыхъ умысловъ, отнимая даже силу у скрываемаго яда. Мы должны были нѣсколько разъ кланяться и вступить въ шатеръ, не касаясь порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ, его братья, дѣти и вельможи на скамьяхъ, другіе на землѣ, мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ тонкаго полотна, принадлежалъ королю венгерскому; никто не смѣетъ входить туда безъ особеннаго дозволенія, кромѣ семейства ханскаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторонѣ. Онъ и вельможи его пили изъ золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ, при чемъ всегда гремѣла музыка съ пѣснями. Батый имѣетъ лицо красноватое; ласковъ въ обхожденіи со своими, но грозенъ для всѣхъ; на войнѣ жестокъ, хитръ и славится опытностію“ [198]). Русскій лѣтописецъ дополняетъ картину пріемовъ у хана. У Батыя былъ такой обычай: пріѣзжавшихъ на поклоненіе не сразу допускали къ хану, но отправляли къ волхвамъ, которые заставляли ихъ проходить „сквозѣ огнь и поклонитися кусту и огневи и идоломъ ихъ“. Александру Ярославичу также предстояло исполнить эти обряды. Благочестивый князь наотрѣзъ отказался подчиниться требованіямъ, противнымъ его христіанской совѣсти. Въ виду мучительной смерти, онъ безтрепетно отвѣтилъ татарскимъ властямъ: „Я—христіанинъ и мнѣ не подобаетъ кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Богу единому, въ Троицѣ славимому, создавшему небо и землю и вся, яже въ нихъ суть“ [199]). Спокойное мужество князя поразило придворныхъ хана. „Смерть, смерть ему!“ завопили волхвы и, полные дикой ярости, уже готовились къ новому звѣрскому убійству. Приближенные отправились къ Батыю извѣстить его о поступкѣ Александра. Безъ сомнѣнія, всѣ были увѣрены, что Батый пришлетъ объявить ему то же самое, что и князю Михаилу: „выбирай одно изъ двухъ—жизнь или смерть! Если не поклонишься кусту, солнцу и идоламъ, умрешь злою смертью!“ Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія... Наконецъ, явились ханскіе слуги и, къ общему удивленію, принесли приказъ хана не принуждать Александра къ исполненію обрядовъ... Сгоралъ ли Батый нетерпѣніемъ поскорѣе увидать славнаго князя, о которомъ такъ много приходилось ему слышать, чувствовалъ ли онъ, самъ мужественный воинъ, особое уваженіе къ невскому герою или, можетъ быть, разсудилъ, что новая жертва возбудитъ слишкомъ сильное озлобленіе въ русскомъ народѣ—не можемъ рѣшить, какое предположеніе въ данномъ случаѣ наиболѣе вѣроятно [200]). Злобно сверкнули глаза волхвовъ при видѣ ускользавшей изъ

рукъ ихъ жертвы. Александръ предсталъ предъ лицо Батыя. Величественный видъ его поразилъ хана. Батый сразу сообразилъ, что предъ нимъ—князь, далеко превосходившій другихъ князей своимъ умомъ и достоинствами. Самодовольная улыбка проскользнула по лицу его, когда Александръ Ярославичъ склонилъ предъ нимъ свою голову.

Св. Александръ въ Ордѣ.

— Царь, я поклонюсь тебѣ, потому что Богъ почтилъ тебя царствомъ, но твари не стану кланяться... Я служу единому Богу, Его чту и Ему поклоняюсь,—мужественно произнесъ Александръ.

Батый нѣсколько времени любовался геросмъ, наконецъ произнесъ, обратясь къ окружавшимъ: „Правду говорили мнѣ: нѣтъ князя, равнаго этому“ [201])...



X.

Путешествіе св. Александра на поклоненіе верховному хану.—Семья Чингизидовъ.—Кара-Корумъ.—Церемонія возведенія на престолъ.—Представленіе св. Александра хану Менгу.—Распредѣленіе областей между Ярославичами.—Великодушіе св. Александра.—Событія на Руси.—Михаилъ „Хоробритъ“.—Возвращеніе св. Александра.—Прибытіе въ Новгородъ.—Болѣзнь.—Посольство къ Гакону.

Радуйся, яко многажды ради блага людей своихъ путешествовалъ еси къ безбожнымъ, ни во чтоже вмѣняя же отъ нихъ испытанія!

Радуйся, терпѣнію Христову подражавый!

Радуйся, всѣмъ намъ образе вѣрнаго Богу служенія!

Батый не былъ самостоятельнымъ властелиномъ: онъ считался намѣстникомъ верховнаго хана; поэтому наши князья, поклонившись Батыю, должны были по требованію послѣдняго отправляться въ главную Орду на поклонъ великому хану. „Не подобаетъ вамъ жити на землѣ Батыевѣ и Кановѣ, не поклонившеся има“, говорили татары русскимъ князьямъ [202]). Александру Ярославичу, такъ же какъ и его родителю, пришлось совершить далекое путешествіе къ истокамъ Амура. Вмѣстѣ съ нимъ отправлялся и братъ его Андрей, который гораздо раньше Александра, можетъ быть одновременно съ дядею Святославомъ, прибылъ къ Батыю [203]).

Верховный ханъ жилъ въ Кара-Корумѣ, на родинѣ Чингизидовъ. То была горная окраина страшной азіатской пустыни Гоби, лежащая за Байкаломъ. Русскимъ князьямъ, во время ихъ путешествій на поклоненіе верховному монгольскому властелину, приходилось проѣзжать чрезъ обширныя степи и пустыни Средней Азіи. Плано Карпини пишетъ, что, отправившись по повелѣнію Батыя къ истокамъ Амура, послы папы за Ураломъ вступили въ совершенно безводную и пустынную страну кангитовъ (нынѣ Киргизскую). „Въ этой печальной пустынѣ погибли отъ жажды бояре Ярослава, русскаго князя, посланные въ Татарію: мы видѣли ихъ кости. Вся земля опустошена монголами; жители, не имѣя домовъ, обитаютъ въ шатрахъ, подобно половцамъ не знаютъ земледѣлія и занимаются однимъ скотоводствомъ“. Далѣе путь лежалъ чрезъ земли „бисерменовъ“ (хивинцевъ), Кара-Китай, Монголію. Оставивъ въ лѣвой сторонѣ Байкалъ, путники послѣ трехъ или че-

Выступленіе въ походъ князя съ дружиною. (По сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ).

тырехъ мѣсяцевъ пути достигали цѣли своего путешествія. Другой путешественникъ того времени Рубруквисъ, отправленный Людовикомъ IX, королемъ французскимъ, посломъ къ верховному хану, разсказываетъ о страшныхъ трудностяхъ, которыми сопровождались эти дальнія поѣздки. Приходилось терпѣть голодъ, жажду, невыносимый жаръ и страшную стужу. Послѣ погромовъ монгольскихъ степи и пустыни казались еще безлюднѣе: развалины и груды костей на мѣстахъ нѣкогда богатыхъ поселеній краснорѣчиво говорили о свирѣпости завоевателей. Среди этого царства смерти самимъ татарамъ, привычнымъ къ кочеванью по пустынямъ, становилось страшно...

Современные путешественники могутъ дать намъ еще болѣе ясное представленіе о страшныхъ трудностяхъ путешествій по средне-азіатскимъ пустынямъ, тѣмъ болѣе, что условія быта остались тамъ неизмѣнными со временъ глубокой древности. Мрачное, тяжелое впечатлѣніе наводятъ на душу путника необозримыя пространства степей, лишенныя всякой растительности. Животныя бѣгутъ изъ такихъ страшныхъ пустынь. Даже ящерицы и насѣкомыя встрѣчаются рѣдко среди мѣстностей, напоминающихъ скорѣе обширныя кладбища: подъ ногами то и дѣло попадаются кости погибшихъ лошадей, муловъ и верблюдовъ. Почва раскаляется отъ невыносимой жары: солнце немилосердно жжетъ отъ восхода до заката. Неподвижна атмосфера, мутная, точно наполненная дымомъ... Вѣтерокъ не колышетъ воздуха, не даетъ минутной прохлады. Лишь изрѣдка промчится горячій вихрь и погонитъ предъ собой крутящіеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонамъ играютъ обманчивые миражи [204]).

Страшныя бури нарушаютъ повременамъ безмолвіе пустыни. Необыкновенно сильный, порывистый вѣтеръ вздымаетъ тучи песку и пыли, помрачающихъ свѣтъ солнца. Атмосфера дѣлается желтою, но скоро наступаетъ тишина, какъ въ сумерки. Соленая пыль засыпаетъ путниковъ и слѣпитъ имъ глаза [205])...

Таковы были трудности, которыя приходилось претерпѣвать царственнымъ братьямъ на пути въ Татарію! Но онѣ возростали еще болѣе вслѣдствіе недостатка въ пищѣ для скота и людей, вслѣдствіе недостатка въ топливѣ, особенно послѣ монгольскихъ погромовъ [206])...

Кто можетъ повѣдать намъ мысли и чувства Александра Ярославича во время долгаго, томительнаго пути по безконечнымъ пространствамъ азіатскихъ степей, среди невыносимыхъ лишеній, можно сказать, среди постоянной опасности погибнуть вдали отъ родины и близкихъ! Много нужно было вѣры въ Провидѣніе, много любви къ родинѣ, много нравственнаго мужества, чтобы перенести все это и не потерять искры надежды на лучшую будущность, хотя бы и отдаленную. Мы нерѣдко удивляемся великимъ подвигамъ, трудамъ и добровольнымъ лишеніямъ великихъ историческихъ дѣятелей, удивляемся, напримѣръ, поступку Александра Македонскаго, вылившаго на землю воду изъ шлема среди безводной пустыни для ободренія своихъ сподвижниковъ, но здѣсь мужество героя подкрѣпляла блистательная цѣль, имѣвшаяся въ виду, награда за подвигъ, громкая слава и величіе. Чего могъ ожидать, на что надѣяться Александръ Ярославичъ? Увидѣть мѣсто безвременной кончины отца, униженно склонить голову предъ надменнымъ варваромъ... Возвращеніе на родину... но въ этомъ еще можно было сомнѣваться... Да мало утѣшенія предстояло и въ родной землѣ. Безъ сомнѣнія, русскіе плѣнники не разъ встрѣчались Александру Ярославичу и въ

глубинѣ азіатскихъ степей и разсказывали грустную повѣсть о своемъ несчастіи. Эти разсказы живо воскрешали предъ нимъ картину народнаго горя: онъ зналъ, что татары продолжаютъ разорять отечество ежедневно. Татарскіе сборщики дани отнимали дѣтей у родителей, юношей и дѣвъ уводили въ плѣнъ и продавали въ рабство. Крымскіе и азовскіе города, Малая Азія, Сирія, Египетъ, Сѣверная Африка, Испанія наполнялись русскими рабами. Много впослѣдствіи переплатилъ въ Орду золота и серебра Александръ Ярославичъ, выручая изъ тяжкаго плѣна своихъ соотечественниковъ. Сострадательное сердце его обливалось кровью при мысли о народномъ бѣдствіи, и заботы о себѣ отступали на второй планъ.

Но вотъ наконецъ и Монголія. Уже миновали Байкалъ. Скоро придется предстать предъ очи верховнаго властелина Азіи.

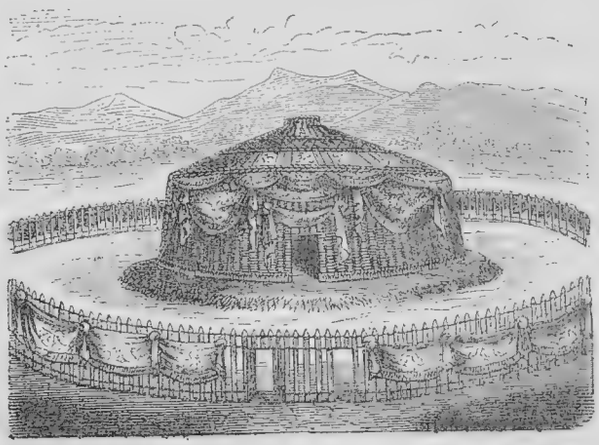
У Чингизъ-хана было четыре сына: Джучи, Джагатай, Огодай и Тулуй. Джучи умеръ еще при жизни отца. Вскорѣ скончался и самъ Чингизъ-ханъ въ 1227 году. Своимъ преемникомъ, или верховнымъ ханомъ, грозный завоеватель назначилъ самаго способнаго изъ своихъ сыновей, Огодая, Джагатаю отдалъ Бухарію и восточный Туркестанъ, Тулую — Иранъ, или Персію, Батыю, сыну Джучи, достались обширныя земли, простиравшіяся отъ юго-западной Сибири и сѣверныхъ предѣловъ Туркестана къ западу до Карпатскихъ горъ, въ числѣ ихъ и наше отечество [207]). Эти страны покорены были татарами при Огодаѣ. Таврическія и азовскія степи Батый предоставилъ одному изъ своихъ родственниковъ. Братъ его, Шибанъ, съ его соизволенія, господствовалъ въ той части Джучіева удѣла, которая лежала въ юго-западной Сибири и сѣверномъ Туркестанѣ. Въ срединѣ, въ обширныхъ поволжскихъ и подонскихъ степяхъ, расположились съ главными силами самъ Батый и сынъ его Сартакъ. Владѣя такимъ громаднымъ пространствомъ земель, Батый хотя и подчинялся верховному хану, былъ однако сильнѣйшимъ изъ монгольскихъ властителей.

Огодай умеръ въ 1241 году. Верховною властью завладѣла Туракина, самая вліятельная между женами Огодая. Она желала доставить престолъ своему сыну Гаюку, но на это требовалось согласіе курилтая. Такъ называлось собраніе вельможъ, созывавшееся въ важнѣйшихъ случаяхъ. Однако, при достиженіи цѣли Туракинѣ предстояло преодолѣть значительныя трудности: въ семьѣ Чингизъ-хана уже начались раздоры. Члены семействъ Огодая и Джагатая съ своими приверженцами боролись противъ потомства Джучи и Тулуя. Четыре года прошло прежде, чѣмъ Туракинѣ удалось наконецъ утвердить на престолѣ сына своего Гаюка, при помощи торжественнаго избранія на великомъ курилтаѣ въ 1246 году. Ярославъ Всеволодовичъ былъ свидѣтелемъ этого избранія и всѣхъ торжествъ, послѣдовавшихъ за нимъ. Гаюкъ отличался воинственными наклонностями и уже намѣревался собрать страшныя полчища для покоренія Западной Европы, но внезапная смерть положила конецъ этимъ замысламъ (1247 г.). Тогда Батый рѣшилъ воспользоваться всѣмъ своимъ могуществомъ для возведенія въ достоинство верховнаго хана близкаго къ нему племянника Менгу, сына Тулуева. По его волѣ, въ Туркестанѣ собрался курилтай, на которомъ и состоялось избраніе Менгу, а вскорѣ затѣмъ—великій курилтай на родинѣ Чингизъ-хана въ Кара-Корумѣ подтвердилъ это избраніе. Напрасно пытались помѣшать этому потомки Огодая и Джагатая: одни изъ нихъ были умерщвлены, другіе изгнаны. Утвердившись на престолѣ, Менгу отдалъ Персію своему

брату Гулагу, въ Китай назначилъ другого брата Кубилая, за Батыемъ остались его прежнія владѣнія.

Вышеприведенными обстоятельствами всего вѣроятнѣе объясняется продолжительность путешествія Александра Ярославича, пробывшаго въ Азіи около двухъ лѣтъ, такъ какъ верховный ханъ не могъ принять его раньше своего избранія. Вполнѣ возможно и то, что ему, подобно Ярославу, также пришлось присутствовать при церемоніи возведенія хана на престолъ на одномъ изъ курилтаевъ, всего вѣрнѣе на второмъ.

Кара-Корумъ, столица верховнаго хана, былъ громадный городъ, опоясанный глиняною стѣной съ четырьмя воротами. Внутри находились обширныя помѣщенія для ханской свиты, вельможъ, чиновниковъ и прислуги. Населеніе города было самое разнородное: тамъ толпились представители всѣхъ народовъ, порабощенныхъ монголами, встрѣчались и европейцы: французы, нѣмцы и др., которые служили за жалованье. Монголы пользовались ихъ знаніемъ ремеслъ и художествъ. Разноязычный говоръ слышался всюду. Въ разныхъ мѣстахъ столицы виднѣлись христіанскіе храмы католиковъ и православныхъ, въ которыхъ свободно совершалось богослуженіе, мечети, языческія кумирни. Громадный и богато украшенный дворецъ хана находился за городомъ. Тамъ принимались посольства изъ разныхъ странъ и народовъ. Ханъ принималъ пословъ, возсѣдая съ одной изъ своихъ женъ на возвышеніи, украшенномъ массой золота и серебра и множествомъ драгоцѣнныхъ камней. Обиліе всевозможныхъ украшеній можно было видѣть и на вельможахъ, разъѣзжавшихъ на богато убранныхъ коняхъ. Вельможи ежедневно мѣняли одежды: въ одинъ день появлялись въ многоцѣнныхъ бѣлыхъ, на другой день — въ красныхъ, на третій — въ голубыхъ, на четвертый блистали тканями, шитыми золотомъ. У коней узда, нагрудникъ и сѣдло также сіяли золотомъ и драгоцѣнностями. Но несмотря на несмѣтныя богатства, все носило печать крайняго варварства, соединеннаго съ нелѣпою, безвкусною роскошью. Крайне безобразные, попрежнему крайне нечистоплотные, монголы питались такою грязною пищей, одно описаніе которой возбуждаетъ отвращеніе, и въ своихъ привычкахъ, въ ежедневномъ бытѣ остались прежними дикарями-кочевниками.



Юрта Чингизъ-хана.

Нельзя съ достовѣрностью сказать, точно ли въ Кара-Корумѣ представились хану Александръ и Андрей Ярославичи. Пребываніе на одномъ мѣстѣ не нравилось монголамъ. Ханы только время отъ времени появлялись въ столицѣ. Обыкновенно они съ огромными обозами, нагруженными несмѣтными богатствами, переѣзжали съ мѣста на мѣсто. На указанной ханомъ мѣстности на необозримое пространство раскидывались шатры. Ханскій шатеръ

утверждался на столбахъ, обшитыхъ золотыми листами. Ковры, золото и драгоцѣнности украшали шатеръ внутри и снаружи. Вокругъ обширнаго стана паслись безчисленныя стада лошадей, верблюдовъ, козъ, овецъ и рогатаго скота.

Церемоніалъ возведенія на престолъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: въ назначенный день сбираются вельможи и долгое время молятся Богу. Послѣ молитвы ханъ возводится на золотой тронъ. Вельможи и народъ бросаются на колѣна и приносятъ поклоненіе, затѣмъ сановники приближаются къ хану и говорятъ:

— Мы желаемъ и просимъ, чтобы ты повелѣвалъ нами.

Ханъ отвѣчаетъ:

— Желая имѣть меня государемъ, готовы ли вы безпрекословно повиноваться мнѣ, являться по первому зову и идти, куда велю, предавать смерти всякаго, на кого укажу?

— Готовы!—отвѣчаютъ всѣ присутствующіе.

— Слово мое да будетъ отнынѣ моимъ мечомъ!—восклицаетъ ханъ.

Вельможи сводятъ хана съ престола и сажаютъ на войлокъ.

— Надъ тобою—небо и Всевышній, подъ тобою—земля и войлокъ,—торжественно говорятъ хану.—Если будешь заботиться о нашемъ благополучіи, соблюдать милость и правду и чтить князей и вельможъ по достоинству, то царство твое прославится во всемъ мірѣ, земля будетъ покорена тобой, и Богъ исполнитъ всѣ желанія твоего сердца. Но если не оправдаешь ожиданія рабовъ твоихъ, будешь презрѣнъ и такъ обнищаешь, что лишишься и того войлока, на которомъ сидишь [208])!

Послѣ произнесенія этихъ словъ, вельможи, поднявъ хана на рукахъ, торжественно провозглашаютъ его своимъ повелителемъ и подносятъ ему въ даръ множество всякаго рода драгоцѣнностей. Ханъ въ свою очередь даритъ своихъ приближенныхъ. Церемонія оканчивается пиршествомъ, продолжающимся до поздней ночи.

Только послѣ избранія ханъ торжественно принималъ пословъ, въ томъ числѣ и русскихъ князей. Александръ и Андрей Ярославичи, павши на колѣна, поднесли богатые дары хану. Менгу сидѣлъ на тронѣ въ богатой шубѣ, имѣвшей лоскъ тюленьей кожи. Онъ былъ средняго роста и казался 40 лѣтъ отъ роду. Наружность его была чисто монгольская: выдавшіяся скулы, приплюснутый носъ и т. д. Неизвѣстно, происходилъ ли при этомъ какой-нибудь разговоръ и въ чемъ онъ состоялъ. Мы можемъ только предполагать, что Александръ Ярославичъ произвелъ и на хана Менгу столь же благопріятное впечатлѣніе, какъ и на Батыя.

Воздавъ поклоненіе повелителю Азіи, Александръ не спѣшилъ возвращеніемъ на родину. Ему необходимо было хорошо изучить татаръ въ самомъ центрѣ ихъ могущества, чтобы уяснить себѣ способъ дальнѣйшаго обращенія съ ними, чтобы понять, съ какой стороны возможно ужиться съ ними. Прежде всего его должно было поразить строжайшее подчиненіе всѣхъ волѣ одного, доходившее до раболѣпнаго поклоненія, до полнаго уничтоженія самостоятельности личности. Здѣсь крылась тайна той страшной сплоченности силъ, на которой опиралось могущество монголовъ. Ничто такъ не вооружало ихъ, какъ замѣченное въ комъ-либо ползновеніе къ неповиновенію, къ независимости отъ воли хана. Ясно было, что татары, по одному мановенію своего властелина, готовы были каждую минуту броситься, какъ

одинъ человѣкъ, для безпощаднаго истребленія хотя бы цѣлыхъ народовъ и превращенія вселенной въ груду развалинъ для осуществленія плановъ ихъ повелителя [209]). Эта черта должна была тѣмъ болѣе броситься въ глаза наблюдателя, что Русь того времени, какъ мы видѣли, представляла совершенно противоположную картину разъединенности и своеволія. Но вмѣстѣ съ этой чертой у татаръ связано было полное равнодушіе къ внутреннему духовному міру человѣка, къ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. Подчиняйся слѣпо властямъ—и затѣмъ молись Богу, какъ тебѣ угодно, живи, какъ знаешь и какъ находишь для себя удобнѣе. Повелители монголовъ отличались необыкновенной терпимостью по отношенію къ чуждымъ вѣроисповѣданіямъ и даже готовы были покровительствовать имъ: на свой счетъ ханъ содержалъ въ своей ставкѣ священниковъ православной Церкви, которые открыто совершали богослуженіе въ храмѣ, находившемся передъ его большою палаткою. Въ самомъ семействѣ хана были христіане. Передъ ханомъ Менгу совершали службу поочередно христіанскіе несторіанскіе духовные, магометанскіе муллы и языческіе жрецы. Самъ Менгу выражался слѣдующимъ образомъ: „Мы, монголы, вѣруемъ, что есть только одинъ Богъ. Но подобно тому какъ рукамъ Онъ далъ много пальцевъ, такъ и людямъ указалъ много путей въ рай“. Эта терпимость къ чужимъ вѣрамъ у монголовъ предписывалась даже закономъ—черта чрезвычайно важная для народовъ, имѣвшихъ несчастіе подвергнуться игу! Равнымъ образомъ татары вовсе не были склонны вмѣшиваться во внутренній строй жизни покоренныхъ народовъ, нарушать ихъ нравы и обычаи. Монголы были способны, какъ никто, къ безпощадной разрушительной дѣятельности, но совершенно не годились для созданія болѣе или менѣе прочныхъ основъ, какихъ бы то ни было учрежденій, которыя могли бы обезпечить продолжительность ихъ господства надъ покоренными, словомъ—для политическаго творчества. Требуя безусловной покорности, они полагались лишь на грубую матеріальную силу. Отсюда для внимательнаго наблюдателя могла мелькнуть надежда, что самое иго, наложенное татарами, могло продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока на ихъ сторонѣ находился перевѣсъ матеріальной силы. Но, какъ мы видѣли, уже въ самой семьѣ Чингизидовъ возникли раздоры, обычное явленіе при многоженствѣ, очень опасное для монархій, основанныхъ силою меча.

Другая черта нашихъ поработителей, которая конечно также не могла ускользнуть отъ зоркаго взгляда Александра, заключалась въ томъ, что татары, будучи исполнены свирѣпой вражды ко всѣмъ другимъ народамъ, въ то же время очень ласковы и обходительны со своими. Естественно, что на русскихъ князей они смотрѣли подозрительно, особенно на князей, выдававшихся среди другихъ умомъ и доблестью. Но съ другой стороны, въ своихъ собственныхъ интересахъ, они могли бы дорожить княземъ, на вѣрность котораго можно было положиться. Безъ сомнѣнія, Александръ Ярославичъ употребилъ всѣ силы своего ума для того, чтобы снискать довѣріе и расположеніе верховнаго хана и его приближенныхъ. Мы очень мало знаемъ о путешествіи Ярославичей ко двору верховнаго хана, но судя по результатамъ, равно какъ и по дальнѣйшему теченію событій, можемъ полагать, что благодаря своимъ блестящимъ качествамъ, такту и умѣнью обращаться съ монголами, Александру дѣйствительно удалось заручиться расположеніемъ хана и его приближенныхъ.

Но въ то же время сколько горькихъ униженій пришлось испытать въ

ханской ставкѣ невскому герою! Какъ, должно быть, было тяжело ему скрывать невольное чувство отвращенія, вызываемое всѣмъ бытомъ, всей обстановкой монгольской жизни! Для снисканія себѣ ханской милости русскому князю приходилось дарить богатые подарки и угождать не только хану, но его женамъ, приближеннымъ и даже слугамъ и близко знакомиться съ ними. Чтобы стать въ глазахъ татаръ своимъ, близкимъ человѣкомъ, необходимо было и самому угощать и принимать угощенія, приходилось пить любимый татарскій напитокъ кумысъ, на который русскіе болѣе, чѣмъ другіе христіане, смотрѣли съ омерзѣніемъ и, вкусивъ его по необходимости, спѣшили взять у священника отпустительныя молитвы. То же самое было и съ остальной пищей: кониной, падалью и животными, убитыми рукою язычника... Сколько пришлось вытерпѣть отъ гордаго, презрительнаго обращенія не только вельможъ, но и простыхъ варваровъ! „Татары болѣе горды, чѣмъ другіе народы, и презираютъ другихъ, не обращая никакого вниманія на знатность тѣхъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло“, пишетъ папскій посолъ. Униженія были бы поистинѣ нестерпимы, если бы благочестивый герой не помнилъ непрестанно о Томъ, Кто претерпѣлъ безконечно горшія униженія и позоръ для спасенія рода человѣческаго. Униженіе становилось высокимъ подвигомъ...

Отпуская отъ себя Ярославичей, верховный ханъ распорядился такъ, что старшій—Александръ долженъ былъ получить Кіевъ и „всю землю русскую“ [210]), удерживая въ то же время за собою Новгородъ и Переяславль Залѣсскій, а младшій—Андрей—владимірскій столъ съ остальными областями. Кіевъ—старинный стольный городъ. Исторія удѣльно-вѣчевой Руси полна междоусобными войнами изъ-за обладанія Кіевомъ, матерью городовъ русскихъ, колыбелью христіанства на Руси, хранилищемъ святыни. Но Владиміръ уже во времена Андрея Боголюбскаго возвысился надъ Кіевомъ и сдѣлался на самомъ дѣлѣ средоточіемъ русской земли. Послѣ нашествія Батыя, Кіевъ скорѣе походилъ на деревню, чѣмъ на городъ. Чѣмъ же объяснить, что великое владимірское княженіе досталось не старшему брату, какъ можно было бы ожидать, не Александру, а младшему — Андрею? Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Александръ, пользуясь всѣмъ своимъ вліяніемъ, сумѣлъ бы добиться великаго княженія, если бы это входило въ его планы. Но, чуждый самолюбивыхъ разсчетовъ, онъ и на этотъ разъ не торопитъ событій и подчиняется ханскому распоряженію. Можетъ быть ханъ, отдавая преимущество младшему брату, съ свойственнымъ монголамъ коварствомъ хотѣлъ еще разъ испытать Александра, можетъ быть онъ еще опасался вручить сильнѣйшую русскую область князю, выдававшемуся своими способностями?.. Но были и другія основанія для Александра удовольствоваться данною ему частью. По словамъ Татищева (IV, 22), ханъ сдѣлалъ свои распоряженія относительно братьевъ „по завѣту отца ихъ“. Судя по тогдашнимъ обстоятельствамъ на Руси, это вполнѣ вѣроятно. Предусмотрительный политикъ Ярославъ Всеволодовичъ соображалъ, что храбрый Александръ, уже доказавшій свою способность съ успѣхомъ бороться съ западными врагами, сумѣетъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, отстоять противъ ихъ нападеній цѣлость русской земли, ставши на стражѣ ея западной окраины. Въ самомъ дѣлѣ необходимость бдительнаго наблюденія за западными сосѣдями и энергическихъ дѣйствій противъ нихъ становилась все очевиднѣе. Во время путешествія старшихъ Ярославичей доблестный братъ ихъ Михаилъ сложилъ свою голову въ борьбѣ съ литовцами, которые съ каждымъ

Карта русской земли въ половинѣ XIII столѣтія.

годомъ, можно сказать, становились опаснѣе для Руси. Въ то же время шведы и нѣмцы, хотя и устрашенные побѣдами Александра, однако вовсе не думали отказаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскаго народа, выжидая лишь болѣе благопріятныхъ для себя обстоятельствъ.

Было и еще одно соображеніе, которымъ могъ руководиться Ярославъ при распредѣленіи земель. Онъ самъ разсчитывалъ утвердиться въ Кіевѣ въ то время, какъ разразилась гроза монгольскаго нашествія. По извѣстію волынской лѣтописи, онъ не могъ его удержать за собой и удалился въ суздальскую область. Только Александръ могъ упрочить здѣсь свою власть и удержать Кіевъ за родомъ Ярослава. Далѣе — во время погрома Батыева особенно пострадало Приднѣпровье. Между тѣмъ какъ сѣверо-восточная Русь начала оправляться, благодаря скорой и энергической помощи самого Ярослава, приднѣпровскія земли оставались въ запустѣніи. Никто не былъ способнѣе Александра сколько-нибудь привести здѣсь дѣла въ порядокъ и энергической дѣятельностью хотя отчасти загладить слѣды разоренія. Словомъ, гораздо большія трудности, которыя предстояли теперь кіевскому князю, могли побудить Ярослава назначить Андрея во Владиміръ. Можетъ быть, здѣсь отчасти дѣйствовало особенное расположеніе Ярослава къ Андрею, съ которымъ онъ никогда не разставался.

Какъ бы то ни было, Александръ Ярославичъ безъ малѣйшаго неудовольствія принялъ на себя трудную задачу, одушевляемый любовью къ родинѣ. Тѣмъ удивительнѣе встрѣчать у нашихъ историковъ обратное, ни на чемъ не основанное предположеніе о недовольствѣ Александра тѣмъ, что ему достался Кіевъ, а не Владиміръ [211]). Развѣ не также спокойно отнесся и раньше Александръ къ раздѣлу областей, произведенному его дядею непосредственно послѣ смерти Ярослава?.. Удивительно и то обстоятельство, что, несмотря на недовольство старшаго брата, однако умѣвшаго съ замѣчательной энергіей достигать своихъ цѣлей, Андрей спокойно княжитъ во Владимірѣ, а Александръ, нисколько не думая о соперничествѣ, собирается въ Кіевъ, несмотря на то, что его горячо отговаривали новгородцы. Между тѣмъ это нисколько не мѣшаетъ утверждать, что „Невскій герой не поѣхалъ туда (въ Кіевъ), а пребывалъ или въ Новгородѣ Великомъ или въ своихъ суздальскихъ волостяхъ (мы могли бы сказать съ большимъ правомъ: гостилъ у брата своего Андрея во Владимірѣ), ожидая удобнаго случая завладѣть стольнымъ Владиміромъ“ [212]). Если бы мы могли перенестись въ описываемое время, то увидали бы нѣчто совершенно противоположное словамъ историка, а именно — трогательное зрѣлище всенароднаго горя по случаю тяжкой болѣзни, постигшей невскаго героя, всеобщаго горячаго участія русскихъ людей, съ умиленіемъ услышали бы горячія молитвы всей Руси о томъ, кто служилъ ей лучшимъ утѣшеніемъ въ тѣ скорбные годы .. Такъ опасно свои собственныя мысли и соображенія, притомъ построенныя въ разсчетѣ на слабости человѣческія, приписывать дѣятелямъ, отличавшимся возвышеннымъ строемъ мысли и благородствомъ души... Но мы еще разъ вернемся къ этому предмету.

Посмотримъ теперь на то, что происходило на Руси во время продолжительнаго отсутствія старшихъ Ярославичей. Если Александръ, уважая права старшинства, призналъ послѣ смерти отца дядю Святослава великимъ княземъ владимірскимъ,—не такъ взглянулъ на это младшій братъ Михаилъ, князь московскій. Судя по участи отца, постигшей его во время путеше-

ствія въ Татарію, Михаилъ, вѣроятно, мало надѣялся на возвращеніе своихъ старшихъ братьевъ и поспѣшилъ поправить, какъ могло ему казаться, непростительную оплошность старшаго брата, не пожелавшаго воспользоваться своимъ вліяніемъ для захвата великокняжескаго престола и удержанія его въ родѣ Ярослава. По прошествіи года послѣ отъѣзда старшихъ братьевъ, храбрый и предпріимчивый Михаилъ, по прозванію „Хоробритъ“, не имѣя никакихъ правъ, напалъ на своего дядю Святослава и, заставивъ его отказаться отъ великокняжескаго стола, самъ занялъ его. Поступокъ Михаила явно показываетъ, насколько измѣнились прежнія понятія о старшинствѣ.

Сдѣлавшись великимъ княземъ, Михаилъ немедленно собралъ большія военныя силы и, сумѣвъ привлечь къ участію въ походѣ и другихъ князей, въ 1248 году отправился противъ литовцевъ. Не даромъ, видно, внукъ Удалого и братъ Невскаго носилъ названіе „Хоробрита“... Походъ былъ удаченъ. Враждебныя рати сошлись на берегахъ рѣки Протвы, въ смоленской землѣ. „Бишася князи рустіи съ Литвою, и одолѣша князи рустіи“ [213]). Но предводитель русскаго ополченія доблестный Михаилъ сложилъ въ бою свою голову. Видно, этотъ князь въ короткое время сумѣлъ заслужить общее расположеніе. Всѣ рѣшительно — князья, бояре, духовенство и народъ единодушно горевали о безвременной кончинѣ храбраго и „добротнаго“ князя. Съ береговъ Протвы, по настоянію суздальскаго епископа Кирилла, его тѣло перевезли во Владиміръ и съ великой честью положили въ соборномъ храмѣ. „Плакашеся братья его и бояре надъ нимъ“ [214]).

Святославъ снова занялъ великокняжескій столъ, но не надолго. Въ концѣ 1249 или въ самомъ началѣ 1250 года старшіе Ярославичи возвратились изъ своего путешествія, и великимъ княземъ, согласно волѣ верховнаго хана, сдѣлался Андрей Ярославичъ. Александръ нѣкоторое время гостилъ у своего брата во Владимірѣ, куда безъ сомнѣнія собрались всѣ братья и ближайшіе родственники, чтобы привѣтствовать Александра и Андрея и раздѣлить съ ними радость по случаю благополучнаго возвращенія. Но свѣтлая радость омрачилась болѣзнію двоюроднаго брата Ярославичей Владиміра Константиновича и племянника Василія Всеволодовича. Можно представить себѣ, какъ огорченъ былъ Александръ болѣзнію столь близкихъ родственниковъ, къ которымъ питалъ нѣжную любовь. Несмотря на внимательный уходъ, князья скончались. „Плакася надъ ними Олександръ князь много“ [215])...

Между тѣмъ новгородцы не могли дождаться своего любимаго героя и сгорали нетерпѣніемъ видѣть его среди себя. Наконецъ, насталъ давно желанный день. Можно сказать, весь новгородскій народъ и старъ и младъ спѣшилъ навстрѣчу Александру Ярославичу. Восторгъ былъ неописанный. „Вотъ оно, наше солнышко красное!“ раздавалось повсюду. Словомъ, „бысть радость велика въ Новѣгородѣ!“ [216]) Прежде всего, разумѣется, Александръ поспѣшилъ въ храмъ принести благодарность Всевышнему за то, что Онъ Своей десницей охранилъ его, подобно Даніилу во рвѣ львиномъ, среди опасностей далекаго путешествія. Новгородцы, казалось, не могли достаточно наглядѣться на своего князя, и когда Александръ вознамѣрился было отправиться въ Кіевъ, горячо умоляли его продолжить свое пребываніе у нихъ. Подобно матери, со страхомъ отпускающей нѣжно-любимаго сына въ дальніе края, новгородцы воображали себѣ опасности, которыя предстояли ихъ

князю на югѣ, и не желали подвергаться вновь пережитому уже разъ тревожному чувству опасенія за дорогого человѣка. Тронутый этой привязанностью, Александръ склонился на ихъ просьбы [217]). Но не только новгородцы, — вся русская земля радовалась благополучному возвращенію Александра. Митрополитъ кіевскій и всея Руси Кириллъ вмѣстѣ съ ростовскимъ епископомъ, Кирилломъ же, въ началѣ 1251 года пожелали почтить Александра Ярославича своимъ посѣщеніемъ въ Новгородѣ. Велико было въ древней Руси значеніе верховнаго архипастыря, и вполнѣ понятно, что новгородцы приготовились къ торжественной встрѣчѣ дорогихъ гостей. Знаменитѣйшіе граждане города и народъ съ княземъ во главѣ, духовенство съ крестами и иконами вышли за городъ навстрѣчу митрополиту. Во время пребыванія въ Новгородѣ, по просьбѣ гражданъ, митрополитъ поставилъ архіепископомъ 25-го мая 1251 года Далмата на мѣсто Спиридона, скончавшагося въ томъ же 1251 году. Свѣтлыя празднества, безъ сомнѣнія, не разъ происходили въ Новгородѣ во все время пребыванія почетныхъ гостей [218]).

Если новгородцы такъ не желали отпустить отъ себя Александра изъ опасенія предвидимыхъ опасностей, то можно представить себѣ, какъ всѣ были глубоко потрясены, когда, по отъѣздѣ митрополита, по городу разнеслась вѣсть, что князь сильно разболѣлся, „и бысть болѣзнь его тяжка зѣло“ [219]). Забыты были всѣ мелкіе и крупные интересы: всѣ съ тревожнымъ участіемъ слѣдили за ходомъ болѣзни. Иные доходили до мрачнаго отчаянія... Городъ представлялъ умилительное зрѣлище: храмы съ утра до вечера наполнены были людьми всѣхъ сословій, горячо молившимися о выздоровленіи князя [220]). Но не въ одномъ Новгородѣ,—всюду, куда только проникала печальная вѣсть, она погружала русскихъ людей въ невыразимую скорбь, и всюду возносились теплыя молитвы ко Всевышнему о томъ, кто былъ надеждою русскаго народа. И Господь не отвергъ молитвъ народныхъ: Александръ оправился отъ тяжкой болѣзни [221]). Неутомимый труженикъ, самъ едва вставъ съ одра болѣзни, Александръ спѣшилъ оказать помощь своему народу. Всю весну того года шли проливные дожди, точно сама природа плакала, сострадая народному горю. Волховъ разлился и произошло сильное наводненіе, разрушившее мостъ черезъ рѣку, при чемъ погибли сѣно, хлѣбъ и другіе запасы. Ранній морозъ довершилъ бѣду [222])... Новгороду грозилъ голодъ. Живо представлялась Александру картина народнаго бѣдствія, хорошо знакомая ему по событіямъ 1230 года. Безъ сомнѣнія, князь принялъ разумныя и энергическія мѣры для спасенія голодавшихъ. Но среди этихъ заботъ его многосторонній умъ не упускалъ изъ виду и другихъ обстоятельствъ. Въ томъ же году состоялось замѣчательное посольство Александра къ норвежскому королю Гакону въ Дронтгеймъ, внушенное ему заботами о безопасности сѣверной окраины новгородской земли, на которую напали норвежцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ посламъ дано было и другое порученіе: въ случаѣ согласія Гакона прекратить набѣги, послы должны были посвататъ дочь короля Христину за Александрова сына Василія. Король изъявилъ самыя миролюбивыя намѣренія, не прочь былъ породниться съ славнымъ русскимъ княземъ и въ свою очередь прислалъ пословъ въ Новгородъ для заключенія формальнаго договора. Послы были встрѣчены съ почетомъ и отправлены обратно съ богатыми подарками. Однако, этотъ во многихъ отношеніяхъ знаменательный бракъ не могъ состояться. Посольство

къ норвежскому королю показываетъ намъ только, что, мужественно оберегая честь и цѣлость родины отъ западныхъ сосѣдей, Александръ, однако, не чуждъ былъ мысли о поддержаніи добрыхъ отношеній съ европейцами, которыя могли бы принести большую пользу русскому народу, но, видно, для этого еще не пришло время [223])...

Страшные безпорядки во Владимірѣ заставили Александра отложить свои личныя и семейныя дѣла до другого болѣе благопріятнаго времени. Александръ долженъ былъ поспѣшить въ Орду, откуда уже возвратился великимъ княземъ владимірскимъ...

XI.

Великій князь Андрей Ярославичъ.—Гнѣвъ на него хана и Неврюево нашествіе.—Несправедливость обвиненія Александра въ наведеніи Неврюя.—Бѣгство Андрея изъ Владиміра.—Александръ Ярославичъ—великій князь.

Радуйся, примѣромъ своимъ паче слова явивыйся стязающихся о наслѣдіи братій своихъ примирителю!
Радуйся, разгнаннаго страхомъ нашествій татарскихъ народа своего собирателю!

Какъ намъ уже извѣстно, по рѣшенію верховнаго хана Менгу, владимірское великое княженіе получилъ Андрей Ярославичъ. Этотъ князь—изъ числа тѣхъ личностей, которыя отличаются хорошими природными дарованіями, благородствомъ характера, отвагой, энергіей при достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Добродушіе нрава соединяется у нихъ съ ласковымъ, любезнымъ обращеніемъ съ другими, они умѣютъ снискать симпатіи и поразить воображеніе современниковъ. Они не прочь совершить громкій подвигъ, въ особенности при сочувствующихъ имъ зрителяхъ. Но при всемъ томъ имъ часто не хватаетъ глубины характера, стойкости и выдержанности воли, самоотверженія, вслѣдствіе чего они оказываются неспособными къ непрерывному труду, къ тяжелой, будничной, если можно такъ выразиться, къ

черной работѣ, вызываемой глубоко сознаваемымъ чувствомъ долга... Они самонадѣянны и часто дерзки до отваги, когда имъ благопріятствуютъ обстоятельства, когда удача вѣнчаетъ ихъ усилія, но при этомъ малодушны и готовы падать духомъ при первомъ серьезномъ испытаніи. Умъ у нихъ гибкій, находчивый, соображеніе быстрое, они способны создавать смѣлые планы, но имъ недостаетъ вдумчивости, глубины, охоты къ серьезному изученію всѣхъ обстоятельствъ дѣла, всей наличной дѣйствительности... Карамзинъ такъ характеризуетъ Андрея Ярославича: этотъ князь имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный, неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго [224]). Это значитъ, что онъ не могъ отрѣшиться отъ обычныхъ представленій о чести властителя, отъ обольщенія славою міра, не понималъ, какъ его старшій братъ, что истинное величіе состоитъ въ отданіи всего себя труду, котораго не могутъ понять и оцѣнить современники, значеніе котораго сдѣлается яснымъ развѣ для отдаленнаго потомства.

Мы видимъ, какъ онъ „поспѣшный“, по выраженію его отца, дѣйствительно спѣшилъ получить великое княженіе, не обращая вниманія на права дяди и старшаго брата. Но, добившись всего, на что онъ только могъ надѣяться при тогдашнихъ обстоятельствахъ, онъ счелъ, что трудъ его оконченъ, что ему остается теперь только пользоваться плодами своихъ усилій. Что положеніе его отечества измѣнилось, что его народъ страдаетъ отъ тяжкаго ига, что малѣйшая неосторожность, одинъ невѣрный шагъ можетъ навлечь на Русь еще большія страданія—это мало приходило ему на умъ. О татарахъ въ особенности не хотѣлось ему думать и вспоминать: онъ не любилъ совѣтоваться со старыми боярами и предпочиталъ бесѣду молодыхъ сверстниковъ, не испытавшихъ силы монголовъ. Мрачныя думы, порой посѣщавшія его, онъ спѣшилъ разсѣять удовольствіями и развлеченіями и между прочимъ со страстью предавался охотѣ, любимой забавѣ знатныхъ людей того времени. Въ 1250 году Андрей вступилъ въ бракъ съ дочерью галицкаго князя Даніила Романовича и блистательно отпраздновалъ свадьбу. Это родство и близкое знакомство съ Даніиломъ имѣло рѣшительное вліяніе на его судьбу.

Даніилъ Романовичъ галицкій представляетъ самый яркій типъ князя того времени, слишкомъ свыкшагося съ прежнимъ строемъ жизни, чтобы примириться съ новымъ положеніемъ, созданнымъ покореніемъ Руси татарами. Въ числѣ другихъ князей, и онъ изъявилъ покорность Батыю, но злѣе зла показалась честь, оказанная ему татарами, и его задушевною мечтой сдѣлалось освобожденіе отъ позорнаго рабства.

Какъ и всѣмъ русскимъ князьямъ того времени, зависимость отъ татаръ, конечно, не сладка была и Андрею, но онъ переносилъ ее, какъ нѣчто роковое, необходимое и неотвратимое. При ближайшемъ знакомствѣ съ идеалами и стремленіями тестя, симпатичный нравственный обликъ котораго, безъ сомнѣнія, произвелъ сильное впечатлѣніе на Андрея, гнетущее чувство недовольства могло и у него принять болѣе осязательную форму, а именно — породить надежду на возможность избавленія отъ ненавистнаго ига [225]). Онъ сталъ небрежнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ татарамъ, можетъ быть, не сталъ посылать богатыхъ подарковъ въ Орду, не слишкомъ заботился о сборѣ дани. Получивъ великое княженіе по рѣшенію верховнаго хана, онъ очевидно былъ слишкомъ увѣренъ въ прочности своего положенія и не принялъ въ разсчетъ того, что

онъ нанесъ страшную обиду дядѣ Святославу, который дважды занималъ великокняжескій столъ и дважды былъ лишаемъ его своими племянниками [226]). Много горечи накопилось у Святослава... Сами татары, конечно, зорко слѣдили за поведеніемъ князей, но, если бы даже отъ татаръ и укрылось настроеніе великаго князя, все-таки Святославъ, тоже безъ сомнѣнія внимательно слѣдившій за поступками Андрея, могъ раскрыть имъ глаза и истолковать его поведеніе въ смыслѣ измѣны. Уступивъ поневолѣ великое княженіе Андрею, онъ дѣйствительно вмѣстѣ съ сыномъ отправился въ Орду, всего вѣроятнѣе—съ надеждою запискать расположеніе завоевателей и вернуть утраченное. Батый былъ уже старъ, едва передвигалъ ноги и мало занимался дѣлами. Дѣйствительная власть перешла къ сыну его Сартаку. Сартакъ принялъ Святослава благосклонно: тѣмъ съ большей настойчивостью Святославъ могъ хлопотать о достиженіи главной цѣли своего путешествія и очевидно настолько вооружилъ хана противъ племянника, что тотъ отдалъ приказъ царевичу Неврюю привесть къ нему владимірскаго князя [227]).

Такова послѣдовательность событій, связанныхъ съ нашествіемъ Неврюя, насколько можно судить по строгомъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и внимательномъ изученіи памятниковъ. Поэтому невольно останавливаешься въ крайнемъ недоумѣніи предъ взглядомъ знаменитаго историка Соловьева, который видитъ причину горестнаго событія въ происках Александра Ярославича, будто бы оклеветавшаго Андрея съ цѣлію добиться великаго княженія...

„Въ 1250 году, говоритъ Соловьевъ, Андрей вступилъ въ тѣсную связь съ Даніиломъ галицкимъ, женившись на его дочери; а въ 1252 году Александръ отправился за Донъ, къ сыну Батыеву Сартаку съ жалобою на брата, который отнялъ у него старшинство и не исполняетъ своихъ обязанностей относительно татаръ. Александръ получилъ старшинство, и толпы татаръ, подъ начальствомъ Неврюя, вторгнулись въ землю суздальскую. Андрей при этой вѣсти сказалъ: „Что это, Господи! покуда намъ между собою ссориться и наводить другъ на друга татаръ: лучше мнѣ бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружиться съ татарами и служить имъ“ [228]).

Итакъ—герой, самоотверженно служившій родинѣ, до изображаемаго нами времени ни разу не обнаружившій въ своей дѣятельности самолюбивыхъ стремленій, сперва уступившій во уваженіе старшинства великое княженіе своему дядѣ, затѣмъ брату, нѣжный родственникъ, горько рыдавшій надъ гробомъ близкихъ, милостивый „паче мѣры“ не только къ своимъ, но и къ чужимъ, „милостилюбець, а не златолюбець, благъ домочадецъ“—оказывается не болѣе, не менѣе какъ клеветникомъ, наводчикомъ татаръ, изъ личнаго честолюбія готовымъ погубить брата и навлечь неисчислимыя бѣдствія на родную страну!!! Подобное обвиненіе, ложащееся кровавымъ пятномъ на память Невскаго, производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе, вопросъ слишкомъ важенъ, такъ что мы должны какъ можно тщательнѣе разсмотрѣть всѣ основанія, на которыя опирается знаменитый историкъ, вмѣстѣ съ раздѣляющими его взглядъ писателями, — со всей добросовѣстностью и уваженіемъ къ истинѣ, которыхъ требуетъ самая важность предмета. Однако, несмотря на весь вполнѣ справедливо заслуженный авторитетъ историка, да не подумаетъ кто-либо, чтобы предстояли особенно большія затрудненія при устраненіи мнѣнія, бросающаго тѣнь на свѣтлый обликъ Невскаго героя: легкія облака не могутъ затмить лучезарнаго солнца...

Исходнымъ пунктомъ прискорбной ошибки, въ которую впадаютъ историки, обвиняя Александра въ „Неврюевомъ плѣненіи“, служитъ предвзятая мысль, что Александръ, несмотря на всѣ свои заслуги, несмотря на громкую славу, которою онъ пользовался и дома, и у татаръ, и въ Западной Европѣ,—„до горъ Араратскихъ“ и до „Великаго Рима“, не получивши великаго княженія, *долженъ, могъ* быть недовольнымъ, уступивъ младшему брату. А если бы онъ не уступилъ Андрею и самъ добился великаго княженія, изгнавши дядю Святослава, имѣвшаго по старинѣ безспорное право на великое княженіе,— что *тогда* сказали бы объ Александрѣ? Да сказали бы, что Александръ воспользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ, чтобы попрать права, основанныя на старшинствѣ, и затѣмъ, разумѣется, послѣдовало бы сужденіе, вызванное подобнымъ же поступкомъ его брата, Михаила Хоробрита: „явленіе чрезвычайной важности, ибо здѣсь мы видимъ совершенный произволъ, совершенное невниманіе ко всякому родовому праву, исключительное преобладаніе права сильнаго“ [229]). Александръ не пожелалъ нарушить правъ дяди, обидѣть его и выставить принципъ права сильнаго—за него сдѣлали это его меньшіе братья, сперва Михаилъ, затѣмъ Андрей. Не очевидно ли, что поступки Михаила и Андрея прямо были слѣдствіемъ добровольнаго отказа искать великаго княженія подъ дядею со стороны старшаго брата,– отказа, обнаружившаго возвышенную душу Александра? Могли ли бы младшіе братья добиваться великаго княженія противъ старшаго, если бы послѣдній самъ стремился къ его захвату? А теперь выходитъ такъ, что Александръ, какъ будто спохватившись, что такъ долго предоставлялъ первенство другимъ, спѣшитъ въ Орду, обвиняетъ брата предъ ханомъ и подвергаетъ отечество всѣмъ ужасамъ нашествія, какъ будто онъ не могъ, при своемъ необыкновенномъ умѣ, найти для достиженія своей цѣли болѣе благовидныхъ средствъ... Не очевидно ли, что надъ сужденіемъ историка господствуетъ неотвязчивая мысль,—трудность представить себѣ: какъ же это Александръ могъ *добровольно* уступать первенство другимъ [230])? Или въ дѣйствіяхъ историческихъ дѣятелей, даже отличавшихся святостью жизни, не допускается случаевъ возвышеннаго самоотверженія, соединеннаго притомъ съ глубокой предусмотрительностью? Судьба Андрея достаточно ясно показала, какъ опасно было еще нарушать права другихъ, освященныя стариною, всѣми пока признаваемыя—хотя номинально...

Въ лѣтописяхъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, о чемъ говоритъ Соловьевъ, но у Татищева нашлось мѣсто, испорченное по мнѣнію историка [231]), а по нашему убѣжденію совершенно лишенное смысла —„князь же Александръ, слышавъ сія, елика сотвори братъ его Михайло, пріиде въ Володимеръ и бысть имъ пря велія о великомъ княженіи: они же уложиша идти въ Орду, и поидоша князи Александръ и Михайло и многу стязанію бывшу“—вотъ что читаемъ у Татищева подъ 1248 годомъ. Ни Александръ не могъ быть въ это время во Владимірѣ и спорить съ Михаиломъ, потому что находился въ Азіи, ни тѣмъ болѣе Михаилъ: его уже не было въ 1248 году въ живыхъ... Всего вѣрнѣе, что въ приведенномъ извѣстіи Татищева перепутано нѣсколько событій. Очень можетъ быть, что когда-нибудь и дѣйствительно происходилъ споръ Александра съ Михаиломъ, порывавшимся захватить великое княженіе, при чемъ Александръ старался отговорить пылкаго брата отъ незаконныхъ честолюбивыхъ притязаній. Во всякомъ случаѣ, за неимѣніемъ болѣе подробныхъ извѣстій, нѣтъ возможности надлежащимъ

образомъ разъяснить извѣстіе Татищева. Соловьевъ не распутываетъ, а разрубаетъ Гордіевъ узелъ. Чтобы придать какой-нибудь смыслъ словамъ Татищева, онъ полагаетъ, что вмѣсто имени Михаила слѣдуетъ поставить имя Андрея [232]), и тогда будто бы получится надлежащее разъясненіе дѣла, а именно, что Александръ съ Андреемъ спорилъ предъ лицомъ великаго хана о великомъ княженіи, но, къ крайнему своему неудовольствію, не переспорилъ брата, на сторону котораго склонился верховный властитель. Не говоря уже о томъ, что въ высшей степени странно у серьезнаго историка встрѣтить *два раза* ошибочно поставленное одно имя вмѣсто другого,— можно ли полагаться на такое шаткое основаніе, какъ испорченное и даже не имѣющее смысла извѣстіе, притомъ идущее въ разрѣзъ со всѣми другими лѣтописными извѣстіями, не дающими ни малѣйшаго указанія на то, что Александръ когда-либо спорилъ съ братомъ Андреемъ о великомъ княженіи?

Ставши разъ на ложную точку зрѣнія, Соловьевъ и раздѣляющіе его мнѣніе историки идутъ далѣе и уже прямо, какъ мы видѣли, называютъ Александра наводчикомъ полчищъ Неврюя. Въ подтвержденіе этого обвиненія Соловьевъ, во-первыхъ, опирается на того же Татищева, во-вторыхъ, приводитъ собственныя соображенія. Разсмотримъ то и другое.

Татищевъ говоритъ: „Иде князь Александръ въ Орду къ хану Сартаку, Батыеву сыну, и пріятъ его ханъ съ честію, и жаловася Александръ на брата своего великаго князя Андрея, яко сольстивъ хана взя великое княженіе подъ нимъ, яко старѣйшимъ и грады отческіе ему поималъ, и выходы и тамги хану платитъ не сполна. Ханъ же разгнѣвася на Андрея, и повелѣ Неврюю Салтану идти на Андрея и привести его предъ себя“ [233]).

Противопоставимъ приведенному мѣсту слѣдующее гораздо болѣе авторитетное извѣстіе Степенной книги, которому мы и слѣдуемъ, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, въ своемъ изложеніи: „великій князь Александръ паки пріинде въ Орду къ новому царю Сартаку. Славный же градъ Владиміръ и всю суздальскую землю блюсти *поручи* брату своему Андрею. Онъ же аще и преудобенъ бѣ благородіемъ и храбростію, но обаче правленіе державы яко подѣліе вмѣняя, и на ловитвы животныхъ упражняяся, и совѣтникомъ младоумнымъ внимая; отъ нихъ же бысть зѣло многое нестроеніе, и оскуденіе въ людехъ, и тщета имѣнію. *Его же ради* царь Сартакъ посла воеводу своего [234]).

Соловьевъ замѣчаетъ, что „связь между событіями, какую выставляетъ Степенная книга, не держится“ [235]), не приводя однако ничего въ подтвержденіе своего приговора.

Карамзинъ, особенно чуткій къ нравственной оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей, напротивъ, извѣстіе Татищева называетъ не болѣе, не менѣе какъ вымысломъ [236])!

Приговоръ строгій, но вполнѣ справедливый! Не станемъ вдаваться здѣсь въ перечисленіе всѣхъ недосмотровъ, ошибокъ и неточностей въ трудѣ Татищева: это слишкомъ отклонило бы отъ занимающаго насъ вопроса [237]). Достаточно сказать, что ни въ одномъ памятникѣ мы не находимъ ничего, подтверждающаго извѣстіе Татищева. И. Д. Бѣляевъ потрудился сдѣлать выписки *изъ 12 лѣтописей*, въ которыхъ говорится о нашествіи Неврюя и о путешествіи Александра къ Сартаку, и нашелъ, что изъ 12 лѣтописей, приведенныхъ имъ, „ни одна не обвиняетъ Александра въ наведеніи татаръ,

другія лѣтописи также ничего не говорятъ объ этомъ". „Вообще, добавляетъ отъ себя почтенный изслѣдователь, не было въ характерѣ Александра обижать кого-либо и тѣмъ паче наводить татаръ на русскую землю, что доказываетъ вся его жизнь" [238]).

Предоставляемъ каждому рѣшить, что должно имѣть большій вѣсъ въ глазахъ историка—извѣстіе ли Степенной книги и согласное съ нею свидѣтельство всѣхъ лѣтописей или одиночное свидѣтельство позднѣйшаго писателя, которымъ можно пользоваться лишь съ большою осторожностью?

Разберемъ далѣе тѣ соображенія, въ силу которыхъ Соловьевъ предпочитаетъ слѣдовать извѣстію Татищева. „*Справедливость этого извѣстія подтверждается, во-первыхъ, словами Андрея: Господи! Что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга татаръ!*" [239]).

Не говоря уже о томъ, что личности, подобныя Андрею, насколько мы уяснили себѣ его характеръ, при встрѣтившихся имъ затрудненіяхъ, вмѣсто того, чтобы хладнокровно обсудить положеніе и найти причину затрудненій въ собственныхъ поступкахъ, падаютъ духомъ („вел. кн. Андрей... смутися въ себѣ") и разражаются жалобами на постороннія обстоятельства и на другихъ лицъ, — не знаемъ, почему въ словахъ Андрея можно находить обвиненіе именно противъ Александра, а не противъ дяди Святослава? Мы видѣли, чѣмъ занятъ былъ Александръ въ Новгородѣ послѣ возвращенія изъ Азіи, и какъ, среди государственныхъ и семейныхъ заботъ, затрудненія и безпорядки во Владимірѣ внезапно отвлекли его вниманіе на Востокъ, между тѣмъ какъ дважды лишенный великаго княженія своими племянниками Святославъ отправился хлопотать за себя въ Орду и успѣлъ снискать расположеніе молодого властителя Сартака. Происки дяди очевидно и имѣлъ въ виду Андрей. „Безъ сомнѣнія, говоритъ Бѣляевъ, Андрей называлъ наводчикомъ татаръ никого другого, какъ Святослава" [240]). Борьба изъ-за великаго княженія началась непосредственно послѣ смерти Ярослава. Святославъ и Андрей поспѣшили къ Батыю. Святославъ вернулся изъ Орды великимъ княземъ. Но отъ хана Менгу Андрей получилъ ярлыкъ на великое княженіе и изгналъ дядю. Онъ считалъ это дѣло уже безповоротно оконченнымъ, какъ вдругъ снова поднимается на него гроза. „Доколѣ намъ межъ собою бранитися!?" восклицаетъ онъ. Когда же, наконецъ, прекратится этотъ споръ между имъ и дядею? И въ самомъ дѣлѣ, если бы Андрей имѣлъ въ виду брата Александра, а не дядю, онъ безъ сомнѣнія сказалъ бы: „наводити *братъ на брата* татаръ". Но дѣло въ томъ, что все время шла борьба не братьевъ между собою, а племянниковъ съ дядею.

„*Александръ*, продолжаетъ историкъ, *былъ въ это время въ Ордѣ и взялъ старшинство отъ хана: если бы онъ не былъ противъ брата, то почему не умилостивилъ Сартака, какъ умилостивлялъ его послѣ, по случаю возстаній народныхъ?*"

Прежде всего скажемъ, что *Александра именно и не было въ Ордѣ во время состоявшагося приказа Неврюю относительно Андрея*. Однимъ уже этимъ фактомъ безповоротно опровергается обвиненіе противъ Александра... Бѣляевъ обстоятельно доказалъ, что Александръ не могъ быть въ Ордѣ раньше конца іюня или начала іюля, между тѣмъ какъ Неврюй уже 23-го іюля переходилъ Клязьму [241]). Но предположимъ на минуту, что Александръ успѣлъ прибыть въ Орду къ началу Неврюева похода—все-таки очень со-

нительно, чтобы ему удалось умилостивить хана. Можно было, хотя и съ трудомъ, укрощать ханскій гнѣвъ по случаю возстаній народныхъ, ссылаясь на многое: на неразуміе толпы, на хищность сборщиковъ дани и т. под. Но что могъ сказать Александръ въ извиненіе брата, раздражившаго татаръ? Развѣ Андрей обнаруживалъ склонность принести покорность хану? Не заявлялъ ли онъ гордо въ это время: „лучше отказаться отъ престола, чѣмъ служить татарамъ?“ *Какъ просить прощенія тому, кто самъ его не желаетъ?* Далѣе,—за народъ Александръ приносилъ хану извиненія и ходатайствовалъ о милости въ качествѣ признаннаго самими татарами его главы, и ханъ уважалъ его предстательство. Какое право могъ имѣть Александръ, ходатайствуя за брата? Наконецъ, достаточно ли велико было расположеніе Сартака къ Александру въ то время? Если Александръ спасалъ русскій народъ отъ послѣдствій ханскаго гнѣва, это еще не значитъ, чтобы онъ во всякое время могъ спасти всякаго князя, вздумавшаго прогнѣвать своихъ властителей. Извѣстно, какъ строго смотрѣли татары на долгъ повиновенія... Насколько великъ былъ гнѣвъ хана на Андрея, видно изъ того, что впослѣдствіи, когда Александръ былъ уже великимъ княземъ и слѣдовательно пользовался полнымъ довѣріемъ хана, онъ, крайне сожалѣя о судьбѣ, постигшей Андрея, хотѣлъ дать ему Суздаль, но „не смѣяше царя“ [242]).

„*Бѣгство Андрея въ Швецію*, говоритъ далѣе Соловьевъ, *и радушный пріемъ со стороны шведовъ можетъ показывать, что они видѣли въ Андреѣ врага Александрова*“.

Слишкомъ слабое основаніе. Прежде всего—Андрей отправился не въ Швецію, а къ сыну своего мнимаго врага—Василію, княжившему въ Новгородѣ по отъѣздѣ отца... „Очевидно, справедливо говоритъ Бѣляевъ, Андрей не побѣжалъ бы къ сыну своего врага, боясь, что его непремѣнно выдадутъ татарамъ; да и въ Новгородѣ бы его дѣйствительно схватили и отослали къ хану, ежели бы въ самомъ дѣлѣ Александръ былъ врагъ Андрею“ [243]). Между тѣмъ новгородцы не дозволили только Андрею оставаться у себя, высказавши въ этомъ случаѣ замѣчательное благоразуміе и трогательную заботливость объ Александрѣ, да и о самомъ Андреѣ: Александръ былъ вѣдь въ это время въ Ордѣ, гдѣ его могли задержать заложникомъ, и тогда новгородцамъ, для освобожденія дорогого для нихъ князя, пришлось бы пожертвовать Андреемъ и самимъ отвезть его къ хану... Радушіе же шведовъ имѣло своекорыстное основаніе: они рады были удаленію Андрея изъ Владиміра, потому что оно избавляло ихъ отъ непосредственнаго сосѣдства съ грознымъ Александромъ...

„*Предположеніе кн. Щербатова, что всему виною былъ дядя Святославъ, не имѣетъ основанія,* утверждаетъ Соловьевъ, *ибо Святославъ не получилъ отъ перемѣны никакой пользы*“. Мало понятное соображеніе: какъ же могъ Святославъ воспользоваться перемѣной 1252 года, когда онъ въ томъ же году умеръ [244])?.. По крайней мѣрѣ, при назначеніи ханомъ на великое княженіе Александра, состояніе здоровья Святослава исключало всякую возможность занять ему великое княженіе...

Вотъ и всѣ основанія, которыя приводитъ знаменитый историкъ въ подкрѣпленіе своего взгляда [245])!..

Пространствовавъ въ чужихъ краяхъ, Андрей въ концѣ-концовъ возвратился въ отечество. Какъ же встрѣтились братья? Андрей спѣшитъ къ

Церковь Покрова въ Боголюбовѣ.

Александру, который встрѣчаетъ его съ распростертыми объятіями, съ „любовію“, по словамъ самого Татищева [246]), и спѣшитъ устроить его положеніе... Не такъ встрѣчаются враги, причинившіе другъ другу незабываемыя обиды!

Замѣчательно, что татары, на ряду съ Андреевой областью, опустошили и владѣнія Александра, его родину — Переяславль, — и это они сдѣлали также въ интересахъ Александра, по его наущенію!?..

Наконецъ, скажемъ отъ себя, не чудовищно ли обвинять Александра въ ужасахъ Неврюева погрома? Или онъ былъ настолько непредусмотрителенъ, что не могъ предвидѣть того грознаго оборота, который приняли событія подъ вліяніемъ его навѣтовъ? Могли ли современники относиться съ такою любовію, съ такимъ, можно сказать, благоговѣніемъ къ Александру, если бы на памяти его лежало кровавое дѣло? Тогда вѣдь не было дипло-

Древнія фрески Дмитріевскаго собора во Владимірѣ.

матическихъ тайнъ, и причина нашествія Неврюя не укрылась бы отъ современниковъ. Раскроемъ, напримѣръ, Софійскій временникъ. Развѣ можно было бы прочитать въ немъ слѣдующія строки непосредственно послѣ извѣстія о Неврюевомъ нашествіи: „Князь благъ въ странахъ не сбирая богатства и не презря кровь праведничу, сиротѣ и вдовицѣ вправду судя, милостилюбецъ, а не златолюбецъ, *благъ домочадецъ своимъ*, а внѣшнимъ своимъ отъ страны и приходящимъ отъ страны кормитель, на таковыя Богъ призираетъ; и распространи Богъ землю его, и богатьство и славу, и удолжи Богъ лѣта ему“ [247]).

Но—довольно!.. Не обманывалось сердце русскаго народа, считавшаго Александра своимъ ангеломъ-хранителемъ и горько впослѣдствіи оплакивавшаго его кончину, какъ всенародное бѣдствіе, не погрѣшила и православная Церковь, причтя его по указанію свыше къ лику святыхъ.

Получивъ приказъ привести непокорнаго владимірскаго князя, Неврюй собралъ огромныя полчища, притянувъ къ себѣ силы двухъ царевичей, Котіи и Олабуги „храбраго“. Александръ, получивъ свѣдѣнія о готовившихся событіяхъ, поспѣшилъ въ Орду въ надеждѣ предотвратить ужасы нашествія, но не имѣлъ достаточно времени, чтобы остановить походъ. Уже „въ канунъ Боришу дню безбожніи татарове подъ Володимиремъ бродиша Клязьму“ [248]). Великій князь Андрей Ярославичъ совершенно потерялъ голову: попеременно отъ крайняго малодушія переходя къ запосчивости, онъ то обвинялъ другихъ въ своемъ несчастіи, то гордо заявлялъ, что „лучше бѣжать въ чужую землю, нежели дружитися и служити татарамъ“. Безъ сомнѣнія, у него были благоразумные бояре, которые совѣтовали ему поспѣшить въ Орду съ заявленіемъ полной покорности и щедрыми подарками Неврюю, по крайней мѣрѣ, уменьшить размѣры несчастія, но онъ, вѣроятно, склонился на убѣж-

Древнія фрески Дмитріевскаго собора.

денія своихъ „младоумныхъ совѣтниковъ“ и принялъ самое несчастное рѣшеніе — сразиться съ татарами. Встрѣча произошла близъ Переяславля, и „сразишася обои полци, и бысть сѣча велика“. Русскіе потерпѣли пораженіе, самъ вел. князь „едва убѣжа“. Пробывъ немного времени въ Новгородѣ, онъ, вѣроятно, по совѣту новгородцевъ, удалился во Псковъ, какъ въ болѣе безопасное мѣсто. Но татары могли настигнуть его и во Псковѣ. Поэтому Андрей увидалъ себя въ необходимости бѣжать за предѣлы Россіи и прибылъ съ молодой своей княгиней къ нѣмцамъ, въ городъ Колывань. Оставивъ здѣсь княгиню, онъ отправился въ Швецію, вѣроятно, чтобы выхлопотать себѣ помощь противъ татаръ. Найдя у шведовъ радушный пріемъ, онъ вызвалъ къ себѣ изъ Колывани супругу. Однако, надежды на шведскую помощь не оправдались, а одна „добродушная ласка шведовъ не могла утѣшить его въ семъ добровольномъ изгнаніи: отечество и престолъ не замѣняются дружелюбіемъ иноземцевъ“ [249]), по выраженію Карамзина. Андрей

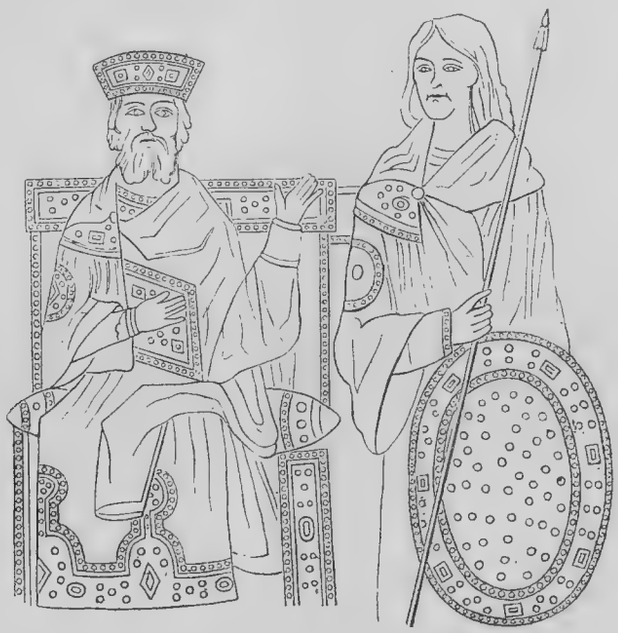
вернулся на родину, гдѣ, какъ мы видѣли, его съ братской любовью встрѣтилъ его доблестный братъ, употребившій, вѣроятно, немалыя усилія, чтобы выхлопотать ему прощеніе. Андрей скончался весною 1264 года, пережившн годомъ старшаго брата, но великое княженіе для него было потеряно безвозвратно. Послѣдніе годы своей жизни онъ княжилъ въ Суздалѣ. Третій изъ участниковъ прискорбнаго эпизода нашей исторіи, Святославъ, по выраженію Бѣляева, „не воспользовался успѣхами Неврюева похода“, да и не

Золотыя ворота во Владимірѣ.

могъ воспользоваться: окончательно разстроивъ въ Ордѣ свое здоровье, онъ умеръ 3-го февраля 1252 года и былъ погребенъ въ Юрьевскомъ соборѣ. Много пришлось выстрадать этому князю: не по силамъ ему была борьба съ даровитыми племянниками! Право на великокняжескій столъ теперь уже безспорно переходило къ Александру [230]), и онъ по рѣшенію хана принялъ великое княженіе. Но собственное возвышеніе не радовало Александра: онъ зналъ, что происходитъ на Руси. Татары, разбивъ Андрея, разсѣялись по

всей суздальской области и страшно ее опустошили. Родина Александра—Переяславль испыталъ общую участь: городъ былъ разрушенъ, воевода убитъ. Застигнувъ здѣсь семью другого брата Александра Ярослава Ярославича, варвары убили его супругу, дѣтей—однихъ избили, другихъ увезли въ плѣнъ. Но отъ Переяславля, неожиданно повернувъ назадъ, съ громадной добычей, со множествомъ плѣнныхъ, „возвратишася въ страны своя“. Такое поспѣшное удаленіе объясняется тѣмъ, что Александръ, по выраженію Карамзина, „благоразумными представленіями“ успѣлъ укротить гнѣвъ Сартака и возвращался во Владиміръ съ ханской милостью [251]).

Дорогой великій князь, съ сокрушеннымъ сердцемъ, видѣлъ повсюду печальные слѣды опустошенія: города и селенія разрушены, храмы разграблены, люди разбѣжались по лѣсамъ [252]). Между тѣмъ широко распростра-



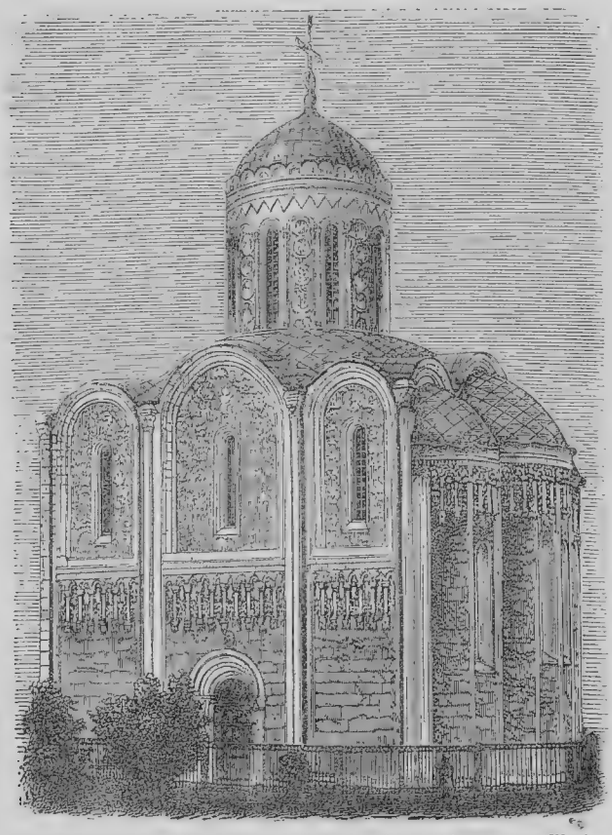
Князь на тронѣ и оруженосецъ. (Фрески Софійскаго собора).

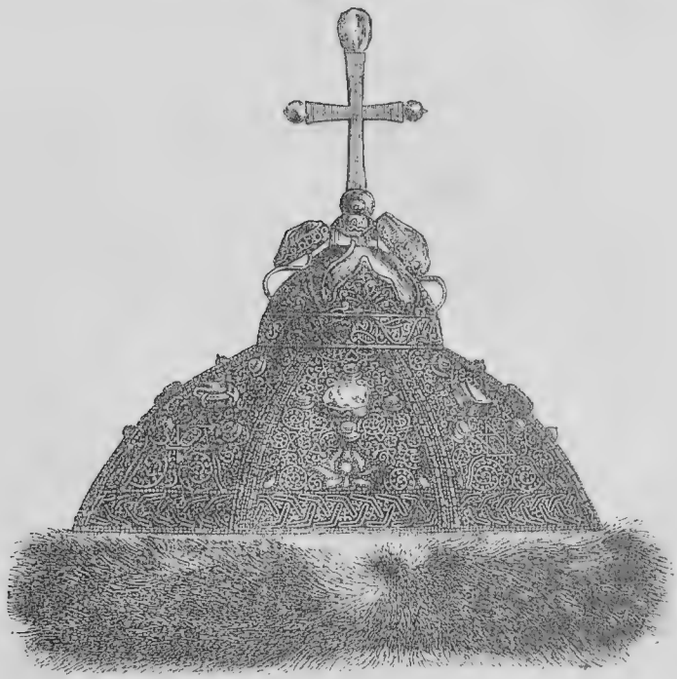
нявшаяся молва, что Александръ возвращается великимъ княземъ, исполняла сердца всѣхъ живѣйшею радостью [253]). Настроеніе народа Александръ замѣтилъ, безъ сомнѣнія, уже по пути во Владиміръ. Но вотъ и окрестности столицы, изобиловавшія нивами, поемными лугами, рощами и озерами. Сколько воспоминаній связано съ разными мѣстностями! Вотъ при самомъ устьѣ многорыбной Нерли, впадающей въ Клязьму, каменный храмъ Покрова Богородицы, воздвигнутый Андреемъ Боголюбскимъ, далѣе, въ разстояніи съ небольшимъ версты, виднѣются валы Боголюбова, любимаго мѣстопребыванія того же князя, съ знаменитымъ храмомъ Рождества Богородицы. Вотъ и село Красное съ княжимъ дворомъ. Всего два года тому назадъ гостилъ здѣсь Александръ Ярославичъ—и сколько перемѣнъ! Давно ли кипѣла здѣсь жизнь, со всѣмъ раздольемъ, а теперь кругомъ царитъ запустѣніе... Печальныя мысли о недавнемъ хозяинѣ внушали эти развалины... Зато, по

крайней мѣрѣ, съ наружной стороны, совершенно уцѣлѣлъ дивный храмъ, воздвигнутый дѣдомъ Невскаго Всеволодомъ III въ честь Дмитрія Селунскаго. Вотъ, наконецъ, самъ стольный городъ Владиміръ [254]), красиво возвышающійся на лѣвомъ нагорномъ берегу рѣки Клязьмы, весь утопающій въ зелени садовъ и лѣсовъ. Въ центрѣ города—дѣтинецъ, или кремль, раздѣляющій наружный городъ на двѣ части, какъ бы на два отдѣльныхъ города. Съ двухъ сторонъ дѣтинецъ омывается струями Клязьмы и Лыбеди. На берегъ Лыбеди смотрятъ „мѣдныя ворота“ кремля, а на берегъ Клязьмы—„Волжскія“. На концѣ одной части внѣшняго города, близъ устья Лыбеди, находились ворота, называвшіяся „Серебряными“. На противоположномъ концѣ столицы, съ юго-западной стороны, въѣзжали въ другую половину наружнаго города такъ называемыми „золотыми воротами“. Князь Андрей Боголюбскій все это устроилъ, „ворота златая доспѣ, а другая серебромъ учини!“ Внутри кремля, надъ самымъ обрывомъ высится соборный храмъ Успенія Богородицы, съ главной святыней города, чудотворной иконой Владимірской Богоматери, а въ его притворахъ – гробницы князей, предковъ Александра, создавшихъ силу суздальской земли, и епископовъ. Подъѣзжая съ юго-западной стороны, Александръ вступалъ въ столицу золотыми вратами. То былъ свѣтлый, радостный день! Забыты были недавніе ужасы нашествія—съ Александромъ вновь возвращались надежды на лучшіе дни. Народъ во множествѣ спѣшилъ навстрѣчу давно желанному гостю. Не только владимірцы, но и жители другихъ городовъ сошлись для торжественной встрѣчи, потому что „бысть радость велика во Владимірѣ и во всей земли суздальской“ [255]). У самыхъ золотыхъ воротъ великаго князя встрѣтили митрополитъ Кириллъ, игумены, священники съ крестами. Во главѣ народа встрѣчалъ князя тысяцкій Романъ Михайловичъ, управлявшій дѣлами за отсутствіемъ князя и теперь спѣшившій передать бразды правленія въ могучія руки Невскаго героя. Начались обычныя привѣтствія, сопровождавшіяся громкими радостными криками народа. Отъ золотыхъ воротъ шествіе направилось въ кремль, въ соборный храмъ Богородицы. Тамъ торжественно совершено было посаженіе Александра на престолъ, съ пожалованіемъ царевымъ [256]). Какъ нѣкогда въ Новгородѣ у св. Софіи, такъ и теперь горячо съ своимъ народомъ молился Александръ Ярославичъ о ниспосланіи ему помощи и силъ на новые, еще болѣе трудные подвиги. Тогда онъ былъ почти юношей, а теперь передъ взорами всѣхъ стоялъ мужъ, прославленный побѣдами и извѣдавшій тяжкіе жизненные опыты. Мужественная красота Александра, озаренная глубокой мыслью, свѣтившеюся въ прекрасныхъ, добрыхъ очахъ, производила неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, вселяя любовь и твердую увѣренность, что никто другой, кромѣ этого мощнаго человѣка, не въ силахъ поднять тяжкое бремя правленія въ столь трудную эпоху, что для улучшенія положенія отечества отнынѣ сдѣлано будетъ все, что только возможно въ силахъ человѣческихъ, что у руля сталъ надежный кормчій, который безопасно проведетъ корабль среди бушующихъ волнъ. Тѣмъ пламеннѣе возносились молитвы къ Богу о томъ, чтобы Всевышній „удолжилъ лѣта ему“, чтобы на дѣла его ниспослалъ Свое благословеніе.

Первой заботой Александра послѣ того, какъ онъ получилъ „старѣйшинство во всей братьи своей“ [257]), было—загладить слѣды Неврюева погрома. Подобно отцу своему Ярославу, устроившему суздальскую область послѣ на-

шествія Батыя, Александръ спѣшилъ возстановить и украсить храмы, обстроить города и собрать разбѣжавшихся жителей [258]). „Скоро воцарилось спокойствіе въ великомъ княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и священники къ олтарямъ“ [259]). Твердая, энергическая рука державнаго хозяина чувствовалась всюду... „Добре бо рече о таковыхъ Давыдъ пророкъ: во отецъ своихъ мѣсто быша сынове ихъ“, справедливо замѣчаетъ лѣтописецъ, и „добро бяше хрестьяномъ“ [260])!





XII.

Великое княженіе Александра Ярославича.—Св. Александръ—правитель.—Отношеніе къ Западу.—Политика относительно татаръ.

Радуйся, крестоносныхъ царей похвало боговѣнчанная!
Радуйся, яко мудрѣ ограднлъ еси въ земли своей отеческія
доблести и преданія!
Радуйся, во всемъ житіи вѣрнымъ вѣрѣ отцовъ пребывый!

Если бы Андрей Ярославичъ сумѣлъ удержаться великимъ княземъ, установить надлежащимъ образомъ отношенія къ татарамъ и, въ качествѣ правителя, оказаться на высотѣ своего положенія, задача Александра была бы ясна и немногосложна—стоять на стражѣ отечества противъ западныхъ враговъ и оберегать попрежнему цѣлость русской земли отъ непзбѣжныхъ нападеній съ ихъ стороны. Но Провидѣніе рѣшило иначе: Александръ сталъ во главѣ русскаго народа, и его задачи сразу усложнились. Однако, многообъемлющій умъ и могучая воля помогли ему въ разрѣшеніи труднѣйшихъ вопросовъ вѣка. Такъ постепенно развивается предъ нами величіе этого героическаго образа... Въ первую половину своей дѣятельности, въ качествѣ новгородскаго князя, онъ является предъ нами, главнымъ образомъ, какъ *искусный полководецъ*, которому удивляются до сихъ поръ. Но уже за это время его жизни выступаютъ предъ нами главныя черты его характера. Онъ не увлекается личной, рыцарской храбростью, не жаждетъ военной славы; битвы и побѣды составляютъ для него только средства для достиженія высшихъ цѣлей. Онъ не гордится своими успѣхами, приписывая ихъ всецѣло небесной помощи. Проявляя личную храбрость, гдѣ нужно, онъ побѣждаетъ

непріятеля главнымъ образомъ стратегическимъ искусствомъ, глубоко обдумывая планъ своихъ дѣйствій и затѣмъ съ ужасающей быстротой приводя его въ исполненіе. Такимъ образомъ, это вовсе не была бурная натура, страстно и неудержимо стремившаяся впередъ и увлекавшая за собою другихъ. Въ вопросѣ о великомъ княженіи онъ обнаруживаетъ удивительную предусмотрительность и осторожность, скромность и самоотверженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое уваженіе къ правамъ другихъ. Онъ умѣетъ терпѣть, когда другіе спѣшатъ. Сознаніе внутренней нравственной мощи сказывается въ этомъ спокойствіи...

Въ немъ въ удивительномъ согласіи сочетались три величайшія доблести: практическій трезвый взглядъ, гибкій, изобрѣтательный и широкій умъ, способный обнимать разнородные предметы и обстоятельства во всей ихъ сложности и, проникая въ будущее, намѣчать новыя формы жизни, въ соединеніи съ несокрушимой волей и самообладаніемъ. Эти свойства помогли ему проявить болѣе высокую, чѣмъ доблесть полководца, поистинѣ царственную добродѣтель—*правителя*. Изъ дальнѣйшаго изложенія дѣятельности Александра, въ качествѣ великаго князя, мы убѣдимся, что онъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ великихъ людей въ исторіи, которые завершаютъ предшествующую эпоху и, сознавъ полную несостоятельность прежнихъ формъ жизни, отдаются на служеніе новымъ началамъ, несмотря на личныя страданія и даже униженія. Александръ имѣлъ достаточно силы и самоотреченія, чтобы воплощать въ своей дѣятельности идеалы будущаго и сообразно съ ними устраивать судьбы своего народа тѣмъ способомъ, какой только былъ возможенъ по обстоятельствамъ того времени, благодаря чему новые, намѣченные имъ порядки, несмотря на ошибки его преемниковъ, пустили корни въ народной жизни и получили возможность дальнѣйшаго развитія и примѣненія. И въ этотъ моментъ своей жизни, который долженъ былъ повліять на судьбу цѣлыхъ столѣтій, онъ является предъ нами великимъ правителемъ и героемъ, который жертвуетъ своимъ спокойствіемъ, всѣми выгодами и почестями своего положенія, всѣми личными интересами для того, чтобы заложить прочныя основы великаго зданія будущаго, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ современныхъ ему князей. Фундаментъ для московскаго государства заложенъ былъ Александромъ. Успѣхи Даніила, Калиты, Донского, Іоанна III были бы невозможны безъ Александра.

Разсматривая многостороннюю дѣятельность Александра Невскаго въ качествѣ главы русскаго народа и стараясь разъяснить ея внутренній смыслъ, мы должны признать, что ключемъ для пониманія его политики служатъ его отношенія къ монголамъ. Это вполнѣ понятно: завоеваніе Руси варварами и потеря политической самостоятельности — такое обстоятельство, которое, тяготѣя надъ всѣми другими отношеніями, надолго должно было опредѣлять историческія судьбы русскаго народа. Примириться въ душѣ съ фактомъ подчиненія христіанскаго народа грубымъ варварамъ, отказавшись отъ надежды на возвращеніе политической независимости, очевидно, было немыслимо, слѣдовательно оставалось избрать болѣе или менѣе вѣрный путь, который рано или поздно привелъ бы къ освобожденію. Современнымъ руководителямъ судьбами русскаго народа представлялся двоякій исходъ: прежде всего, конечно, приходила въ голову мысль воспользоваться несокрушенными еще силами христіанскаго міра въ лицѣ западно-европейскихъ государствъ

и постараться призвать ихъ на помощь противъ варварства, грозившаго затопить весь цивилизованный міръ. Это средство могло казаться наиболѣе легкимъ и осуществимымъ. Но для того, чтобы воспользоваться помощью христіанскаго Запада, необходимо было объединиться съ нимъ въ духовномъ отношеніи, признать власть папы и, какъ роковое слѣдствіе этого, втянуться въ кругъ западно-европейскаго развитія. На этотъ путь и попытался вступить одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ князей того времени, современникъ Александра Невскаго, Даніилъ Романовичъ, король галицкій [261]). Почти вся юго-западная Русь была въ его владѣніи. Самъ онъ отличался выдающимися качествами, вызывающими глубокое сочувствіе историка: всегда отважный, не знавшій страха, великодушный и до крайности добросердечный, онъ въ то же время обладалъ свѣтлымъ, широкимъ взглядомъ на политическія обстоятельства того времени. Волей-неволей пришлось ему побывать въ Ордѣ съ поклономъ ненавистному Батыю. Татарскій ханъ принялъ его съ честью, но эта честь тяжело отозвалась въ его сердцѣ...

„О, злѣе зла честь татарская! — восклицали тогда: — Даніилъ Романовичъ, князь великій, владѣвшій русской землей — Кіевомъ, Волынью, Галичемъ, стоитъ на колѣняхъ, холопомъ называется, дань обѣщаетъ платить, за жизнь свою трепещетъ, угрозъ боится!..“

Нестерпимымъ показалось такое униженіе Даніилу. Скрѣпя сердце, въ надеждѣ на помощь съ Запада, онъ рѣшился дать клятвенный обѣтъ покорности римской Церкви и принялъ королевскій вѣнецъ, по выраженію лѣтописца, отъ Бога и отъ престола св. Петра, и отъ отца своего папы Иннокентія... Вѣдалъ ли король галицкій, что творилъ, вступая въ столь тѣсную связь съ Западомъ? Безспорно — и дальнѣйшая исторія русскаго народа доказала это — мы не могли бы успѣшно продолжать свое развитіе, окончательно замкнувшись въ себѣ и устранившись отъ Запада, не усвоивши себѣ плодовъ высшей европейской культуры, но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, когда, на какой ступени своего развитія могли мы воспринять сѣмена европейской культуры, не страшась потери своей политической и духовной самостоятельности? Если въ XVIII вѣкѣ, уже достаточно сильные своимъ государственнымъ единствомъ и національнымъ самосознаніемъ, вступивъ въ тѣсное культурное общеніе съ Западомъ, мы тѣмъ не менѣе вкусили много, много горькихъ плодовъ этого сближенія — готовы ли мы были къ такому сближенію въ XIII вѣкѣ?... Къ счастію, всѣ задушевные планы и надежды Даніила на помощь Запада рушились. Западъ обманулъ его, папа не прислалъ ему помощи, и Даніилъ, прервавъ всѣ сношенія съ Римомъ, умеръ сыномъ православной Церкви. Но лучшія силы этого благороднаго князя были потрачены безвозвратно: гоняясь за своей мечтой, онъ не успѣлъ ни освободиться отъ монгольскаго ига, ни позаботиться о томъ, чтобы оставить своему государству прочные залоги развитія на будущее время. „Не прошло ста лѣтъ послѣ Даніила, — говоритъ историкъ, — и въ то время какъ въ Восточной Руси возникали прочныя начала государственнаго единенія, Южная Русь — явившись еще въ XIII вѣкѣ на короткое время въ образѣ государства, подъ властью князя, получившаго титулъ монарха между европейскими государями — не только распалась, но сдѣлалась добычею чужеземцевъ... Восточною частью Южной Руси завладѣли литовцы, Западною — поляки, и, по соединеніи послѣднихъ между собою въ одну державу, Южная Русь на многіе вѣка была оторвана отъ русской семьи, подвергаясь насильственному давле-

нію чуждыхъ стихій и выбиваясь изъ-подъ ихъ гнета тяжелыми, долгими и кровавыми усиліями народа“ [262]).

Иной путь избралъ славный князь Сѣверо-Восточной Руси. Не разсчитывать на чужую помощь, а расти и подниматься собственными усиліями, съ напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ выработать и создать свой собственный центръ могущества, сохранивъ неприкосновенными черты народности, и затѣмъ уже думать о сверженіи ига—таковы смыслъ и значеніе дѣятельности св. Александра Невскаго. Какая могучая вѣра въ свой народъ требовалась для того, чтобы не смутиться обрушившимися надъ Русью бѣдствіями, чтобы надѣяться на то, что рано или поздно, укрѣпившись духовно и собравшись съ матеріальными силами, Россія воскреснетъ, какъ фениксъ изъ пепла, для новой, политически и духовно-самостоятельной жизни [263])!

Западные враги неминуемо грозили не только политической независимости, но самой народности. Зато съ ними можно было бороться, и нашъ національный герой сражается съ ними безъ устали, безъ малѣйшей уступки, до крайняго напряженія силъ. Думать же о сопротивленіи татарамъ, при подавляющемъ, въ виду внутренняго состоянія Россіи, перевѣсѣ матеріальныхъ силъ на ихъ сторонѣ—было немыслимо. Необходимо было покориться имъ и на время пожертвовать политической независимостью. Зато они не представляли большой опасности для народности, для сохраненія безцѣнныхъ залоговъ будущаго величія отечества. Стоило только внѣшними знаками глубокой покорности, обѣщаніемъ богатыхъ даней и подарками отстранять болѣе тѣсное сожительство съ варварами и держать ихъ, по возможности, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Руси. Татары и безъ того по своей дикости и привычкѣ къ кочевому быту совершенно несклонны къ осѣдлой, городской жизни, особенно въ сѣверныхъ болотистыхъ и лѣсныхъ странахъ. Имъ не по вкусу сложное устройство народовъ болѣе образованныхъ и осѣдлыхъ. Не предпочтутъ ли они ограничиться временнымъ пребываніемъ въ Россіи своихъ баскаковъ, оставивъ неприкосновенными религію и нравы и предоставивши попрежнему власть русскимъ князьямъ? Не предпочтутъ ли ханы и мурзы ихъ довольствоваться большими доходами съ покоренной страны, не утруждая себя скучными трудами и заботами суда и управленія? Не останутся ли они въ своихъ столь любезныхъ имъ степяхъ, не проникая въ глубь русской земли?

А между тѣмъ, усыпляя татаръ безусловною покорностью и данью, не слѣдовало упускать изъ вида и заботъ о лучшей организаціи силъ народныхъ, чтобы хотя въ будущемъ, близкомъ или отдаленномъ, можно было вернуть и политическую независимость. *Главная, самая могущественная охрана народности есть государство.* Сила, крѣпость и тяжесть этой народной брони, очевидно, должна соотвѣтствовать силѣ опасностей, которымъ она должна противостоять. Необходимъ былъ поэтому могучій подъемъ государственнаго духа, необходимо было довершить то, что было начато суздальскими князьями. Руси нуженъ былъ единодержавный властелинъ, распоряжающійся силами всей земли и имѣющій полную возможность направлять ихъ къ общему благу. Идеалъ такого властелина предносился свѣтлому уму Андрея Боголюбскаго. Но, всматриваясь глубже въ дѣло, мы едва въ состояніи обнять всѣ трудности задачи. Кто заставитъ князей отказаться отъ своихъ правъ и вмѣсто независимыхъ владѣтелей сдѣлаться подручниками? Кто заставитъ области и города отказаться отъ своей особности и слиться въ одно политическое тѣло? Кто принудитъ населеніе нести тяжкія жертвы

во имя мало понятнаго ему блага государственнаго? *Здѣсь намъ помогли отчасти сами татары...* Прежде всего—они объединили всю Русь общимъ союзомъ,—союзомъ общаго горя, плѣна. Надъ Россіей, помимо ея воли, вознеслась единая страшная власть,—власть хана, и необходимость безусловнаго повиновенія этой власти, послѣ страшныхъ погромовъ, живо сознавалась всѣми отъ князя до послѣдняго смерда. Наши князья, *ставши посредниками между ханомъ и русскимъ народомъ*, заслонивъ собою русскій народъ, оказывая полную покорность татарамъ, предотвращая погромы, могли въ то же время укрѣплять свою власть, вводить болѣе строгія формы зависимости по отношенію къ государству, требовать большаго повиновенія, большихъ жертвъ, не вызывая сильнаго народнаго неудовольствія и противодѣйствія, потому что вся ненавистная сторона зависимости падала на татаръ. Привычку къ своеволію, къ распущенности долженъ былъ сдерживать страхъ суроваго, безпощаднаго возмездія. *Позорное иго предстояло обратить въ школу историческаго воспитанія.* Указывая на грозу нашествія, наши князья могла мало-по-малу совмѣстить въ своихъ рукахъ всю полноту власти, которую завоеваніе вручило татарамъ. По отношенію къ народу, наши князья должны были уподобиться матери семейства, „которая, выражаясь словами знаменитаго писателя, хотя и настаиваетъ на исполненіи воли строгаго отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ отъ его гнѣва, и потому столько же пользуется авторитетомъ, сколько и нѣжною ихъ любовью“ [264]). За успѣхъ ручалось врожденное русскому народу чувство государственности. Сначала подчиняясь необходимости и внѣшней силѣ, народъ мало-по-малу сознаетъ благодѣтельность сильной государственной власти и самъ станетъ на стражѣ ея... Что же касается отношеній князей между собою, то, очевидно, вопросъ о чести, о первенствѣ долженъ былъ отойти на второй планъ. *Надлежало позаботиться о силѣ—нравственной и матеріальной...*

Представлялъ ли себѣ съ полною ясностью современное положеніе дѣлъ, имѣлъ ли точно опредѣленный планъ дѣйствій нашъ народный герой — мы не знаемъ. Великіе люди правятъ народами, не высказывая заранѣе придуманной программы. Напротивъ, величіе истинно-государственнаго человѣка, практическаго дѣятеля въ томъ и состоитъ, что, примѣняясь къ обстоятельствамъ времени, онъ умѣетъ извлекать изъ нихъ наибольшую пользу для своего народа. Мы увидимъ, что Александръ Ярославичъ въ своей политикѣ относительно татаръ ясно и твердо намѣчаетъ тотъ путь, на который вступили его ближайшіе потомки, московскіе князья, собиратели земли русской... Изумительна проницательность, едва оцѣнима громадность исторической заслуги!

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ, обнимающемъ періодъ времени великаго княженія Александра, постараемся выяснить попорядку: 1) отношеніе его къ Западу; 2) политику относительно татаръ и 3) внутреннюю дѣятельность великаго князя.

XIII.

Посольство папы Иннокентія IV.—Врученіе папскаго посланія св. Александру.—Отвѣтъ папѣ.

Радуйся, латинскам оученіѧ презрѣвый и прелесть ихъ въ ничтоже вмѣнивый!
Радуйся, отъ лести иновѣріѧ премудро оуклонивыйся!
Радуйся, лукавство проповѣдниковъ лжевѣріѧ явѣ обличивый!
Радуйся, твердымъ защитникомъ правовѣріѧ явивыйся!
Радуйся, лжесловесіе враговъ православіѧ словомъ здравымъ преповѣдивый!

Рѣшительныя побѣды Александра Ярославича принудили нашихъ западныхъ враговъ навсегда отказаться отъ мысли о порабощеніи Руси, на подобіе Ливоніи. Ни шведы, ни нѣмцы не могли сокрушить доблестнаго князя. Даже литовцы, проснувшееся мужество которыхъ грозило сдѣлаться опаснымъ даже для соединенныхъ силъ двухъ орденовъ, приведены въ трепетъ непобѣдимымъ героемъ. Папы увидали, съ какимъ противникомъ они имѣютъ дѣло, и вотъ вмѣсто грозныхъ буллъ, призывавшихъ къ крестовымъ походамъ противъ русскихъ наравнѣ съ язычниками, папская политика избираетъ другой путь. Оставалось испытать послѣднее средство - уловить Александра въ свои сѣти коварствомъ, хитро разсчитанными рѣчами, пышными обѣщаніями. Въ 1248 году папа Иннокентій IV отправилъ къ Александру посольство и во главѣ его двухъ хитрѣйшихъ кардиналовъ, Галда и Гемонта, которые должны были вручить ему папское посланіе и употребить всѣ усилія къ тому, чтобы склонить его къ подчиненію Риму. Посланіе было составлено весьма искусно, но, какъ это часто бываетъ, слишкомъ большая хитрость и тонкость пріемовъ, при встрѣчѣ съ свѣтлымъ, возвышеннымъ умомъ, съ правдивостью благородной души, потерпѣли полное крушеніе [265]).

„Святѣйшій отецъ много слышалъ о тебѣ, славномъ и дивномъ князѣ. Поэтому онъ прислалъ насъ изъ числа своихъ кардиналовъ, чтобы ты выслушалъ насъ“, говорили папскіе послы, представляясь князю.

Александръ, безъ сомнѣнія, въ присутствіи православныхъ пастырей, знатнѣйшихъ бояръ и всего своего двора, принялъ отъ пословъ папское посланіе. Оно было слѣдующаго содержанія:

„Иннокентій епископъ, рабъ рабовъ Господа, знаменитому мужу Александру, князю суздальскому".

„Отецъ будущаго вѣка, насадитель непорочнаго совѣта, Искупитель нашъ Господь Іисусъ Христосъ низвелъ росу Своей благодати на умъ слав-

наго блаженной памяти князя Ярослава, родителя твоего, которому, подавая вслѣдствіе удивительной щедроты неизреченную милость Своего вѣдѣнія, приготовилъ путь въ мѣсто, чрезъ которое онъ приведенъ былъ къ Господней паствѣ, подобно овцѣ, долгое время блуждавшей по пустынѣ, какъ мы узнали объ этомъ отъ возлюбленнаго сына нашего Іоанна де-Плано Карпини (quia sicut dilecto filio fratre Iohanne de Plano Carpino de Ordine Fratrum Minorum Protonotario nostro ad gentem Tartaricam destinato referente didicimus). Отецъ твой, желая облечься въ новаго человѣка, смиренно обѣщалъ послу-

шаніе своей матери римской Церкви и былъ освященъ руками того же брата, что онъ открыто и исповѣдалъ бы предъ всѣми людьми, если бы столь внезапно и столь несчастно не похитила его смерть. И такъ какъ онъ завершилъ теченіе настоящей жизни столь счастливымъ концомъ, то надлежитъ благочестиво вѣрить и безъ всякаго сомнѣнія принимать, что онъ, сопричисливши къ лику праведныхъ, покоится въ вѣчномъ блаженствѣ, гдѣ блистаетъ безпредѣльный свѣтъ, гдѣ разливается благоуханіе, не разсѣеваемое вѣтромъ, и гдѣ сильна полнота любви, которой не уменьшаетъ насыщеніе. Итакъ желая, чтобы и ты, ставшій законнымъ наслѣдникомъ въ отцовскомъ наслѣдіи, сдѣлался причастникомъ столь великаго блаженства, мы, на подобіе жены евангельской, возжегшей свѣтильникъ, чтобы найти потерянную драхму, изыскиваемъ пути, употребляемъ усиліе и прилагаемъ стараніе, чтобы имѣть возможность благоразумно навесть тебя на мысль спасительно послѣдовать по стопамъ твоего отца, съ которыми во всякое время надлежитъ сообразоваться. И какъ онъ отъ чистаго сердца и съ неложнымъ намѣреніемъ обѣщался принять постановленія и ученіе римской Церкви (corde sincero et mente non ficta se ad suscipienda mandata et documenta Romana Ecclesie dedicarat), такъ и ты, оставивши путь погибели, приводящій къ осужденію вѣчной смерти, смиренно вступилъ бы въ единеніе съ той же Церковію, которая безъ всякаго сомнѣнія по прямому пути направляетъ къ спасенію своихъ почитателей".

Плано Карпини въ описаніи своего путешествія въ Татарію ни однимъ словомъ не даетъ предполагать, чтобы Ярославъ Всеволодовичъ при концѣ жизни измѣнилъ вѣрѣ предковъ. О, какъ краснорѣчиво онъ описалъ бы это событіе, если бы дѣйствительно произошло что-либо подобное! Но отчего не прибѣгнуть къ обману ad majorem Dei gloriam (для вящей славы Божіей)? Блистательная цѣль, имѣвшаяся въ виду, не очиститъ ли недостойнаго средства? Ярославъ Всеволодовичъ скончался вѣдь такъ далеко отъ родины, отъ близкихъ. Плано Карпини былъ почти свидѣтелемъ его кончины. Кто можетъ возразить противъ того, что, въ виду приближающейся смерти, великій князь не склонился на увѣщанія папскаго посла? А примѣръ отца, память котораго была священною для сына, не долженъ ли подѣйствовать сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ убѣжденій? Очевидно папа много разсчитывалъ на эту часть своего посланія. Но вышло нѣчто совершенно противоположное. Духъ Александра возмутился при столь наглой клеветѣ на его покойнаго отца. Негодованіемъ блеснулъ его взоръ, и безъ сомнѣнія гнѣвное восклицаніе прервало на нѣсколько минутъ чтеніе грамоты.

„Конечно и ты не долженъ отвергнуть нашей просьбы,—говорилось далѣе въ посланіи,—которая, служа съ нашей стороны исполненіемъ долга, послужитъ въ то же время и твоимъ выгодамъ, потому что, когда мы такимъ образомъ требуемъ, чтобы ты боялся Бога и, любя Его всею душою, исполнялъ Его заповѣди, конечно ты не оказался бы въ здравомъ разумѣ, если бы отказалъ въ повиновеніи намъ и даже Самому Богу, намѣстникомъ Котораго, хотя и не по заслугамъ, мы являемся на землѣ (cujus vices licet immeriti obtinemus in terris). Впрочемъ, вслѣдствіе этого послушанія честь какого-либо государя отнюдь не уменьшается, но, благодаря ему, всякая власть и временная свобода умножается, потому что достойно правятъ своими народами тѣ, которые, сами стремясь властвовать надъ другими, въ то же время стараются о повиновеніи божественному превосходству. Поэтому мы

просимъ твое величество, увѣщеваемъ и прилежно убѣждаемъ, чтобы ты снова призналъ своею матерью римскую Церковь и оказалъ послушаніе ея первосвященнику. Постарайся также дѣйствительно (efficaciter) привлечь къ повиновенію апостольскому престолу и твоихъ подданныхъ, чтобы въ вѣчномъ блаженствѣ наслѣдовать тебѣ за это плодъ, который не гибнетъ во вѣкъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что если ты воспользуешься нашимъ или лучше—Божіимъ благоволеніемъ, мы будемъ считать тебя наилучшимъ между католическими государями и всегда съ особеннымъ усердіемъ будемъ стараться объ увеличеніи твоей славы".

Въ приведенныхъ строкахъ, какъ въ зеркалѣ, отражается характеръ папства. Посмотримъ, однако, въ чемъ могла бы состоять та великая честь и слава, объ умноженіи которой папа обѣщаетъ русскому князю приложить особенное стараніе. Обращаясь къ западно-европейскому политическому устройству въ средніе вѣка, мы видимъ пирамидально-іерархическій строй общества со множествомъ державцевъ разныхъ наименованій. Въ основаніи пирамиды —подавленное духовно и экономически крестьянство. Надъ нимъ — цѣлая іерархическая лѣстница сиьоровъ, вассаловъ, подвассаловъ съ разными титулами, герцоговъ, графовъ, ландграфовъ, бургграфовъ, маркграфовъ, вицеграфовъ, бароновъ и т. д. Ступенью выше стояли короли, еще выше—императоръ. На самой вершинѣ пирамиды, какъ бы покрывая ее своею мантіей, возвышается верховный владыка Запада—папа, уже „не просто человѣкъ, но Богъ", какъ училъ одинъ изъ защитниковъ папства. Самъ императоръ властвуетъ только по желанію и приказанію папы. Папа поставляетъ и судитъ его, но надъ нимъ, надъ папой, есть только судъ Самого Бога... Намъ представляется чудовищною эта гордыня папства, исказившаго духовный характеръ Церкви Божіей, придавшаго ей образъ и подобіе земного царства, но такой взглядъ на свою власть папа рѣшительно высказываетъ и въ посланіи въ Александру. „Правители народовъ, стремясь къ господству надъ другими, повинуются сами Божественному превосходству. Русскій князь не долженъ отказывать въ повиновеніи папѣ или лучше—Самому Богу, намѣстникомъ Котораго на землѣ является папа". На какой же ступени указанной выше іерархической лѣстницы станетъ русскій князь, признавши власть папы? Предоставитъ ли ему папа титулъ графа, герцога или, можетъ быть, возвеличитъ титуломъ короля? Во всякомъ случаѣ ему придется стать въ рядъ подчиненныхъ властителей, получающихъ повелѣнія съ высоты папскаго престола, подъ опасеніемъ, въ случаѣ малѣйшаго ослушанія, отлученія отъ Церкви, низложенія, разрѣшенія подданныхъ отъ присяги и т. д... И въ виду этого папа приглашаетъ русскаго князя привлечь къ послушанію „апостольскому престолу" и своихъ подданныхъ!.. „Это будетъ служить и твоимъ выгодамъ, это укрѣпитъ и твою власть",—пишетъ папа; другими словами—ты можешь тогда безнаказанно угнетать твоихъ подданныхъ, опираясь на высшій авторитетъ, подобно сонму средневѣковыхъ державцевъ. Подобное представленіе о власти должно было показаться дикимъ и чуждымъ на Руси, гдѣ власть понималась скорѣе какъ служеніе родной землѣ, гдѣ идеаломъ князя былъ *страдалецъ* за землю русскую.....

„Такъ какъ опасностей всегда легче избѣгнуть, если вооружиться противъ нихъ щитомъ предусмотрительности, мы особенно просимъ тебя, чтобы, лишь только узнаешь, что татары направляются противъ христіанъ, ты тотчасъ постарался бы увѣдомить объ этомъ братьевъ тевтонскаго ордена въ Ли-

вонiи, чтобы, получивъ свѣдѣнiя объ этомъ отъ тѣхъ же братьевъ, мы могли заблаговременно позаботиться о противодѣйствiи татарамъ съ Божiей помощью".

„Сверхъ сего за то, что ты не захотѣлъ преклонить выи предъ свирѣпостью татаръ, мы прославляемъ твое благоразумiе достойными въ Богѣ похвалами. Дано въ Лiонѣ 8 февраля 1248 года" [266]).

Какая трогательная заботливость о русской землѣ! Но давно ли возбуждались крестовые походы противъ русскихъ? Александру Ярославичу великодушно предлагается содѣйствiе братьевъ тевтонскаго ордена и всего Запада къ отраженiю татаръ. Но давно ли эти братiи грозно ополчались на русскую землю? Давно ли на льду Чудского озера Александръ съ Божiей помощью разгромилъ на голову этихъ борцовъ папства? Можно ли было хотя на одинъ мигъ повѣрить искренности столь внезапно проявившагося благоволенiя къ русской землѣ? Но безъ сомнѣнiя болѣе всего оскорбило благочестиваго князя то, что папа дерзнулъ обругать „святая святыхъ" его души —святую православную вѣру, назвавъ ее „путемъ погибели, приводящимъ къ осужденiю вѣчной смерти". Глубокая личная обида послышалась ему и въ этомъ приглашенiи постараться о привлеченiи къ латинству своего народа... Долго сдерживаемое при чтенiи посланiя чувство гнѣва вырвалось наружу и сказалось въ слѣдующемъ сухомъ и грозномъ отвѣтѣ:

„Слышите, посланницы папежстiи и прелестницы преокаянные! Отъ Адама и до потопа, и отъ потопа до раздѣленiя языкъ, и отъ раздѣленiя языкъ до начала Авраамля, и отъ Авраамля до прiитiя Израилева сквозѣ Чермное море, а отъ начала царства Соломона до Августа царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресенiя Его, а отъ воскресенiя Его и на небеса вшествiя и до царствiя Великаго Константина и до перваго собора и до седьмаго собора: сiя вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученiя не принимаемъ" [267]).

Отвѣтъ глубоко знаменательный! Несмотря на его краткость, несмотря на особыя обстоятельства, среди которыхъ произнесены были эти слова, въ минуту гнѣвнаго возбужденiя, въ нихъ выражается цѣлое мiросозерцанiе, указывающее на то, что побѣдоносный князь носилъ въ душѣ ясно и отчетливо сознанный имъ свѣтлый образъ православiя. Точно внезапно блеснувшiй лучъ молнiи, отвѣтъ Александра ярко озарилъ внутренній строй его мысли и показалъ намъ, что его свѣтлый умъ глубоко задумывался не надъ одними только практическими вопросами, важными для правителя и полководца. Всмотримся повнимательнѣе въ сущность этого отвѣта.

Послѣ прискорбнѣйшаго событiя въ мiрѣ—отпаденiя западной Церкви отъ вселенскаго единства—учители православной Церкви, какъ и слѣдовало, не разъ указывали на заблужденiя латинянъ. При этомъ, однако, обличители латинства останавливались, главнымъ образомъ, на отдѣльныхъ пунктахъ отступленiй отъ чистоты православiя. Въ XI и XII вѣкахъ такихъ отступленiй насчитывали до 38 и болѣе [268]). Святый и благовѣрный князь избираетъ иной, поистинѣ царственный путь: не входя въ обличенiе частностей, онъ взглянулъ на дѣло съ высотъ историческаго разумѣнiя. Обращаясь къ скрижалямъ исторiи, онъ въ общихъ чертахъ намѣчаетъ предъ послами величественный планъ Божественнаго домостроительства нашего спасенiя, изъ котораго видно, что православная Церковь зиждется на незыблемыхъ вѣковѣчныхъ началахъ и должна пребывать постоянно и неизмѣнно вѣрною этимъ началамъ. Въ раю создана была первая Церковь безгрѣшныхъ пра-

родителей и тамъ же, по грѣхопаденіи, положено было новое основаніе Церкви спасаемыхъ въ обѣтованіи о Спасителѣ. По исполненіи временъ Господь Іисусъ Христосъ, свершивъ дѣло нашего спасенія, положилъ начало Своей собственно-христіанской Церкви. Прошли вѣка гоненій. Со времени Константина Великаго основныя начала христіанскаго вѣроученія и правила жизни раскрываются и утверждаются вселенскими соборами настолько твердо, что православные христіане имѣютъ несомнѣнное мѣрило истины. Итакъ вѣрность Церкви тѣмъ началамъ, которыя положены Самимъ Іисусомъ Христомъ и Его апостолами и затѣмъ утверждены вселенскими соборами, постоянное одушевленіе Церкви этими началами, и жизнь въ духѣ этихъ началъ, непрерывно текущая въ Церкви отъ самаго ея основанія, преемственно и непрерывно переходящая изъ вѣка въ вѣкъ до послѣдняго времени—вотъ въ чемъ состоитъ истина православія! Со времени отпаденія римской Церкви отъ вселенскаго единства, между тѣмъ какъ Западъ устремился на путь многихъ и многихъ перемѣнъ, прибавленій и убавленій въ существенномъ и несущественномъ, для православной Церкви открылось именно особое, исключительное служеніе блюсти въ неприкосновенной цѣлости тотъ священный залогъ, который былъ нѣкогда общимъ достояніемъ Церкви восточной и западной, блюсти истинно, какъ святыню, все то, что изначала было достояніемъ единой, апостольской и соборной Церкви. Если же православіе есть пребываніе Церкви неизмѣнно вѣрною ея божественнымъ началамъ и жизнь въ духѣ этихъ началъ, то ясно, что начала православія не суть начала внѣшняго авторитета, въ родѣ папской власти, но внутренняго, не временнаго человѣческаго, но вѣчнаго—божественнаго. Таковъ внутренній смыслъ замѣчательнаго отвѣта, даннаго русскимъ княземъ посламъ папы—и какой сокрушительный для латинства смыслъ! Не проронивъ ни одного слова обличенія, своимъ богомудрымъ отвѣтомъ Александръ Ярославичъ поражаетъ латинство, такъ сказать, во главу, въ главномъ его заблужденіи—во вновь придуманномъ католиками догматѣ о папѣ, какъ видимой верховной и непогрѣшимой главѣ Церкви, — какъ новой, человѣческой основѣ для зданія Божія...

Письменный отвѣтъ Александра, врученный посламъ папы, насколько можно судить по дошедшему до насъ пространному изложенію вѣры, приписываемому св. Александру, является необходимымъ дополненіемъ устнаго. Указавъ на то, что существо православія заключается въ неизмѣнной вѣрности божественнымъ и вѣчнымъ основамъ Церкви Божіей, — въ письменномъ изложеніи, „сдумавъ съ мудрецы своими“, Александръ въ существенныхъ чертахъ раскрылъ основные пункты христіанскаго вѣроученія [269]).

Въ папскомъ посланіи говорится о чести властителей, покоряющихся св. престолу, о матеріальныхъ выгодахъ, которыя послѣдовали бы для русской земли за подчиненіемъ Риму,—словомъ, все посланіе отличается чисто практическимъ духомъ, смѣшеніемъ небеснаго и земного, временнаго и вѣчнаго. Политика, земные разсчеты рѣшительно преобладаютъ надъ интересами религіозными. Ничего этого мы не видимъ въ отвѣтахъ Александра. О, какъ много онъ могъ бы сказать по адресу папъ, которые уже достаточно заявили себя въ качествѣ національнаго врага русскаго народа! Съ какимъ правомъ онъ могъ бы указать на буллы и посланія, на подстрекательства противъ русскихъ! Между тѣмъ въ его словахъ нѣтъ ни одного намека на временныя, земныя отношенія. Вопросъ о вѣрѣ стоитъ для него безконечно

выше всѣхъ политическихъ интересовъ. Для него, какъ для православнаго христіанина, вѣра есть святыня, данная свыше, охраняемая Церковію и усвояемая благочестіемъ. Нравственное достоинство принадлежитъ только такой вѣрѣ, предметъ которой не зависитъ отъ человѣческаго произвола, никакого отношенія къ личнымъ вкусамъ и мнѣніямъ, а равно и къ временнымъ политическимъ отношеніямъ не имѣетъ.

Всматриваясь въ личность Александра, насколько она высказалась въ данномъ случаѣ, мы невольно преклоняемся предъ его величіемъ. Многосторонній духъ его одинаково обнимаетъ великое и малое. Мужественно и искусно отстаивая интересы своего народа, въ то же время онъ какъ бы предъ лицомъ всего свѣта развертываетъ то священное знамя, подъ сѣнію котораго русскому народу суждено было сохранить и отстоять свою духовную и политическую самостоятельность. Его отвѣтъ папству долженъ былъ послужить на всѣ будущія времена образцомъ при дальнѣйшихъ попыткахъ Рима къ подчиненію русской Церкви.

XIV.

Войны съ литовцами и ливонскими нѣмцами.—Походъ 1262 года.—Раковорская битва.—Финляндскій походъ.

Радуйся, безопасности всем сѣверным земли Россійскім охранителю!
Радуйся, общаго мира во днехъ своихъ оустроителю!
Радуйся, подвижниче вѣры!

Послѣ суроваго отвѣта, даннаго Александромъ посламъ папы, въ Римѣ должны были потерять всякую надежду на добровольное подчиненіе русскихъ. Но это не значило еще, что папы оставятъ Россію въ покоѣ. При извѣстной всему міру настойчивости и строгой послѣдовательности римской политики въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, надлежало ожидать, что папы, потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ совратить русскихъ путемъ убѣжденія и лести, вернутся снова къ обычному въ то время способу обращенія—посредствомъ оружія. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ знаменитаго посольства мы видимъ возобновленіе враждебныхъ дѣйствій папства, направленныхъ противъ нашего отечества. Презрительно смѣшивая русскихъ съ татарами, папа Иннокентій IV посылаетъ въ 1253 году епископамъ и духовенству Ливоніи, Эстоніи и Пруссіи повелѣніе проповѣдывать крестовый походъ противъ татаръ, опустошающихъ Ливонію и Эстонію [270]). Вступившій въ 1255 году на престолъ папа Александръ IV спѣшитъ возобновить борьбу съ православнымъ русскимъ народомъ, если можно такъ выразиться, по всей линіи, поднимая противъ насъ литовцевъ, ливонцевъ и шведовъ. Виды папы хорошо обрисовываются въ его внушеніяхъ, обращеннымъ къ рыцарямъ: всѣ земли, укрѣпленія, мѣстечки и города... даже то, что состоитъ подъ властью

безбожныхъ татаръ — все это мы принимаемъ въ полную собственность св. Петра. По обращеніи въ христіанство (то-есть въ католичество), всѣ эти земли, въ силу нашего опредѣленія, должны состоять на вѣчныя времена подъ особымъ покровительствомъ и защитой апостольскаго престола (sub speciali protectione et defensione apostolicae sedis, postquam ad christianum cultum redacta fuerint, perpetuis temporibus permanere sancimus). Наибольшее вниманіе должно быть обращено на русскихъ, держащихся греческой схизмы [271]).

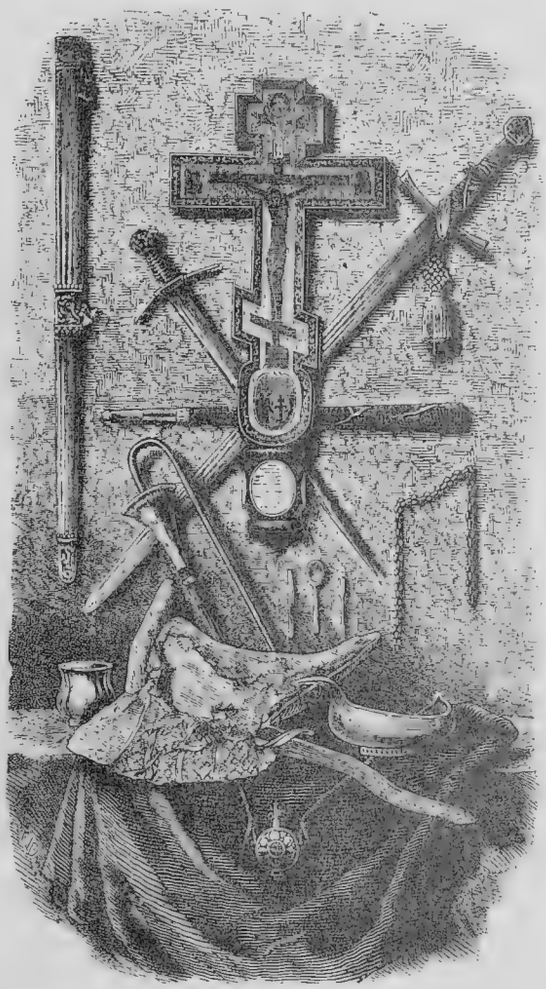
Особенное вниманіе папъ начинаетъ привлекать литовскій народъ, среди котораго около половины XIII столѣтія совершалась знаменательная перемѣна. Литовцы долгое время подчинялись многимъ князьямъ. Набѣги ихъ на сосѣднія земли были опустошительны, но при отсутствіи единства власти не имѣли прочнаго, завоевательнаго характера. Въ половинѣ XIII столѣтія, подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, среди литовскаго народа обнаруживается стремленіе къ установленію единовластія [272]). Миндовгъ идетъ рѣшительно къ этой цѣли, не разбирая средствъ. Человѣкъ желѣзной воли, необыкновенно хитрый и жестокій, не останавливающійся ни предъ какимъ злодѣяніемъ, онъ представляетъ собою яркій типъ основателя государства въ варварскія времена. Чего не достигалъ силой, того добивался онъ коварствомъ, обманомъ и подкупомъ. Нашъ лѣтописецъ говоритъ объ немъ: „Нача избивать братью свою и сыновцѣ своі, а другия выгна изъ землѣ, и нача княжити одинъ во всей землѣ литовьской“ [273]). Кромѣ русскихъ, литовцы враждовали съ нѣмцами, уже успѣвшими покорить ихъ соплеменниковъ пруссовъ. Сознавая невозможность бороться одновременно съ русскими и нѣмцами, Миндовгъ, чтобы обезопасить себя отъ нападеній нѣмцевъ и обезпечить успѣхъ наступательныхъ дѣйствій противъ русскихъ, объявилъ ордену, что готовъ принять католичество. Понятно, какую радость должно было произвести это извѣстіе во всемъ католическомъ мірѣ. Новыя, свѣжія силы отдавались въ распоряженіе папства. Литовцы позволяли разсчитывать на себя тѣмъ, что успѣли уже подчинить значительную часть православной Руси. Открывались дальнѣйшіе виды на исполненіе, при помощи ихъ, завѣтнаго желанія папъ — подчинить русскихъ своей власти. Папа былъ въ восторгѣ и, принявъ Миндовга подъ свое покровительство [274]), поспѣшилъ отправить приказаніе къ ливонскому епископу, чтобы никто не смѣлъ оскорблять новаго сына католической Церкви [275]), поручая въ то же время епископу кульмскому вѣнчать Миндовга королевской короной [276]). Далѣе — папа Александръ спѣшитъ уже воспользоваться ревностью новообращеннаго, чтобы направить его противъ русскихъ [277]), и, заранѣе убѣжденный въ успѣхѣ, повелѣваетъ рижскому архіепископу посвятить епископа въ русскія области [278])... Правда, Миндовгъ принялъ католичество притворно, точно такъ же какъ латыши и пруссы принимали его подъ мечами рыцарей [279]). Къ тому же онъ скоро убѣдился, что для нѣмцевъ распространеніе христіанства было лишь предлогомъ и оправданіемъ ихъ завоевательныхъ замысловъ. Вмѣсто помощи противъ русскихъ, нѣмцы подъ знаменемъ креста готовили иго его народу... Миндовгъ отрекся отъ христіанства и королевскаго титула и снова вступилъ въ борьбу съ нѣмцами. Тѣмъ не менѣе можно было предвидѣть, что разъ намѣченная Римомъ богатая добыча такъ или иначе попадетъ въ сѣти папской политики, что дѣйствительно и произошло столѣтіемъ позже... Для Россіи вражда литовцевъ съ нѣмцами представляла,

конечно, большія выгоды, и южно-русскіе князья успѣшно дѣйствовали противъ Миндовга. Далеко не такъ удачно шли дѣла въ землѣ полоцкой. Послѣднимъ полоцкимъ княземъ упоминается въ лѣтописяхъ Брячиславъ, тесть Александра Невскаго, но потомъ мы встрѣчаемъ въ стольномъ Полоцкѣ уже Миндовгова подручника и племянника Тевтивила. За полоцкой землей, повидимому, такая же участь грозила и Смоленску. Въ 1252 году Миндовгъ послалъ своего дядю Выкынга и двоихъ племянниковъ, Тевтивила и Едивида, воевать смоленскую землю, давши имъ такой наказъ: „Что кто возьметъ, то пусть держитъ при себѣ!“ Какъ разъ въ томъ же году Александръ долженъ былъ оставить Новгородъ и спѣшить въ Орду. Отсутствіе грознаго князя придало еще больше смѣлости литовцамъ. Въ 1253 году они сдѣлали совсѣмъ неожиданный набѣгъ уже на новгородскія земли и, разсѣявшись въ разныя стороны, забирали скотъ, пожитки и плѣнниковъ. Отъѣзжая изъ Новгорода, Александръ оставилъ тамъ княземъ второго своего сына Василія. Молодой князь, стремясь подражать подвигамъ своего великаго отца, быстро собралъ войско и погнался за литовцами, которые съ большой добычей уже подвигались къ своимъ предѣламъ. У Торопца новгородцы настигли варваровъ и вступили съ ними въ жаркій бой. Василій Александровичъ сражался геройски и своимъ примѣромъ воодушевлялъ другихъ. Отбивъ всю добычу и плѣнниковъ, „новгородцы отмстили за кровь христіанскую“. Этотъ первый опытъ показалъ, что Александръ могъ разсчитывать на своего сына. Чрезъ пять лѣтъ литовцы сдѣлали, однако, новый набѣгъ подъ Смоленскъ и „взяша Войщину на щитъ“ [280]). Отсюда они направились къ Торжку, жители котораго мужественно выступили было имъ навстрѣчу, однако, варвары, ведя безпрерывныя войны, научились военнымъ хитростямъ и устроили русскимъ засаду, при чемъ „овыхъ избиша, а инѣхъ изымаша, и много зла бысть въ Торжку“ [281]). Но вскорѣ затѣмъ Миндовгъ разсорился съ рыцарями, и въ 1262 году литовцы уже вмѣстѣ съ русскими участвуютъ въ походѣ на нѣмцевъ.

Ливонскіе нѣмцы еще болѣе, чѣмъ литовцы, рады были удаленію изъ Новгорода чудскаго побѣдителя. Немедленно по его отъѣздѣ, собравъ большія силы, они подступили въ 1253 году къ Пскову, который былъ какъ бы передовымъ постомъ русской земли противъ нѣмцевъ. Какъ и въ 1242 году, нѣмцы сожгли и разграбили посадъ. Застигнутые врасплохъ, псковичи заперлись въ городѣ, но не пали духомъ. Ледовое побоище еще у всѣхъ было свѣжо въ памяти. Собравшись съ силами, они бодро выступили изъ города и бросились на непріятелей. Не даромъ говорили про нихъ нѣмцы: „псковичи—это народъ свирѣпый! У нихъ вооруженіе блестящее, а шлемы сіяютъ, какъ стекла“ [282]). Между тѣмъ новгородцы, узнавъ о нападеніи, спѣшили съ молодымъ княземъ на помощь. Одинъ слухъ о приближеніи новгородцевъ навелъ страхъ на рыцарей, обратившихся въ поспѣшное бѣгство. Не теряя времени, новгородцы воротились домой и, быстро приготовившись, отправились за Нарову во владѣнія нѣмцевъ, совсѣмъ не ожидавшихъ нападенія съ этой стороны и потому не оказавшихъ отпора, и „створиша волость ихъ пусту“. Въ то же время и псковичи, при видѣ столь быстрой помощи, погнались за отступавшими нѣмцами, по слѣдамъ ихъ вступили въ Ливонію и, принудивъ къ бою, „побѣдиша я“. „Окаанніи преступници крестнаго цѣлованія“ [283]), отложивъ свою гордость, какъ и въ 1242 году, униженно просили мира, соглашаясь на всѣ требованія побѣдителей. Миръ былъ заключенъ „на всей волѣ новгородской и псковской“ [284]).

Занятый важнѣйшими дѣлами, Александръ теперь, конечно, только издали могъ слѣдить за борьбой съ врагами Россіи на ея западной окраинѣ, являясь съ помощью только въ случаѣ крайней нужды, какъ это было, напримѣръ, въ 1262 году, уже незадолго до его кончины. Побуждаемые посланіями папы Александра и раздраженные измѣною Миндовга, истребившаго въ своей землѣ всѣхъ католиковъ, ливонцы открыли вновь враждебныя дѣйствія противъ Новгорода и Литвы. Александръ получилъ извѣстіе объ этомъ какъ разъ въ такое время, когда ему невозможно было принять личное участіе въ походѣ: ему необходимо было спѣшить въ Орду, чтобы спасти русскій народъ отъ грозившихъ ему въ то время ужасныхъ бѣдствій. Тѣмъ сильнѣе былъ его гнѣвъ на „окаянныхъ преступниковъ правды“, спѣшившихъ воспользоваться труднымъ положеніемъ его и Россіи, и онъ рѣшился расправиться съ ними такъ, чтобы они живо припомнили времена Ледоваго побоища. Какъ ни тяжело положеніе Россіи, но онъ не уступитъ имъ ни пяди родной земли, онъ покажетъ имъ, что рука Россіи еще высока! Святая Русь заслонила собою Западную Европу, принявъ на свою богатырскую грудь всѣ удары варваровъ, а спасенные ею, такъ недавно сами содрогавшіеся свирѣпости неодолимыхъ монголовъ, стремятся воспользоваться положеніемъ многострадальной земли, чтобы безнаказанно оскорблять ее, прилагать раны къ ранамъ! Всевышній не оставитъ такихъ поступковъ безнаказанными!.. Такія чувства, безъ сомнѣнія, одушевляли Александра, когда онъ дѣлалъ распоряженія относительно похода противъ нѣмцевъ въ 1262 году. Для достиженія возможно полнаго успѣха онъ не пренебрегъ даже содѣйствіемъ литовцевъ. Заключенъ былъ союзъ съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ, жмудскимъ Тройнатомъ и полоцкимъ Тевтивиломъ. Всѣ низовые полки отпускалъ Александръ, ввѣривши начальство надъ ними своему брату Ярославу, князю тверскому, и зятю Константину съ тѣмъ, чтобы они во главѣ съ сыномъ его Димитріемъ, княжившимъ тогда по распоряженію отца вмѣсто Василія въ Новгородѣ, и съ храброй его новгородской дружиной, двинулись въ Ливонію [285]). Между тѣмъ неукротимый Миндовгъ, не дождавшись прихода русскихъ, ворвался въ предѣлы Ливоніи и, внося всюду опустошеніе, явился подъ стѣнами Вендена. „Опустошилъ онъ всю землю, печально говоритъ нѣмецкій писатель, и оставилъ слѣды своего звѣрства, на какое только былъ способенъ этотъ отступникъ и врагъ христіанскаго имени“ [286]). Но безъ помощи русскихъ Миндовгъ могъ совершить только опустошительный набѣгъ, а между тѣмъ русскіе замедлили въ походѣ. Поэтому литовскій князь, удовольствовавшись большой добычей и опустошеніемъ непріятельской земли, вернулся домой. Но нѣмцы не успѣли еще успокоиться, какъ появились русскіе съ другой стороны. Цѣлью ихъ похода былъ Юрьевъ, старинное достояніе русской земли. Нѣмцы превратили его въ сильную крѣпость, съ большимъ количествомъ жителей и сильнымъ гарнизономъ. Городъ былъ обнесенъ тремя каменными стѣнами, подъ защитою которыхъ враги „пристроили себѣ на городѣ брань крѣпку“. Видно, велико было раздраженіе русскихъ противъ неугомонныхъ враговъ: не теряя времени въ правильной осадѣ, вожди рѣшились на немедленный приступъ. Съ неукротимой отвагой бросились русскіе на приступъ и быстро овладѣли посадомъ. Такъ „сила честнаго креста и св. Софіи всегда низлагаетъ неправду имѣющихъ... Ни во что же твердость та бысть!“ замѣчаетъ лѣтописецъ [287]). По обычаямъ того суроваго времени, городъ былъ сожженъ, имущество разграб-

лено, набрано много плѣнныхъ. Уронъ русскихъ былъ весьма незначителенъ. Поэтому съ трудомъ вѣрится нѣмецкому историку, утверждающему, что магистръ ордена Верперъ, собравъ войско, напалъ на русскихъ и, отбивъ добычу, вслѣдъ за ними ворвался въ новгородскую землю и произвелъ страшное опустошеніе. Русскія лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ. Миръ былъ заключенъ въ томъ же 1262 году. Памятникомъ похода осталась договорная грамота съ нѣмцами, писанная отъ лица Александра и сына его Димитрія [288]).

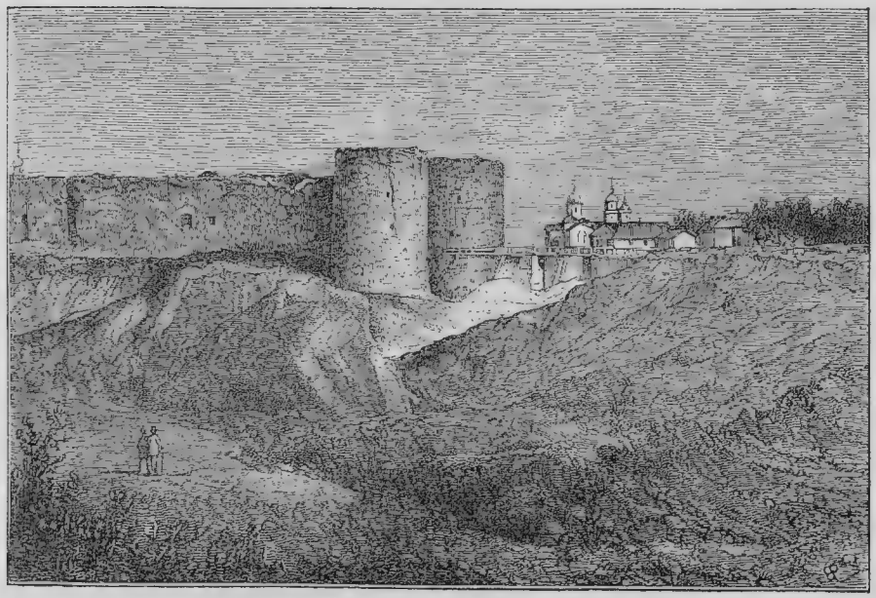


Псковскія древности.

Распоряженія относительно этого похода были послѣднимъ дѣломъ Александра по отношенію къ ливонскимъ нѣмцамъ. Не разъ и впослѣдствіи возобновлялась вражда съ ними, но заслуга Александра состоитъ въ томъ, что онъ указалъ русскимъ путь къ побѣдамъ и этимъ какъ бы завѣщалъ стоять до конца за русское достояніе. Особенно замѣчательна была война, происшедшая въ 1268 году, пять лѣтъ спустя по кончинѣ Невскаго. Сынъ Александра Димитрій былъ опять въ числѣ главныхъ участниковъ знаменитаго похода, въ которомъ „совкупишася вся княженія русьская въ Новгородъ со множествомъ вой своихъ“, между тѣмъ какъ съ другой стороны также „совкупися вся земля нѣмецкая“ [289]). При Раковорѣ произошла страшная битва, напомнившая всѣмъ Ледовое побоище. Такъ же, какъ на льду Чудскаго озера, Русь, одушевляемая „храборствомъ великого князя Дмитрія“, сломила желѣзный строй рыцарей „великіе свиніи“, такъ же гнала ихъ, устилая землю трупами, на протяженіи семи верстъ, и только темная ночь прекратила побоище. Видно, духъ Александра еще былъ живъ въ новгородцахъ и псковичахъ!..

Во Псковѣ дѣло Александра продолжалъ доблестный Довмонтъ, бывшій литовскій удѣльный князь, бѣжавшій изъ Литвы и нашедшій на Руси вторую родину [290]). Получивъ при св. крещеніи имя Тимоѳея и сдѣлавшись псковскимъ княземъ, Довмонтъ поспѣшилъ породниться съ домомъ Невскаго, память котораго была священною для псковичей, женившись на внучкѣ Александра, дочери Димитрія Александровича. Такъ какъ Довмонтъ со своими

псковичами также участвовалъ въ славной раковорской битвѣ и сильно опустошилъ раковорскую область до самаго моря, на другой годъ магистръ ордена Отто-фонъ-Роденштейнъ собралъ ополченіе и, подступивъ къ Пскову, началъ громить городъ стѣнобитными орудіями. Въ 1269 году во Псковѣ какъ бы повторились памятные дни весны 1242 года. Такъ же, какъ тогда, горячо молились граждане въ соборномъ храмѣ Св. Троицы, вмѣстѣ со своимъ княземъ, который, подобно Невскому, не полагаясь на силы человѣческія, смиренно сложилъ свой мечъ у олтаря. По окончаніи богослуженія, игуменъ препоясалъ князя этимъ мечомъ и благословилъ на брань за вѣру и родину. „Слышалъ я о мужествѣ вашемъ, восклицалъ Довмонтъ, ободряя свою дружину напоминаніемъ о Ледовомъ побоищѣ. Потягнемъ, братья, за Св. Троицу и св. церкви и за свое отечество [291])!“ Одушевленные надеждою на помощь свыше, псковичи сдѣлали геройскую вылазку и причинили



Копорье.

большой уронъ непріятелю, а вѣсть о приближеніи новгородцевъ заставила магистра поспѣшить отступленіемъ [292]).

Ничто такъ ясно не говоритъ намъ, сколь „честно и грозно“ было имя Александра у западныхъ сосѣдей Россіи, какъ то обстоятельство, что немедленно послѣ удаленія его изъ Новгорода всѣ они поочереди начинаютъ усиленно нападать на русскія области. Шведы также не захотѣли отстать отъ ливонцевъ, и литовцевъ. Не довольствуясь распространеніемъ своей власти и католичества въ Финляндіи, они не переставали думать о захватѣ новгородскихъ владѣній. Въ 1256 году, собравъ большія силы, шведы въ союзѣ съ датчанами, подъ начальствомъ Дитмана, появились на берегахъ Наровы и стали здѣсь чинить крѣпость; новгородцы были поражены дерзостью непріятелей и немедленно отправили посольство къ великому князю съ просьбой о помощи. Положеніе ихъ было тѣмъ болѣе затруднительно, что у нихъ не было вождя [293]). Княжившій въ Новгородѣ Василій Але-

ксандровичъ находился въ то время во Владимірѣ у отца. Но, извѣстивъ Александра, новгородцы и сами не бездѣйствовали, можетъ быть изъ опасенія, что Александръ, занятый въ то время весьма важными переговорами съ татарами объ исчисленіи русскаго народа съ цѣлію опредѣленія количества дани, или не поспѣетъ прибыть во-время съ полками суздальской земли или и совсѣмъ не будетъ имѣть возможности оказать имъ необходимой помощи. Изъ Новгорода разосланы были гонцы во всѣ волости съ призывомъ къ поголовному ополченію. Призывъ не пропалъ даромъ: быстро собирались отовсюду полки, и силы возростали. Уже приготовленія новгородцевъ настолько напугали враговъ, что они поспѣшили по добру по здорову убраться за море, оставивъ свою крѣпость недостроенною [294]). Но дерзкая попытка не должна была остаться безнаказанной. Какъ ни занятъ былъ въ то время Александръ, онъ рѣшился проучить старинныхъ враговъ своихъ и добиться во что бы то ни стало прекращенія враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны. Онъ рѣшился лично явиться на помощь новгородцамъ.

Предпріятіе 1256 года весьма замѣчательно. Что самъ Александръ придавалъ ему серьезное значеніе, видно изъ того, что онъ взялъ съ собою митрополита Кирилла, какъ бы давая понять, что дѣло касается не одного Новгорода. Далѣе—самыя дѣйствія Александра во время похода, какъ увидимъ, весьма любопытны и знаменательны, обнаруживая его планы, клонившіеся не къ одному только отраженію нападавшихъ враговъ. Въ Новгородъ Александръ прибылъ зимою съ полками суздальскими и присоединилъ къ нимъ дружины новгородскія. Ясно было, что, несмотря на суровое время года, князь отправляется въ походъ, но — куда? Этого никто не зналъ. „Не вѣдяху, кдѣ князь идетъ“ [295])... Ходили слухи, можетъ быть и намѣренно распускаемые, что дѣло идетъ о войнѣ съ Чудью, какъ русскіе называли финновъ, но навѣрное никто ничего не могъ сказать. Александръ, видимо, скрывалъ цѣль предпріятія, на что, разумѣется, онъ имѣлъ свои причины. Въ самомъ дѣлѣ, можно было опасаться, что, узнавши о трудностяхъ дальняго похода, новгородцы, несмотря на присутствіе представителя высшей духовной власти, выкажутъ нежеланіе слѣдовать за княземъ и подвергаться всѣмъ предстоявшимъ лишеніямъ. Не менѣе важно было и отъ враговъ скрыть конечныя цѣли похода. Окончивъ приготовленія и по своему всегдашнему обыкновенію помолившись у св. Софіи, Александръ приказалъ войскамъ выступать къ Копорью. Митрополитъ также шелъ съ войскомъ... Въ Копорьѣ князь остановился, чтобы дать необходимый отдыхъ войску въ виду предстоявшихъ ему трудовъ. Здѣсь только всѣ узнали, что пойдутъ въ Финляндію, что князь вознамѣрился покарать шведовъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Немедленно среди буйныхъ новгородцевъ начались волненія. Многіе изъ нихъ по торговымъ дѣламъ, конечно, посѣщали Финляндію и были знакомы съ этой страной. Зачѣмъ было идти въ эту „страну озеръ“ и чародѣевъ, гдѣ высятся гранитныя скалы, горныя цѣпи, поросшія лѣсами „дремучими“, гдѣ завываютъ вѣтры „буйные“, гдѣ въ безчисленномъ множествѣ затрудняютъ путь болота „стоячія“ и озера „бурныя“, гдѣ рѣки „свирѣпыя“ шумятъ водопадами, гдѣ царствуютъ туманы непроглядные? Что дѣлать въ этой странѣ вѣчнаго мрака въ зимнее время, когда не отличить дня отъ ночи во время короткаго тусклаго просвѣта? Чѣмъ воспользоваться въ этой странѣ съ ея скудной, однообразной растительностью, съ жалкими деревушками, ютящимися въ прогалинахъ лѣсовъ по берегамъ рѣкъ, состоя-

щими изъ избъ-землянокъ, похожихъ на шалаши? Правда, шведы, покоряя эту страну, постоянно готовы нападать и на новгородскія земли, но развѣ не миновала опасность? Развѣ одни приготовленія Великаго Новгорода не устрашили дерзкихъ враговъ? Такіе толки раздавались по лагерю, смущая и суздальскіе полки. Но любовь и довѣріе къ славному вождю превозмогли недовольство. Незначительная часть новгородцевъ, правда, оставила князя, но большая часть войска изъявила полную готовность повиноваться и слѣдовать за своимъ вождемъ, куда ни поведетъ. Александръ не препятствовалъ уходу недовольныхъ, находя, быть можетъ, что удаленіе вредныхъ элементовъ принесетъ даже пользу среди предстоящихъ трудностей.

Въ Копорьѣ митрополитъ благословилъ князя и войско и возвратился въ Новгородъ. Александръ двинулся въ путь.

Финны, населяющіе южную Финляндію, дѣлятся на двѣ семьи: въ юго-западной части живутъ тавасты, „Чудь бѣлоглазая“. Свѣтлокудрые, съ голубыми глазами, широкимъ лицомъ и носомъ, коренастые, широкоплечіе — они представляютъ собою типичныхъ финновъ. Вялые, неповоротливые, угрюмые, злопамятные и подозрительные, вѣчно молчаливые — они слыли за колдуновъ и чародѣевъ. Между тавастами свое вліяніе распространяли шведы. Въ восточной части Финляндіи жили корелы, болѣе стройные, съ правильными чертами лица, съ сѣровато-синими глазами, съ густыми темнорусыми волосами, ниспадавшими локонами на плечи. Въ духовномъ отношеніи корелы гораздо живѣе, общительнѣе, дѣятельнѣе тавастовъ, добродушны и ласковы. Между ними новгородцы распространяли свое вліяніе и даже окрестили ихъ въ православную вѣру въ началѣ XIII столѣтія. Корелы не разъ въ союзѣ съ новгородцами боролись противъ шведовъ. Въ 1187 и 1188 годахъ они вторгались даже въ предѣлы Швеціи, проникали въ Меларское озеро, умертвили епископа упсальскаго, сожгли и разорили городъ Сигтуну. Впослѣдствіи такой же участи подверглись городъ Або и другія шведскія владѣнія въ Финляндіи. Корелы враждовали и съ тавастами, владѣнія которыхъ раньше простирались далѣе на востокъ, между Ладожскимъ озеромъ и Сѣверной Двиной. Къ тавастамъ же принадлежало, повидимому, и племя ямь или емь, часто заодно со шведами нападавшее на владѣнія новгородцевъ.

Выступленіе въ походъ.

Потерпѣвъ въ 1240 году пораженіе на берегахъ Невы, Биргеръ далеко не отказался отъ своихъ плановъ и рѣшился достигнуть ихъ болѣе осторожнымъ и обдуманнымъ образомъ дѣйствій. Такъ онъ въ 1242 году выстроилъ замокъ Тавастгусъ, въ обезпеченіе шведской власти въ Финляндіи [296]). Въ 1249 году неутомимый ярлъ рѣшилъ окончательно закрѣпить за шве-

дами всю Финляндію и для этой цѣли вступилъ въ союзъ съ ливонскими нѣмцами. Рижскій епископъ, по благословенію папы Александра IV, задумывалъ уже учредить новую латинскую епископскую каѳедру въ финскихъ земляхъ, находившихся подъ вліяніемъ Новгорода, среди кореловъ и сопле-менныхъ имъ ингровъ. Для выполненія этого плана рѣшено было оттѣснить новгородцевъ и для прочности дальнѣйшихъ дѣйствій противъ нихъ основать на рѣкѣ Наровѣ крѣпость. Дѣло шло такимъ образомъ о полномъ подчиненіи всей Финляндіи шведамъ и католицизму и объ устраненіи вліянія русскихъ среди финновъ. Прочно покоренная страна должна была, очевидно, сдѣлаться базисомъ, откуда уже можно было приступить и къ захвату новгородской земли.

Видно, что Александръ Ярославичъ слишкомъ хорошо зналъ о положеніи дѣлъ, что, несмотря на сопротивленіе близорукихъ новгородцевъ, на свои трудныя обстоятельства и на суровое время года, рѣшился предпринять походъ въ Финляндію. Приходилось идти мало знакомой мѣстностью. Къ счастью, между туземцами нашлись проводники, такъ-называемые шестники, которые шли съ войскомъ; но и они, несмотря на привычность къ условіямъ мѣстности, гибли въ большомъ количествѣ при страшныхъ переходахъ по пустыннымъ ущельямъ горъ и топкимъ болотамъ. „Бысть золъ путь, говоритъ лѣтописецъ, акы же не видали ни дня, ни ночи“ [297]). Но могучая воля Александра и самоотверженіе воиновъ преодолѣвали всѣ трудности. Въ сумерки, почти ощупью, терпя недостатокъ во всемъ, войско однако бодро подвигалось впередъ. Великій князь раздѣлялъ съ войсками всѣ лишенія, одушевляя ихъ своимъ примѣромъ. И вотъ, неожиданно явившись въ непріятельской странѣ, Александръ, по выраженію историка, „прошелъ по ней, какъ Божія гроза, изъ края въ край“ [298]). Шведы, пораженные ужасомъ, или бѣжали на родину или попрятались въ укрѣпленіяхъ. По крайней мѣрѣ, мы ничего не знаемъ объ ихъ дѣйствіяхъ во время похода. Оставленные ими на произволъ русскихъ туземцы могли оказать только слабое сопротивленіе. Опустошительнымъ ураганомъ пронеслись русскіе по странѣ и по всему поморью и возвратились въ Новгородъ съ большой добычей [299]).

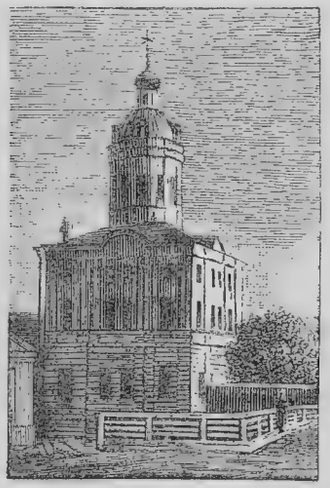
„Мы положительно ничего не знаемъ, что имѣлъ въ виду Александръ Ярославичъ, предпринимая походъ противъ шведовъ, говоритъ одинъ изъ жизнеописателей Александра. Быть можетъ, кромѣ желанія наказать ихъ за нарушеніе правъ народа, онъ имѣлъ еще что-нибудь и другое въ виду; можетъ быть, въ его свѣтлой головѣ зародилась та же мысль, которая черезъ четыре съ половиною столѣтія была осуществлена Петромъ Великимъ“ [300])... Во всякомъ случаѣ, походъ въ Финляндію достигъ своей прямой цѣли, разрушивъ всѣ планы нашихъ враговъ, которые должны были убѣдиться, что ни отдаленность, ни трудности не въ состояніи остановить могучей воли, управлявшей судьбами Россіи... Впечатлѣніе этого похода вѣроятно было весьма сильно. „Славна бысть земля страхомъ и грозою его“ [301]). Только 37 лѣтъ спустя шведы осмѣлились снова начать враждебныя дѣйствія противъ русскихъ [302]), но тогда обстоятельства на Руси уже сильно измѣнились... Можно сказать, Новгородъ и его обширная область навсегда были спасены для Россіи, благодаря подвигамъ Александра. Богатырь древней Руси чрезъ рядъ вѣковъ подаетъ руку богатырю новой: Петръ началъ съ того, чѣмъ окончилъ Александръ.

Но отражая враждебныя нападенія, въ то же время Александръ, на-

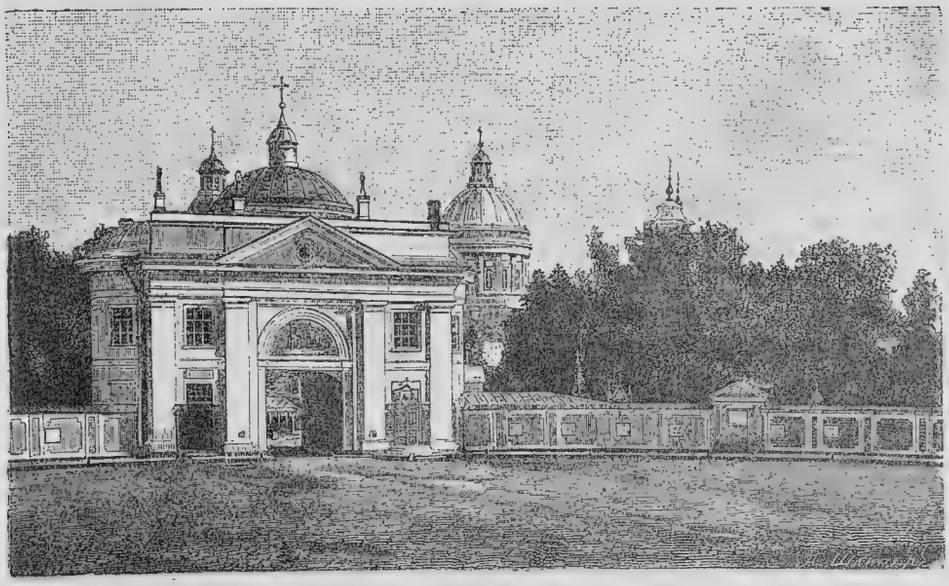
сколько хватало у него досуга, далеко не прочь былъ способствовать сближенію европейцевъ съ русскими; напротивъ, мы видимъ въ его дѣятельности черты, показывающія, что онъ хорошо понималъ пользу, которую могли европейцы оказать русскимъ своими познаніями, искусствомъ, ремеслами и т. п. Посольство въ Норвегію къ Гакону несомнѣнно обнаруживаетъ попытку завязать дружественныя связи съ европейскими государями. Громкая слава и обходительность Александра не мало иностранцевъ привлекала къ нему на службу [303]); по свидѣтельству лѣтописца, онъ былъ кормитель и своимъ и чужимъ... Не его вина, что ему пришлось вести болѣе войны, чѣмъ устраивать мирныя связи съ европейцами!

Закончимъ нашъ очеркъ отношеній Александра къ Западу за время его великаго княженія словами поэта:

О витязь, дѣлами твоими
Гордится великій народъ!
Твое громоносное имя
Столѣтія всѣ перейдетъ! (А. Толстой).



Александровская церковь въ Александро-Невской лаврѣ.



XV.

Заслуги св. Александра предъ Россіей по отношенію къ монголамъ.—Положеніе монгольской державы.—Первыя попытки обложенія данью.—Указы верховнаго хана.—Великіе труды св. Александра Значеніе данничества.—Повинности русскаго народа.—Устраненіе вмѣшательства монголовъ въ дѣла внутренняго управленія.

Радуйся, яко оградилъ еси люди твоя отъ зловреднаго съ невѣрными общенія!

Нельзя исчислить всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ Провидѣніемъ нашему отечеству въ продолженіе его прошедшей жизни. Особенно ясно небесное покровительство проявлялось въ трудныя годины нашей исторіи. Благо намъ, если мы чаще будемъ вспоминать это и, неизмѣнно вѣруя въ высшее руководительство судьбами людей и народовъ, уповать не на одни только человѣческіе успѣхи и усилія! Можемъ ли мы считать однимъ случайнымъ совпаденіемъ то обстоятельство, что въ самую трудную эпоху монгольскаго ига, въ первое его двадцатипятилѣтіе, когда характеръ отяготѣвшаго надъ нами иноплеменнаго владычества только что опредѣлялся, когда только что намѣчались наши отношенія къ монголамъ, судьбы Россіи находились въ рукахъ Александра? нѣтъ,

... не вотще отъ Бога геній
Ниспосылается въ народъ!
(Майковъ).

Что Александръ заслонилъ и избавилъ наше отечество отъ конечнаго порабощенія, сумѣлъ предотвратить новые страшные погромы и удержать

татаръ вдали, не допустивъ ихъ разселиться по русской землѣ и завести свои порядки, что вся наша зависимость выразилась въ видѣ внѣшней покорности и дани, что мы сохранили неприкосновенными свой родной языкъ, свое политическое устройство, свое управленіе и свой судъ, что православная вѣра, какъ была, такъ и осталась главной воспитательной силой русскаго народа, что благодаря всему этому мы сохранили возможность возстановленія своихъ силъ и дальнѣйшаго ихъ развитія—всѣмъ этимъ въ значительной степени мы обязаны дѣятельности Александра, а это такая заслуга, которой Россія не забудетъ никогда, какъ бы ни было велико ея міровое значеніе въ настоящемъ и въ грядущіе вѣка, какъ не забываетъ сынъ своей матери, хранившей его своею любовію въ годы безпомощнаго дѣтства!

Завоевательный пылъ, одушевлявшій монголовъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій со времени Чингизъ-хана, со второй половины XIII столѣтія уже значительно ослабѣлъ: за все это время монголы со страстью предавались расширенію своего владычества, сопровождая свои походы страшнымъ грабительствомъ и безпощаднымъ истребленіемъ населенія. Наконецъ, верховный ханъ Менгу пришелъ къ мысли о томъ, чтобы крѣпче связать отдѣльныя земли своей громадной имперіи, раскинувшейся на необъятномъ пространствѣ отъ береговъ Великаго океана до Карпатскихъ горъ. Но было уже поздно... Монгольской державѣ уже грозила участь, подобная той, которой подвергались всѣ завоевательныя восточныя царства, какія только знаетъ исторія съ отдаленныхъ временъ библейской древности: изнѣженность повелителей, внутреннія междоусобія и кровавыя распри за престолъ всегда быстро вели ихъ къ распаденію. Невозможность сосредоточить въ одномъ центрѣ всѣ нити управленія громадными подвластными землями становилась все очевиднѣе, интересы верховнаго хана и хановъ—подручниковъ все болѣе расходились. Стремленія послѣднихъ къ большей самостоятельности совпали съ стремленіями отдѣльныхъ народовъ, покоренныхъ монголами, къ возвращенію себѣ свободы отъ иноземнаго владычества. Страна за страною, едва оправившись отъ послѣдствій страшныхъ погромовъ, какъ и слѣдовало ожидать, поднимались противъ завоевателей. Правда, эти попытки вначалѣ были подавляемы съ страшной свирѣпостью. Такъ, напримѣръ, Гулагу, братъ Менгу, получилъ въ свое распоряженіе пятую часть монгольскихъ силъ и вновь разгромилъ Персію и Сирію, при чемъ множество городовъ еще разъ были обращены въ развалины. Но, усмиривъ эти страны, Гулагу объявилъ себя независимымъ властителемъ Персіи, принявъ титулъ Ильхана. Въ предѣлахъ Кипчакской орды также показывались признаки разложенія. Ногай, одинъ изъ подручниковъ кипчакскаго хана, властвовавшій надъ ордами, кочевавшими къ сѣверу отъ Чернаго моря, провозгласилъ себя самостоятельнымъ ханомъ и вступилъ въ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, который, изгнавъ латинцевъ изъ Константинополя, возстановилъ Византійскую имперію. Союзъ былъ скрѣпленъ родственными узами: Михаилъ выдалъ свою дочь Евфросинію за Ногая... Отъ проницательнаго взора Александра, безъ сомнѣнія, не укрылись признаки безпорядковъ, грозившихъ гибелью имперіи монголовъ.

Первыя попытки воспользоваться правомъ завоевателей со стороны монголовъ мы видимъ еще въ первые годы княженія Ярослава. „Побѣжденные, говоритъ Плано Карпини, обязаны давать монголамъ десятую часть всего имѣнія, рабовъ, войско и служить орудіемъ для истребленія другихъ

народовъ. Въ наше время Гаюкъ и Батый прислали въ Россію вельможу своего съ тѣмъ, чтобы онъ бралъ вездѣ отъ двухъ сыновей третьяго; но сей человѣкъ похваталъ множество людей безъ всякаго разбора и переписалъ всѣхъ жителей, какъ данниковъ, обложивъ каждаго изъ нихъ шкурою бѣлаго медвѣдя, бобра, куницы, хорька и черною лисьею; а неплатящіе должны быть рабами монголовъ“ [304]). Но это первое появленіе ханскаго посла, какого-то мусульманина, для сбора дани скорѣе можно назвать просто грабительскимъ набѣгомъ съ цѣлію похватать какъ можно больше добычи и плѣнныхъ, чѣмъ серьезной попыткой установленія какихъ-нибудь условій зависимости. Не могло быть рѣчи даже относительно опредѣленія извѣстнаго количества дани, вносимой русскими. Монголы все еще продолжали довольствоваться покорностью завоеванныхъ странъ, неопредѣленнымъ количествомъ дани и подарками, доставляемыми изъ Россіи князьями. Но Менгу, желая ввести большую опредѣленность въ отношенія между побѣдителями и побѣжденными, издалъ нѣсколько клонившихся къ этой цѣли указовъ, напримѣръ, относительно почты, налоговъ и т. п. [305]). Вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ должна быть произведена поголовная перепись всѣхъ жителей. Ни Батыя, ни сына его Сартака въ живыхъ уже не было. Батый умеръ въ 1253 году, а Сартакъ вскорѣ былъ убитъ своимъ дядею Беркаемъ, который и объявилъ себя ханомъ съ согласія Менгу. Онъ-то и долженъ былъ позаботиться объ исполненіи распоряженій верховнаго хана на Руси, для чего и назначилъ вельможу Улавчія, съ которымъ непосредственно, равно какъ и съ послами верховнаго хана, должны были имѣть дѣло русскіе князья. Наши лѣтописи не говорятъ о томъ, какія требованія къ русскимъ должны были предъявить татары въ силу распоряженій верховнаго хана. Вѣроятно, эти требованія были обширны и клонились ни болѣе, ни менѣе, какъ къ уничтоженію всякаго слѣда независимости русской земли и къ окончательному включенію ея въ разрядъ вполнѣ подвластныхъ земель. Кто знаетъ, можетъ быть, нашему отечеству грозила участь Камской Болгаріи или земли половецкой, безслѣдно затерявшихся среди народностей, нахлынувшихъ изъ Азіи. Останутся ли наши князья на положеніи болѣе или менѣе самостоятельныхъ правителей въ утвержденныхъ за ними удѣлахъ или, устранивъ ихъ, монголы захотятъ сами взять правленіе въ свои руки, поселившись на Руси съ своими полчищами? Но не предполагая даже этого крайняго, однако вовсе не невѣроятнаго, бѣдствія, можно было опасаться, что монголы могутъ сильно стѣснить дѣятельность князей постояннымъ вмѣшательствомъ въ дѣла внутренняго управленія, въ гражданскій судъ, въ военное дѣло. Наконецъ, въ какомъ видѣ и въ какихъ размѣрахъ будутъ установлены повинности русскихъ, не лягутъ ли онѣ слишкомъ тяжелымъ бременемъ на не успѣвшій еще оправиться народъ? Не грозитъ ли ему такое рабство, которое, убивъ въ немъ всѣ высшія стремленія, низведетъ въ положеніе безправныхъ рабовъ, на подобіе райи въ славянскихъ земляхъ, покоренныхъ турками? Подобнаго рода опасенія и тяжелыя думы, безъ сомнѣнія, волновали душу Александра при вѣсти о готовившихся событіяхъ. Что онъ могъ противопоставить съ своей стороны властолюбію и алчности завоевателей? Какъ поладить съ варварами, признающими лишь одинъ аргументъ — силу? Безъ сомнѣнія, не мало слезъ пролилъ въ пламенной молитвѣ предъ Богомъ Александръ Ярославичъ, прося вразумленія, помощи и небеснаго покровительства своему отечеству и

православнымъ людямъ. Въ значительной степени онъ могъ разсчитывать на расположеніе къ себѣ монгольскихъ властителей и ихъ вельможъ, на свои связи и знакомство съ вліятельными лицами, которыя онъ постарался пріобрѣсти во время своихъ путешествій въ Кипчакъ и въ Монголію, могъ еще разъ съ большимъ успѣхомъ, въ качествѣ великаго князя, ходатайствовать за свой народъ. Внимательное изученіе характера и быта монголовъ и пріобрѣтенное опытомъ умѣнье обращаться съ ними также могли давать ему надежду на болѣе или менѣе благопріятное разрѣшеніе предстоявшихъ задачъ. „Здѣсь Александръ долженъ былъ напрячь всѣ силы своего необыкновеннаго ума, чтобы сколько-нибудь отстоять права Руси и не довести народъ до совершеннаго разоренія. Здѣсь онъ долженъ былъ работать какъ для настоящаго облегченія подданныхъ, такъ и для будущей возможности возстановить самостоятельность и независимость государства. Отъ его тогдашнихъ соображеній и умѣнья вести дѣла съ татарами почти рѣшительно зависѣла будущая судьба Россіи“ [306]). Не пренебрегъ онъ воспользоваться хорошо ему извѣстною жадностью варваровъ: и онъ самъ, и по его порученію русскіе князья, особенно сыновья Василька Константиновича, Борисъ и Глѣбъ, часто путешествовали съ богатыми дарами то въ Кипчакскую Орду, то въ Великую Монголію къ верховному хану и его министрамъ, то къ Улавчію [307]). Одинъ изъ братьевъ Глѣбъ Васильковичъ даже женился въ Монголіи, вѣроятно на какой-нибудь монгольской княжнѣ, принявшей христіанство, надѣясь „симъ брачнымъ союзомъ доставить нѣкоторыя выгоды утѣсненному отечеству“ [308]). Главное вниманіе Александра, кажется, было устремлено на то, чтобы какъ можно болѣе расположить въ свою пользу тѣхъ лицъ, которымъ было поручено исполненіе ханскихъ указовъ, но, судя по продолжительности и трудности хлопотъ, по многочисленности поѣздокъ въ Орду, можно полагать, что монголы долго не сдавались, настаивая на строгомъ примѣненіи ханскихъ указовъ. Предварительные переговоры, по словамъ нашихъ лѣтописей, тянулись въ теченіе двухъ лѣтъ, а по монгольскимъ извѣстіямъ—четыре года, отъ 1253—1257 гг., что гораздо вѣроятнѣе. Каждый шагъ впередъ въ разрѣшеніи поднятыхъ вопросовъ стоилъ дорого. Уступки дѣлались постепенно. Не зная содержанія самыхъ переговоровъ, мы можемъ дѣлать только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки. Разсчитывая на корыстолюбіе монголовъ, Александръ могъ внушать имъ, что естественныя богатства Россіи велики, трудолюбивое населеніе можетъ воспользоваться ими, чтобы угодить своимъ повелителямъ и богатыми данями заслужить ихъ милостивое покровительство. Но для этого не слѣдуетъ доводить народъ до отчаянія, не слѣдуетъ нарушать привычнаго теченія его жизни какими бы то ни было нововведеніями, оскорблять его вѣру, необходимо оставить управленіе въ рукахъ князей, которые сжились съ народомъ и которымъ онъ привыкъ повиноваться. Гораздо удобнѣе для монголовъ имѣть дѣло съ князьями, чѣмъ непосредственно съ народомъ, возложивши на князей отвѣтственность за покорность народа и исправное исполненіе повинностей. Большія перемѣны могутъ вызвать возстанія, которыя поведутъ къ новымъ погромамъ, къ истребленію народонаселенія и окончательному опустошенію страны. Безъ сомнѣнія, всѣ подобные доводы оказали бы мало дѣйствія на татарскихъ сановниковъ, если бы не были подкрѣпляемы щедро разсыпаемыми дарами и всѣмъ обаяніемъ личныхъ достоинствъ Александра, который умѣло пользовался всѣми сторонами характера монголовъ, своей прямотой усыпляя ихъ

подозрительность, смиреніемъ и покорностью дѣйствуя на ихъ надменность, располагая ласковымъ обращеніемъ къ благодушному настроенію. Не даромъ Александръ представляетъ собою характерный типъ истинно-русскаго человѣка, а давно уже замѣчено, что русскіе обладаютъ особеннымъ умѣньемъ ладить съ азіатами.

Переговоры первоначально, кажется, происходили въ Россіи, но затѣмъ Александръ, захвативъ съ собою племянника Бориса Васильковича ростовскаго и брата Андрея, которому успѣлъ вымолить прощеніе, отправился въ Орду. При немъ же находились и послы В. Новгорода Елевферій и Михаилъ Пинешиничъ, такъ какъ монголы, хотя и не были въ Новгородѣ, ни за что не соглашались оставить богатый городъ безъ обложенія данью наравнѣ съ другими городами Россіи. Въ Ордѣ указы верховнаго хана разрѣшены были въ формѣ болѣе или менѣе благопріятной для Россіи. „Сановники монгольскіе, убѣжденные и подкупленные Александромъ, успѣли представить хану дѣла въ такомъ видѣ, что онъ согласился ограничить опредѣленіе отношеній Россіи къ монголамъ почти единственно исчисленіемъ народа и раскладкою условной дани и нѣкоторыми повинностями подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ собственно сборомъ податей и исправнымъ отправленіемъ повинностей съ тѣмъ, чтобы всѣми прочими дѣлами по управленію завѣдывали утверждаемые ханомъ природные русскіе князья, которымъ даже предоставлено было право вести войну и заключать миръ съ кѣмъ угодно, безъ всякихъ отношеній къ хану, какъ государямъ самостоятельнымъ и независимымъ“ [309]).

По окончаніи всѣхъ переговоровъ Александръ, хотя нравственно и физически измученный, спѣшилъ возвратиться въ отечество: онъ живо сознавалъ необходимость подготовить народъ къ пріѣзду татарскихъ численниковъ. Какое-либо проявленіе народнаго неудовольствія, малѣйшая неосторожность могли погубить всѣ плоды долгихъ усилій. Дѣйствительно, зимою 1257 года прибыли численники и изочли „всю землю суздальскую и рязанскую и мюромьскую и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники и идоша въ орду, толико не чтоша игуменовъ, черньцевъ, поповъ, крилошанъ, кто зритъ на Св. Богородицу и на Владыку“ [310]). Тяжело было нашимъ предкамъ подвергаться поголовному исчисленію: чувство народной чести и независимости еще живо было въ сердцахъ русскихъ, но, скрѣпя сердце, приходилось покоряться горькой необходимости. Вполнѣ сочувствуя скорби народной, мы однако не должны забывать, что не одному русскому народу суждено проходить ту или другую, болѣе тяжелую или болѣе легкую, школу историческаго воспитанія. Западные европейцы проходили ее въ то время въ тяжкой формѣ *феодальнаго гнета*, лишавшаго населеніе не только имущества, но и свободы. Насъ постигало *данничество*, форма зависимости сравнительно болѣе легкая. Извѣстный писатель, выясняя значеніе зависимости въ ходѣ историческаго воспитанія народовъ, говоритъ, что „зависимость играетъ въ народной жизни ту же роль, какую играетъ въ жизни индивидуальной школьная дисциплина или нравственная аскеза, которыя пріучаютъ человѣка обладать своею волею, подчинять ее высшимъ цѣлямъ“. Великіе подвижники, подвергаясь посту, исполненію обѣтовъ, послушничеству и всѣмъ лишеніямъ пустынической жизни, воспитываютъ свою плоть въ послушное орудіе духа и, торжествуя надъ стремленіями грѣховной природы, становятся способными на всякій подвигъ для исполненія воли Бо-

жіей. „Такой же характеръ имѣетъ и та историческая или политическая аскеза, заключающаяся въ различныхъ формахъ зависимости, которую выдерживаетъ народъ, предназначенный для истинно-исторической дѣятельности. Эта зависимость, пріучающая .подчинять свою личную волю какой-либо другой (хотя бы и несправедливой), для того, чтобы личная воля всегда могла и умѣла подчиняться той волѣ, которая стремится къ общему благу,— имѣетъ своимъ назначеніемъ возведеніе народа отъ *племенной воли къ состоянію гражданской свободы*“ [311]). Такъ, премудрость міродержавнаго Промысла обращаетъ самое зло къ достиженію благихъ и полезныхъ цѣлей. Тяжкіе уроки исторіи и жизни сокрушаютъ человѣческую гордыню и заставляютъ подчиняться высшему нравственному закону. Не съ большимъ ли смысломъ и чувствомъ преданности произноситъ человѣкъ, горькимъ опытомъ извѣдавшій тщету однихъ человѣческихъ усилій, святыя слова: „Да будетъ воля Твоя!“ Наши смиренные лѣтописцы выражаютъ тотъ же законъ исторіи и жизни, когда, повѣдавши объ исчисленіи и обложеніи народа данями, прибавляютъ: „Се же все бысть на Русьской земли грѣхъ ради нашихъ“ [312]).

Краснорѣчивые проповѣдники тѣхъ временъ также старались разъяснить народу смыслъ постигшихъ его несчастій.

„Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными... Чего мы не навлекли на себя? Какихъ наказаній мы не претерпѣли отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время пали мертвы на землѣ отцы и братья наши?.. А мы, оставшіеся, не порабощены ли горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ?.. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнутъ кости наши. *Что же довело насъ до этого? — Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность*“.

„Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей, ибо мы подвигли на себя гнѣвъ Бога нашего... Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, поругана святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ добычу птицамъ; кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ вода обильная, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха, а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другихъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ... Свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь съ неба, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя великую Его милость... *Отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ, отъ разбоя, грабительства, пьянства, скупости, обиды, воровства, лжи, клеветы, резонанія (ростовщичества)*“ [313]).

Такъ смотрѣли наши лучшіе люди того времени на постигавшія русскую землю бѣдствія, такими же мыслями руководился, безъ сомнѣнія, и благовѣрный князь, стоявшій во главѣ русскаго народа въ то тяжкое время, смиренно признавая въ грозныхъ испытаніяхъ проявленіе Высшей Воли и лишь заботясь о томъ, чтобы тяжкіе удары окончательно не сломили народныхъ силъ.

Въ числѣ земель, подвергшихся исчисленію, не упомянуты сѣверныя области: Новгородъ и Псковъ. Но перепись и тамъ, какъ увидимъ ниже, была уже рѣшена и только отложена до поры до времени. Приднѣпровье оставлено безъ исчисленія вѣроятно по его запустѣлости, вслѣдствіе татарскихъ погромовъ и непрестанныхъ литовскихъ набѣговъ. „Жителей всздѣ мало, писалъ папскій посолъ, проѣзжая близъ Кіева: они истреблены монголами или отведены въ плѣнъ“.

Изъ общаго исчисленія исключалось православное духовенство. Это истекало изъ извѣстнаго уже намъ покровительственнаго отношенія монголовъ къ вѣрѣ подвластныхъ народовъ. Ханы не только не стѣсняли вѣры нашихъ предковъ, напротивъ — считали своей обязанностію охранять ее, и въ своихъ ярлыкахъ русскому духовенству, дарованныхъ въ защиту его правъ, говорили: „Кто будетъ хулить вѣру русскихъ или ругаться надъ нею, тотъ ничѣмъ не извинится, а умретъ злою смертью“ [314]).

Относительно самой дани мы не находимъ въ лѣтописяхъ подробныхъ извѣстій. Извѣстно, что подати въ татарскихъ земляхъ были многочисленны и разнообразны. Съ покоренныхъ народовъ взимались: десятина (десятая часть хлѣбнаго сбора), тамга и мытъ (пошлины съ торгующихъ купцовъ и провозимыхъ товаровъ), поплужное, ямъ, подводы и кормъ (обязанность доставлять подводы и съѣстные припасы татарскимъ посламъ, чиновникамъ и гонцамъ), мостовщина, рекрутство, сборъ рати, ловитва ханская, запросъ, дары, доходы, поминки. Со всѣми этими видами повинностей, за исключеніемъ развѣ воинской, предстояло ознакомиться и русскому народу [315]).

Монета Александра Невскаго.

Накопецъ, при исчисленіи народа, по словамъ лѣтописи, татары ставили десятниковъ, сотниковъ, тысящниковъ и темниковъ. Изъ лѣтописей и ярлыковъ, данныхъ духовенству, мы видимъ, что въ числѣ татарскихъ чиновниковъ на Руси еще упоминаются: баскаки, таможники, данщики, поборщики, писцы, послы, гонцы, сокольники, ловцы, пардусники, побережники, бураложники, заставщики, лодейники. Но справедливому замѣчанію Бѣляева, мы не видимъ въ этомъ исчисленіи ни волостеля, ни посадника, ни судьи, ни даже тіуна. Дѣйствительно, какъ показываютъ самыя названія, всѣ эти чиновники вовсе не участвовали во внутреннемъ управленіи русскаго народа [316]). Возбуждаетъ вопросъ развѣ только одно изъ вышепоименованныхъ должностныхъ лицъ, именно баскакъ. Даруга и баскакъ обозначаютъ одно и то же — „давителя“. Такъ какъ даруга въ самой ордѣ завѣдывалъ сборомъ дани, то и баскакъ, очевидно, имѣлъ то же значеніе въ земляхъ покоренныхъ. Разсмотрѣніе различныхъ лѣтописныхъ извѣстій о баскакахъ на Руси приводитъ къ тому заключенію, что и они также не были правителями [317]). Начальствуя татарскими отрядами, размѣщенными въ главныхъ городахъ, они стояли на стражѣ ханской власти, съ обязанностью подавлять всякое сопротивленіе русскихъ, особенно при сборѣ дани, равно какъ и слѣдить за поведеніемъ князей, почему-либо возбуждавшихъ подозрительность татаръ. Къ тому же — въ концѣ XIII столѣтія мы не встрѣчаемъ болѣе въ лѣтописяхъ извѣстій о баскакахъ — ясный знакъ, что ихъ уже не было на Руси. А чрезъ удаленіе баскаковъ и другихъ должностныхъ лицъ наши князья и совершенно освобождались отъ всякаго вліянія татаръ на свои распоряже-

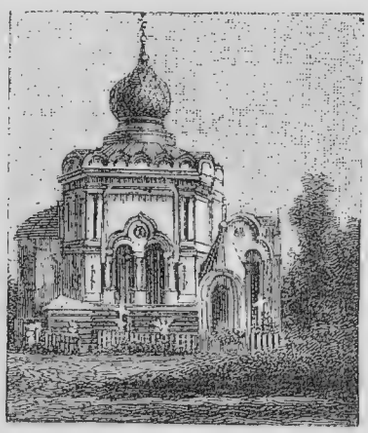
нія, „но и во время присутствія баскаковъ, по замѣчанію историка, мы не имѣемъ основанія предполагать большого вліянія ихъ на внутреннее управленіе, ибо не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого вліянія“ [318]).

Подводя итогъ всему, скажемъ словами историка, что „Россія, при опредѣленіи своихъ отношеній къ монгольскимъ ханамъ, во 1-хъ сохранила власть своихъ князей, которые сдѣлались такимъ образомъ посредниками между государствомъ и ханами; во 2-хъ ей оставлены были ея родные законы и собственный судъ во всѣхъ дѣлахъ, что въ особенности способствовало къ сохраненію русской жизни и русскаго характера; въ 3-хъ ей предоставлена была неприкосновенность не только религіозныхъ вѣрованій, но даже и церковнаго устройства, что преимущественно питало чувство народной самостоятельности и привязанности къ своему родному; и въ 4-хъ, наконецъ, Россія, по опредѣленію своихъ отношеній къ ханамъ, удержала за собою, какъ государство самостоятельное, право войны и мира безъ посредства хановъ и ихъ сановниковъ. Такимъ образомъ Александръ только однимъ умѣньемъ вести переговоры, благоразумною настойчивостью и выжиданіемъ времени достигъ того, что Россія, совершенно покоренная монголами и рѣшительно не имѣвшая силъ имъ противиться, получила отъ своихъ могущественныхъ повелителей, не поднимая оружія, права державы почти самостоятельной, т.-е. достигла того, чего не всегда добиваются другіе народы, даже послѣ упорной борьбы, и притомъ отъ повелителей не столько могущественныхъ, какими были монголы въ XIII столѣтіи. Очевидно, подати, поборы и разныя повинности, наложенныя на русскихъ монголами, были очень тяжелы, и народъ много долженъ былъ терпѣть отъ посланцевъ хана, особенно вначалѣ; но эта тягость была временна и, что важнѣе, за Россіею осталась ея народность, эта душа и жизнь государства. Четырехлѣтніе труды Александра въ переговорахъ съ ханами и ихъ сановниками не остались безъ успѣха. Конечно современники, можетъ быть, не замѣчали этого; но мудрый ратоборецъ за русскую землю зналъ, чего добивался, и посему вполнѣ заслуживаетъ благоговѣніе и благодарность потомства, которое, уже зная послѣдствія Александровыхъ заботъ, можетъ съ большею правдивостью оцѣнить его труды“ [319]).

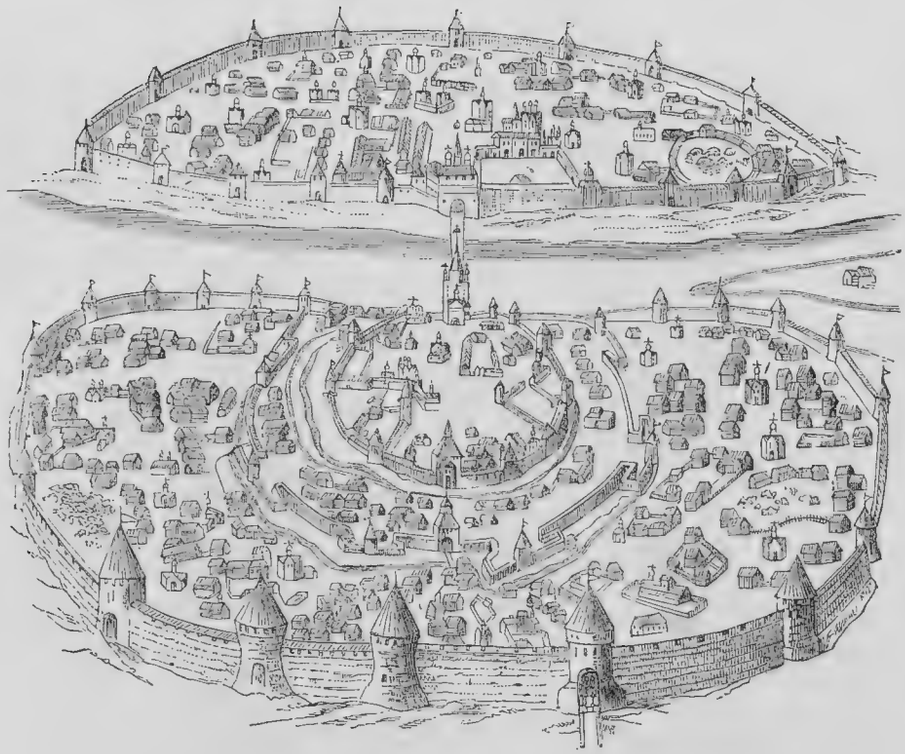
Окончивъ благополучно исчисленіе въ земляхъ рязанской, муромской и суздальской, распредѣливши дань между жителями и поставивъ сборщиковъ и надзирателей за исправностью платежа, татарскіе сановники отправились въ Орду, чтобы донести хану объ успѣшномъ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія. Немедленно отправился туда же и Александръ въ сопровожденіи русскихъ князей, съ тѣмъ, чтобы еще разъ засвидѣтельствовать предъ ханомъ о добросовѣстномъ исполненіи русскимъ народомъ возложенныхъ на него повинностей и выразить хану чувство благодарности за милостивое отношеніе его къ своему вѣрному улусу. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было еще разъ отблагодарить Улавчія и другихъ вельможъ, съ которыми Александръ имѣлъ дѣло. Ханъ принялъ русскихъ князей весьма милостиво, но, отпуская ихъ отъ себя, еще разъ рѣшительно выразилъ свою волю, что въ числѣ подвластныхъ ему земель долженъ находиться и Великій Новгородъ...

Такимъ образомъ труднѣйшій подвигъ на половину былъ исполненъ, но то, что предстояло еще впереди, едва ли не было труднѣе. Не говоря уже о Новгородѣ, можно было опасаться, что жители и другихъ русскихъ областей

едва ли спокойно понесутъ возложенное на нихъ бремя. Правда, страхъ предъ монголами былъ еще великъ, опасенія новыхъ погромовъ могли сдерживать населеніе въ предѣлахъ покорности. Но хватитъ ли народнаго терпѣнія для того, чтобы изо дня въ день, непрестанно чувствовать надъ собою гнетъ, жить вѣчно подъ страхомъ возмездія за малѣйшую неисправность, испытывать неизбѣжныя насилія и притѣсненія при сборѣ дани? Всѣ эти соображенія, конечно, приходили въ голову Александру, и онъ съ тяжелой, озабоченной думой возвращался на родину...



Частная кладбищенская церковь Русанова въ Александро-Невской лаврѣ.



XVI.

Внутренняя политика св. Александра.—Мятежъ въ Новгородѣ 1255 г.—Волненія новгородцевъ по случаю требованія дани со стороны татаръ.—Благополучный исходъ ихъ.

Радуйся, и согрѣшившимъ противу тебе избавленнымъ тобою людемъ истинную любовь показавый!

Сдѣлавшись великимъ княземъ владимірскимъ, Александръ въ короткое время придалъ великокняжеской власти значеніе, еще небывалое дотолѣ,—значеніе властелина, предъ волею котораго падаетъ всякое противодѣйствіе его власти. Иначе и быть не могло: принимая на себя, вмѣстѣ съ великимъ княженіемъ, тяжкую отвѣтственность за судьбу своего народа въ эпоху, труднѣе которой не представляетъ русская исторія, для болѣе успѣшнаго рѣшенія предстоявшихъ ему великихъ задачъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать въ твердой увѣренности, что принимаемыя имъ мѣры будутъ имѣть надлежащую силу, что его труды не пропадутъ даромъ. Какимъ образомъ онъ могъ бы, напримѣръ, заняться установленіемъ на будущее время отношеній между монголами и русскими, какъ могли бы сами монголы придавать серьезное значеніе переговорамъ съ Александромъ относительно повинностей русскаго народа, если бы не было увѣренности въ томъ, что великій князь сумѣетъ

настоять на выполненіи принятыхъ имъ на себя, въ качествѣ главы своего народа, обязанностей? Такимъ образомъ сами обстоятельства располагали къ установленію сильной власти, и Александръ, какъ увидимъ, вполнѣ воспользовался ими. Встарину наши князья, собственно говоря, не были государями въ своей землѣ, ихъ скорѣе можно было назвать правителями, прочность положенія которыхъ зависѣла въ значительной степени отъ воли бояръ и народа, отъ количества приверженцевъ, отъ численности и преданности дружины и отъ разныхъ другихъ случайностей. Князья должны были постоянно быть на сторожѣ, постоянно заботиться о прочности своего положенія. Они могли добывать себѣ столъ, могли и лишаться его. Монголы съ своими понятіями о власти, утверждая русскихъ князей въ ихъ родовыхъ владѣніяхъ, сразу поставили княжескую власть въ иное отношеніе къ землѣ: князь становился независимъ отъ своихъ подданныхъ, отъ вѣча и т. д., становился государемъ, владѣльцемъ [320])! Александръ отлично понялъ свое положеніе и, получая изъ рукъ хана великое княженіе, т.-е. по понятіямъ монголовъ верховную власть въ своемъ отечествѣ, началъ распоряжаться такъ, какъ будто дѣло происходило не въ XIII вѣкѣ, а въ XV, во времена Іоанна III и Василія III. Въ немъ сразу сказался истинный потомокъ великихъ суздальскихъ князей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III и въ то же время прародитель московскихъ самодержцевъ. „Важное значеніе Невскаго, говоритъ Соловьевъ, не ограничивается только подвигами его противъ шведовъ, нѣмцевъ и Литвы и благоразумнымъ поведеніемъ относительно татаръ: въ немъ съ перваго же раза виденъ внукъ Всеволода III и дѣдъ Калиты; онъ страшенъ Новгороду не менѣе отца и дѣда; въ великомъ княженіи распоряжается по-отцовски, переяславскую область безъ раздѣла отдаетъ старшему сыну Димитрію, остальныхъ сыновей надѣляетъ волостями великокняжескими: Андрею отдаетъ Городецъ съ Нижнимъ, Даніилу Москву, вымороченный удѣлъ Михаила Хоробрита“ [321]).

Такъ быстро объединялись, подъ управленіемъ Александра, русскія земли, принимая видъ огромнаго государства, руководимаго единой могучей волей. Татары не мѣшали ему въ этой важной внутренней работѣ. Ни одинъ князь на Руси не могъ отважиться на борьбу съ Невскимъ, который, въ случаѣ непослушанія, могъ лишать виновныхъ стола и ссылать на „низъ“, какъ это было, напримѣръ, съ его сыномъ Василіемъ. Но среди подвластныхъ ему земель нашлась одна область, которая сдѣлала было попытку освободиться изъ-подъ власти Александра. То былъ, какъ и слѣдовало ожидать, господинъ Великій Новгородъ. Говоря объ отношеніяхъ Новгорода къ суздальскимъ князьямъ и особенно къ отцу Александра Ярославу, мы видѣли, что Новгородъ, изнемогая въ непосильной борьбѣ, долженъ былъ смириться предъ властью великаго князя и не далекъ былъ отъ того, чтобы стать простымъ удѣломъ Ярославова дома. Однако, въ скоромъ времени произошли обстоятельства, которыя повидимому обѣщали измѣнить положеніе Новгорода. Монгольское иго, очевидно, должно было отвлечь надолго вниманіе князей отъ дѣлъ новгородскихъ. Далѣе, покоряя русскую землю, татары не тронули Новгорода, который поэтому и считалъ себя неподчиненнымъ татарскому владычеству, отяготѣвшему надъ остальной Русью. Наконецъ, славныя побѣды новгородцевъ надъ шведами и нѣмцами еще болѣе подняли духъ вольнолюбивыхъ гражданъ. Все это породило въ новгородцахъ надежды на возстановленіе старыхъ порядковъ, когда въ Новгородѣ не признавали иной выс-

шей власти, кромѣ вѣча, когда Новгородъ, въ числѣ русскихъ земель, считался почти самостоятельнымъ государствомъ... Но пока Невскій находился среди новгородцевъ, такимъ стремленіямъ трудно было обнаружиться. Князь, пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ и любовью народа, былъ слишкомъ тяжелъ для новгородцевъ; ему нельзя было указать пути изъ Новгорода... Александръ правилъ тамъ, вовсе не думая подчиняться волѣ своенравнаго вѣча, вполнѣ самостоятельно. Сдѣлавшись великимъ княземъ владимірскимъ, Александръ продолжалъ держать Новгородъ въ строгой зависимости, назначая князьями туда своихъ сыновей, которыхъ скорѣе можно было назвать его намѣстниками. Вначалѣ новгородскимъ княземъ, какъ мы видѣли, былъ Василій Александровичъ, успѣвшій въ короткое время отличиться своими подвигами въ борьбѣ съ Литвою и ливонскими нѣмцами. Но уже самое отсутствіе Александра дало просторъ для возобновленія прежде всего борьбы партій. Въ 1243 году въ Новгородѣ скончался посадникъ Степанъ Твердиславичъ, представляющій единственный въ исторіи Новгорода, примѣръ посадника, остававшагося на своемъ посту 13 лѣтъ и умершаго при своей должности. При Василіи мы видимъ посадникомъ Ананію, слывшаго ревностнымъ защитникомъ старыхъ новгородскихъ правъ и вольностей. Но сынъ Степана Твердиславича Михаилъ задумалъ перехватить у Ананіи званіе перваго сановника въ городѣ и началъ вербовать себѣ приверженцевъ. Въ Новгородѣ начались смуты. Все чаще слышалась рѣчь о томъ, что пора прекратить унизительную для чести города зависимость отъ Суздаля и позаботиться о возстановленіи всѣхъ старыхъ вольностей. Василій Александровичъ —храбрый князь, но онъ—не избранникъ Великаго Новгорода, ставленникъ и намѣстникъ великаго князя и послушный исполнитель его воли. Такой князь не можетъ княжить въ Новгородѣ! Всѣмъ извѣстна преданность новгородцевъ Александру, но св. Софія и Великій Новгородъ для нихъ еще дороже. Время промыслить себѣ такого князя, который зависѣлъ бы только отъ народной воли и ни отъ кого болѣе!.. Такія рѣчи были любы большинству народа, мало понимавшаго, что воля, о которой такъ заботятся,— не воля, а своеволіе!

Задумавши освободиться отъ власти великаго князя, новгородцы заблаговременно позаботились и о томъ, чтобы въ случаѣ разрыва съ Александромъ не остаться совсѣмъ безъ князя. Въ 1253 году Ярославъ Ярославичъ, младшій братъ Александра, княжившій въ Твери, оставилъ свой удѣлъ и явился въ земляхъ новгородскихъ. Новгородцы приняли его съ честью и посадили княжить въ Ладогѣ. На то время псковичи оказались безъ князя и поспѣшили пригласить Ярослава къ себѣ. Новгородцы не сомнѣвались въ томъ, что Ярославъ съ радостью явится въ Новгородъ, какъ только удастся освободиться отъ власти великаго князя.

При такихъ обстоятельствахъ въ 1255 году состоялось рѣшеніе войти съ Александромъ въ переговоры о подтвержденіи всѣхъ старинныхъ вольностей, значившихся въ грамотахъ [322]). Но прежде чѣмъ пришелъ отвѣтъ Александра, въ Новгородѣ вспыхнулъ мятежъ. По обыкновенію, граждане раздѣлились на двѣ партіи. Подстрекаемая честолюбцами, чернь заставила удалиться Василія Александровича и отправила посольство за Ярославомъ [323]). Во главѣ поборниковъ старины стоялъ посадникъ Ананія, въ простотѣ души воображавшій себя защитникомъ дорогихъ интересовъ своей родины. Наиболѣе благоразумная часть населенія, нѣкоторые бояре и лучшіе люди, хорошо

понимая всю несвоевременность затѣянной смуты, однако не могли обуздать расходившихся мятежниковъ.

Между тѣмъ Василій Александровичъ, удалившись изъ Новгорода, поселился въ Торжкѣ, а оттуда извѣстилъ обо всемъ отца [324]). Глубоко оскорбленный, Александръ рѣшился по своему обыкновенію неожиданной быстротой дѣйствій разстроить планы мятежниковъ. Съ дѣтства въ его душу запало чувство отвращенія къ мятежамъ и своевольнымъ поступкамъ новгородцевъ. Его государственная мудрость давно осудила ихъ. Ему не нужно было подробныхъ донесеній: слишкомъ хорошо зналъ онъ „самочинный обычай и непокорливый нравъ“ новгородцевъ, зналъ, какъ составляются и поднимаются у нихъ мятежи, въ которые вовлекается враждующими партіями неразумный народъ, и рѣшился показать новгородцамъ, что труды его предковъ не пропали даромъ, что теперь новгородцамъ еще менѣе, чѣмъ прежде, можно мечтать о вольностяхъ. Собравъ полки и захвативъ съ собой двоюроднаго брата Димитрія Святославича, Александръ двинулся къ Торжку. Новоторжцы стали подъ стяги великаго князя. Въ Новгородъ одно за другимъ приходили извѣстія о приближеніи грознаго Александра. При одномъ только слухѣ о походѣ старшаго брата, Ярославъ въ ужасѣ бѣжалъ изъ Новгорода. Бѣгство князя еще болѣе усилило безпорядки въ городѣ. Александръ не успѣлъ еще подойти, какъ въ его лагерѣ начали появляться бѣглецы изъ города, извѣщая подробно обо всемъ [325]). Прежде всѣхъ прибѣжалъ какой-то „Ратишка съ перевѣтомъ“: „ступай, княже, скорѣй, твой братъ Ярославъ убѣжалъ!“ Пораженные быстрымъ походомъ великаго князя, новгородцы поспѣшно вооружались и разставляли полки за церковью Рождества и отъ св. Иліи противъ городища, заграждая торговую сторону, гдѣ жили главнымъ образомъ меньшіе люди. Въ испугѣ мятежники воображали уже, что разгнѣванный старый князь немедленно ударитъ на городъ и предастъ ихъ жилища пламени. У св. Николы собралось вѣче. Въ сердцахъ всѣхъ царилъ страхъ.

— Братья,—говорили на вѣчѣ,—а что если князь скажетъ: выдайте моихъ враговъ!? Что тогда дѣлать?

— Что дѣлать? Умирать, такъ умирать всѣмъ! На людяхъ и смерть красна. Не выдавать никого!

— Правда! Всѣмъ цѣловать Пресвятую Богородицу на томъ, что всѣмъ стоять заодно, другъ за друга, „любо животъ, любо смерть“ за свою отчину, за всю правду новгородскую [326])!

Общее смятеніе усилилось еще болѣе, когда сынъ прежняго посадника Михаилъ Степановичъ, посовѣтовавшись съ „лучшими“ людьми, собравъ полки своихъ приверженцевъ, вышелъ изъ города и сталъ у Юрьева монастыря, ожидая своей очереди ударить на мятежниковъ [327]). Между тѣмъ какъ прямодушный ревнитель старины Ананія рѣшился раздѣлить съ народомъ грозившую ему участь, сообразительный Михаилъ своимъ поступкомъ очевидно хотѣлъ угодить сильнѣйшей сторонѣ и при помощи князя сдѣлаться посадникомъ, свергнувъ Ананію. Но его поступокъ вызвалъ страшную ярость народа. Забывъ о своемъ критическомъ положеніи, народъ готовъ былъ броситься на Михаила и жестоко отмстить за измѣну общему дѣлу. Только того еще недоставало, чтобы въ виду грознаго войска Александра новгородцы принялись избивать другъ друга... Ананія поспѣшилъ предупредить

Михаила о грозившей ему опасности и бросился къ бушевавшей толпѣ съ словами: „Братья! если хотите убить Михаила, убейте прежде меня!“ Не подозрѣвалъ, видно, Ананія замысловъ Михаила [328]).

Въ то время какъ обезумѣвшіе отъ мятежа новгородцы готовы были броситься другъ на друга, Александръ, спокойно расположивъ свое войско вокругъ городища, своей старой резиденціи, вовсе не думалъ нападать на городъ и самъ сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію. Онъ отправилъ къ нимъ въ качествѣ посредника своего племянника Бориса Васильковича. Собравъ вѣче, онъ предъявилъ требованія великаго князя:

— Выдайте посадника Ананію! Если же не выдадите, я вамъ не князь: иду на городъ войной [329])!

Требованіе князя было знаменательно: Ананія былъ самый видный представитель стремленій, клонившихся къ независимости Новгорода, его старой обособленности отъ остальной Руси въ политическомъ отношеніи, ревнитель вѣчевыхъ порядковъ. Въ лицѣ Ананіи Александръ явно для всѣхъ осуждалъ безповоротно эти стремленія. Граждане должны были понять, что миръ можетъ быть дарованъ имъ только подъ условіемъ полной покорности Новгорода. Послѣ долгихъ разсужденій новгородцы послали Александру слѣдующій уклончивый отвѣтъ:

— Иди, князь, на свой столъ и злодѣевъ не слушай. Оставь свой гнѣвъ на Ананію и на мужей новгородскихъ [330]).

Александръ, разумѣется, отвергъ предложеніе гражданъ. Принять его—

значило бы признать законность тѣхъ стремленій, которыя послужили поводомъ къ мятежу. Въ виду крайности новгородцы соглашались снова признать Александра своимъ княземъ, но обстоятельства могли измѣниться, и новгородцы могли снова вздумать указывать отъ себя путь князю, поставленному Александромъ, ссылаясь на старыя права. Нѣтъ, они должны были убѣдиться, что они—народъ подвластный главѣ государства, что надъ ихъ судьбою есть сила повыше ихъ вѣча и партій... Поэтому тщетны были ходатайства архіепископа Далмата и тысяцкаго Клима. „И не послуша великій князь мольбы Владычни, ни Климова челобитія, ни новгородскаго“, печально замѣчаетъ лѣтописецъ [331]).

Узнавъ о полной безуспѣшности своего посольства, новгородцы снова собрались на вѣче. Много было волненій и шумныхъ рѣчей, но замѣчательно, что среди разгара страстей никто не осмѣлился бросить упрека Александру. Глубокое уваженіе къ его имени и любовь, укоренившаяся въ сердцахъ всѣхъ, сдерживали и самыхъ буйныхъ. Новгородцы колебались между противоположными чувствами. Уступить требованію князя значило явно отречься отъ своего права выбирать князей и изгонять ихъ по своему произволу, но въ то же время всѣ чувствовали невозможность поднять руку противъ доблестнаго защитника Новгорода и всей земли русской.

— Князя мы ни въ чемъ не винимъ,—раздавалось на вѣчѣ.—Во всемъ виноваты наши клятвопреступники: Богъ имъ судья и св. Софія!

— Князь безъ грѣха! Да хранитъ его Господь! Но мы должны стоять за св. Софію, за Великій Новгородъ. Самъ Господь разсудитъ насъ!

— Стоять всѣмъ за правду новгородскую!

Съ такимъ рѣшеніемъ разошлось вѣче,—„и стояше весь полкъ за свою правду по три дни“.

Повидимому, кровопролитіе было неизбѣжно, но мудрость Александра указала еще разъ новгородцамъ на возможность избѣжать бѣды. Онъ не изъ чувства личной мести требовалъ выдачи Ананіи. Ананія былъ неудобенъ, какъ посадникъ, какъ представитель мятежныхъ стремленій. На четвертый день князь еще разъ отправилъ къ новгородцамъ посольство.

— Я оставлю свой гнѣвъ на васъ, только Ананія пусть лишится посадничества!

Посадникъ былъ первымъ сановникомъ въ городѣ, избиравшимся на вѣчѣ, главнымъ и полнымъ представителемъ Новгорода въ дѣлахъ войны и мира, постояннымъ органомъ народной воли. Всѣ договоры съ сосѣдями новгородцы писали отъ имени посадника, владыки и тысяцкаго. Вѣче избирало посадника, оно же только могло и смѣщать его. Въ 1218 году княжившій въ Новгородѣ Святославъ прислалъ сказать на вѣчѣ, что не можетъ княжить съ посадникомъ Твердиславомъ, дѣдомъ Михаила, что онъ отнимаетъ у него посадничество. На вопросъ народа, въ чемъ провинился Твердиславъ, князь отвѣчалъ:

— Безъ вины!

— Княже,—рѣшительно заявили новгородцы,—если на немъ нѣтъ вины, а ты цѣловалъ намъ крестъ не лишать мужа волости безъ вины,—мы тебѣ кланяемся, а Твердиславъ—нашъ посадникъ, и мы не уступимъ!

Случай съ Твердиславомъ, безъ сомнѣнія, всѣ хорошо помнили. Уступить волѣ Александра и лишить посадничества Ананію значило признать власть князя самовластно распоряжаться дѣлами въ Новгородѣ, не обращая

вниманія на волю народную. Между тѣмъ ясно было, что, не требуя выдачи Ананіи, Александръ дѣлаетъ послѣднюю уступку. Благоразуміе взяло перевѣсъ: вѣче смѣнило посадника „и взяша миръ“. Отворились ворота, и весь новгородскій народъ съ покорностью вышелъ навстрѣчу Александру и поклонился ему „съ честью многою“. Великій князь торжественно вступилъ въ городъ, при чемъ „срѣте его архіепископъ новгородскій Далматъ съ чиномъ церковнымъ со кресты у Прикуповича двора, и весь миръ радости исполнися, а злодѣи омрачахуся; зане же христіяномъ радость, а діаволу пагуба, зане же не бысть кровопролитія христіаномъ“ [332]). Новгородцы поняли, чьей мудрости они обязаны избавленіемъ отъ бѣды, и прославляли великодушіе князя, видъ котораго такъ много говорилъ ихъ сердцу.

Александръ потребовалъ, чтобы вмѣсто Ананіи назначенъ былъ посадникомъ Михаилъ Степановичъ, хорошо понимавшій обстоятельства времени. Его родъ, начиная съ 1180 по 1388 годъ, далъ Новгороду 12 посадниковъ. Народъ исполнилъ волю князя. Александръ оставилъ въ Новгородѣ княземъ попрежнему своего сына Василія—событіе весьма знаменательное! „Не было еще примѣра, по словамъ историка, чтобы великій князь силою заставилъ принять только что изгнаннаго князя“ [333])! Въ проявленіи могучей воли Александра уже явно обозначались дальнѣйшія судьбы Новгорода... А между тѣмъ христіанское благодушіе, благородство и высокая мудрость князя приводили всѣхъ въ восторгъ: никто не подвергся наказанію, никого не разыскивали, никому не мстили. „Великій князь нашъ безъ грѣха!“ радостно восклицали новгородцы.

Такъ умѣлъ Александръ утверждать свою власть на Руси!

Вскорѣ, какъ мы уже знаемъ, Александру понадобилось все его вліяніе для того, чтобы исполнить волю хана относительно Новгорода. Никто такъ не дорожилъ интересами славнаго города земли русской, никто не чувствовалъ такъ глубоко всей горечи того, что приходилось ему испытать, какъ доблестный князь, который выросъ среди новгородцевъ и не разъ мужественно вмѣстѣ съ ними подвизался противъ враговъ. Но никто въ то же время не видѣлъ такъ ясно необходимости покориться волѣ завоевателей. Къ тому же—бѣдствіе, вызванное отказомъ новгородцевъ подчиниться ханской волѣ, могло бы отразиться на всей землѣ русской. Съ обычной предусмотрительностью, какъ бы желая подготовить гордый народъ къ предстоявшей ему участи и отчасти познакомить съ общимъ положеніемъ дѣлъ, Александръ, отправляясь въ 1257 году въ Орду для окончанія переговоровъ съ татарами, взялъ съ собою и новгородскихъ пословъ. Дѣйствительно, новгородцы въ томъ же 1257 году узнали о предстоявшей имъ участи подвергнуться исчисленію и затѣмъ платежу дани, наравнѣ съ другими русскими землями. „Приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотятъ татарове на Новѣгородѣ десятины и тамгы, и смятошася людіе“ [334]). Начались по обычаю бурныя вѣча, на которыхъ много и горячо говорилось въ защиту независимости Новгорода. Ужели Новгороду придется разстаться съ своею свободой, которую они такъ ревниво оберегали не только отъ иноземцевъ, но и отъ своихъ князей!? Пусть остальные города несутъ иго и платятъ дань: они покорены монголами. Но ни одинъ татаринъ еще не осмѣливался показаться на свободной землѣ новгородской, а между тѣмъ теперь грозятъ возложить и на Новгородъ позорное иго—и кто же первый требуетъ унизительной покорности? Тотъ, кто больше всѣхъ долженъ былъ бы, до послѣдней крайности,

отстаивать свободу и честь Великаго Новгорода, чей наконецъ сынъ княжитъ въ немъ!.. Поставленный Александромъ посадникъ Михаилъ Степановичъ пытался было успокоить необузданные порывы народа, но его назвали измѣнникомъ и убили [335]). Увлеченный общимъ потокомъ, Василій Александровичъ раздѣлялъ общее чувство негодованія и выражалъ недовольство дѣйствіями отца, но, ужаснувшись при мысли, что вскорѣ придется ему предстать предъ разгнѣваннымъ отцомъ и отдать ему отчетъ въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ, бѣжалъ изъ Новгорода во Псковъ. Удаленіе князя повело по обычаю еще къ большимъ безпорядкамъ. Противники Александра торжествовали. Какой-то честолюбецъ, по имени Александръ, набравъ свой полкъ, захватилъ власть въ Новгородѣ и творилъ насиліе всѣмъ, кто не раздѣлялъ его мятежныхъ взглядовъ. Среди такихъ обстоятельствъ, великій князь, вмѣстѣ съ татарскими численниками, прибылъ въ Новгородъ объявить гражданамъ волю хана, а татары немедленно начали требовать дани. Новгородцы, увидавъ, что князь явился безъ военной силы, ободрились еще болѣе къ сопротивленію и наотрѣзъ отказались подчиниться требованіямъ татаръ. Александръ, хорошо знавшій новгородцевъ, понялъ, что прежде усмиренія мятежа и примѣрной кары неисправимымъ подстрекателямъ трудно настоять на исполненіи воли ханской, и потому не препятствовалъ новгородцамъ, которые, отказавши въ покорности, собирались отпустить ханскихъ пословъ съ большою честью и дарами хану и такимъ образомъ показать, что они, уважая повелителя Кипчака, тѣмъ не менѣе считаютъ себя народомъ независимымъ [336]).

Послѣ отъѣзда татаръ Александръ остался въ Новгородѣ. Его дѣйствія, направленныя къ усмиренію мятежа, отличались на этотъ разъ суровой энергіей. Онъ приказалъ схватить во Псковѣ своего сына, осмѣлившагося противодѣйствовать ему, и, лишивъ его княженія, отослалъ на низъ, то-есть въ суздальскую землю. Глава мятежниковъ, Александръ и злые совѣтники, сбившіе съ пути его благороднаго, но пылкаго и неопытнаго сына, были безпощадно наказаны [337]). Но несмотря на крутыя мѣры, борьба съ своеволіемъ народа была упорна, продолжительна и требовала напряженія всѣхъ силъ со стороны Александра. Въ городѣ продолжались буйства, среди которыхъ былъ убитъ новый посадникъ „Миша“, можетъ быть, старый сподвижникъ Александра и славный участникъ невской побѣды. Но Александръ безстрашно и неутомимо продолжалъ дѣло усмиренія. Его энергія тѣмъ болѣе изумительна, что онъ стоялъ одинъ лицомъ къ лицу съ взволнованнымъ народомъ, не имѣя подъ рукою своей суздальской дружины. Наконецъ, народъ, сознавъ свою неправду, покорился князю и избралъ по его указанію посадникомъ Михаила Ѳедоровича, изъ города Ладоги, вѣроятно, какъ человѣка, незамѣшаннаго въ споры враждовавшихъ партій, и тысяцкаго Жироху. Успокоившіеся новгородцы не роптали на суровыя наказанія, постигшія злыхъ совѣтниковъ Василія, побудившихъ его дѣйствовать вопреки отцовской волѣ, „всякъ бо золъ злѣ погыбаетъ“. Поэтъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ намъ бурныя сцены, происходившія въ то время въ Новгородѣ:

Въ шуминой толпѣ и мятежъ и раздоръ...
Всѣ собрался концы и шумятъ...
„Всѣ постоимъ за святую Софію!“—вопятъ—
„Дань сй несутъ отъ Угорской земли до Ганзы...
„Нѣмцамъ и шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...

„Самъ ты водилъ насъ,—и Биргеръ твое
„Помнитъ досель на лицѣ, чай, копье!..
„Рыцари,—памятенъ имъ нооттаявшій ледъ!..
„Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровяномъ!..
„Бейте, колите, берите живьемъ
„Лживый, коварный, пришельческій родъ!..
„Намъ ли баскаковъ пустить
„Грабить казну, на правежъ насъ водить?
„Злата и серебра горы у насъ въ погребахъ,—
„Намъ ли валяться у хана въ погахъ!
„Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ татаръ!..“
И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...

Среди бушующей толпы появляется князь.

Очи сверкнули огнемъ,
Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души—
Крикнулъ: „Эй вы, торгаши!
„Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
„Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
„Ломятся тьмами ордынцы на Русь—я себя не щажу—
„Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!..
„Бремя нести—такъ всѣмъ міромъ нести!
„Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти,
„Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ,
„Все лишь въ конецъ претерпѣвый—спасенъ!.. [338])

Оставаться долго въ Новгородѣ Александръ, однако, не могъ. Дѣла, касавшіяся всей Руси, требовали его присутствія во Владимірѣ. Между тѣмъ новгородцы хотя успокоились и покорились старому князю, но не отказались отъ надежды, что бѣда со стороны татаръ миновала. Событія, казалось, оправдывали эти надежды, потому что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не было слышно о требованіяхъ изъ Орды. Но Александру обстоятельства извѣстны были лучше, чѣмъ новгородцамъ. Онъ зналъ, что татары не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено все, чего они требовали. Вѣроятно, получивъ новое напоминаніе изъ Орды, Александръ рѣшился довести дѣло до конца и заставить новгородцевъ раздѣлить общую тяготу. Извѣдавъ по опыту, что рѣчами и убѣжденіями нельзя подѣйствовать на измѣнчивую, поддающуюся разнымъ внушеніямъ, толпу, Александръ зимою съ 1258 на 1259 годъ послалъ къ нимъ извѣстнаго уже намъ Михаила Пинешинича, который, еще разъ объяснивъ своимъ согражданамъ необходимость принять „число“ и платить дань, долженъ былъ объявить имъ слѣдующую угрозу: „Аще не имѣтеся по число, то уже полки въ Низовской земли“ [339]). Эта хорошо разсчитанная угроза, равно какъ и свѣжая память о недавней крутой расправѣ князя съ мятежниками, возымѣли надлежащее дѣйствіе. Бурное вѣче стихло, голоса не возвышались для ободренія упавшаго духомъ народа. Подъ вліяніемъ страха, новгородцы отправили обратно къ великому князю того же Михаила Пинешинича заявить Александру о своей покорности его волѣ и въ то же время послали посольство въ Орду съ челобитьемъ и богатыми дарами хану, „да отдастъ имъ свой гнѣвъ и да исчислитъ землю ихъ, якоже хощетъ“ [340]). Дѣйствительно, зимою 1259 года явились въ Новгородѣ „окааннїи сыроядцы внуци Агарины, рабы Авраамли, Беркай и Касачикъ и съ женами своими, и иныхъ много множество“ [341]). Великій князь также поспѣшилъ въ Новгородъ: онъ справедливо опасался, что малѣйшій поводъ можетъ измѣнить настроеніе своенравной толпы и навлечь тяжкія бѣдствія на городъ, судьба котораго близка была его сердцу. Его опасенія вполнѣ оправдались. Въ то время какъ въ остальной Руси хорошо знакомы были съ татарами и съ ихъ варварскимъ

обращеніемъ, въ Новгородѣ знали обо всемъ лишь по слухамъ. Лишь только татары разсѣялись по новгородской землѣ и начали сборъ дани съ обычными тиранствами, настроеніе новгородцевъ быстро измѣнилось [342]). Загудѣлъ призывный звонъ колокола, собралось бурное вѣче, на которомъ всѣ благоразумные совѣты заглушались неистовыми криками: „Смерть окаяннымъ сыроядцамъ! Они осквернили своимъ присутствіемъ Великій Новгородъ, порѣшить ихъ!“ „Дайте намъ ихъ! Мы на куски разорвемъ ихъ, костей не оставимъ!“ „Къ оружію!“ Озадаченные всѣмъ видѣннымъ, татары пришли въ ужасъ и обратились съ требованіемъ къ Александру: „Дай намъ сторожу ать не избьютъ насъ“ [343])! Князь немедленно распорядился, чтобы сынъ посадника собралъ всѣхъ боярскихъ дѣтей и поставилъ стражу вокругъ домовъ, занятыхъ татарами. Страшныя волненія въ городѣ не прекращались. Разгорѣлась вражда богатыхъ и бѣдныхъ. Поводомъ къ этой враждѣ послужило то обстоятельство, что татары при раскладкѣ и сборѣ дани не принимали во вниманіе достатка плательщиковъ, а считали только число душъ въ каждомъ семействѣ. Понятно, что для богатыхъ гражданъ гораздо удобнѣе было согласиться платить сравнительно легкую для нихъ дань, чѣмъ подвергаться риску при нашествіи потерять все. Они старались склонить народъ къ покорности.

— Своимъ сопротивленіемъ вы наведете гнѣвъ ханскій на городъ. Припомните, какъ вся русская земля, кромѣ насъ, ополчалась на татаръ. Что жъ, развѣ устояла она? Что сталось съ Кіевомъ, Владиміромъ и другими городами? Вы хотите, чтобы и съ Новгородомъ было то же самое!? Развѣ хватитъ нашихъ силъ? Вѣдь вмѣстѣ съ своими полчищами ханъ пошлетъ противъ насъ и всѣ русскіе полки.

— Вы боитесь нашествія, потому что у васъ много всякаго добра, а намъ терять нечего! Развѣ это — правда, что окаянные берутъ одинаковую дань съ богача и бѣдняка? Что легко богатому, то смерть бѣдняку! Вы сохраните свои богатства, а мы должны для этого продать свободу новгородскую и принять тяготу на себя и на дѣтей нашихъ! Да не будетъ этого! Лучше смерть, чѣмъ позоръ! Умремъ честно за св. Софію и за домы ангельскіе! Кто добръ, тотъ по св. Софіи и по правой вѣрѣ [344])!

Между тѣмъ татарамъ наскучило вынужденное бездѣйствіе, и они объявили новгородцамъ: „дайте намъ число или мы убѣжимъ“ [345])! Бояре старались отговорить ихъ отъ бѣгства и рѣшились было ударить на толпу, но въ концѣ-концовъ и у нихъ недостало единодушія. Многіе ужаснулись при мысли пролить кровь гражданъ въ защиту „сыроядцевъ“. Общее горе превозмогло всѣ разногласія, и къ концу дня всѣ пришли къ единодушной рѣшимости сложить свои головы у св. Софіи... Несчастный городъ самъ обрекалъ себя на погибель.

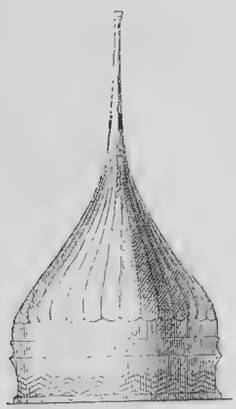
Александръ рѣшился поразить воображеніе народа рѣшительнымъ шагомъ: изъ городища, гдѣ онъ находился вмѣстѣ съ ханскими послами, въ городъ пришло извѣстіе, что князь внезапно удалился вмѣстѣ съ татарами. Отъѣздъ Александра подѣйствовалъ на толпу, какъ неожиданный громовой ударъ: новгородцы поняли, что доблестный князь, которому интересы Новгорода не менѣе дороги, въ гнѣвѣ предоставлялъ ихъ собственной участи и всѣмъ послѣдствіямъ ханскаго гнѣва. Они вдругъ почувствовали себя осиротѣлыми. Ужасъ охватилъ всѣхъ... То обстоятельство, что князь на этотъ разъ даже не счелъ нужнымъ обратиться къ гражданамъ съ увѣщаніемъ,

но молча и грозно удалился, ясно говорило новгородцамъ, что пора для всякаго рода переговоровъ миновала. Ставши на краю бездны, новгородцы опомнились и поспѣшили заявить князю, что согласны допустить исчисленіе. Александръ немедленно возвратился съ татарами. Мертвая тишина водворилась въ недавно еще столь шумномъ городѣ, точно трауръ надѣлъ на себя Великій Новгородъ. Молча, но со злобой въ душѣ, смотрѣли граждане, какъ „начаша окаанніи ѣздить по улицамъ, пишуще домы христіанскыя“. Спокойно окончивъ перепись, татары удалились [346]).

Александръ и на этотъ разъ остался на нѣкоторое время въ городѣ. Народъ смирился, но затаилъ непримиримую злобу въ душѣ. Лютое горе грызло сердца всѣхъ, точно каждый схоронилъ дорогого, близкаго человѣка. Не страшна была дань богатымъ новгородцамъ, — ихъ самолюбіе сильно страдало при мысли, что они сдѣлались рабами татаръ. Отъ горя не могли хлѣбъ ѣсть въ сладость. Меньшіе люди продолжали злобиться на бояръ. „Злыхъ совѣтомъ яшася по число“, говорили въ народѣ. „Творяху бо себѣ бояре легко, а меньшимъ зло“ [347]). Только Александръ могъ успокоить городъ. Онъ разъяснилъ гражданамъ, что благодаря его искуснымъ дѣйствіямъ съ ханскими послами, ему удалось добиться для новгородцевъ отъ татаръ такихъ выгодъ, какими не пользовался ни одинъ городъ въ Руси. Въ Новгородѣ не было оставлено ни баскака, ни какого-либо другого чиновника. Новгородцамъ предоставлено право самимъ собирать дань и отсылать въ Орду чрезъ великаго князя или со своими послами. Только дань напоминала имъ объ ихъ подчиненности татарамъ [348]). Напротивъ, разгромъ Новгорода татарскими полчищами окончательно подорвалъ бы благосостояніе города и лишилъ бы его гражданъ и тѣни независимости. Народъ постепенно убѣдился, что ихъ старый князь своею мудростью еще разъ спасъ ихъ отъ пропасти, въ которую по неразумію они стремились. Всѣ спѣшили выказать неизмѣнную преданность свою великодушному заступнику. Въ чувствѣ благодарности граждане усердно просили князя утѣшить ихъ, продолживъ на нѣсколько времени свое пребываніе среди нихъ. Устроивъ порядокъ въ городѣ и поставивъ на мѣсто Василія княземъ другого своего сына Димитрія, Александръ прогостилъ у новгородцевъ до начала слѣдующаго года [349]). При отъѣздѣ онъ честно и мирно распрощался съ гражданами, которые еще разъ выразили ему свои чувства многими дарами и почестями.

Такъ—несмотря на то, что Александръ сильно тѣснилъ вольнолюбивыя стремленія и сурово поражалъ новгородцевъ за ихъ непокорность, распоряжался дѣлами въ Новгородѣ съ такою властью, какъ ни одинъ князь до него, „дѣялъ насильнѣ въ Новѣгородѣ“ [350]), по словамъ новгородцевъ, всякій разъ обаяніе его личности производило неотразимое дѣйствіе на народъ: любовь и довѣріе къ нему не только не уменьшались, но возрастали: рѣдкій даръ покорять сердца!.. Между тѣмъ, благодаря его политикѣ, Новгородъ тѣсно примкнулъ къ остальной Руси, ставъ неразрывною частью одного громаднаго цѣлаго. Оттолѣ судьбы его крѣпко связаны были съ судьбами общаго отечества: вмѣстѣ нести тяжесть ига и вмѣстѣ дружными, соединенными силами стремиться къ независимости сдѣлалось какъ бы завѣщаніемъ Александра. Если бы удалось новгородцамъ какимъ нибудь способомъ уклониться отъ общаго плѣна и такимъ образомъ разъединить свою судьбу съ судьбами русской земли, для поддержанія своей независимости они должны были бы примкнуть или къ Литвѣ или вступить въ союзъ съ

своими старинными врагами шведами и нѣмцами, которые, безъ сомнѣнія, мало-по-малу овладѣли бы его землями. Правда, впослѣдствіи, долгое время спустя новгородцы, спохватившись, вздумали было о союзѣ съ Литвою для поддержанія своихъ порядковъ, но было уже поздно: Великій Новгородъ стоялъ лицомъ къ лицу уже съ русскимъ самодержцемъ, распоряжавшимся всѣми силами объединеннаго государства. Поставивъ Новгородъ подъ общую зависимость съ остальною Русью и уничтоживъ одинъ изъ предлоговъ къ разъединенію, Александръ подготовилъ дѣло Іоанна III.



XVII.

Два года отдыха.—Пребываніе св. Александра въ Ростовѣ.—Рожденіе сына Даніила.—Учрежденіе сарайской епархіи.—Кончина ростовскаго епископа Кирилла и избраніе ему преемника.

Радуйся, до конца въ подвиѣхъ
служеніи Богу претерпѣвый!
Радуйся, о благѣ народа оусердно
въ житіи своемъ пекійся!
Радуйся, всѣмъ намъ образе вѣр-
наго Богу служенія!

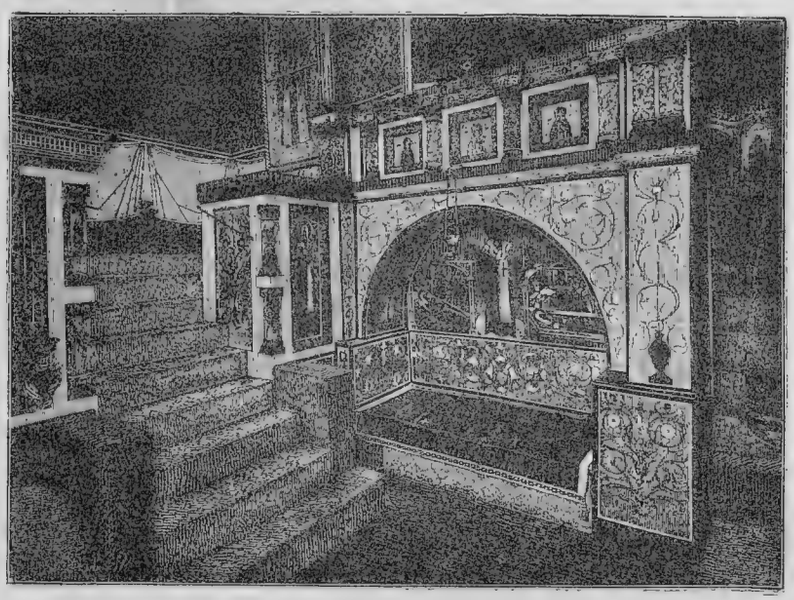
Весною 1259 года Александръ спѣшилъ изъ Новгорода въ Ростовъ. Онъ казался чрезвычайно утомленнымъ, да это и понятно: только что окончены были тяжкія хлопоты въ Ордѣ, требовавшія страшнаго напряженія силъ, какъ начались волненія въ Новгородѣ. Много пережилъ и перечувствовалъ за послѣднее время Александръ Ярославичъ. Не легко ему было заставить согнуться подъ ярмо свободный народъ, тяжело отдавались въ его сердцѣ укоры новгородцевъ: князь-де стоитъ заодно съ сыроядцами... Отдыхъ, хотя бы только временный, былъ необходимъ для него, и онъ надѣялся его найти среди семьи и близкихъ его сердцу родственниковъ. Въ Ростовѣ жила почтенная княгиня Марія Михайловна, старшая въ родѣ и всѣми глубокопочитаемая дочь замученнаго въ Ордѣ св. кн. Михаила Черниговскаго и вдова доблестнаго князя-страстотерпца Василька Константиновича. Ея сыновья Борисъ и Глѣбъ Васильковичи болѣе всѣхъ понимали Александра и были его всегдашними и лучшими помощниками [351]). Въ Ростовѣ же онъ долженъ былъ встрѣтиться съ епископомъ Кирилломъ, пользовавшимся глубокимъ уваженіемъ отъ князей и народа. Къ пріѣзду Александра въ Ростовъ поспѣшила конечно изъ Владиміра и его семья.

Какъ ни спѣшилъ великій князь прибыть въ Ростовъ къ Вербному воскресенью, но, вѣроятно, весенняя распутица задержала его въ дорогѣ: онъ могъ пріѣхать только въ среду страстной недѣли. Семья, дорогіе родственники и народъ готовились съ радостью встрѣтить великаго князя. Престарѣлый Кириллъ также вышелъ навстрѣчу ему съ крестомъ и благословилъ его.

„Отче и господине!—воскликнулъ Александръ, здороваясь съ маститымъ пастыремъ,—благодарю тебя: твоею молитвою я благополучно и въ добромъ здоровьѣ съѣздилъ въ Новгородъ и твоею же молитвою благополучно возвратился“ [352])!

Только небесной помощи и святымъ молитвамъ приписывалъ благочестивый князь все, что ему удавалось совершить во благо своего народа. Вѣра въ небесное покровительство давала ему силы для великихъ подвиговъ, для тяжкихъ трудовъ, поддерживала его изумительную, не знавшую устали, энергію.

Поздоровавшись со всѣми, Александръ прежде всего отправился въ



Придѣлъ св. Леонтія.

соборную церковь Успенія Пресв. Богородицы и горячо помолился, благодаря Бога и испрашивая благословенія свыше на дальнѣйшіе труды. Поклонившись мощамъ „сопричастника апостоловъ“ св. Леонтія, князь просилъ священномученика научить и его до конца понести свой крестъ и „пострадать Богови крѣпко“ [353]).

„Бысть тишина велика христіяномъ!“ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи о 1260—61 годахъ [354]). Можетъ быть, въ этотъ краткій промежутокъ и неутомимый труженикъ земли русской и въ то же время „благъ домочадецъ своимъ“ имѣлъ нѣсколько времени для отдыха и для устройства своихъ семейныхъ дѣлъ. О личномъ своемъ благоденствіи онъ уже не думалъ: могъ ли онъ наслаждаться благополучіемъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ? Неутомимая дѣятельность на благо родины едва оставляла время для недолгихъ свиданій съ близкими. Тѣмъ задушевнѣе были эти свиданія, тѣмъ теплѣе родственныя бесѣды. Любящее сердце Александра открыто было для

всѣхъ: даже тѣ, которые причиняли ему обиды, сознавъ свою вину, немедленно получали прощеніе. Такъ братъ его Ярославъ, прогнѣвавшій было Александра своимъ появленіемъ въ Новгородѣ, послѣ изгнанія новгородцами Василія Александровича, теперь снова пользовался любовью старшаго брата. Въ Ростовѣ Александръ находился среди любившей и благоговѣвшей предъ нимъ семьи: княгиня Марія и ея сыновья не упустили, безъ сомнѣнія, ничего, чтобы сдѣлать пребываніе у нихъ великаго князя какъ можно болѣе сладостнымъ [355]). Въ дружественныхъ бесѣдахъ съ близкими и дорогими людьми Александръ отводилъ свою душу и, можетъ быть, высказывалъ свои задушевныя думы и упованія на лучшую будущность для Россіи. О, если бы возможно было, перенесясь черезъ столѣтія, хотя однажды послушать его „словеса, услажающа паче меда и сота!“ Всякій, имѣвшій счастіе внимать Александру, исполнялся желаніемъ послѣ его бесѣды „реченная и дѣломъ исполнити“. „Сродницы же его видяще въ таковыхъ добродѣтеляхъ преспѣвающа и зѣло пользовахуся и тщахуся всячески угодити Богу, яко же и той всѣми нравы угожаше“ [356])...

Изъ многочисленнаго потомства Ярослава Всеволодовича далеко уже не всѣ были въ живыхъ: въ 1255 году Александръ похоронилъ брата своего Константина, княжившаго въ Галичѣ, „и бысть плачъ великъ“ [357]). Въ слѣдующемъ году скончался другой братъ Даніилъ Ярославичъ. Михаилъ „Хоробритъ“, какъ мы уже знаемъ, умеръ еще во время путешествія Александра въ Монголію. Въ живыхъ оставались Андрей, бывшій владимірскій князь, теперь княжившій въ Суздалѣ, Ярославъ тверской и Василій костромской. Зато на глазахъ великаго князя поднималось молодое поколѣніе сыновей и племянниковъ: мы уже знаемъ его сыновей—Димитрія и Василія. Димитрій княжилъ въ Новгородѣ вмѣсто провинившагося Василія. Третьему сыну Андрею отецъ предназначалъ Городецъ съ Нижнимъ. Дочь Евдокія была замужемъ за Константиномъ, сыномъ смоленскаго князя Ростислава, однимъ изъ участниковъ похода 1262 года противъ ливонскихъ нѣмцевъ. Воспользовавшись тишиною, безъ сомнѣнія, князья-родственники собрались вокругъ великаго князя, чтобы выразить ему свое уваженіе и любовь. Присутствіе Александра, устраняя соперничество, водворяло—увы!—лишь временный миръ между князьями. Съ кончиной Александра многое измѣнилось—точно тихій ангелъ отлетѣлъ изъ среды русскихъ князей.

Отдохнувъ въ Ростовѣ, Александръ отправился во Владиміръ. Въ 1261 году Богъ обрадовалъ его рожденіемъ четвертаго сына Даніила, будущаго князя московскаго и родоначальника князей—собирателей русской земли [358]). Радостное событіе, безъ сомнѣнія, было свѣтло отпраздновано въ присутствіи собравшихся во Владиміръ князей — ближайшихъ родственниковъ. Благочестивые родители, въ чувствѣ благодарности, посвящали свое дитя Богу.

Однако, не одни семейныя дѣла занимали въ это время Александра. Безконечная доброта его сердца непрестанно побуждала его заботиться о тѣхъ несчастныхъ, „иже биху плѣнени отъ безбожныхъ татаръ“. „Милостилюбецъ, а не златолюбецъ“ не жалѣлъ сокровищъ для выкупа плѣнныхъ, но конечно всѣхъ его средствъ не хватило бы для возвращенія всѣхъ на родину. Много русскихъ постоянно проживали въ Ордѣ по торговымъ дѣламъ, но несравненно больше было плѣнныхъ. Если нельзя было выкупить всѣхъ, то по крайней мѣрѣ можно было позаботиться объ ихъ духовныхъ нуждахъ: вѣра въ Бога доставляетъ лучшее утѣшеніе въ несчастіи. При-

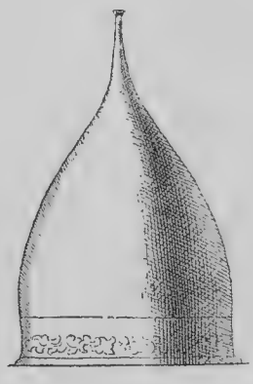
скорбна была благочестивому князю мысль, что множество православныхъ христіанъ живутъ безъ освященія таинствами, умираютъ безъ христіанскаго напутствія. И вотъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ Александръ начинаетъ ходатайствовать предъ ханомъ о дозволеніи устроить епархію въ столицѣ ханской—Сараѣ. Ходатайство великаго князя и митрополита было уважено. Въ 1261 году поставленъ былъ первымъ сарайскимъ епископомъ Митрофанъ, которому также подчинена была и древняя епархія переяславская. Впослѣдствіи предѣлы новой епархіи обнимали земли по нижней Волгѣ и притокамъ Дона, откуда ея названіе—„Сарская и Подонская“ [359]). Съ учрежденіемъ епархіи въ Ордѣ, безъ сомнѣнія, стали воздвигаться храмы, и въ нихъ совершалось богослуженіе: сколько дорогихъ, отрадныхъ впечатлѣній ложилось на душу русскаго человѣка, принужденнаго жить вдали отъ родины!.. Были примѣры обращенія въ христіанство и самихъ татаръ. Первый и самый трогательный примѣръ такого обращенія въ княженіе Александра представляетъ св. Петръ, царевичъ ордынскій, родной племянникъ Беркая. Однажды прибылъ въ Орду съ ходатайствомъ за свою паству ростовскій епископъ Кириллъ и много разсказывалъ хану о святыняхъ земли ростовской, о томъ, какъ она просвѣщена была св. Леонтіемъ, о чудесахъ, совершавшихся при его гробѣ „и ина многа ученіа отъ евангельскыхъ указаній глагола“. Теплая, одушевленная бесѣда епископа глубоко запала въ душу присутствовавшаго здѣсь юнаго царевича. Желаніе истины пробудилось въ душѣ его: часто уходилъ онъ въ поле, „уединяяся и размышляя, како си вѣруютъ цари наши солнцу сему и мѣсяцу, и звѣздамъ, и огневи? Кто сей есть истинный Богъ?“ Съ какой радостью узналъ царевичъ, что его державный дядя вновь вызываетъ въ Орду епископа Кирилла, „да исцѣлитъ сына его, единъ бо бѣ у него“. Святитель, заповѣдавъ всѣмъ молиться въ Ростовѣ, „освятивъ воду и пришедъ въ татары, и исцѣли сына“. Какъ изумленъ и обрадованъ былъ старецъ-епископъ, когда однажды явился къ нему племянникъ хана съ усердной просьбой взять его съ собой въ Ростовъ! Однако, это было дѣло опасное: мать и родные, безъ сомнѣнія, могли бы покарать не только бѣглеца, но возбудить гнѣвъ хана и противъ Кирилла, но съ другой стороны епископъ не могъ отвергнуть души, жаждущей истиннаго свѣта. Царевичъ выразилъ рѣшимость тайно отъ всѣхъ скрыться изъ Орды и прибыть въ Ростовъ. Такъ дѣйствительно и случилось. И вотъ татарскій царевичъ, плѣненный благолѣпіемъ соборнаго храма и стройностью христіанскаго богослуженія, усердно проситъ епископа окрестить его: „огнь възгорѣся въ сердцы его, и восія солнце въ души его!“ Но опытный старецъ совѣтуетъ ему подождать еще нѣсколько времени: царевича могли отыскивать на Руси и въ самомъ Ростовѣ. Когда наконецъ опасность миновала, епископъ крестилъ царевича, назвавъ его Петромъ, „и бѣ Петръ ученіе Господне (слушая) по вся дни во святилищѣ и у владыки“. Годъ отъ году Петръ все болѣе свыкался съ жизнью на Руси. Князь Борисъ Васильковичъ такъ полюбилъ его, что побратался съ нимъ. Часто они вмѣстѣ дѣлили досугъ, занимаясь охотою съ ловчими птицами по берегу ростовскаго озера, часто приходилось Петру засыпать подъ открытымъ небомъ, среди дубравъ, „по обыщнѣй молитвѣ“, и тогда посѣщали его дивныя видѣнія. На мѣстѣ одного изъ такихъ видѣній, „при езѣри“ Неро, Петръ, съ благословенія епископа Игнатія, преемника Кирилла, построилъ монастырь во имя свв. апостоловъ Петра и Павла. Женившись на дочери ордын-

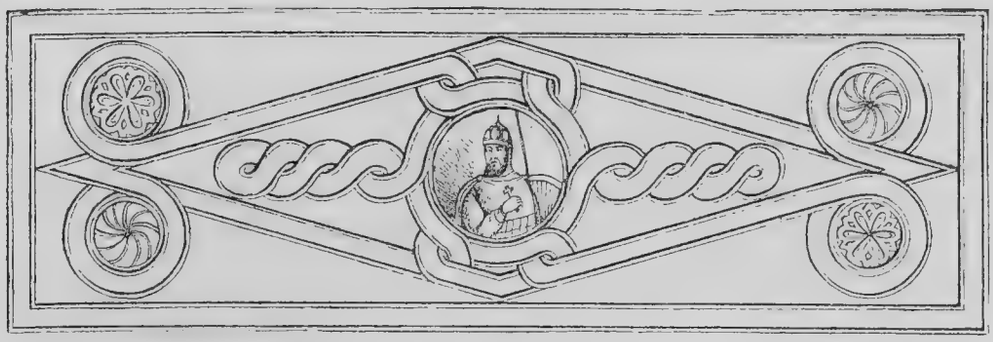
скаго вельможи, онъ имѣлъ дѣтей и „въ глубоцѣ старости, въ монашескомъ чинѣ къ Господу отъиде, Его же возлюби“ [360]). Безъ сомнѣнія, царевичъ Петръ горько оплакивалъ кончину Кирилла въ 1262 году. Но еще болѣе скорбѣли о потерѣ маститаго пастыря русскіе князья—Александръ Ярославичъ, Борисъ и Глѣбъ Васильковичи вмѣстѣ съ княгинею Маріею. Всѣ они горячо любили и почитали Кирилла, который „князьямъ и бояромъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, обидимымъ помогалъ, печальныхъ, нищихъ миловалъ“. Всѣ дивились его святой жизни, „всѣ спѣшили изъ окрестныхъ мѣстъ въ городъ, въ соборную церковь Св. Богородицы, какъ для того, чтобы послушать ученья его отъ святыхъ книгъ, такъ и желая посмотрѣть на великолѣпіе церкви, которую онъ дивно украсилъ“.

— Ничѣмъ онъ не отсталъ отъ прежнихъ епископовъ ростовскихъ, св. Леонтія, Исаіи и Нестора, послѣдуя ихъ нравамъ и ученію!—говорили при его гробѣ.—Онъ былъ истинный святитель, а не наемникъ!..

А князья припоминали, какъ незабвенный страстотерпецъ Василько Константиновичъ въ предсмертной молитвѣ своей просилъ Бога сохранить, вмѣстѣ съ его семействомъ, и епископа Кирилла, какъ покойный пастырь горько плакалъ, разыскивая на мѣстѣ несчастнаго побоища при рѣкѣ Сити тѣло великаго князя Георгія Всеволодовича и, узнавъ его по княжескому одѣянію, положилъ въ ростовскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ тѣломъ Василька. Утѣшеніемъ для всѣхъ, любившихъ старца, было то, что блаженный Кириллъ скончался, „исполнь дній, въ старости глубоцѣ и въ истиннѣй добродѣтельной сѣдинѣ“ [361]). Похоронивъ епископа, князья озаботились избраніемъ ему преемника, который намѣченъ былъ уже заранѣе. Еще въ 1261 году „блаженный князь Александръ, Борисъ и Глѣбъ, волею Божіею и поспѣхомъ Св. Богородицы, благословеніемъ митрополита и епископа Кирилла взведоста архимандрита св. Богоявленья Игнатія“ [362]). Этотъ Игнатій и былъ преемникомъ Кирилла. Около этого же времени, по всей вѣроятности, Богъ помогъ Александру Ярославичу привести къ окончательному совершенію давнишнее его желаніе—достроить женскую обитель въ Суздалѣ, въ которой въ 1262 году опочила добродѣтельная княгиня Марія Михайловна, принявшая предъ кончиной иночество съ именемъ Марѳы [363]).

Такъ среди великихъ правительственныхъ заботъ Александръ умѣлъ отзываться на всѣ нужды своего народа, входить во всѣ обстоятельства своего времени, всюду внося душевную теплоту и самое искреннее участіе.





XVIII.

Послѣдній великій подвигъ св. Александра. — Бесермены. — Возстаніе народа. — Гнѣвъ хана. — Путешествіе св. Александра въ орду „избавы ради христіанъ“. — Успѣхъ ходатайства.

Радуйся, яко многажды воспринималъ еси на себе страшный отвѣтъ о неразумныхъ народа своего возстаніихъ!
Радуйся, волею мучениче, сликоствуяй нынѣ сонму мучениковъ!

Предчувствовалъ ли Александръ Ярославичъ, что протекшіе два года мирной и сравнительно спокойной жизни будутъ лишь кратковременною *ослабою,* какую среди тяжкихъ трудовъ и заботъ послалъ ему Господь, *да почіетъ, прежде даже не отъидетъ* (Псал. 38, 14)? Не только предчувствовалъ, но, можно сказать, изо дня въ день ожидалъ новыхъ безпокойствъ. Отстоявъ самостоятельность государства, онъ неизбѣжно долженъ былъ согласиться на тяжелую дань. При этомъ съ одной стороны онъ хорошо зналъ жадность татаръ, ихъ грубость и склонность къ насиліямъ всякаго рода, съ другой—понималъ всю неподготовленность русскаго народа къ рабской покорности, къ тяжкимъ жертвамъ и терпѣливому перенесенію невзгодъ. До монгольскаго ига власть русскихъ князей вовсе не была отяготительна для народа. Хотя наши князья и вели воинственный образъ жизни, но въ обращеніи съ народомъ они нерѣдко проявляли черты истинное отеческой заботливости, добродушія и кротости. Въ народныхъ пѣсняхъ нслышится ни малѣйшей жалобы на притѣсненія со стороны бояръ и князей, на худую, тяжелую жизнь, — значитъ, жить было хорошо. За самыя тяжкія преступленія виновный платился лишь своимъ имуществомъ, отдавая опредѣленную закономъ пеню. Къ тѣлесному наказанію не прибѣгали. Слова: „да будетъ мнѣ стыдно“—служили порукою въ вѣрности и ненарушимости принятыхъ на себя обязательствъ. У монголовъ были другіе обычаи: требуя дани, они безъ церемоніи ставили неисправныхъ должниковъ

на правежъ, сѣкли кнутомъ, прибѣгали къ пыткамъ, казнили смертью, чтобы страхомъ и муками добиться того, чего имъ хотѣлось. Убить человѣка другой народности имъ ничего не стоило, по словамъ современнаго наблюдателя. Наконецъ, самыя повинности могли показаться народу весьма обременительными. Наши князья довольствовались небольшой данью. Внутреннее управленіе большихъ издержекъ съ ихъ стороны не требовало. Всѣ государственные расходы главнымъ образомъ ограничивались издержками на содержаніе князя, его семейства и двора, которыя не могли быть тяжелы для населенія, такъ какъ для покрытія ихъ князья обыкновенно имѣли свои княжескія села, доставлявшія имъ все необходимое, свои заповѣдные лѣса, рыбныя ловли и т. п. Естественно, что при сборѣ дани съ подвластной страны, большею частью натурою — хлѣбомъ, воскомъ, медомъ, живностью, князья довольствовались лишь избыткомъ достоянія. Не то предстояло теперь... Народъ, дѣйствительно, сразу почувствовалъ всю тягость возложенныхъ на него повинностей, но пока терпѣлъ, слушаясь своихъ князей. Приходилось, конечно, не разъ Александру Ярославичу разъяснять народу необходимость повиновенія и исправнаго отбыванія повинностей. Вполнѣ возможно, что иной разъ онъ вынужденъ былъ, въ случаѣ сопротивленія, силой заставлять народъ исполнять требованія татаръ и наказывать за непослушаніе. Горько было ему все это... Какъ часто приходилось ему слышать, что онъ не жалѣетъ своего народа, дѣйствуетъ заодно съ безбожными!.. Болѣзненно сжималось его сердце при этихъ упрекахъ со стороны современниковъ, изъ которыхъ очень немногіе понимали, что только тяжелая необходимость заставляла его такъ поступать. Александръ страдалъ больше, чѣмъ народъ, страдалъ нравственно, видя бѣдствія своихъ подданныхъ, которыхъ любилъ, какъ братьевъ во Христѣ. „Не обижайте простыхъ, бѣдныхъ людей, часто говаривалъ онъ своимъ боярамъ. Сіи братіею Божіею именуются по слову Господню, и о насъ ходатаи къ Богу. Богъ взыщетъ ихъ кровь и слезы изъ рукъ вашихъ“ [364])! Какъ же тяжело было ему видѣть, что татары терзали русскихъ за малѣйшую неисправность! Но что же онъ могъ предпринять съ своей стороны въ защиту своихъ подданныхъ? Не онъ ли ручался предъ ханомъ въ исправномъ платежѣ дани и полной покорности своего народа? Если бы онъ вздумалъ предпринять какую-нибудь рѣшительную мѣру, не постигла ли бы его участь брата Андрея? Не забота о себѣ конечно имѣла тутъ мѣсто, нѣтъ: самъ онъ „не токмо живота не щадяше, но и душу свою всегда тщашеся полагати“ [365]). Заступничество за народъ могло лишить его ханскаго довѣрія, а вмѣстѣ съ тѣмъ отнять и всякую возможность ходатайствовать предъ нимъ за свой народъ. Послѣдствія ханскаго гнѣва были бы ужасны. Оставалось одно — терпѣть въ надеждѣ на лучшее будущее. Но бѣдный угнетенный народъ мало думаетъ о будущемъ, которое ему темно и непонятно, онъ живетъ болѣе настоящимъ, а оно такъ безотрадно, что можно предпочесть самую смерть горькому „сиротскому житью“.

Однако, пока все было тихо. Монгольскіе сборщики дани, безъ сомнѣнія, старались и сами нажиться и угодить корыстолюбію своихъ начальниковъ, но, благодаря своей дикости, они далеко не были искусны въ разнаго рода вымогательствахъ. Но вотъ восточные купцы — хивинскіе или хозарскіе, „бесермены“, какъ называли ихъ наши предки по ихъ религіи, предложили татарамъ взять дань, собираемую съ русскаго народа, на откупъ, при чемъ,

разумѣется, обязывались выплачивать хану значительно больше, чѣмъ онъ получалъ чрезъ своихъ сборщиковъ. Очевидно, они не опасались остаться въ проигрышѣ. Ханъ, знавшій, что значительная часть дани присвоивается его чиновниками и не доходитъ до него, съ охотой принялъ услуги бесерменовъ. Хитрые торговцы придумали цѣлую систему вымогательства, чтобы получать огромные барыши. Подъ видомъ облегченія плательщиковъ, они назначали различные сроки для уплаты, но съ огромными процентами. Въ случаѣ неаккуратной уплаты дани и процентовъ, что, разумѣется, случалось нерѣдко, количество долга возрастало до такихъ размѣровъ, что несчастные должники не видѣли уже никакой возможности разсчитаться съ бесерменами [366]). Тогда послѣдніе начинали ходить по селамъ и городамъ, забирали должниковъ и безпощадно били ихъ палками на улицахъ, площадяхъ и перекресткахъ, допытываясь, не спрятали ли они своего имущества. Убѣдившись, что у бѣдняковъ нечего больше взять, они забирали сыновей, дочерей или самихъ и уводили въ рабство, распродавая въ разныя страны съ огромной выгодой для себя [367]). До сихъ поръ народъ вспоминаетъ въ пѣсняхъ о томъ, какъ лютые хищники собирали дань.

Брали дани, невыходы,
Царски невыплаты
Съ князей по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти.
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьмутъ,
У кого дитяти нѣтъ,
У того жену возьмутъ,
У кого жены-то нѣтъ,
Того самого головою возьмутъ.

У самыхъ сильныхъ работниковъ опускались руки. Стоило ли работать? Заведешь хорошее хозяйство, заработаешь тяжкимъ трудомъ довольство и изобиліе—это не ускользнетъ отъ жадныхъ взоровъ хищниковъ. Матери обливались слезами, глядя на своихъ дѣтей и думая горькую думу объ ихъ будущности: ужели злой варваръ завладѣетъ ими? Бесерменовъ сопровождали отряды татарскихъ наѣздниковъ, которые также не желали вернуться домой съ пустыми руками, притомъ надменные варвары, являясь на Руси, считали себѣ все позволеннымъ и всегда готовы были

И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.

Глубокую ненависть затаилъ народъ къ своимъ поработителямъ. Эта ненависть слышится въ поговоркахъ: „злѣе злого татарина“, „у нихъ, что у собаки, души нѣтъ: одинъ паръ...“ Люди пришлые, откупщики дани не понимали, что имѣютъ дѣло съ народомъ, не привыкшимъ къ подобнымъ тиранствамъ,—съ народомъ, который былъ покоренъ послѣ отчаяннаго сопротивленія и хорошо помнилъ объ утраченной свободѣ. Наконецъ, мѣра терпѣнія переполнилась, когда народъ былъ оскорбленъ въ самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ—въ своей преданности св. вѣрѣ...

Бывши прежде язычниками, татары при Беркаѣ приняли магометанство [368]). Хотя въ общемъ они не утратили прежней вѣротерпимости, но уже вслѣдствіе самаго характера магометанства между ними естественно могли появляться отдѣльные фанатики, старавшіеся о распространеніи новой

религіи между подвластными народами. Въ 1262 году явился на Русп „злой бесерменинъ“ Тетямъ. Какой-то монахъ, по имени Зосима, въ угоду мусульманину, отрекся отъ христіанства и, „вступивъ въ прелесть лжаго пророка Махметя“, съ ободренія Тетяма, „того поспѣхомъ“, началъ ругаться надъ своей прежней религіей. Въ словахъ лѣтописца живо отражаются чувства ужаса и отвращенія современниковъ къ поступку Зосимы. „Бѣ мнихъ образомъ точію, сотонѣ же съсудъ, бѣ бо піяница, и студословець, и празднословець, кощунникъ“. Народъ не могъ пересилить чувства негодованія при видѣ того, какъ „окаанный лишеникъ вѣры“ безчинствовалъ, „кресту и святымъ церквамъ ругаяся“. „Беззаконнаго и сквернаго, и законопреступника, и еретика Зосиму убиша въ городѣ Ярославлѣ. Бѣ бо тѣло его ядь псомъ и враномъ, а ноги его, тѣ на злое бѣху быстри, тѣ же влачими бяху отъ псовъ по граду, всѣмъ людемъ на удивленіе; отъ Божія суда на преступницѣ тако бысть конець лишеному нечестивому его тѣлу, а души нечестиваго, глаголеть: червь ихъ не умреть, а огнь ихъ не угаснеть (Марк. IX, 44, 46); и индѣ глаголеть: оскудѣ беззаконный, и погибе нечестивый, и потребишася беззаконнующи во злобѣ“ (Исаія XXIX. 20) [369]). Точно электрическая струя пробѣжала по нервамъ народа: по всѣмъ городамъ суздальской и ростовской земли загудѣли вѣчевые колокола. Точно сговорившись, вдругъ поднялся народъ и рѣшился самъ расправиться съ своими притѣснителями. Забушевала, точно ураганъ, страшная буря народнаго негодованія... Пущены были слухи, что самъ великій князь Александръ разослалъ по городамъ грамоты, „что татаръ бити“ [370]). Откупщикамъ пришлось теперь расплачиваться за свои безчеловѣчные поступки.

Съ одушевленіемъ говорятъ объ этой порѣ лѣтописцы, очевидно раздѣлявшіе чувства, охватившія народъ.

„Благый человѣколюбець Богъ нашь, и моленія Матерня послушавъ, и избави люди своя отъ великыя бѣды милосердіемъ Своимъ“ [371])!

„Избави Богъ отъ лютаго томленья бесерменскаго люди ростовскія земли, вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ“ [372])!

„И точно,—замѣчаетъ историкъ,—на этомъ событіи, кажется, лежало особое благословеніе Божіе, ибо народъ, несмотря на справедливую ненависть къ притѣснителямъ, разсчитался съ ними съ безпримѣрною въ такихъ случаяхъ умѣренностію“ [373]). Черта весьма характерная! Христіанскій народъ видимо удерживался отъ пролитія крови и, предоставляя судъ Богу, ограничился изгнаніемъ откупщиковъ. Убитыхъ было немного, и то изъ числа наиболѣе ненавистныхъ и свирѣпыхъ хищниковъ. Собственно изъ татарскихъ чиновниковъ никто не пострадалъ [374]). Замѣчательно, что ярость народа мгновенно утихала, когда догадливые люди, прося прощенія и пощады, изъявляли намѣреніе креститься. Такъ, напримѣръ, въ Устюгѣ народъ немедленно простилъ всѣ свои обиды главному откупщику Бугѣ, когда тотъ явился на вѣче и просилъ народъ пощадить его. Буга крестился и названъ былъ Іоанномъ. Женившись на взятой имъ еще ранѣе христіанкѣ Маріи, онъ постарался заслужить любовь народа доброй христіанской жизнію. Память о немъ сохраняется въ мѣстныхъ преданіяхъ: въ Устюгѣ указываютъ мѣсто, которое носитъ названіе Сокольей горы, потому что Буга однажды среди соколиной охоты на этой горѣ далъ обѣтъ построить здѣсь храмъ, посвященный св. Іоанну Предтечѣ [375]).

Причиною умѣренности народа могли быть и увѣщанія князей, „ибо русскому всегда священна власть государя, и по одному слову его онъ удерживаетъ порывы мщенія“ [376]).

Бесерменамъ данъ былъ хорошій урокъ, который забыть было нельзя. Они должны были понять, что всему есть мѣра, что русскій народъ хотя и побѣжденъ, но не примирился съ рабствомъ. Но за этотъ урокъ предстояло ужасное возмездіе. Можно было ожидать новаго нашествія татаръ, вслѣдствіе ханскаго гнѣва. Слышно было, что полчища татаръ уже готовы ворваться въ предѣлы русской земли. Итакъ—снова опустошеніе, снова избіенія цѣлыми массами, можетъ быть, конечное порабощеніе и пагуба...

Александръ готовился въ это время къ походу противъ ливонскихъ нѣмцевъ, но теперь ему было не до похода: отдавъ свои полки сыну Димитрію, онъ рѣшился немедленно отправиться въ Орду, „дабы отмолилъ люди отъ бѣды“ [377]). Положеніе его было весьма затруднительно. „Это путешествіе,—справедливо говоритъ историкъ,—было однимъ изъ величайшихъ подвиговъ самоотверженія со стороны Александра: хотя онъ не участвовалъ въ народномъ возстаніи и въ душѣ и на дѣлѣ былъ правъ передъ ханомъ; но тѣмъ не менѣе онъ шелъ въ Орду почти на вѣрную смерть; ему предстояли неодолимыя трудности; войска ханскія получили приказаніе идти на Россію, слѣдовательно ханъ не намѣренъ былъ слушать оправданій и уже рѣшилъ излить свою месть на строптивыхъ данниковъ; съ какими же глазами могъ явиться предъ нимъ Александръ и чего ждать отъ него? Не прошло еще пяти лѣтъ, какъ Александръ увѣрялъ хана, что русскіе будутъ самыми покорными данниками, лишь бы онъ не предавалъ народъ совершенному порабощенію; ханъ согласился на его увѣренія и далъ Россіи права государства почти самостоятельнаго, а россіяне уже произвели всеобщее возстаніе и изгнали ханскихъ сборщиковъ дани. Очевидно, такимъ образомъ, что Александръ, какъ не исполнившій обѣщанія, былъ кругомъ виноватъ въ глазахъ хана и, отправляясь въ Орду, прежде всего долженъ былъ видѣть передъ собою участь Михаила черниговскаго и другихъ князей, сложившихъ тамъ свои головы; онъ долженъ былъ принять на себя весь пылъ ханскаго гнѣва. Лѣтописи не говорятъ о подробностяхъ Александрова путешествія; но дѣло говоритъ само за себя; объ этомъ подвигѣ Александра нельзя вспоминать безъ благоговѣнія къ высокому характеру подвигоположника. Ясно, что Александръ, рѣшаясь отправиться въ Орду, совершенно забывалъ о себѣ и думалъ только о любезной ему Россіи и о священномъ долгѣ государя, защитника подданныхъ,—онъ шелъ какъ добровольно обреченная искупительная жертва за русскую землю“ [378]).

Горячо молился передъ своимъ отправленіемъ Александръ Ярославичъ и трогательно прощался съ родными, точно предчувствовалъ, что ему уже не суждено свидѣться съ ними. Посылая свои полки съ Димитріемъ, онъ говорилъ своей дружинѣ: „Служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣмъ животомъ своимъ“ [379]). Безъ сомнѣнія, много слезъ было пролито при этой разлукѣ. Тяжелыя предчувствія томили всѣхъ, но другого исхода не предвидѣлось...

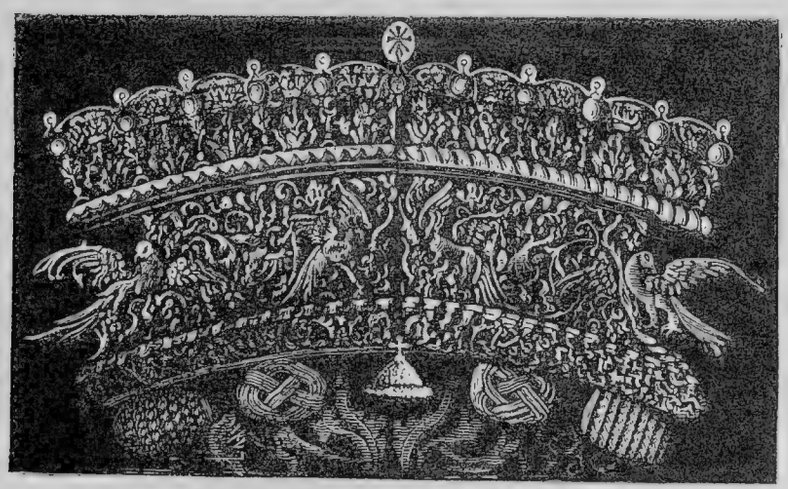
Между тѣмъ тяжелое само по себѣ положеніе дѣлъ усложнялось еще другимъ обстоятельствомъ. Незадолго предъ тѣмъ умеръ верховный ханъ Менгу. Начались обычныя кровавыя распри изъ-за престола, продолжавшіяся цѣлыхъ три года, пока наконецъ не былъ возведенъ, при могущественномъ

содѣйствіи опять-таки кипчакскаго хана, одинъ изъ сыновей Тулуя Кубилай, родной братъ Менгу и двоюродный—Беркая. Въ царствованіе Кубилая произошли весьма важныя обстоятельства, которыя сильно потрясли могущество монголовъ. Кубилай переселился изъ Каракорума, родины Чингизидовъ, въ сѣверный Китай и занялся окончательнымъ покореніемъ этого государства. Монгольская держава обратилась въ Китайскую имперію. Властвуя въ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга земляхъ, монголы естественно подвергались вліянію покоренныхъ народовъ. Такъ въ Китаѣ монголо-татары подпали вліянію китайской образованности и, оставивъ кочевой образъ жизни, обратились къ земледѣлію. Между тѣмъ монголы, властвовавшіе надъ Русью, хотя сохранили первобытный образъ жизни, зато измѣнили вѣрѣ отцовъ и въ скоромъ времени позабыли и родной языкъ, замѣнивъ его тюркскимъ нарѣчіемъ. Ослабленіе внутренняго единства естественно вело къ политическому разъединенію: отдѣльныя ханства сдѣлались независимыми государствами, между которыми не замедлили открыться междоусобныя войны.

Беркай, обращенный въ магометанство по однимъ извѣстіямъ какимъ-то дервишемъ изъ Средней Азіи, по другимъ – бухарскими купцами, подъ вліяніемъ мусульманскихъ улемовъ, рѣшился вступить въ борьбу съ другимъ своимъ двоюроднымъ братомъ— персидскимъ ханомъ Гулагу, съ которымъ у него и безъ того шелъ постоянный раздоръ изъ-за границъ. Гулагу, оставшійся язычникомъ, около того времени нанесъ окончательный ударъ багдадскому халифату и умертвилъ халифа. Беркай вступилъ въ тѣсный союзъ противъ Гулагу съ его непримиримымъ врагомъ Бибарсомъ, сирійско-египетскимъ султаномъ. Замѣчательна судьба этого государя. Онъ былъ родомъ изъ половцевъ. Татары въ юныхъ годахъ продали его въ Крыму венеціанскимъ купцамъ. Затѣмъ Бибарсъ очутился въ Египтѣ, гдѣ его завербовали въ мамелюкскую гвардію египетскаго султана. Дослужившись до званія военачальника, Бибарсъ, при помощи коварства и злодѣянія, достигъ престола. Гулагу вскорѣ послѣ своего удачнаго похода въ Персію умеръ, и на престолъ вступилъ сынъ его Абакъ, уже не спрашивая соизволенія верховнаго хана, и началъ распоряжаться въ своихъ земляхъ совершенно самостоятельно. Назначая намѣстниковъ въ отдѣльныя области своего царства, онъ отдалъ брату своему Яшмуту Дербентъ и Ширванъ.

Открывъ враждебныя дѣйствія, Беркай отправилъ одного изъ своихъ царевичей Буку съ большимъ войскомъ для завоеванія Дербента, но Яшмутъ мужественно выступилъ противъ непріятеля и въ 1262 году отразилъ его, разбивъ на голову войска Беркая. Беркай пришелъ въ ярость отъ неожиданнаго пораженія и рѣшилъ собрать всѣ силы своего царства, чтобы загладить позоръ неудачи. 300,000 войска готовы были двинуться въ Персію. Всѣ подвластные правители должны были выставить вспомогательные отряды, въ томъ числѣ и русскіе... „Бѣше тогда велика нужа отъ поганыхъ и гоняхуть люди, веляхуть съ собою воиньствовати“ [38]). Только того еще недоставало, чтобы русскіе проливали кровь на поляхъ битвъ за своихъ поработителей... Среди такихъ-то обстоятельствъ ханъ получилъ извѣстіе о возстаніи на Руси и избіеніи бесерменовъ... Въ страшномъ гнѣвѣ онъ рѣшилъ сперва покарать русскихъ, и 300,000 свирѣпыхъ варваровъ готовы были броситься на наше отечество, чтобы окончательно истерзать его. Что пережилъ Александръ Ярославичъ за время своего пребыванія въ Ордѣ, мы можемъ судить по результатамъ путешествія: Россію онъ спасъ, но здоровье

его разстроено было безнадежно... Беркай отправился на войну въ Персію, но, сбираясь дать рѣшительное сраженіе на берегахъ Куры, внезапно заболѣлъ и умеръ, а его полчища вернулись обратно домой [381]). Повелителемъ Кипчака сдѣлался Менгу-Тимуръ. Прошло довольно времени, прежде чѣмъ новый ханъ могъ заняться дѣлами Россіи и выслушать смиренныя извиненія и мольбы Александра. Дѣло ведено было такъ искусно, что ханъ не только простилъ русскихъ, но и освободилъ ихъ отъ обязанности воевать за монголовъ. Господь видимо благословлялъ усилія самоотверженнаго героя, и успѣхъ его путешествія превзошелъ всѣ ожиданія.



Городецъ.

XIX.

Кончина св. Александра.—Скорбь народа.—Чудо при погребеніи.—Нравственный образъ св. князя.

Людіи твои плакахѹсѧ о тебѣ, солнцѣ земли рѹсскіѧ,
въ полѹдни зашедшемъ!
Радѹйсѧ, обѣтами иночества св. житіе свое оувѣнчавый!
Радѹйсѧ, въ конецъ житіѧ своего всего себе Богѹ
освативый!
Радѹйсѧ, оугодниче Божій, въ самомъ погребеніи
отъ Бога полѹчивый прославленіе!
Радѹйсѧ, пламеннѹю любовь отъ народа снискавый!

Пробывъ болѣе году въ Ордѣ „избавы ради христіанскія“ и испивъ до дна чашу горести и униженій, Александръ наконецъ получилъ отъ хана позволеніе возвратиться въ отечество. Можно вообразить, какъ спѣшилъ онъ отъѣздомъ изъ Орды, чтобы обрадовать свой народъ добрыми вѣстями! Вотъ уже миновалъ онъ степи и пустыни, вотъ уже первыя русскія поселенія, недалеко и Нижній... Но жестокій недугъ крушитъ страдальца, его мощный организмъ, истомленный необыкновенными трудами, отказывается служить всегда бодрому духу [382]). Сколько храбрыхъ пало на его глазахъ, болѣе,

чѣмъ въ 20 битвахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ! Сколько разъ приходилось ему ѣздить въ Орду и въ далекую Монголію къ грознымъ ханамъ, гдѣ многіе изъ князей окончили свою жизнь подъ ножами варваровъ! Сколькимъ опасностямъ подвергался онъ во время своихъ путешествій! Но Богъ хранилъ его: отовсюду онъ выходилъ невредимъ, мечи враговъ и ножи убійцъ щадили его—только онъ самъ не щадилъ себя, и вотъ теперь, обезсиленный неимовѣрными трудами, онъ видитъ, что ему приходится умереть во цвѣтѣ лѣтъ, не имѣя и 45 лѣтъ отъ роду!.. „Что дивнаго,—восклицаетъ благочестивый описатель его житія,—если преждевременно истомился въ такомъ кипящемъ горнилѣ испытаній, и если самое тѣло, хотя благообразное и крѣпкое, ослабѣло отъ частыхъ странствій въ дальнюю Орду и не вынесло наконецъ постояннаго напряженія силъ?—Неодолимый въ битвахъ, еще въ полномъ цвѣтѣ мужества, изнемогъ подъ бременемъ великокняжескаго вѣнца, который былъ для него вѣнцомъ терновымъ, едва достигнувъ сорока трехлѣтняго возраста“ [383]).

Пріѣхавъ въ Нижній, Александръ такъ ослабѣлъ, что не могъ продолжать путешествія и долженъ былъ остановиться на нѣсколько времени [384]).

Оедоровскій Городецкій монастырь Нижегородской губерніи, гдѣ скончался св. Александръ Невскій.

Немного оправившись, онъ снова продолжалъ путешествіе, но, доѣхавъ до Городца (Волжскаго), занемогъ такъ сильно, что не въ состояніи былъ ѣхать далѣе [385]). Стояла глубокая осень—половина ноября. Суровое время года ускорило роковую развязку. Александръ понялъ, что приближается конецъ его многотрудной жизни и сталъ готовиться къ переходу въ вѣчность [386]). По обычаю того времени, онъ сталъ просить о постриженіи въ иночество и схиму съ именемъ Алексія [387]).

„Отче, се боленъ есмь вельми... Не чаю себѣ живота и прошю у тебе постриженія...“

Съ глубокой, гнетущей сердце тоскою, едва сдерживая душившія грудь слезы, стояли около одра умирающаго его приближенные. Объ этой скорби живо говорятъ намъ слова современника-лѣтописца: „Горе тебѣ, бѣдный человѣче, како можеши написати кончину господина своего, великаго князя Александра Ярославича? како не испадета зѣници твои вкупѣ со слезами? како ли не разсѣдеся сердце твое отъ многыя тугы? *отца бо человѣкъ можетъ забыти, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ вльзлъ*“ [388]).

Долго сдерживаемыя рыданія вырвались наружу. „Ужасно бѣ видѣти,

яко въ толицѣ множествѣ народа не обрѣсти человѣка, не испустивша слезъ, но вси со восклицаніемъ рыдающе глаголаху: „Увы намъ, драгій господине нашъ! Уже къ тому не имамы видѣти красоты лица твоего, ни сладкихъ твоихъ словесъ насладитися. Кому прибѣгнемъ и кто ны ущедритъ? *Не имутъ бо чада отъ родителя такова блага пріяти, якоже мы отъ тебе пріимахомъ, сладчайшій наю господине*“ [389])! Но эти вопли возмутили спокойствіе души, уже отрѣшившейся отъ всего земного, и Александръ, „зѣло стужився“, кротко просилъ ихъ оставить его одного: „удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью“ [390])! Сколько любви сказалось въ этихъ немногихъ словахъ! Прошло нѣсколько минутъ, и уже инокъ Алексій снова призвалъ къ себѣ своихъ приближенныхъ—всѣхъ бояръ и простыхъ людей и началъ трогательно прощаться, давая послѣднее благословеніе и слабѣющимъ голосомъ прося у всѣхъ прощенія. Горькое то было зрѣлище общаго неудержимаго плача и рыданія „о поборникѣ всей земли русской, предстателѣ бояръ, питателѣ убогихъ, отцѣ вдовъ и сиротъ и заступникѣ церкви, которую защищалъ отъ враговъ, утверждая въ ней вѣру Христову“ [391])! Слеза скатилась изъ глазъ Александра... Еще разъ открылъ онъ уста и выразилъ желаніе сподобиться въ послѣднюю минуту причащенія пречистыхъ тайнъ Своего Господа и Спасителя, Котораго возлюбилъ отъ юности своей. Его желаніе исполнилось, и тогда онъ тихо предалъ свою чистую душу въ руки Божіи, 14 ноября 1263 года, въ день памяти св. апостола Филиппа [392]).

Поэтъ живо рисуетъ намъ картину послѣднихъ мгновеній земной жизни Александра:

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсяцъ—два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вкругъ него...
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ жъ игуменской зрѣлище скорби и слезъ.

* * *

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ,
Тихъ и недвижимъ лежитъ головой къ образамъ
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды, ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.
. . . . . .

* * *

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой—
Чудной лицо озарилось красой.
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело—
И, зарыдавъ, возгласилъ: „Наше солнце зашло!“

(**Майковъ.**)

Божественная служба совершалась въ соборномъ храмѣ въ стольномъ Владимірѣ. Митрополитъ Кириллъ вмѣстѣ съ своей паствой возносилъ теплыя молитвы Богу, молился, можетъ быть, объ отвращеніи опасностей, грозившихъ отечеству, о благополучномъ возвращеніи великаго князя, котораго всѣ такъ долго и съ нетерпѣніемъ ожидали. Устремляя свои взоры горе, какъ бы къ самому престолу Всевышняго, святитель внезапно былъ пораженъ необычайнымъ видѣніемъ: предъ нимъ, какъ живой, но озаренный

неземнымъ сіяніемъ, великій князь Александръ... Тихо, какъ бы возносясь на крылахъ ангельскихъ, удаляясь вверхъ, скрылось отъ очей святителя „подобіе образа блаженнаго великаго князя Александра“. Предстоявшіе съ изумленіемъ смотрѣли на святителя, на лицѣ котораго, безъ сомнѣнія, сіяло отраженіе необычайнаго явленія. Митрополитъ понялъ, что доблестнаго защитника отечества не стало, и слезы закапали изъ глазъ старца. „Зашло солнце земли русской!“ тихо проговорилъ святитель [393]). Но никто не понялъ роковаго значенія этихъ словъ. Наконецъ, митрополитъ, съ глубокимъ вздохомъ, голосомъ, въ которомъ слышались рыданія, громко произнесъ: „Чада моя милая, знайте, что нынѣ благовѣрный князь великій Александръ преставился“ [394])!.. Ужасъ охватилъ всѣхъ при этихъ словахъ. Храмъ огласился воплями скорби и отчаянія. „Погибаемъ!“ воскликнуло единодушно все собраніе — „и ерея, и діаконы, и черноризцы, нищіи, богатіи и вси людіе

Кончина св. Александра.

мнозіи“ [395])... Это внезапно вырвавшееся восклицаніе всего лучше показало все значеніе Александра для отечества...

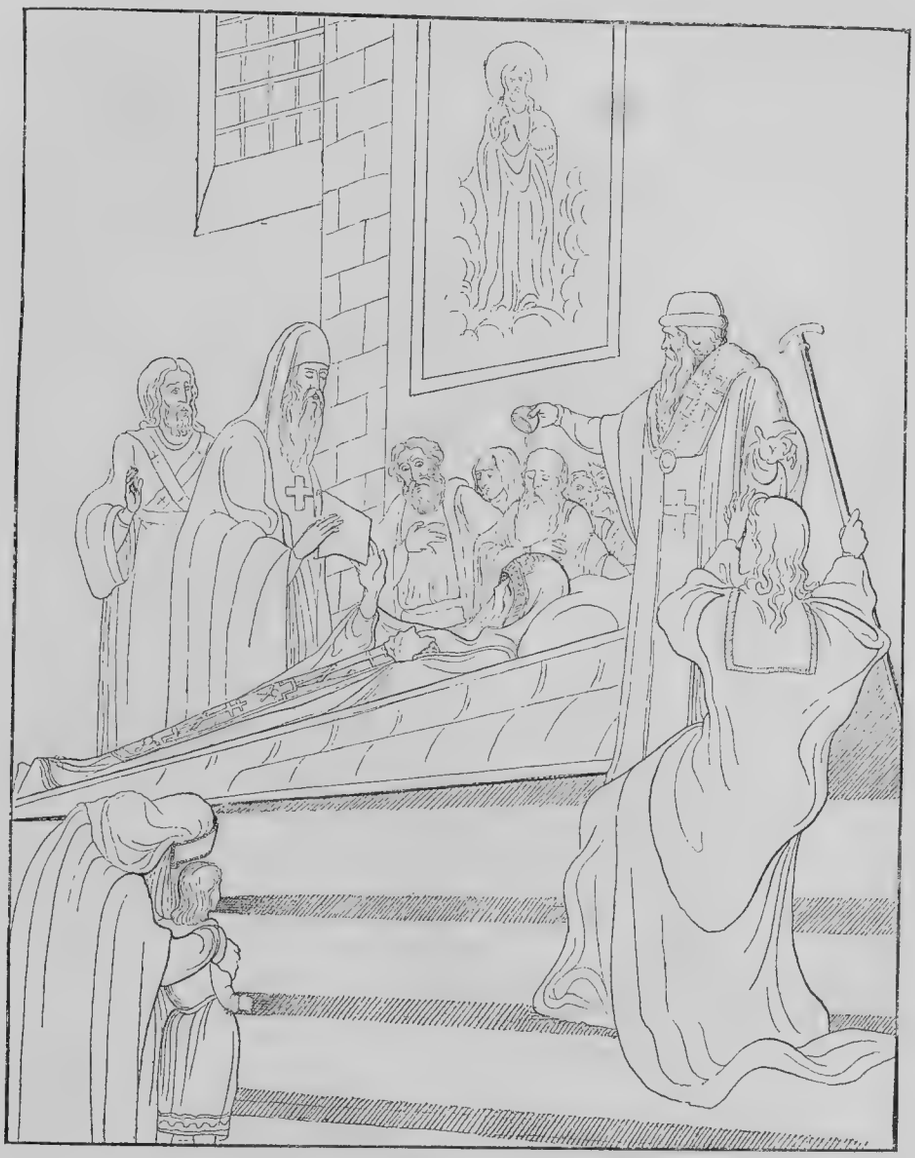
Опустѣлъ стольный городъ... „Князи и бояре, и весь родъ, мали и велиціи“ устремились навстрѣчу печальной процессіи съ тѣломъ Александра. Не такъ надѣялся встрѣтить его осиротѣлый теперь народъ! Митрополитъ „съ чиномъ церковнымъ“ остановился въ Боголюбовѣ, приготовившись встрѣтить тѣло Александра со свѣчами и ѳиміамомъ кадильнымъ. Безчисленное множество народа покрыло окрестности. Скоро показался стягъ почившаго князя. Неудержимый плачъ раздался кругомъ... Вотъ и печальное шествіе... Волны народа неудержимо ринулись навстрѣчу. „Отъ множества народа изгнѣтаахуся людіе, хотяще прикоснутися честнѣмъ тѣлѣ его, бысть же плачъ велій, и кричаніе, и туга, яко же нѣсть такова бывала, токмо и земли трястися“ [396]). 23-го ноября совершалось торжественное отпѣваніе въ соборномъ храмѣ. Пѣніе надгробныхъ пѣсней заглушалось нерѣдко вздохами и едва сдерживаемыми рыданіями осиротѣлой

семьи и народа. „И бысть тогда чудо дивно, памяти достойно“ [397]): экономъ Севастьянъ, приблизившись къ гробу, хотѣлъ было разогнуть руку усопшаго, „да вложить митрополитъ грамату душевную“. Но блаженный князь „яко живъ“ самъ простеръ руку, чтобы принять „свитокъ грѣховъ прощенія“ и затѣмъ снова сложилъ крестообразно руки на груди. „Ужасъ великъ“ объялъ присутствовавшихъ, „яко отъ раки отступиша“. „Се же слышавше, братіе, кто не дивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущю, привезену отъ далнихъ мѣстъ во время зимы? тако прослави Богъ угодника Своего, иже много тружшеся за землю русьскую, и за Новгородъ, и за Псковъ, и за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за православную вѣру“ [398]). Въ глубокомъ благоговѣніи приблизившись ко гробу, подняли его и съ пѣніемъ понесли уже какъ инока изъ храма, гдѣ покоплись славные предки Александра, въ иноческую обитель Рождества Богородицы, гдѣ и положили въ соборной церкви [399]).

Какъ жилъ святый и благовѣрный князь и при жизни „распаляшеся божественнымъ, небеснымъ желаніемъ“, такъ и скончался. Принявъ схиму, онъ послѣдовалъ не одному только обычаю времени. „Это было, по словамъ одного изъ его жизнеописателей, изволеніе святаго сердца его, во всю жизнь преуспѣвавшаго въ стремленіи къ Богу,—это было вѣнцомъ его постояннаго, вѣрнаго, разумнаго служенія Богу. То истинно-ангельское спокойствіе, съ какимъ послѣ принятія ангельскаго образа совершилъ онъ послѣднее прощаніе съ своими приближенными и со всѣми, кто могъ быть при одрѣ его,—та послѣдняя просьба, съ какою онъ обратился къ окружавшимъ одръ его съ невольными слезами и рыданіемъ: „удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію“,—служатъ живымъ свидѣтельствомъ, какъ искренни были его обѣты, какъ живо было стремленіе его къ Богу, Которому онъ посвятилъ себя у вратъ смерти на всю вѣчность, принявъ, наконецъ, и схиму“ [400]).

Позволимъ привести здѣсь слѣдующія, проникнутыя теплымъ чувствомъ размышленія, которыя внушила тому же благочестивому жизнеописателю св. князя его блаженная кончина: „такъ рановременно по суду человѣческому, и благовременно по намѣреніямъ Промысла Божія, такъ свято предъ очами Божіими и человѣческими, кончилась жизнь св. Александра Невскаго!.. Кончилась?.. Нѣтъ! Кончилось видимое общеніе св. князя съ любившимъ его народомъ; но вмѣстѣ съ нимъ началась безсмертная жизнь имени его въ благодарной памяти народной, передававшей изъ вѣка въ вѣкъ славу подвиговъ героя Невскаго. Кончилось предопредѣленное ему время подвиговъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ началось нескончаемое время его наградъ и воспарившему къ небу его духу, и успокоившемуся отъ трудовъ тѣлу, — наградъ, которыхъ не замѣнила бы самая продолжительная жизнь со всѣми ея радостями.. О, вѣдомы ли были блаженному духу твоему, отецъ отечества своего, спасавшій его въ самую тяжкую годину отъ самаго тяжкаго горя,—вѣдомы ли были духу твоему тѣ рыданія и слезы, съ какими народъ твой припялъ вѣсть о кончинѣ твоей, съ какими принялъ онъ драгоцѣнное сокровище—останки твои и предалъ ихъ землѣ? Не мало огорченій среди непрерывныхъ, тяжкихъ и въ высшей степени благотворныхъ трудовъ испыталъ ты со стороны неразумныхъ чадъ твоихъ—твоего народа: теперь утѣшился бы духъ твой, если бы нуждался въ земныхъ утѣшеніяхъ; теперь увидѣлъ бы ты, какъ цѣнили тебя, какъ любили тебя, ангелъ-хранитель

добраго народа русскаго!.. Владиміръ твой ждетъ своего князя съ радостными вѣстями... Не ту вѣсть вѣщаетъ ему первосвятитель Кириллъ: „Чада моя милая! зайде солнце земли русскія“. Посмотрѣлъ бы ты, какъ народъ принялъ эту горькую истину, какъ первосвятитель передалъ ее. Народъ какъ будто не понялъ,—онъ, можетъ быть, не хотѣлъ понять словъ своего



Погребеніе св. Александра.

архипастыря... Какъ, безъ сомнѣнія, и святитель желалъ бы объяснить ихъ не такъ! Но уже все кончено: народъ долженъ узнать свое горе! „Благовѣрный великій князь преставился“, говоритъ со слезами святитель, но у народа, въ отвѣтъ, нашлось только два слова, въ которыхъ вылилась вся скорбь, вся туга сердечная по тебѣ, защитникъ земли русской!—„Уже погибаемъ!“ Пришелъ и самый мрачный день скорби и сѣтованія, когда по-

раженный печалію, престольный градъ твой вышелъ срѣтить и принять на могильный покой святые останки твои... Въ дни ожиданія св. тѣла народъ успѣлъ припомнить всѣ доблести, всѣ подвиги, всѣ благодѣянія князя, который съ ангельскою добротою, неусыпностію и терпѣніемъ трудился во благо его... И приникалъ ли свыше блаженный духъ твой, благодѣтель своего родного края, къ умилительному зрѣлищу, какое было у твоего гроба, когда, въ торжественномъ шествіи во Владиміръ, толпы, безпрестанно возрастая, спѣшили хоть прикоснуться къ святому тѣлу твоему, къ честному гробу твоему; когда рыданіями народными, какихъ дотолѣ не бывало, заглушалось пѣніе погребальное; когда собственными слезами пѣвцовъ прерывалось пѣніе?.. Вѣдомо ли, наконецъ, тебѣ то, что переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ, вмѣстѣ съ памятью твоихъ доблестей и подвиговъ,—трогательное выраженіе всей скорби по тебѣ, всей любви къ тебѣ, какое читаемъ мы, отдаленные потомки облагодѣтельствованныхъ тобою прапрадѣдовъ нашихъ, въ письменахъ свидѣтелей твоей кончины: „отца человѣкъ можетъ забыти, а добра господина не можетъ оставити; аще бы лзѣ, и въ гробъ бы легъ съ нимъ“. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ теперь чувства своихъ предковъ къ тебѣ, и раздѣляемъ ихъ, отдавая предкамъ и честь, и славу, и искреннюю признательность за ихъ добрыя чувства!..

Св. Александръ Невскій въ иноческомъ чинѣ—изъ Строгановскаго лицеваго иконописнаго подлинника.

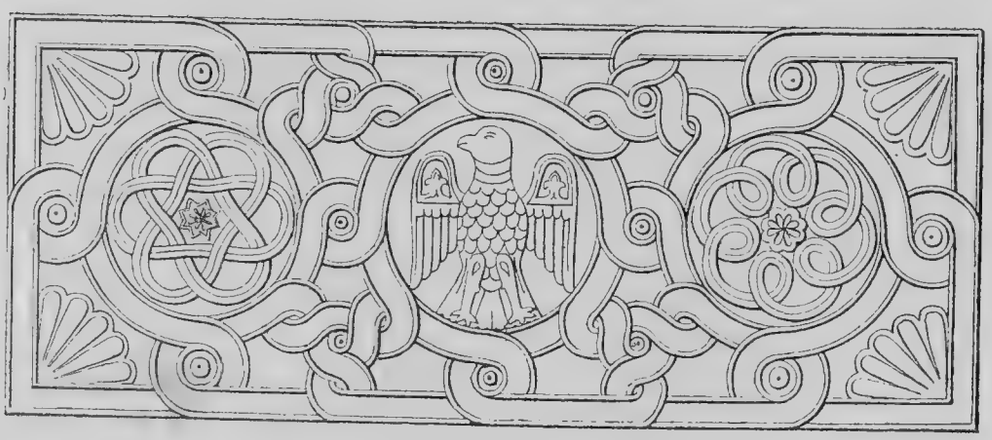
„За тебя же, слава не только царства русскаго, но и святой Церкви Христовой, радуемся мы, не столько припоминая ту честь, какую воздалъ тебѣ народъ твой, сколько съ благоговѣніемъ приникая къ славѣ, какую достойно воздалъ тебѣ Господь! Съ радостію припоминаемъ явныя знаменія прославленія твоего на небѣ, такъ видимо отражающагося на покоющихся среди насъ нетлѣнныхъ останкахъ твоихъ. Въ славѣ твоего, просіявшаго нетлѣніемъ, тѣла, мы прозираемъ вѣчную славу твоего духа, блаженствующаго въ обителяхъ Отца небеснаго, и благословляемъ святѣйшее имя Господа, дарующаго вѣрнымъ рабамъ Своимъ вѣчную славу въ воздаяніе за ихъ труды, являющаго и другимъ эту славу еще во времени, въ ободреніе въ трудѣ угожденія Ему. Благословляемъ и твое святое имя, благоговѣя

предъ множествомъ твоихъ подвиговъ и трудовъ, а еще болѣе—предъ высотою и чистотою святой души твоей, всегда бодрственной, всегда всецѣло Богу преданной, умѣвшей каждое изъ дѣлъ жизни возводить въ достоинство жертвы и служенія Богу“ [401])!

Сурова, полна тяжкихъ, самоотверженныхъ трудовъ была жизнь Александра. Безъ сомнѣнія, ясное представленіе его многострадальныхъ подвиговъ внушило историку слѣдующія строки: „имя Святаго, ему данное, гораздо выразительнѣе Великаго: ибо Великими называютъ обыкновенно счастливыхъ“ [402]). Это сужденіе вызываетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Если подъ счастьемъ разумѣть одни громкіе успѣхи, отсутствіе неудачъ и страданій, беззаботное наслажденіе всѣми утѣхами жизни, то, конечно, въ жизни св. Александра Невскаго мы немного найдемъ такого счастья. Его жизнь скорѣе есть жизнь *скорби*. Но справедливо сказано, что „скорбь“ и „радость“ —близки между собой, какъ двѣ родныя сестры, и можно полагать съ увѣренностью, что, если въ его жизни было много скорби, происходившей главнымъ образомъ отъ состраданія къ своему народу, то съ другой стороны были и радости. Не худшее ли изъ бѣдствій въ жизни составляютъ терзанія нечистой, преступной совѣсти? Но его праведная жизнь служитъ ручательствомъ, что онъ не испытывалъ горечи этого бѣдствія, часто удручающаго людей, повидимому пользующихся всѣми житейскими благами. Скорѣе напротивъ — онъ долженъ былъ испытывать радость безупречно исполненнаго долга, радость незапятнанной совѣсти, радость чистой души, далекой отъ всякой низости, радость святой жизни, всецѣло отданной на служеніе Богу и ближнимъ. „Это, по словамъ знаменитаго писателя, конечно едва ли то, что люди собственно называютъ радостью; это не веселость легкомыслія, которая подобна кратковременному мерцанію апрѣльскаго солнца надъ мелководнымъ потокомъ; это не смѣхъ безумцевъ, который подобенъ „треску шиповъ подъ горшкомъ“: такихъ радостей мало въ жизни человѣка, который понимаетъ истинный смыслъ жизни. Но истинно сказалъ одинъ великій учитель Церкви: Crede mihi, res severa est verum gaudium („Вѣрь мнѣ, суровая жизнь есть истинна радость“)“ [403]), и изъ этого источника всего истинно-добраго и благороднаго и всего истинно-великаго онъ могъ почерпать съ избыткомъ новыя силы для преодолѣнія предстоявшихъ ему трудностей, могъ почерпать ту энергію, ту изумительную бодрость, которая проявляется во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Не забудемъ при этомъ, что въ теченіе всей жизни его одушевляло пламенное благочестіе, никогда не оставляло молитвенное настроеніе духа, и вслѣдствіе этого „вездѣ благодать Божія осіяваше его“ [404]), а это составляетъ источникъ высшаго блаженства, доступнаго человѣку. Зависть и злоба, эти самыя горькія отравы жизни, не находили мѣста въ его сердцѣ, исполненномъ доброты, кротости, состраданія и всепрощенія [405]). Нѣтъ, великій подвижникъ земли русской былъ счастливъ въ высшемъ, благороднѣйшемъ значеніи этого слова! Вмѣстѣ съ тѣмъ на его подвигахъ лежитъ печать истиннаго величія: стоя на рубежѣ двухъ эпохъ, между кіевскимъ и московскимъ періодомъ русской исторіи, онъ совмѣстилъ въ себѣ лучшія стороны, отличающія выдающихся дѣятелей той и другой эпохи: съ блестящей храбростью соединяя рѣдкое благоразуміе, онъ одинаково далекъ былъ какъ отъ безцѣльныхъ порывовъ и

стремленій, ведущихъ иногда къ громкимъ, но мало полезнымъ поступкамъ, такъ равно и отъ себялюбивыхъ, узко-эгоистическихъ наклонностей, вызывающихъ иногда неразборчивость въ средствахъ къ достиженію намѣченныхъ цѣлей. Неуклонная правдивость и прямота души побудила его рѣшительно, безъ малѣйшихъ колебаній отвергнуть всякій союзъ съ Западомъ, что навсегда безповоротно опредѣлило характеръ нашей духовной самобытности. Въ то же время, безусловной покорностью обезоруживъ татаръ и устранивъ ихъ вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла, онъ обезпечилъ въ будущемъ и политическую независимость своего государства. Но его покорность варварамъ далека отъ раболѣпства: онъ всегда умѣлъ поддержать и сохранить достоинство человѣка и христіанина и внушилъ къ себѣ невольное уваженіе и полное довѣріе своихъ грубыхъ повелителей. Дивный, озаренный лучами святости, образъ истинно-русскаго человѣка изъ глубины минувшихъ вѣковъ встаетъ передъ нами въ лицѣ Александра: свѣтлый, практическій умъ, широта взгляда, могучая воля, беззавѣтная преданность своей родинѣ, искренность и задушевность чувства, благородство и великодушіе, неизмѣнно-бодрое и трезвенное настроеніе духа, безпредѣльная любовь къ Богу,—словомъ, всѣ черты, которыя мы замѣчаемъ на протяженіи вѣковъ въ лучшихъ представителяхъ нашей народности, мы встрѣчаемъ въ нашемъ національномъ героѣ—Александрѣ!

„О, даруй Богъ, скажемъ вмѣстѣ съ благочестивымъ описателемъ жизни св. Александра, чтобы благодарная память о св. князѣ-праведникѣ была жива... во всѣхъ краяхъ Россіи,—чтобы слава его отъ насъ перешла къ потомкамъ нашимъ, какъ къ намъ перешла отъ благочестивыхъ предковъ, возрастая вмѣстѣ съ распространеніемъ своимъ,—чтобы примѣръ святой его жизни находилъ какъ можно болѣе вѣрныхъ подражателей, и нынѣшніе сыны Россіи всегда также достойны были благоволенія Божія и покровительства и помощи своего заступника — св. благовѣрнаго великаго князя Александра и всѣхъ святыхъ, какъ въ дни своей жизни достоинъ былъ онъ—герой Невскій“ [406])!



XX.

Небесное покровительство св. Александра надъ русской землей.—Исцѣленія, полученныя по молитвѣ къ св. угоднику.

„Якоже въ животѣ, тако и по преставленіи сей чудный самодержецъ Александръ не оставляетъ, не забываетъ свою паству, но всегда въ нощи и во дни снабдѣвая и заступая отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, и вся благая подавая требующимъ“. Ст. кн. 1, 374.

Ѧко веліе солнце ѧвилсѧ еси, блаженне, вселеннѣй, чѹдесы страшными просвѣщаѧ весь міръ!

Радѹйсѧ, скорый предстателю нашъ, его же призываху отцы наши въ нѹждѣхъ и озлобленіихъ!

Радѹйсѧ, въ борьбѣ съ татары ѧвивый кнѧзю Димитрію Донскомѹ вспоможеніе!

Радѹйсѧ, исходатаный царю Іоаннѹ на казанцы одолѣніе!

Радѹйсѧ, всѣмъ подающій многоразличныѧ исцѣленіѧ!

„Не оставилъ и послѣ преставленія блаженный Александръ своей паствы, день и ночь о ней бдящій какъ живой, заступая ее отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Отселѣ начинается рядъ его посмертныхъ подвиговъ, столь же свѣтлыхъ, какъ и во дни временной жизни, говоритъ о чудесахъ св. Александра благочестивый описатель его житія. „То достойно вниманія, что сей благовѣрный поборникъ земли русской, всю жизнь подвизавшійся для ея спасенія, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и за предѣлами гроба, проявляя небесный покровъ свой въ самыя тяжкія годины испытанія“ [407]).

Прошло около ста лѣтъ послѣ блаженной кончины Александра, и его надежды на лучшее будущее своего отечества блистательно оправдались: идя по пути, указанному великимъ предкомъ, московскіе князья, при помощи самихъ татаръ, успѣшно дѣйствовали въ смыслѣ собиранія и объединенія силъ

русской земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ возвышенія Москвы, Орда ослабѣла вслѣдствіе непорядковъ, грозные признаки которыхъ обозначились уже во время Александрово: въ Ордѣ сразу являлось по нѣскольку хановъ, споривших за престолъ и свергавшихъ одинъ другого. Сыновья убивали отцовъ, братья—братьевъ соперниковъ, и ханы безпрестанно смѣнялись: во второй половинѣ XIV столѣтія было десятилѣтіе, въ которое смѣнилось 15 хановъ... Казалось, наставала для Руси великая пора освобожденія отъ ига, когда наши князья должны были перестать ѣздить въ Орду, возить дань и получать ярлыки. Праправнукъ св. Александра великій князь Димитрій Іоанновичъ сталъ собирать ополченіе, и скоро вся Русь пришла въ движеніе, ратники отовсюду стекались къ Москвѣ. Все ожило, встрепенулось, какъ будто проснувшись отъ долгаго сна... Святые отшельники и въ челѣ ихъ преподобный Сергій возносили теплыя молитвы къ Богу и благословляли князя и воинство на великій подвигъ освобожденія. Какъ живой, воскресалъ въ это время въ памяти народной образъ великаго заступника земли русской — св. Александра Невскаго. О, если бы онъ, какъ нѣкогда противъ шведовъ, возсталъ теперь и явился въ челѣ полковъ русскихъ!!. Во Владимірѣ, въ обители Рождества Пр. Богородицы, въ тиши ночного уединенія, близъ гроба Александрова, съ 7 на 8 сентября 1380 года благочестивый отшельникъ повергается съ пламенною молитвою къ Богу и проситъ заступничества св. благовѣрнаго князя въ тяжкой борьбѣ съ притѣснителями отечества. Молитва его услышана [408]): внезапно возжигаются сами собой свѣчи у гробницы св. князя... Изъ олтаря появляются два старца, озаренные небеснымъ сіяніемъ, и тихо приближаются къ гробницѣ. Инокъ явственно слышитъ, какъ среди ночной тишины раздается голосъ старцевъ: „Возстани, Александре, ускори на по-

мощь сроднику своему великому князю Димитрію, одолѣваему сущу отъ иноплеменникъ!“ И какъ живой предъ изумленными взорами инока возсталъ изъ гроба Александръ... Затѣмъ всѣ трое стали невидимы... „Подобало свѣтлому витязю, столько пострадавшему въ Ордѣ, явиться на полѣ ратномъ въ тотъ день, когда спасенный его смиреніемъ народъ впервые подымалъ оружіе противъ невѣрныхъ“ [109]). Дивное видѣніе происходило какъ разъ въ ту достопамятную ночь, когда Димитрій Іоанновичъ готовился на утро въ бой съ полчищами Мамая, сбиравшагося разрушить храмы на Руси и искоренить христіанство. Смиренный инокъ хотѣлъ было умолчать о видѣніи, но, узнавъ точно о времени битвы и ея благополучномъ исходѣ, побоялся утаить о столь явномъ знаменіи небеснаго покровительства и обо всемъ разсказалъ митрополиту. Святитель съ освященнымъ соборомъ немедленно отправился во Владиміръ. Съ молитвою приступили къ могилѣ Александра и раскопали ее. Тѣло блаженнаго князя послѣ 117 лѣтъ, истекшихъ со времени его погребенія, оказалось нетлѣннымъ. Въ чувствѣ глубокаго умиленія и благоговѣнія предъ судьбами Всевышняго, прославляющаго угодниковъ, митрополитъ положилъ тѣло святаго въ ракѣ поверхъ земли [110]). Послѣдовавшія затѣмъ знаменія прославили угодника: близъ святыхъ его мощей слѣпые получали зрѣніе и ноги хромыхъ укрѣплялись, разслабленнымъ возвращались силы...

Прошло еще сто лѣтъ. Монгольское иго ослабло и наконецъ отпало, какъ отжившая скорлупа. Сама Орда развалилась на части, а судьбами объединенной Руси распоряжался могущественный самодержецъ великій князь Іоаннъ III Васильевичъ. Послѣднимъ годомъ тяготѣвшаго болѣе двухъ столѣтій ига признается 1480-й годъ. Болѣе, чѣмъ когда-либо, надлежало вспомнить и всенародно прославить того, кто нѣкогда поддержалъ жизнь умиравшаго государства и обезпечилъ его будущую независимость. Не мѣстное только,—всероссійское почитаніе приличествовало тому, кто больше всѣхъ потрудился „за землю русьскую... и за все великое княженіе животъ свой отдавая“ [111])... Въ 1491 году, во Владимірѣ, мая 23, въ понедѣльникъ, надъ храмомъ, гдѣ почивали св. мощи, „бысть ужасно видѣніе, и страшно явленіе, и грозно знаменіе гнѣва Божія, имъ же наказуя насъ Богъ и отъ грѣхъ на покаяніе приводя... Надъ каменною церковію Рождества Пречистыя Богородица славныя обители честнаго архимандритства, прямо чюдесныхъ мощей блаженнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго, во иноцѣхъ же Алексѣя, отъ самого верха церкви тоя видѣша необычно видѣніе, яко облакъ легкій протязашеся или яко дымъ тонокъ извиваяся, бѣлостію же инѣй чистъ, свѣтлостію же яко солнцу подобообразно блещася, идѣже тогда въ тонкости и свѣтлости облака того видѣша подобіе образа блаженнаго великаго князя Александра на кони“. Святый князь явно для всѣхъ какъ бы удалялся на небо... „Людіе же видѣвше сіе великимъ страхомъ и ужасомъ одержими бяху и начаша по всему граду звонити“. Въ полдень произошелъ страшный пожаръ, испепелившій весь городъ съ посадами. Народъ, не находя нигдѣ спасенія, устремился къ храму Рождества Пр. Богородицы. Но и самый храмъ не уцѣлѣлъ: пламя охватило его и, проникши внутрь храма, истребило все... „Чудотворныя же мощи святаго и праведнаго великаго князя Александра Ярославича, на нихъ же аще и бысть видѣти нѣчто огненаго знаменія, но обаче Богомъ тако сохранени быша, яко и пелена, иже бяше во гробѣ его, обретеся невредима“ [112]). Дивное и страшное событіе во Владимірѣ должно было обратить на себя вниманіе всей

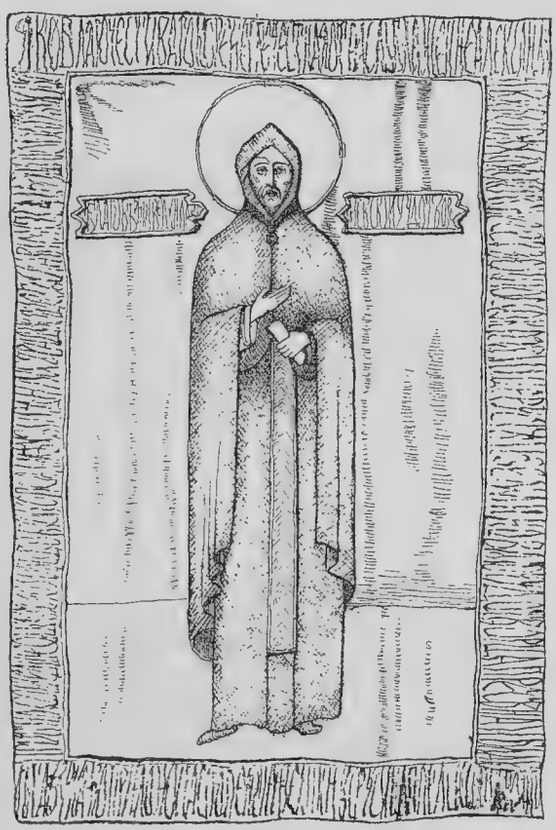
русской земли, тѣмъ болѣе, что при гробѣ св. князя продолжали совершаться разнообразныя исцѣленія, привлекавшія многочисленныхъ поклонниковъ. Наконецъ воля Божія о всенародномъ прославленіи угодника открылась съ ясностью, не допускавшею болѣе никакихъ колебаній. Прошло еще полвѣка послѣ страшнаго владимірскаго пожара, и вотъ въ 1451 году въ пятокъ послѣ вечерни (съ такою точностью обозначено время событія!) сама собою возгорѣлась свѣча у гроба св. князя [413]) какъ бы въ ознаменованіе того, что свѣтильникъ не слѣдуетъ болѣе оставлять подъ спудомъ, по слову Писанія, но надлежитъ поставить на свѣщникѣ, да свѣтитъ всему міру. Экклесіархъ, видѣвшій чудо, въ простотѣ души погасилъ свѣчу, но разсказалъ немедленно о знаменіи архимандриту Евфросину. Архимандритъ поспѣшилъ во храмъ и нашелъ свѣчу еще теплою. Столь явныя знаменія воли Божіей не прошли безслѣдно: митрополитъ Макарій на соборѣ 1547 года предложилъ установить празднованіе св. блаженному князю Александру Невскому по всей Россіи. Соборъ принялъ и подтвердилъ предложеніе [414]).

Царствованіе Грознаго царя составляетъ знаменательную эпоху въ исторіи вѣковой борьбы русскаго народа съ азіатскими варварами: отселѣ начинается уже покореніе варваровъ подъ власть Россіи, — начинается великая миссія русскаго народа: внести въ міръ варварства, невѣжества и застоя не месть за прошлыя обиды, не разореніе, но блага христіанской цивилизаціи и гражданскаго благоустройства. Предъ оружіемъ христіанскаго государя первыми пали царства казанское и астраханское. Отправляясь въ походъ противъ Казани, Іоаннъ IV на пути остановился во Владимірѣ и у гроба св. Александра Невскаго испрашивалъ небесной помощи противъ татаръ. Угодникъ Божій, какъ бы въ знаменіе предстоявшаго славнаго успѣха, исцѣлилъ руку одного изъ спутниковъ царя, Аркадія, который впослѣдствіи написалъ и житіе св. князя. Передадимъ объ этомъ событіи словами самого исцѣленнаго. „Случися быти ту у цѣлбоноснаго гроба блаженнаго и в. князя Александра и мнѣ грѣшнѣйшему и видѣ близъ помосту церковного на гробѣ блаженаго малу скважню, и яко уразумѣти хотя, что есть скважня она, и вложихъ персты руки моея въ скважню ту, и очютихъ яко въ масть нѣкую омочихъ руку мою, на ней же бяше струпъ нѣкаковъ малъ отъ многа времяни; и абіе исторгнувъ отъ скважни руку мою, и чюящеся на ней яко масломъ маститомъ или яко мѵромъ благовоннымъ помазати, и струпъ на ней не обрѣтеся отъ дни того и донынѣ“ [415]). Благодарный за столь явное знаменіе благоволенія св. угодника, Іоаннъ вознамѣрился собрать свѣдѣнія о чудесахъ св. Александра Невскаго, при ревностномъ содѣйствіи митрополита Макарія [416]).

Между тѣмъ русскому народу и послѣ освобожденія отъ монгольскаго ига суждено было перенести еще много испытаній. По мѣрѣ того какъ росло и крѣпло московское государство извнѣ, нравы народа, вмѣстѣ съ упадкомъ просвѣщенія, грубѣли и портились. Плачевными чертами изображаютъ современные памятники состояніе народной нравственности въ XVI столѣтіи. Самоволіе, надменность и алчность сильныхъ, притѣсненія бѣдныхъ и сиротъ, коварство, лживость, себялюбіе, жестокость, чувственность, „безпримѣрное беззаконіе и неправда, какихъ не слыхать и у невѣрныхъ“, крайнее невѣжество и суевѣрія — вотъ въ какихъ чертахъ изображается нравственное состояніе русскаго общества XVI столѣтія. Кара Божія не замедлила: несчастная ливонская война, опустошительные набѣги крымскаго хана, прекра-

щеніе царскаго рода, ужасы смутной эпохи... Нашествіе крымскаго хана Девлетъ-Гирея въ 1571 году было особенно губительно: страшный пожаръ опустошилъ всю Москву, при чемъ погибло нѣсколько сотъ тысячъ народа. Ханъ возвращался домой съ огромной добычей и множествомъ плѣнныхъ. Не довольствуясь нашествіемъ, Девлетъ-Гирей требовалъ обратно „своихъ юртовъ Астрахани и Казани". На слѣдующій годъ татары готовились къ новому нашествію „Хочу вѣнца и головы твоей!" писалъ ханъ Іоанну...

Смиренный инокъ Антоній, долгіе годы подвизавшійся во Владимірѣ въ обители Рождества Пр. Богородицы, проводилъ безсонныя ночи въ молитвѣ за отечество у гроба св. Александра Невскаго, прося заступника отечества оказать свою помощь царю противъ варваровъ. И вотъ—видитъ онъ—къ вратамъ обители быстро приближаются двое свѣтозарныхъ юношей на коняхъ. То были свв. Борисъ и Глѣбъ. Ставъ у гроба Александра, небесные посѣтители воскликнули: „Возстани, братъ нашъ, благовѣрный великій князь Александръ, да ускоримъ на помощь нашему сроднику царю Іоанну, ибо нынѣ предстоитъ ему брань съ иноплеменными". Александръ поднялся изъ гроба, и всѣ трое удалились изъ храма. „Пойдемъ въ соборную церковь Пр. Богородицы, къ сроднкамъ нашимъ, великимъ князьямъ Андрею, Всеволоду, Георгію и Ярославу, да возбудимъ и ихъ съ нами на помощь", сказали св. заступники земли русской, и быстро направились къ соборному храму. Въ благоговѣйномъ изумленіи, спѣшной стопой устремляется за ними и Антоній. Прежде другихъ возсталъ изъ гроба Всеволодъ Великій, за нимъ — другіе князья. Недолго продолжалось видѣніе: семь заступниковъ земли русской, на коняхъ, поднявшись на воздухъ, понеслись по направленію къ Ростову и скрылись изъ вида, упоминая царевича Петра и вселяя бодрость въ душу инока своими рѣчами... Спустя немного времени, Антоній услышалъ радостную вѣсть, что ханъ, поднявшійся со всей своей ордой, потерпѣлъ страшное пораженіе на берегахъ Лопасни и съ позоромъ бѣжалъ изъ предѣловъ Россіи [417]).



Древняя пелена съ изображеніемъ св. Александра, въ ризницѣ Рождественскаго монастыря, во Владимірѣ. Приношеніе цар. Параскевіи, супруги сына Грознаго, Ивана Ивановича, скончавшейся 1690 г.

Св. Александръ Невскій, при жизни своей проявлявшій горячую любовь къ людямъ, и по смерти явился не только небеснымъ заступникомъ

своего отечества въ трудныхъ обстоятельствахъ, но не оставлялъ своей небесной помощью и тѣхъ, кто съ вѣрою и теплой молитвой прибѣгалъ къ нему, „невидимо Христовы люди посѣщая и исцѣленія подавая богатно“, и воистину „велій чудотворецъ явился Россійскія земли“ [418]).

Прежде другихъ сдѣлалось извѣстнымъ исцѣленіе двухъ слѣпыхъ женщинъ, получившихъ прозрѣніе, послѣ того какъ онѣ, съ вѣрой и сокрушеннымъ сердцемъ раскаявшись во грѣхахъ, просили предстательства св. князя предъ Богомъ.

Несчастный съ изсохшей ногой, потерявъ всякую надежду на человѣческую помощь, по молитвѣ къ угоднику, у самой раки его внезапно на глазахъ многихъ свидѣтелей получилъ исцѣленіе и бодро всталъ на обѣ ноги.

Нѣкто, по имени Леонтій, разслабленный руками и ногами, былъ окропленъ св. водою отъ нетлѣнныхъ мощей св. князя и при молитвѣ священника о немъ получилъ исцѣленіе.

Инокъ обители Рождества Пр. Богородицы, по фамиліи Красовцовъ, подвергся вслѣдствіе своего недостойнаго поведенія небесной карѣ: долгіе годы онъ лежалъ разслабленнымъ, пока наконецъ съ сердечной вѣрой не воззвалъ къ св. угоднику, и молитва его была скоро услышана: онъ получилъ исцѣленіе.

Другой инокъ той же обители, по имени Давидъ, избавился по молитвѣ къ св. князю отъ постигшаго его лютаго недуга.

Боярскій сынъ Истома Головинъ, тяжко заболѣвъ, уже отчаялся въ жизни и ждалъ скорой смерти, но, будучи принесенъ къ ракѣ св. Александра, по вѣрѣ его, внезапно выздоровѣлъ.

Изъ Пскова, гдѣ особенно жива была память о подвигахъ св. Александра Невскаго, привезенъ былъ во Владиміръ къ мощамъ угодника боярскій сынъ Симеонъ Забѣлинъ и по молитвѣ получилъ исцѣленіе.

Въ 1572 году владимірскій гражданинъ, по имени Ѳеодоръ, подвергшись ужаснымъ припадкамъ, у вратъ Рождественской обители избавился отъ приражений духа злобы.

Изъ владимірскаго посада принесена была разслабленная и положена на ступеняхъ близъ св. мощей. Горяча была ея молитва къ св. князю, который, явившись ей, взялъ ее за руку и воздвигнулъ отъ одра болѣзни.

Слѣпецъ изъ города Владиміра, Давидъ Іосифовъ, однажды въ день воскресный, во время чтенія Евангелія, вдругъ увидѣлъ свѣтъ и, взволнованный до глубины души блеснувшей надеждой на исцѣленіе, съ теплой вѣрой прибѣгъ къ небесной помощи. Окропленный св. водой близъ раки св. князя, онъ совершенно прозрѣлъ.

У владимірскаго дворянина Максима Никитина былъ сынъ отрокъ Іоаннъ, нѣмой и разслабленный. Родители съ вѣрою принесли его въ Рождественскую обитель и положили у гроба св. князя: отрокъ получилъ исцѣленіе.

Въ монастырской деревнѣ Угрюмовой, Владимірскаго уѣзда, крестьянинъ Аѳанасій Никитинъ у себя дома подвергся припадкамъ сумасшествія, такъ что пересталъ узнавать родныхъ и не принималъ ни пищи, ни питья. Внезапно онъ началъ просить, чтобы его отвели въ обитель къ мощамъ св. князя. На пути къ его гробу онъ внезапно почувствовалъ себя здоровымъ и въ сердечномъ умиленіи разсказалъ всѣмъ, что св. князь, самъ явившись къ нему, указалъ искать исцѣленія у его гроба. Это было 10 марта 1706 года.

Но возможно ли исчислить всѣ благодѣянія Божіи, которыя непрестанно и днесь и во вѣки изливаются на всѣхъ, притекающихъ съ вѣрою ко святымъ угодникамъ, по ихъ небесному предстательству? Будемъ молить Господа о томъ, чтобы не оскудѣвала вѣра наша, святые же предстатели наши предъ Богомъ, по выраженію церковной пѣсни, по своей любви къ намъ, „къ непрестаннымъ цѣльбамъ тихо созываютъ, не хитростьми человѣческими, ни обвязаніемъ, но дѣйствомъ Св. Духа, душевное и тѣлесное исцѣленіе паче естества подавая“ [419]).

Будемъ внимательны къ этому тихому зову, не давая житейской суетѣ заглушать его въ душѣ нашей!

XXI.

Воля Петра Великаго о перенесеніи мощей св. Александра въ Петербургъ *).—Основаніе Александро-Невской лавры.—Шествіе изъ Владиміра до Москвы.—Пребываніе святыни въ Москвѣ и Новгородѣ.—Встрѣча въ Петербургѣ.—Заботы Петра и его преемниковъ объ устроеніи и украшеніи Александро-Невской обители.

Поюще добродѣтели и чѫдеса твоя, радостію срѣтахѫ и провождахѫ отцы наши св. тѣло твое!
Радѫйся, Россійскій Іосифе, преселивыйся на новое мѣсто оупокоєніа!
Радѫйся, всѣхъ концевъ земли Россійскія покровителю!
Радѫйся, Петрова града благонадежное оутвержденіе!
Радѫйся, сѣверныя столицы неоцѣненное оукрашеніе!
Радѫйся, ПЛШЄРАТОРУ нашемѫ подаваяй молитвами твоими здравіе же и спасеніе!

Послѣ тяжкихъ испытаній, пережитыхъ нашимъ отечествомъ, настала наконецъ славная эпоха Петра. Начавшись близъ береговъ Балтійскаго моря, историческая жизнь русскаго народа потекла широкимъ потокомъ по обширному руслу, захватывая въ своемъ теченіи новые отдаленные берега и пре-

*) Русскіе государи всегда относились съ особеннымъ уваженіемъ къ памяти св. Александра. Внукъ св. Александра Ив. Даниловичъ Калита въ своей духовной грамотѣ (1340 г.) „прикупаетъ сельцо на Киржачи у Прокофья игумена, другое Леонтьевское, третье—Шараповское.... и даетъ ихъ къ св. Олександру (т. е. къ Владимірск. Рождественск. монастырю) собѣ въ поминовенье“.
Иванъ Іоаповичъ (1355 - 1359) жертвуетъ къ „св. Олександру“ село Павловское въ „прокъ, собѣ въ память“ (село Павловское—купля в. княгини Александры, супруги св. Александра, наход. по дорогѣ отъ Владиміра къ Суздалю). Онъ же благословилъ своего старшаго сына Димитрія иконою „святый Олександръ“.

дѣлы: шагъ за шагомъ двигалось населеніе къ Уральскимъ горамъ, перешагнуло этотъ рубежъ и разсѣялось по необозримымъ пространствамъ сѣверной Азіи до крайнихъ восточныхъ предѣловъ. Въ борьбѣ съ дикой, суровой природой, съ тяжкими лишеніями закалилась энергія русскаго человѣка, развилась его богатырская сила и ничѣмъ неудержимая удаль. Но въ своемъ движеніи на Востокъ русскому народу суждено было встрѣтиться съ азіатской татарщиной и склониться подъ тяжкое иго, наложившее на него сильную печать. Русскій народъ замкнулся въ себѣ, сталъ недовѣрчивъ, упоренъ, а иногда и жестокъ, зато пріобрѣлъ изумительное терпѣніе и выносливость, и въ борьбѣ съ мусульманствомъ окончательно окрѣпъ въ своей преданности вѣрѣ предковъ. Глубокое недовѣріе ко всему иноземному, иновѣрному укоренилось въ сердцѣ народа. Сильная своимъ государственнымъ и національнымъ единствомъ, Русь составила какой-то отдѣльный, въ самомъ себѣ замкнутый міръ, который, простираясь между двумя частями свѣта, не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой... Между тѣмъ Провидѣніе предназначало русскому народу высокую миссію: не замыкаться въ себѣ самомъ, на подобіе Китая, но, охранивъ христіанскій міръ и цивилизацію отъ напора варваровъ-номадовъ, стать посредникомъ между Европой и Азіей и примирить ихъ противоположности въ высшемъ единствѣ. Отъ Востока, къ которому такъ долго было приковано вниманіе русскаго народа, онъ долженъ былъ обратиться къ Западу. Явилось неотразимое стремленіе къ Балтійскому морю, вниманіе снова сосредоточивается на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ началась историческая жизнь русскаго народа; снова пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣми же врагами, съ которыми столкнулся русскій народъ въ началѣ своей исторіи, со шведами, съ ливонскими нѣмцами, съ которыми такъ побѣдоносно сражался нѣкогда Невскій герой. Явился царь-богатырь, разбудилъ заснувшія было исполинскія силы своего народа и направилъ его на новый, всемірно-историческій путь. Сражаясь со шведами, пробиваясь къ завѣтному морю и на далекой окраинѣ своего государства, на берегахъ Невы полагая основаніе новой столицы, Петръ естественно вспомнилъ о томъ времени, когда впервые на берегахъ Невы раздались побѣдные клики русскихъ надъ врагами, о побѣдоносномъ вождѣ и выразилъ желаніе, чтобы новая столица, его дорогой „парадизъ“, и весь новый край, пріобрѣтенный для Россіи, находился подъ особеннымъ покровительствомъ національнаго героя русскаго народа—св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

„Державная воля Петра,—говоритъ православный проповѣдникъ,—преодолѣвъ всѣ затрудненія, какія противопоставляла намѣреніямъ его сѣверная природа, основала, на удивленіе всѣмъ, столицу въ пустынномъ краю, въ мѣстахъ, едва проходимыхъ, гдѣ только царственный умъ Петра могъ прозрѣвать возможность существованія одного изъ обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ городовъ въ мірѣ... Эта столица, быстро возраставшая подъ рукою Великаго, была предметомъ постоянныхъ его заботъ... Но мало для него

Димитрій Иван. Донской въ первой духовной грамотѣ (1371—1377): „а что отецъ мой велик. князь далъ село Павловское къ св. Олександру, того не подвигнути“.

Иванъ Васильевичъ Грозный во время казанскаго похода испрашивалъ у гроба св. Александра небесной помощи и повелѣлъ собрать всѣ свѣдѣнія о чудесахъ св. Александра. Подробнѣе см. въ обозрѣніи источниковъ.

Славный родоначальникъ благословенной династіи Романовыхъ патріархъ Филаретъ устроилъ *первый соборъ на Руси въ честь св. Александра Невскаго,* около 1630 года, надъ Тайницкими воротами въ Кремлѣ. Подробнѣе объ этомъ, теперь уже не существующемъ храмѣ, равно какъ и о празднованіи Александрова дня въ древней Руси см. въ приложеніи № 1.

было тѣхъ трудовъ, какіе самъ онъ подъялъ для блага своей столицы; не довольно, казалось ему, онъ сдѣлалъ ей добра, давши ей жизнь; ему хотѣлось, чтобы созданный имъ градъ, долженствовавшій стать во главѣ градовъ русскихъ, былъ ничѣмъ не меньше другихъ градовъ,—чтобы судьба его любимой столицы была ограждена — навсегда... И вотъ юная столица, которой еще долго надлежало бы ждать, пока на ея нивахъ произрастетъ цвѣтъ нетлѣнія и она украсится, подобно другимъ градамъ, святынею нетлѣнныхъ останковъ какого-либо угодника Божія,—юная столица получила отъ своего основателя и благодѣтеля послѣднее благодѣяніе, пріявъ, по волѣ его, въ свои объятія нетлѣнныя мощи св. благовѣрнаго великаго князя Александра... И можно ли было лучше избрать покровителя граду, заселившему берега Невы? Герой Невскій, несомнѣнно, всегда и былъ, и есть, и будетъ лучшимъ стражемъ и покровителемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда такъ славно подвизался онъ для блага своей родины и православной церкви“ [420]).

Вознамѣрившись перенести нетлѣнныя мощи св. Александра, Петръ заблаговременно озаботился приготовленіемъ для нихъ новаго покоища, и самъ указалъ мѣсто для постройки монастыря. Въ журналѣ Петра Великаго за іюль 1710 года читаемъ слѣдующее: „Государь, будучи въ Петербургѣ, осматривалъ мѣста, гдѣ быть какимъ строеніямъ и надъ Невою рѣкою, при С.-Петербургѣ, на устьѣ рѣчки Черной усмотрѣлъ изрядное мѣсто, которое называлось Виктори, гдѣ указалъ строить монастырь во имя Св. Троицы и св. Александра Невскаго, и на томъ мѣстѣ, въ присутствіи Его Государя и при немъ обрѣтающихся министровъ и генералитета, архимандритъ, назначенный въ тотъ монастырь, Ѳеодосій водрузилъ крестъ съ таковымъ надписаніемъ: „во имя Отца и Сына и Св. Духа, повелѣніемъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, на семъ мѣстѣ имѣетъ создатися монастырь“ — и поставлена на томъ мѣстѣ часовня“. Несмотря на трудныя войны со шведами и турками, на неустанную, всепроникающую дѣятельность, разнообразнѣйшіе труды, на вѣчные разъѣзды отъ Балтійскаго моря до Волги, отъ Архангельска до Азова, Петръ не оставлялъ своихъ заботъ объ устроеніи обители. Уже въ 1712 году, на лѣвой сторонѣ рѣчки, была заложена, а въ слѣдующемъ году 25 марта была освящена деревянная церковь Благовѣщенія. Какъ только отдѣланы были кельи, устроилось и иноческое общежитіе.

Собственно постройка монастыря началась не ранѣе 1717 года, по плану архитектора Андрея Треззина. На планѣ государь изволилъ начертать: „во имя Господне дѣлать по сему“. Работы продолжались непрерывно. Основанный въ томъ же 1717 году храмъ во имя св. Александра Невскаго былъ освященъ 30 августа 1724 года въ день перенесенія мощей въ столицу. 1723 года 29 мая, во время посѣщенія государемъ вновь устроенной обители, состоялось Высочайшее повелѣніе: „обрѣтающіяся во Владимірскомъ Рождественѣ монастырѣ мощи св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго перенести въ Александровскій монастырь“ [422]).

Во Владимірѣ св. мощи покоились въ новой деревянной, украшенной рѣзною работою и покрытой драгоцѣннымъ покровомъ, ракѣ, устроенной въ 1695 году въ Москвѣ при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ. На верху, по краямъ раки со всѣхъ сторонъ сдѣлана надпись, подробно изображавшая подвиги св. князя [423]). Митрополитъ Иларіонъ съ торжествомъ переложилъ въ новую раку св. мощи въ 1697 году. Для перенесенія св.

мощей изъ Владиміра въ Петербургъ устроенъ былъ ковчегъ, покрытый малиновымъ бархатомъ. Надъ ковчегомъ возвышался балдахинъ. На крышкѣ ковчега лежала подушка лазореваго цвѣта, обложенная золотымъ позументомъ съ золотыми кистями. На нее возложены были крестъ и княжескія регаліи. Изъ Владиміра до Петербурга св. мощи долженъ былъ сопровождать настоятель Рождественскаго монастыря архимандритъ Сергій, „яко въ первостепенныхъ архимандритахъ Россійскихъ третій градусъ имѣющій“, а для наблюденія за порядкомъ и благопристойностью на пути сенатомъ назначенъ былъ окольничій Михаилъ Васильевичъ Сабакинъ. При шествіи со св. мощами должно было наблюдать, чтобы не было ни замедленія, ни излишней поспѣшности. Духовныя и свѣтскія лица должны были во время процессіи присутствовать неотлучно. Строго было наказано, чтобы вблизи святыни не происходило „сквернословій и непотребныхъ дѣйствъ“. Надлежало останавливаться „въ удобныхъ полевыхъ мѣстахъ и содержать ковчегъ со св. мощами въ шатрѣ, подъ надлежащимъ присмотромъ и охраненіемъ“.

Во Владимірѣ съ 10 на 11 августа совершены были во всѣхъ храмахъ всенощное бдѣніе и утромъ литургія. Духовенство города и окрестныхъ монастырей, при многочисленномъ стеченіи народа, съ крестнымъ ходомъ направилось изъ соборнаго храма въ Рождественскую обитель. Здѣсь предъ ракою св. князя отслужено было молебствіе. Затѣмъ архимандриты и игумены, приступивъ къ ракѣ, подняли св. мощи и поставили въ приготовленный ковчегъ. Монастырская стѣна, выходившая на большую улицу, была разобрана, такъ какъ вслѣдствіе высоты ковчега, осѣняемаго балдахиномъ (ковчегъ съ балдахиномъ былъ вышиною 5 арш. 10 вершк., длиною съ носилками 11 арш. 4 вершка, шириною 7 арш.), пронести прямо изъ монастырскихъ воротъ было невозможно. Духовенство на раменахъ несло ковчегъ до такъ называемой Студеной горы. Волны народа сопровождали священное шествіе. Колокольный звонъ со всѣхъ церквей раздавался въ воздухѣ. Такъ проводили граждане Владиміра свою достопамятную святыню, болѣе трехъ съ половиною столѣтій покоившуюся въ ихъ городѣ!

Умилительное зрѣлище представляло шествіе святыни чрезъ землю русскую! Во всѣхъ селахъ и городахъ, лежавшихъ на пути, встрѣчали и провожали святыню съ крестами и иконами, съ молебнымъ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ. Народъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстностей стекался во множествѣ на поклоненіе св. мощамъ. Многіе, не исключая женщинъ и дѣтей, горѣли желаніемъ сподобиться участія въ несеніи святыни. Такъ было 13 августа въ селеніяхъ Дмитріевскомъ и Ундолѣ. Столь же трогательныя встрѣчи повторились потомъ 14 августа въ деревнѣ Липкахъ, 15—въ селѣ Покровѣ, 16—въ селѣ Рогожахъ и Купавнѣ, 17—въ селеніи Пахрѣ и въ селѣ Ивановскомъ.

Глубокое впечатлѣніе ложилось на душу при видѣ этихъ народныхъ волнъ, окружавшихъ непрестанно святыню, при этомъ всеобщемъ священномъ одушевленіи! Какъ прекрасно выражалось это настроеніе православнаго народа въ непрерывно раздававшихся вокругъ гроба святого церковныхъ пѣснопѣніяхъ!

„Яко звѣзду тя пресвѣтлую почитаемъ, отъ востока возсіявшую и на западъ пришедшую: всю бо страну сію чудесы и добротою обогащаеши...

„Яко утро, яко день свѣтлый, твой праздникъ явися, просвѣщая наша сердца, и всѣхъ съ вѣрою восхваляющихъ тя, Александре преславне!

„День спасенія и праздникъ веселія наста, стецемся вѣрніи, очистивше вкупѣ душы и тѣлеса...

„Пріидите, вси языцы, восплещите руками ликоствующе! Пріидите, вси Россійстіи князи и священницы и вельможи, монаси же и простіи, духовнѣ свеселимся въ нарочитомъ праздницѣ блаженнаго Александра, и многоцѣлебную его раку обстояще, любезно облобызаемъ и того яко цвѣты пѣсньми и хвалами увяземъ, рекуще: радуйся, земли Россійстѣй похвало! Радуйся, Императору православному помощниче! Радуйся, отечеству твоему заступленіе!..“

17-го августа вечеромъ, въ 8 часѣ пополудни шествіе приблизилось уже къ Москвѣ и остановилось до утра у пруда, что подъ Краснымъ селомъ, близъ дома ближняго стольника Ив. Ѳед. Ромодановскаго. Уже съ вечера волны народа устремились изъ Москвы и окружили ковчегъ. Утромъ, 18-го августа, при звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ, крестный ходъ, въ сопровожденіи множества народа, двинулся на срѣтеніе св. мощей, которое и совершилось на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1652 году встрѣчены были мощи святителя Филиппа, привезенныя, по волѣ царя Алексѣя Михайловича, изъ Соловецкаго монастыря. У церкви св. Василія Кесарійскаго было совершено всенародное молебствіе. Затѣмъ процессія двинулась по Москвѣ къ Кремлю. Мощи св. князя сопровождали три святителя: преосвященный Леонидъ, архіепископъ сарскій и подонскій, пр. Варлаамъ, епископъ суздальскій и юрьевскій и пр. Арсеній ѳиваидскій съ архимандритами и многочисленнымъ духовенствомъ. Внести св. мощи въ Кремль оказалось невозможнымъ вслѣдствіе высоты балдахина. Обратно св. мощи сопровождаемы были протоіереемъ Спасской дворцовой церкви съ духовенствомъ Вознесенскаго монастыря и Никитскаго сорока до села Всесвятскаго. Въ полѣ раскипутъ былъ царскій шатеръ, подъ сѣнію котораго на ночь и была поставлена святыня. Въ теченіе всей ночи множество народа, какъ бы на стражѣ, неотлучно окружало шатеръ. Молебное пѣніе не прекращалось до самаго утра. По выходѣ изъ Москвы 19-го августа первая встрѣча произошла на другой день въ селѣ Никольскомъ. 22-го шествіе было уже въ Клину. Жители города всенародно съ крестнымъ ходомъ сопровождали святыню за 7 верстъ. 24-го—прошли село Давидово, и 25-го—въ селѣ Городцѣ святыню торжественно встрѣчалъ архимандритъ Желтикова монастыря Мелетій съ братіею. 26-го—были уже въ Твери, гдѣ святыню ожидали архимандриты съ городскимъ духовенствомъ. 27-го—была встрѣча въ Малкскомъ монастырѣ, 28-го—въ г. Торжкѣ, нѣкогда освобожденномъ Александромъ отъ литовскаго нашествія. Пройдя 29-го село Выдропское (Выдропускъ), шествіе 30-го направилось отъ монастыря Николы Столпенскаго въ Вышній-Волочокъ, куда и прибыли 31-го августа. Изъ Волочка черезъ Хотиловскій ямъ (1-го сентября) и село Березы шествіе 3-го сентября двинулось къ Валдаю. 4-го сентября прошли Крестцы, 6-го — Политавье. Въ городѣ Боровичахъ святыня была перенесена на яхту и 9-го сентября вывезена на озеро Ильмень, въ водахъ котораго, безъ сомнѣнія, во время земной жизни не разъ отражался свѣтлый образъ Невскаго. На лодкахъ приблизилось для встрѣчи духовенство Юрьева монастыря. Наконецъ, святыня въ Новгородѣ! Въ пристани у Словенской улицы ковчегъ былъ изнесенъ на берегъ. Астраханскій епископъ Іоакимъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, генералъ Волковъ и воевода Хилковъ и множество народа встрѣтили святыню, и шествіе направилось къ

Перенесеніе Петромъ I мощей св. Александра Невскаго въ Петербургъ.

соборной церкви св. Софіи, гдѣ святыня и была поставлена противъ сѣверныхъ вратъ подъ шатромъ. Такъ Невскій герой снова былъ среди своихъ новгородцевъ, предковъ которыхъ нѣкогда водилъ онъ къ побѣдамъ, среди которыхъ голосъ его гремѣлъ на вѣчѣ, какъ труба, снова у св. Софіи, гдѣ нѣкогда онъ такъ горячо молился, прося небесной защиты! Сколько чувствъ, сколько славныхъ и трогательныхъ воспоминаній тѣснилось въ душу новгородцамъ при видѣ дорогой и родной святыни!.. 10-го сентября епископъ Іоакимъ торжественно совершалъ литургію, во время которой іеромонахъ Стефанъ Прибыловичъ произнесъ приличное слово. По совершеніи литургіи и молебнаго пѣнія, ковчегъ съ св. мощами былъ пронесенъ на Волховскій мостъ, откуда духовенство съ народомъ сопровождало святыню до Антоніева монастыря. Отъ Хутынскаго подворья святыню везли водою до Ладоги. Ежедневно изъ разныхъ мѣстъ были встрѣчи: 11-го сентября отъ села Высокаго, погоста Грузинскаго и Черницкаго, 12-го—отъ села Солецкаго и Помялова, 13-го—отъ погоста Михаило-Архангельскаго и Ильинскаго, отъ старой и новой Ладоги. Изъ Ладоги шествіе снова направилось дальше сухимъ путемъ. 17-го сентября архимандритомъ Сергіемъ полученъ былъ Высочайшій указъ. По предварительному соображенію, святыня должна была быть уже 25 августа въ Петербургѣ. Предполагалось 30 августа, въ память заключеннаго въ этотъ день славнаго Ништадтскаго мира со шведами, торжественно внести св. мощи въ Александро-Невскій монастырь. Но такъ какъ къ означенному сроку святыня, по дальности пройденнаго разстоянія, не могла прибыть въ Петербургъ, то новымъ указомъ повелѣвалось уже не спѣшить шествіемъ и по прибытіи въ Шлиссельбургъ поставить святыню въ тамошней соборной Благовѣщенской церкви, что и было исполнено 1-го октября. Тамъ св. мощи почивали до августа слѣдующаго 1724 года.

Встрѣча святыни въ Петербургѣ была весьма торжественна. Императоръ со свитой прибылъ на галерѣ къ устью Ижоры. Благоговѣйно снявъ святыню съ яхты и поставивъ на галеру, государь повелѣлъ своимъ вельможамъ взяться за весла, а самъ управлялъ рулемъ. Во время плаванія раздавалась непрерывная пушечная пальба. То и дѣло изъ Петербурга прибывали новыя галеры съ знатными лицами, а во главѣ ихъ—„ботикъ Петра Великаго“, также отдававшій салютъ своими небольшими мѣдными пушками. Шествіе приближалось къ Петербургу. Мысли всѣхъ невольно неслись къ той отдаленной эпохѣ, когда на берегахъ Невы и Ижоры Александръ торжествовалъ свою побѣду надъ врагами. Шествіе остановилось у пристани, нарочно для сего устроенной. Тамъ святыню сняли съ галеры, и знатнѣйшіе вельможи понесли ее въ монастырь.

„Веселися, Ижорская земля и вся Россійская страна! Варяжское море, восплѣщи руками! Нево рѣко, распространи своя струи! Се бо Князь твой и Владыка, отъ Свейскаго ига тя свободивый, торжествуетъ во градѣ Божіи, его же веселятъ рѣчная устремленія!

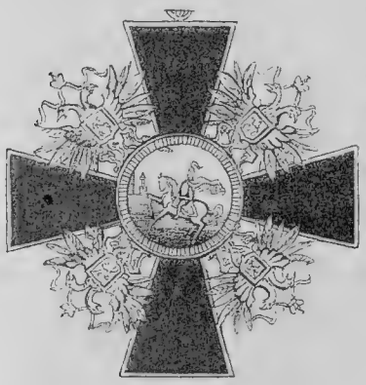
„Веселитеся днесь, Россійстіи народи! Ликуйте начала и власти! Се бо плоть отъ плоти вашея и власть отъ власти вашея Благовѣрный Князь Александръ Невскій ликуетъ со ангелы на небеси и всѣхъ своихъ сродниковъ и властей и подъ властію сущихъ на духовное созываетъ торжество, о всѣхъ молится Господу!

„Возведи окрестъ очи твои, Россіе, и виждь, се бо распространишася предѣлы твоя и пріусугубишася отъ востока и сѣвера и юга чада твоя, и Промыслу Вышняго, по браняхъ, въ мирѣ воспой пѣсни твоя!

„Созидай грады твоя новые, Россіе, утверждай миромъ предѣлы твоя! Господь съ тобою, Господь помощникъ! Даждь убо славу имени Его, преславно нынѣ прославившему тя!“ (Служба 30 августа.)

Близъ архіерейскаго двора навстрѣчу святыни прибыла императрица, съ высшими чинами двора. Св. мощи внесены были въ церковь, посвященную имени св. Александра Невскаго и въ тотъ же день освященную. Лишь только святыня была поставлена на приготовленное мѣсто, данъ былъ знакъ къ возобновленію пушечной пальбы. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. На другой день въ Александро-Невской обители было свѣтлое торжество, на которомъ присутствовалъ государь съ знатнѣйшими вельможами и раздавалъ гостямъ планъ предположенныхъ въ монастырѣ построекъ, гравированный на мѣди. Тогда же установлено было праздновать торжество перенесенія св. мощей ежегодно 30-го августа. Такъ исполнилось завѣтное желаніе Петра Великаго. Чрезъ полгода его не стало...

Перенесеніе святыни было послѣднимъ великимъ благодѣяніемъ Петра своему дорогому дѣтищу—Петербургу. Основавъ свою столицу на окраинѣ государства, при морѣ, для удобнѣйшихъ сношеній съ другими, болѣе Россіи образованными народами, перенесеніемъ мощей великаго подвижника древней Россіи Петръ оставилъ для новой столицы какъ бы завѣтъ—воспринимая все доброе у другихъ народовъ, не пренебрегать тѣмъ, что есть священнаго и достохвальнаго въ своемъ отечествѣ, какъ бы внушалъ жителямъ столицы, что святая Русь имѣетъ также свои доблести, „лучше которыхъ, по словамъ духовнаго оратора, ничего не найдешь нигдѣ,—что, если въ чужихъ странахъ привлекательно и достойно подражанія многое, касающееся внѣшней жизни, то въ своей родной странѣ у насъ есть привлекательнѣйшіе и достойнѣйшіе подражанія примѣры благоустройства жизни внутренней, образцы искренняго благочестія, святости, которые, конечно, и должно изучать прежде всего и больше всего“.



Знакъ ордена св. Александра Невскаго.

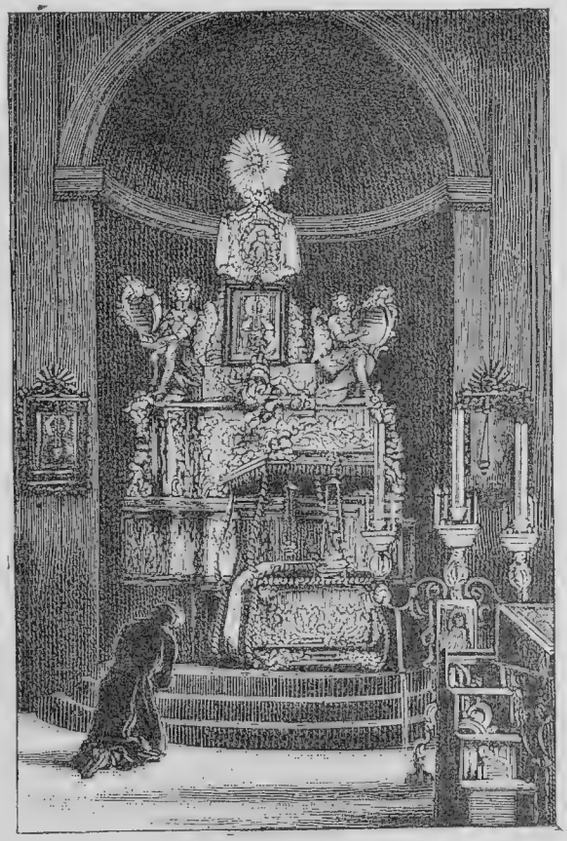
Преемники Петра Великаго съ особеннымъ благоговѣніемъ чтили память великаго поборника отечества и вѣры православной. Въ 1725 году, согласно съ волей Великаго, супруга его императрица Екатерина I учредила орденъ въ честь св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Въ 1726 году изданъ былъ особый церемоніалъ празднованія дня 30 августа.

Благочестивая дочь Петра Великаго, императрица Елизавета Петровна посвятила св. покровителю столицы первое серебро, добытое въ Колыванскихъ рудникахъ, повелѣвши устроить изъ него новую великолѣпную раку, длиною 3 аршина 7 вершк., шириною 1 арш. 7 вершк. Съ правой стороны раки въ кругу вырѣзаны стихи Ломоносова:

Святый и храбрый Князь здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ,
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ,
Являя дщерь его усердіе святое,
Сему защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ перваго сребра, что нѣдро ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть.

Рака украшена разнообразными изваяніями. На верхней доскѣ находится изображеніе св. князя по атласу. Гробницу осѣняетъ серебряный балдахинъ, на верху котораго—подушка съ царскими регаліями. Позади раки въ углубленіи стоитъ пирамида, по сторонамъ которой — трофеи св. князя и старинное оружіе. На двухъ щитахъ, находящихся по сторонамъ пирамиды, вырѣзана надпись, составленная Ломоносовымъ.

„Богу
Всемогущему
и Его угоднику
Благовѣрному
и Великому
Князю
Александру Невскому,
Россовъ усердному защитнику,
презрѣвшему прещеніе мучителя,
тварь боготворить повелѣвшаго,
укротившему варварство на
востокѣ,
низложившему зависть на
западѣ,
по земномъ княженіи въ вѣчное
царство переселенному въ лѣто
1263,
Усердіемъ
Петра Великаго,
на мѣсто древнихъ и новыхъ
побѣдъ перенесенному
1724 года,
Державнѣйшая
Елисавета,
отеческаго ко святымъ почитанія
подражательница,
Къ нему
благочестіемъ
усердствуя,
Сію
мужества и святости его дѣлами
украшенную раку изъ первообрѣтеннаго при Ея
благословенной державѣ
сребра
сооружить благоволила
въ лѣто 1752“.



Серебряная рака съ мощами св. Александра Невскаго.

По особому предложенію благочестивой государыни, въ 1748 году установленъ крестный ходъ, совершающійся и понынѣ.

Императрица Екатерина II, вѣрная исполнительница предначертаній Петра Великаго, пожелала воздвигнуть въ Александро-Невской лаврѣ храмъ, достойный хранящейся тамъ святыни. Соборный храмъ во имя св. Троицы заложенъ былъ еще въ 1716 году по плану, утвержденному Петромъ, и оконченъ въ 1753 году, но потомъ опять былъ разобранъ. Планъ новаго собора, составленный по повелѣнію Екатерины II архитекторомъ Старовымъ, удостоился высочайшаго утвержденія. Наблюденіе за постройкой храма императрица возложила на архіепископа Гавріила. Торжество закладки происходило 30 августа 1774 года, въ присутствіи государыни, при чемъ по обычаю подъ алтаремъ заложена была серебряная доска, украшенная именемъ Екатерины съ обозначеніемъ времени основанія храма. Вмѣстѣ съ доской положена была часть мощей св. Андрея Первозваннаго. Въ 1790 году построеніе собора было уже окончено, и 30 августа происходило съ торжествомъ истинно царскимъ освященіе храма и перенесеніе мощей св.

Александра Невскаго. Государыня съ наслѣдникомъ престола в. кн. Павломъ Петровичемъ, съ великими князьями Александромъ и Константиномъ, изволила прибыть въ монастырь къ 10 часамъ. Митрополитъ Гавріилъ и высочайшія особы немедленно отправились въ церковь Благовѣщенія, гдѣ покоились мощи св. князя. Шествіе съ мощами въ новый храмъ совершилось въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди крестный ходъ, въ которомъ съ хоругвями, св. иконами, крестами и Евангеліемъ шло духовенство; далѣе—духовникъ государыни несъ великокняжескій вѣнецъ св. князя и архимандритъ Юрьева монастыря —жезлъ Невскаго. Св. мощи несены были кавалерами ордена св. Александра, а балдахинъ надъ мощами поддерживали кавалеры ордена св. Владиміра. Государыня шествовала, окруженная кавалергардами въ парадной формѣ, великіе князья и знатнѣйшія особы обоего пола заключали шествіе. Все время непрерывно продолжался колокольный звонъ. Войска, при пушечной пальбѣ, отдавали честь. По внесеніи св. мощей въ новый храмъ, началась божественная литургія, которую совершалъ митрополитъ Гавріилъ въ сослуженіи архіепископовъ: псковскаго Иннокентія и херсонскаго Евгенія Булгара. Во время литургіи архимандритъ Юрьева монастыря Иринеи произнесъ приличное торжеству слово. Послѣ литургіи въ покояхъ митрополита происходили обычныя поздравленія и обѣдъ. Особенное значеніе торжеству придавало празднованіе въ тотъ же день мира, только что заключеннаго со шведами въ Верельской долинѣ. „Гораздо веселѣе становлюсь“, писала по этому поводу государыня, и безъ сомнѣнія на торжествѣ освященія новаго храма не разъ вспоминалась первая славная побѣда надъ шведами *).

Благочестивая ревность русскихъ Самодержцевъ не ослабѣвала и потомъ, выражаясь въ частыхъ посѣщеніяхъ св. обители и драгоцѣнныхъ

*) Новый соборъ поражалъ своимъ великолѣпіемъ. Длина его 35 саженъ, ширина 20 саженъ. Ширина купола—8; высота храма—39 саженъ. Иконостасъ устроенъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора. Красный сибирскій агатъ проложенъ вокругъ мѣстныхъ образовъ. Иконы писаны лучшими художниками: профес. Акимовымъ (иконы Воскресенія, Вознесенія Пр. Богородицы, Господа Саваоѳа—на мѣди), проф. Меттенлейтеромъ (шесть иконъ на царскихъ вратахъ—также на мѣди), художникомъ венеціанск. шк. Бассано (иконы Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, Спасителя, претерпѣвающаго поруганіе, Воскрешенія Лазаря и Богоматери). Надъ южными вратами икона Спасителя—кисти Ванъ-Дика, надъ сѣверными—Богоматери, работы Кувертино. На восточной сторонѣ храма—икона Воскресенія Христова, Рубенса. Позади лѣваго клироса—Снятіе со креста, также приписываем. Рубенсу, и Введеніе во храмъ Пр. Богородицы — копія съ картины Петра Теста, раб. Дрожжина. Кромѣ того, надъ сѣверными вратами—иконы Воскресенія Христова, раб. Григорія Угрюмова, пророковъ Давида и Малахіи, раб. Бѣльскаго, Аггея и Захаріи—Дрожжина, Тайная Вечеря—копія съ картины Павла Веронезскаго, раб. Пустынина и др. Не мало также иконъ, изображающихъ событія изъ жизни св. Александра Невскаго,—таковы: входъ побѣдоноснаго князя во Псковъ, Видѣніе Пелгусія, раб. Уткина, Невская побѣда—Георгія Скливы и др.

Предъ ракою св. Александра Невскаго въ серебряномъ ковчегѣ, принесенномъ въ даръ Александромъ I въ 1806 году, хранятся частицы мощей свв. Бориса и Глѣба, святителя Іоны, Ефрема Сирина и часть животворящаго древа. Въ серебряныхъ вызолоченныхъ складняхъ хранятся частицы мощей св. Андрея Первозваннаго, трехъ святителей вселенскихъ, царя Константина и другихъ угодниковъ, числомъ 30. Кромѣ того, въ соборѣ находятся частицы мощей великомученицы Варвары, св. Варсанофія Казанскаго, архидіакона Стефана, евангелиста Луки, св Іакова, брата Господня, св. Георгія Побѣдоносца и другихъ угодниковъ.

Кромѣ главнаго собора, въ лаврѣ устроены еще храмы во имя св. кн. Александра Невскаго и Благовѣщенія, гдѣ покоились св. мощи до 1790 года, и здѣсь же—придѣлъ во имя св. Сергія,—храмы Сошествія св. Духа, Святителя Николая чудотворца, св. князя Ѳеодора, домовая церковь въ покояхъ митрополита во имя Успенія Пр. Богородицы, на Лазаревскомъ кладбищѣ храмъ во имя святителя Николая чудотворца, церковь во имя праведнаго Лазаря.

Трудно исчислить всѣ достопримѣчательности храмовъ Александро-Невской лавры, между которыми особенное вниманіе привлекаютъ напрестольныя Евангелія, кресты, св. сосуды, дарохранительницы, лампады—приношенія благочестивыхъ Государей и почитателей святыни. Въ числѣ антиминсовъ хранятся: одинъ 12 вѣка, затѣмъ—13-го, 14-го и три 15 вѣка.

Въ монастырѣ погребено много царственныхъ особъ и замѣчательныхъ дѣятелей русской земли. Надъ могилою Суворова читаемъ лаконическую надпись: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“.

приношеніяхъ. Императоръ Александръ I принесъ въ даръ хранящіяся въ церкви св. Александра Невскаго драгоцѣнныя перламутровыя святцы на весь годъ, устроенныя въ видѣ звѣзды архангельскимъ унтеръ-цолперомъ Верещагинымъ и поднесенныя Петру I, и драгоцѣнный серебр. ковчегъ съ частицами св. мощей. Приведемъ здѣсь разсказъ о замѣчательномъ посѣщеніи лавры Александромъ Павловичемъ. Митрополитъ Серафимъ съ братіею встрѣтилъ государя при колокольномъ звонѣ, при свѣтѣ множества свѣчей. Поклонившись св. мощамъ и посѣтивъ владыку, государь направился въ келью схимонаха Алексія. Тамъ у одной стѣны, по лѣвую сторону, находилось большое Распятіе съ предстоящими кресту Богоматерью и ап. Іоанномъ. Предъ святыней горѣла лампада, тускло освѣщая келью схимника. У противолежащей стѣны стояла длинная деревянная скамейка. При входѣ государя схимникъ пропѣлъ тропарь: спаси, Господи, люди твоя..., приглашая государя помолиться. Государь положилъ 3 поклона. Схимникъ прочелъ отпустъ и благословилъ высокаго посѣтителя. Государь и митрополитъ присѣли на скамейку.

Соборъ въ Александро-Невской лаврѣ.

— Все ли здѣсь имущество его? Гдѣ же онъ спитъ? Я не вижу постели,—спрашивалъ государь.

— Спитъ онъ на томъ же полу, гдѣ и молится предъ Распятіемъ, — отвѣчалъ митрополитъ.

Прислушавшись къ разговору, схимникъ попросилъ позволенія показать свое ложе. За перегородкой стоялъ черный гробъ, покрытый чернымъ покрываломъ. Здѣсь же находились схима, свѣчи, ладонъ и все, что нужно для погребенія.

— Вотъ постель моя, и не моя только, а и всѣхъ насъ! — сказалъ схимникъ.—Въ ней мы всѣ, государь, ляжемъ и будемъ спать долго, долго.

Государь хотѣлъ проститься съ схимникомъ.

— Государь,—обратился онъ къ своему высокому гостю,—соблаговоли выслушать меня! Я человѣкъ старый и много видѣлъ на своемъ вѣку. Помню я великую чуму въ Москвѣ. До этого великаго бѣдствія нравы были чище, народъ—набожнѣе. Потомъ стало хуже. Въ 1812 году, въ годину испытанія, настало было время покаянія и исправленія, но потомъ стало еще хуже, нравы еще болѣе испортились. Ты—государь нашъ и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты—сынъ православной церкви и долженъ любить и охранять ее...

Государь внимательно выслушалъ рѣчь схимника.

— Жалѣю, что давно съ тобой не познакомился,—произнесъ государь, прощаясь со старцемъ.

— Я слышалъ много длинныхъ и красно-составленныхъ рѣчей,—промолвилъ государь, обращаясь къ митрополиту,—но ни одна мнѣ такъ не понравилась, какъ краткія слова старца.

Вскорѣ благочестиваго государя не стало.

Императоръ Николай Павловичъ, послѣ славной войны за освобожденіе единовѣрной Греціи отъ турецкаго ига, принесъ въ даръ обители ключъ Адріанополя (1829 г. 29 августа), помѣщенный на столбѣ въ металлической рамѣ.

Александръ Николаевичъ, незабвенный благодѣтель русскаго народа, принесъ въ даръ обители помѣщенную предъ ракою св. князя серебряную позолоченную лампаду. Самъ онъ имѣлъ трогательное обыкновеніе приходить въ обитель для уединенной смиренной молитвы у гробницы св. Александра Невскаго въ субботу первой недѣли Великаго поста, послѣ принятія св. таинъ.

Три благороднѣйшихъ монарха русской земли украсились именемъ св. Александра Невскаго. Да вселитъ Господь почившихъ въ Бозѣ въ Своихъ небесныхъ обителяхъ вмѣстѣ съ тезоименитымъ благовѣрнымъ княземъ Александромъ Невскимъ для нескончаемыхъ радостей вѣчной жизни! Да ниспошлетъ Свое благословеніе и долгіе годы благочестивѣйшему Государю Императору Александру Александровичу, да даруетъ Ему успѣхъ во всѣхъ Его благихъ начинаніяхъ, да избавитъ Его отъ всѣхъ скорбей, на радость и счастье всего русскаго народа, молитвами заступника земли русской св. Александра Невскаго!

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ, № I.

Св. Александръ Невскій въ православномъ богослуженіи.

Св. Александръ Невскій непосредственно послѣ кончины сдѣлался предметомъ благоговѣйнаго почитанія русскаго народа. Къ его гробу притекали русскіе люди, прося его небеснаго предстательства предъ Богомъ. Но только на Московскомъ соборѣ въ 1547 году положено было „пѣть и праздновать повсюду“ новому чудотворцу. Въ рукописной книгѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря Карамзинъ нашелъ слѣдующее извѣстіе: „Въ лѣто 7055 (1547), мѣсяца февраля 26, преосвященный Макарій митрополитъ, съ семью епископами: ростовскимъ и ярославскимъ Алексѣемъ, суздальскимъ и тарусскимъ Іоною, рязанскимъ и муромскимъ Іоною, тверскимъ Акакіемъ, коломенскимъ и каширскимъ Ѳеодосіемъ, сарскимъ и подонскимъ Саввою, пермскимъ и вологодскимъ Кипріаномъ, съ честными архимандритами и честными игуменами, со всѣмъ освященнымъ соборомъ установили есмя нынѣ праздновати новымъ чудотворцамъ“, — въ томъ числѣ и св. Александру Невскому.

Въ томъ же XVI столѣтіи составлена и служба св. Александру. Въ описаніи славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки: „Служба благовѣрному князю Александру Невскому, 23 ноября. Сотворено инокомъ Михаиломъ тоя обители, идѣже блаженнаго тѣло лежитъ“, т. е. Рождественской обители во Владимірѣ. № 234, л. 402, стр. 133. Другая служба приписывается Викентію, архимандриту Рождественскаго монастыря. Списки:

Буслаевск. XVII в. Выголексинск. библіотеки — № 79, XVI в.; № 82, XVIII в. Кирилло-Бѣлозерск. монастыря, въ Спб. дух. акад. XVII в. Въ библ. Моск. дух. акад. № 382 (Волокол.) XVI в. Московск. епарх. библ. № 181 (К. И. Невоструева) XVI в. № 65 (Вознес.) XVII в. Новгородск. Соф. соб. № 1409, XVI в. Румянц. муз. № 397. Библіот. Серг. лавры. № 619, XVI в. № 622 — 624, XVI — XVII вв. № 503, 626, XVII в. Московск. синод. № 234. Спб. синод. № 155, л. 68, XVII в. Моск. синод. типогр. № 269, 336, 337, XVII в. У Н. С. Тихонрав. два списка XVII в. (Источники русской агіографіи. Спб. 1882. Н. Барсуковъ). Первый канонъ начинается: „Пріимша въ своемъ сердцы, блаже, твою благодать духовную". Второй: „Тебе въ чудесѣхъ славна". Служба на перенесеніе св. мощей въ Спб. на 30 августа составлена въ XVIII в. Кромѣ того,—„Акафистъ св. благовѣрному в. кн. Александру Невскому, въ иноцѣхъ Алексію". Славянск. полууставомъ. Спб. синод. типогр. 1881 г., т. 1, 16^0.

Въ „уставѣ церковн. обрядовъ, совершавшихся въ Московск. Успенскомъ соборѣ" (ок. 1634): ноября „въ 23 день князю Александру Невскому трезвонъ средней бывалъ, а 139-го, для храму въ ревутъ, приказано въ вечеру отпускъ книгу Минею-Четью, а по утру сосуды золотые да шанданы оловянные" (Тимоѳеевъ, „Русск. Ист. Библіот.," III, 36). Объ изображеніяхъ св. Александра на иконахъ въ „Иконописномъ подлинникѣ" подъ 23 ноября: „Подобіемъ: брада аки козмина, въ схимѣ, кудерцы видѣть маленько изъ-подъ схимы, риза преподобническая, исподъ дымчатъ, въ рукѣ свитокъ сжатъ, самъ тѣломъ плечистъ".

Первый храмъ на Руси во имя св. Александра Невскаго воздвигнутъ былъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ около 1630 года въ Московск. Кремлѣ надъ Тайницкими воротами, какъ видно изъ дѣлъ патріаршаго приказа. 1630 года, іюля 7, по указу патріарха, „впервые" выдано на молебенъ двумъ священникамъ и діакону 8 алтынъ и 2 деньги. Вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя подробности о внутреннемъ убранствѣ перваго на Руси Александро-Невскаго собора: Евангеліе „поволакивалъ бархатомъ червчатымъ" переплетчикъ Петръ Ермолаевъ. „Знаменилъ," т. е. золотилъ евангелистовъ и крестъ знаменщикъ Петръ Матвѣевъ. За кіотъ и образъ св. Александра Невскаго, для ношенія въ крестныхъ ходахъ, заплочено иконнику Ондрюшкѣ Ондрееву 16 алт. 4 деньги. За мѣдное кадило заплочено 2 р. 3 алт. 2 деньги. Надъ царскими вратами поставлены были образа: Всемилостиваго Спаса, Знаменія, Пречистыя Одигитріи, Пречистыя Владимірскія, Страстотерпца Ѳеодора и преп. Михаила Малеина. Писаны иконописцемъ Назаріемъ Истоминымъ. Протопопъ собора съ причтомъ на „праздникъ св. Александра Невскаго" ходилъ къ патріарху со св. водою два раза въ годъ: въ августѣ и въ ноябрѣ.

Петръ I сочетался 27 января 1689 года первымъ бракомъ съ Евдокіей Ѳеодоровной Лопухиной. Первенецъ—сынъ, родившійся 1691 года 3 окт., названъ былъ Александромъ, въ честь св. Александра Невскаго. Въ расходной книгѣ казеннаго приказа значится, что по случаю семейной радости соборному при храмѣ св. Александра Невскаго протопопу Симеону выдано сукна кармазину 5 арш., священникамъ: Поликарпу, Іоанну и діакону Іоанну сукна полукармазину по 5 арш., дьячку Егоркѣ, пономарю Андрюшкѣ, сторожу Ивашкѣ, просвирницѣ Прасковьицѣ сукна „анбургскаго" по 5 аршинъ.

Храмъ былъ разобранъ въ концѣ прошедшаго столѣтія.

Въ настоящее время въ каждомъ городѣ обширной русской земли существуютъ храмы и часовни, посвящ. св. Александру Невскому, въ каждомъ

Соборный храмъ въ новомъ Александро-Невскомъ монастырѣ.

сельскомъ храмѣ есть навѣрное, если не придѣлъ, то по крайней мѣрѣ благолѣпно украшенная икона святаго. Въ послѣднее время воздвигается новая Александро-Невская лавра, въ воспоминаніе чудеснаго событія 17 октября [424]).

Свѣтлый образъ св. Александра Невскаго живо рисуется предъ нами въ пѣснопѣніяхъ, которыми православная Церковь прославляетъ угодника.

* * *

„Отъ благочестиваго корене святопомазанная розга произшедъ, плодъ произнесе себе преподобія и правды.

„Отъ ложеснъ породъ святъ Богу нареченъ еси, благими дѣлы свѣтло украсился еси, милостынями и чистотою сосудъ святаго Духа былъ еси!

„Красенъ тѣломъ и душею, и благочестіемъ сіяя, славне, божественнаго разума, органъ былъ еси Святаго Духа!

„Земныхъ всѣхъ возгнушався, къ небеснымъ духомъ прилѣпилъ еси себе. Благочестіемъ и вѣрою пресвѣтло украшенъ, яко благочестивъ скиптроносецъ и преизряденъ, и преименитъ Пресвятыя Троицы поборникъ былъ еси!

„Изъ млада возлюбивъ Христа, богоименитъ вѣнценосецъ былъ еси, преподобіемъ и правдою свѣтло украшенъ: милостынями же и чистотою пространное селеніе былъ еси Духа Святаго!

„Не отъ Рима возсіялъ еси, ни отъ Сіона, богомудре, но въ Россійстѣй земли явился еси!

Изображая подвиги св. Александра на благо отечества, его благость, кротость и сострадание къ бѣднымъ, православная церковь поетъ:

„Велій щитъ и крѣпость въ Россійстѣй земли, Александре, обрѣлся еси!

„Богомудре Александре, великій княже, блаженъ, яко блаженство наслѣдовалъ еси, его же ради вся земная презрѣвъ, неотложно того взыскуя, нищыя удовлилъ еси, сиротъ питатель, плѣнныхъ свободитель былъ еси!

„Кіими смиренными устнами воспоемъ Александра премудраго, солнца пресвѣтлаго, всечестныя Троицы молитвенника, печальныхъ утѣшеніе и отчаянныхъ заступника, похвалу земли Россійскія, рѣку милости воистинну, и больныхъ врача безмездна, смиренія Христова подражателя?

„Кто любовь твою и милость ко всѣмъ человѣкомъ, паче же къ нищымъ изглаголетъ?

„Благодарно зовемъ вси Христову угоднику милостивому, незлобивому и кроткому...

„Боговѣнчанный Александре, царей держава свѣтоносная, князей похвала велехвальная, христіанъ поборниче непобѣдный, о нихъ же живъ сый душу твою полагалъ еси... егда ревностію Божіею разжегся, въ землю шествовати невѣдущихъ Бога не отрицался еси и тамо пришествіемъ твоимъ безбожнаго царя удивилъ еси, христоименитымъ же людемъ тишину исходатайствовалъ еси... Радуйся, христіанъ рогъ Богоносный!..

„Радуйся, велехвальнаго краля побѣдивый пособіемъ Божіимъ! Радуйся, свободивый градъ Псковъ отъ невѣрныхъ!..

„Слышана бысть во всѣхъ странахъ превеликая слава твоя...

„Духъ Святый тя, блаженне, настави отечествіе твое паствити на пажитехъ спасительныхъ...

„Сіяніемъ Святаго Духа просвѣщся, Александре богомудре, ученія латинская презрѣвъ и прелесть ихъ обличивъ, и самѣхъ укоривъ, и чужди

Колокольня въ новомъ Александро-Невскомъ монастырѣ.

вѣры правыя нарекъ и дерзость ихъ въ ничто же вмѣнивъ, и сего ради отъ Христа Бога пріялъ еси воздаяніе въ царствіи небеснѣмъ...

„Всяко... еретическое нечестіе попралъ есть, свое же отечество добрѣ управивъ и соблюде, храмы разоренныя воздвигнувъ, пѣнія исполни, и распуженыя люди собра въ домы своя...

„О, како возмогу достойно похвалити или ясно изглаголати преславная чудеса блаженнаго и славнаго Александра! Подаетъ бо различная исцѣленія не токмо приходящимъ къ рацѣ мощей его, но и въ дальныхъ странахъ призывающихъ его никогда же оставляетъ. Тѣмъ и повсюду хвально имя его...

„Ликуй, Христова Церковь, въ ней же положено честное тѣло блаженнаго Александра, тѣло драгое, тѣло преславное, тѣло, чудеса точащее всѣмъ приходящимъ съ вѣрою“!..

Частная кладбищенская церковь Русанова въ Александро-Невской лаврѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ, № II.

Св. Александръ Невскій въ русской поэзіи народной и художественной.

Столь высокая личность, какъ св. Александръ Невскій, оставившій своей дѣятельностью глубокій слѣдъ въ жизни русскаго народа, не могла не оставить слѣдовъ и въ народномъ творчествѣ. Въ предлагаемомъ народномъ стихѣ, записанномъ со словъ крестьянина Орловской губерніи, св. Александръ Невскій является побѣдителемъ „нечестивыхъ татаръ“. Св. Александръ не побѣждалъ татаръ на полѣ брани, тѣмъ не менѣе историческая заслуга св. князя народнымъ чутьемъ оцѣнена вѣрно: св. Александръ превозмогъ варваровъ превосходствомъ нравственной силы, подготовивъ своими самоотверженными подвигами будущее освобожденіе русскаго народа отъ тяжкаго ига и дальнѣйшее торжество его надъ варварами.

Ужъ давно-то христіанска вѣра
Во Россеюшку взошла,
Какъ и весь-то народъ русскій
Покрестился во нее;
Покрестился, возмолился
Богу Вышнему:

„Ты создай намъ, Боже,
„Житье мирное, любовное:
„Отжени ты отъ насъ
„Враговъ пагубныхъ;
„Ты посѣй на нашу Русь
„Счастье многое“!

И слышалъ Богъ молитвы
Своихъ новыхъ христіанъ:
Надѣлялъ Онъ ихъ
Счастьемъ многимъ Своимъ.
Но забылся народъ русскій
Въ счастіи живя;

Онъ сталъ Бога забывать,
А себѣ-то гибель заготовлять.
И наслалъ Богъ на нихъ
Казни лютыя,
Казни лютыя, смертоносныя:
Онъ наслалъ-то на святую Русь
Нечестивыхъ людей,
Нечестивыхъ людей, татаръ крымскихъ.

Какъ и двинулось погано племя
Отъ сѣвера на югъ,
Какъ сжигали-разбивали
Грады многіе,
Пустошили-полонили
Земли русскія.
Добрались-то они до святаго мѣста,
До славнаго Великаго Новагорода.
Но въ этомъ-то градѣ
Жилъ христіанскій народъ:
Онъ молилъ и просилъ
О защитѣ Бога вышняго.
И вышелъ на враговъ
Славный новгородскій князь,
Новгородскій князь Александръ Невскій.
Онъ разбилъ и прогналъ
Нечестивыхъ татаръ;
Возвратившись со войны,
Во иноки онъ пошелъ;
Онъ за святость своей жизни
Угодникомъ Бога сталъ.

И мы, грѣшніи народы,
Притекаемъ къ нему:
„Ты, угодникъ Божій,
„Благовѣрный Александръ!
„Умоляй за насъ
„Бога вышняго,
„Отгоняй отъ насъ
„Враговъ пагубныхъ!
„И мы тебя прославляемъ:
„Слава тебѣ,
„Благовѣрный Александре,
„Отнынѣ и до вѣка“!

(Калѣки перехожіе. П. Безсонова. Ч. 1. 669—671).

Изъ произведеній художественной поэзіи воспользуемся слѣдующимъ поэтическимъ воспроизведеніемъ Невской побѣды въ стихотвореніи нашего маститаго поэта Майкова:

Побѣда Александра Невскаго надъ шведами.

(1240 г.)

Сгинь ты, туча-невзгодье непастное!
Выглянь, Божіе солнышко красное!
Вотъ сквозь тучу-то солнце и глянуло,
Краснымъ золотомъ въ озеро кануло
Что до самаго дна недостатнаго,
Бѣлъ-горючими камнями стланнаго.
Только вѣдаютъ волны-разбойнички
Да топулые въ веспу покойнички,
Каково его сердце сердитое,
О пороги и берегъ разбитое.
Вихремъ Ладога-озеро, бурей обвѣяно
И волнами, что хмелемъ бродливымъ, засѣяно;
Колыхается Ладога, все колыхается;
Верстъ на двѣсти, на триста оно разливается,
Со своею со зимнею шубой прощается:
Волховъ съ праваго сняло оно рукава,
А налѣво сама укатилась Нева,
Укатилась съ Ижорой она на просторѣ
Погулять на Варяжскомъ родимомъ имъ морѣ.
И съ Ижорой въ обгонку несется Нева,
И глядятъ на побѣжку сестеръ острова,
И кудрями своими зелеными
Наклоняются по вѣтру въ слѣдъ имъ съ поклонами;
И бѣгутъ онѣ вмѣстѣ, побѣжкою скорою,—
И бѣгутъ въ перегонку Нева со Ижорою.

Али нѣтъ въ Новѣгородѣ парней такихъ удалыхъ,
Кто бъ до синяго моря не выслѣдилъ ихъ,
Не стоялъ бы всю ночь до зари на озерной на стражѣ,
Какъ простоялъ не одну, а три ноченьки даже
Ижорянинъ крещеный Пелгусій? Его отъ купели
Принялъ князь Александръ Ярославичъ на Свѣтлой недѣлѣ,
А владыка Филиппомъ нарекъ.
Вотъ стоитъ онъ, стоитъ,
И на устье Ижоры онъ зорко глядитъ.
Ну, и слышитъ онъ раннею алой зарею:
Зашумѣла Ижора подъ дивной лодьею;
Подъ лодьей опрокинулись всѣ небеса;
Надъ лодьею, что крылья, взвились паруса,
И стояли въ лодьѣ двое юношей, въ ризахъ червленыхъ,
Преподобныя руки скрестивъ на могучихъ раменахъ;
На челѣ ихъ, что солнце, сіяли вѣнцы,
И окутаны мглою сидѣли гребцы...
Словно два серафима спустилися съ яснаго неба...
И призналъ въ нихъ Пелгусій святаго Бориса и Глѣба.
Говорятъ межъ собою:
„На эту на нóчь
„Александру, любезному брату, намъ надо помочь.
„Похваляются всуе кичливые шведы,
„Что возьмутъ Новоградъ; да не вѣдать невѣрнымъ побѣды:
„Ихъ лодьи и ихъ шнеки размечетъ Нева...“
И запомнилъ Пелгусій святыя слова.
И пришелъ съ поблѣднѣлымъ отъ ужаса ликомъ
Къ Александру онъ князю въ смущеньи великомъ,
И повѣдалъ видѣнье свое онъ въ ночи.
И сказалъ ему князь Александръ:
„Помолчи!“
„Собирайтеся, молвилъ дружинникамъ князь, со святой благостынею“,
И пошелъ попроститься съ своей благовѣрной княгинею,
И въ Софійскій соборъ поклониться пошелъ онъ потомъ,
Воздыхая и плача предъ ликомъ пресвѣтлымъ Софіи, а тоже
Возглашая псаломъ пѣснопѣвца:
„О Господи, Боже,
„О Великій, и Крѣпкій, и Праведный, насъ со врагомъ разсуди,
„И да будетъ Твой судъ правовѣрный щитомъ впереди!“
Собралися дружинники князя, кто пѣше, кто конно.
Александръ Ярославичъ повелъ съ ними рѣчь неуклонно:
„Други-братья, помянемъ не кровь и не плоть,
„А слова, что *не въ силѣ, а въ правдѣ Господь!*“
И дружинники всѣ оградились крестомъ передъ битвою,
И за князь-Александръ-Ярославичемъ двинулись въ поле съ молитвою.
Воевода-то шведскій ихъ, Бюргеръ, куда былъ хитеръ:
На сто саженъ кругомъ онъ раскинулъ шатеръ
И подперъ его столпнякомъ, глаженнымъ, струженнымъ, точеннымъ,
Сквозь огонь главнымъ рóзмысломъ шведскимъ золóченнымъ.
И пируютъ въ шатрѣ горделиво и весело шведы,
Новгородскія деньги и гривны считая.
И было бесѣды
За полýночь у нихъ. И рѣшили они межъ собой
Доски бросить на берегъ со шнекъ, потому что весь берегъ крутой,
И пристать неудобно, и весь онъ обсѣлся глухими кустами;
Порѣшили, и доски со шнекъ протянули на берегъ мостами.
Конченъ пиръ: провели Спиридона, епископа ихъ, по мосткамъ,
Только Бюргеръ на шнеку безъ нóмочи выбрался самъ.
И пора бы: не было бы русской тяжелой погони,
Да и князь-Александра...
Заржали ретивые кони,
И Гаврило Олексичъ, сквозь темныхъ кустовъ,
Сѣрой рысью прыгнулъ на сшалѣлыхъ враговъ,
И сдержалъ свое слово: добрался онъ спросту,
По доскамъ, до епископской шнеки, безъ мосту;
И учалъ онъ направо и лѣво рубить все и сѣчь,
Словно въ жгучія искры о вражьи шеломы разсыпался мечъ.
Образумились шведы въ ту пору, и вскорѣ
Сотней рукъ они витязя вмѣстѣ съ конемъ опрокинули въ море.
Да Гаврило Олексичъ куда былъ силенъ и строптивъ,
Да и конь его Воронъ куда былъ сердитъ и ретивъ:
Окунулися въ море,—да мигомъ на шнекѣ опять они оба,
И въ обоихъ ключемъ закипѣла нещадная злоба:
И желѣзной подковой, и тяжкимъ каленымъ мечомъ сокрушенъ,

Утонулъ воевода-епископъ и рыцарь ихъ, самъ Спиридонъ.
А Сбыславъ Якуновичъ тотъ сѣкъ эту чудь, съ позѣвкомъ и съ-плеча,
И проѣхалъ сквозь полкъ ихъ, и даже подкладомъ не вытеръ меча,
Хоть вернулся къ дружинѣ весь красный, и спереди онъ, да и сзади;
И его Александръ похвалилъ молодечества буйнаго ради.
А Ратмиръ не вернулся, и только ужъ други смогли
Вырвать трупъ для схорона на лонѣ родимой земли.
— Три корабля трупьемъ своимъ навалища!
Крикнулъ ловчій у князь-Александра, а Миша,
Стремянной, говоритъ: „хоть насли мы заморскихъ гусей ихъ, насли,
Да гусынь ихъ, любезныхъ трехъ шпекъ, почитай не спасли".
Балагуръ былъ. А Савва-то отрокъ досмысленный былъ,
И у Бюргера въ ставкѣ онъ столпъ золотой подрубилъ,
Да и вороговъ всѣхъ, что̀ попалися подъ руку, тоже
Топоромъ изрубилъ онъ въ капусту.
А князь-то!.. О Господи, Боже!
Какъ наѣхалъ на Бюргера, ихъ воеводу, любимымъ конемъ,
Размахнулся съ-плеча и печать кровяную булатнымъ копьемъ
Положилъ межъ бровей хвастуну окаянному шведу.
Затрубили рога благовѣрному князь-Александру побѣду,
И со страхомъ бѣжали всѣ шведы, гдѣ сушью, а гдѣ по водѣ,
Но настигла ихъ быстро Господняя кара вездѣ:
Ужъ не князь Александръ ихъ настигъ со своей удалою дружиной,
А другой Судія на крамольниковъ, вѣчно-Единый...
И валилися шведы, валежникомъ хрупкимъ, со смертной тревогой,
Убѣгая отъ Божіей страшной грозы ни путемъ, ни дорогой;
По лѣсамъ и оврагамъ костями они полегли,
Тамъ, гдѣ даже дружинники князя за ними погоней не шли.

Въ стихотвореніи, приложенномъ къ „Житію св. благовѣрн. в. кн. Александра Невскаго" (см. ист. и пособ.), живо рисуется свѣтлый образъ св. Александра.

*
* *

Когда нашъ мирный край родной
Губилъ и жегъ татаринъ злой;
Когда несмѣтными толпами,
Какъ звѣри хищные стадами,
Изъ края въ край, изъ града въ градъ,
Неслись монголовъ страшныхъ силы,
И слѣдъ ихъ былъ пожаровъ рядъ,
Грабежъ, насилье и могилы,—

Врагомъ лишенная вѣнца,
На цѣпи тяжкія взирая,
Въ слезахъ страдала Русь святая—
Не зрѣлось бѣдствіямъ конца.

Предъ ликомъ попранной свободы,
Въ ней смолкъ веселья шумный гласъ,
Всѣмъ мнилось: близокъ смерти часъ!
Убитый тяжестью страданья,
Народъ поникъ своей главой—
Лишь церкви благовѣстъ святой
Ему несъ звуки упованья.
И въ это время скорби, слезъ,
Какъ утѣшеніе небесъ,
Сіялъ во тьмѣ звѣздою славы
Блюститель русскія державы:
Красою ангельской лица
И взоромъ, кротостью обильнымъ,
Онъ влекъ къ себѣ, какъ дань, сердца
Неотразимо чувствомъ сильнымъ.

Его власы до стройныхъ плечъ
Какъ прядь златая упадали,
Уста любовію дышали
И мудростью звучала рѣчь.

Высокой доблестью украшенъ
И сердцемъ истинный герой—
Врагамъ средь битвъ былъ грозно страшенъ,
Внѣ битвъ—отрадой былъ святой.
Всегда въ сознаньи долга строгомъ,
Онъ правду всей душою чтилъ—
И чувства сердца раздѣлилъ
Между отчизною и Богомъ.

Святая жизнь его была
Какъ ликъ младенческій свѣтла,
Въ немъ мысль, какъ голубь бѣлоснѣжный,
Неслась въ край неба безмятежный:
Тамъ князь отъ міра отдыхалъ,
Тамъ, бросивъ мечъ свой и державу,
Душой онъ свѣтлой ликовалъ,
Забывъ, какъ прахъ, земную славу.

Тамъ въ сонмѣ ангеловъ святыхъ,
Передъ Творца небесъ престоломъ,
Души восторженнымъ глаголомъ
Онъ изливалъ жаръ чувствъ своихъ.

Когда жъ съ небесъ душа слетала,
Вступалъ онъ плотью въ міръ земной,
Тогда опять въ немъ закипала
Любовь къ странѣ его родной:
Онъ на алтарь отчизны милой
Себя, какъ жертву, приносилъ
И слезъ не разъ онъ токи лилъ
Надъ ней, въ тоскѣ души унылой.

*
* *

Блаженъ, кто храмъ души своей
Не предалъ пламени страстей,
И кто съ любовью крѣпкой къ Богу
Свершаетъ жизни сей дорогу.

*

Блаженъ, чья мысль всегда свята,
Чей духъ не гордъ и терпѣливъ
И кто къ подножію креста
Слагаетъ чувствъ своихъ порывъ.

*

Блаженъ, кто здѣсь противникъ зла,
Кто другъ сиротъ и другъ вдовицы,
Того, какъ свѣтлыя златницы,
Восходятъ на небо дѣла.

*

. . . . . .
Блаженъ великій князь: здѣсь онъ,
Какъ кедръ, зломъ не былъ сокрушенъ
И, царственнымъ вѣнцомъ блистая,
Вѣнчалъ себя и блескомъ рая.
Онъ на престолъ возшелъ отца,
Отчизнѣ скорбной къ утѣшенью,
И ясность свѣтлаго лица
Заботъ покрылась легкой тѣнью.

*

На жертву блага предастъ
Себя съ любовью онъ святою,—
Народъ его чтитъ всей душою,
И краснымъ солнышкомъ зоветъ.

*

Сынъ вѣрный Церкви православной,
Онъ храмы Божіи любилъ
И подъ порфирою державной
Смиренье въ сердцѣ сохранилъ.

*

Душа, какъ злато, въ немъ свѣтлѣла.
Онъ свято чтилъ чужихъ права—
И звонкоустая молва
О немъ во всѣхъ концахъ гремѣла.

ПРИЛОЖЕНІЕ, № III.

Св. Александръ Невскій въ разсказахъ современниковъ-очевидцевъ.

„Оставить отца человѣкъ можетъ, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, если бъ можно было".

„О великомъ князѣ нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, умномъ, кроткомъ, мудромъ, храбромъ, тезоименитомъ царю Александру Македонскому, подобномъ сильному и храброму царю Ахиллу".

„Разскажемъ объ его мужествѣ и житіи о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ".

„Какъ мнѣ худому, грѣшному и недостойному, начать описаніе житія великаго князя Александра Ярославича, внука Всеволода!? Но вѣдь я слышалъ и отъ отцовъ своихъ и самъ былъ самовидецъ жизни его и радъ повѣдать о святомъ, честномъ и славномъ житіи его. Приточникъ говоритъ [1]): въ злохитру душу не внидетъ премудрость, на высокихъ бо краехъ есть, при вратѣхъ сильныхъ присѣдитъ".

„Но хотя я и грубъ умомъ, однако, по молитвѣ святой госпожи Богородицы и поспѣшеніемъ св. князя Александра Ярославича положу начало. Этотъ князь родился отъ отца благочестиваго, нищелюбца и кроткаго — отъ великаго князя Ярослава и отъ благочестивой матери Ѳеодосіи. Такъ и пророкъ Исаія говоритъ [2]): тако глаголетъ Господь: князи Азъ учиняю, священи бо суть; Азъ вожу я воистину".

„Воистину, его княженіе совершилось по Божьему изволенію, и на немъ почивало Божіе благословеніе".

„Ростомъ онъ былъ выше другихъ людей; его голосъ (гремѣлъ), какъ труба, среди народа. Лицомъ онъ былъ какъ Іосифъ прекрасный, котораго египетскій царь поставилъ вторымъ (по себѣ) царемъ надъ Египтомъ. Сила

---

[1]) Премудр. Солом. 1, 4. Притч. VIII, 2, 3.

[2]) Ис. XIII. 3.

у него—половина силы Самсоновой. Богъ надѣлилъ его храбростью римскаго царя Веспасіана, сына (преемника!) Неронова, покорившаго землю іудейскую. Когда Веспасіанъ хотѣлъ напасть на городъ Іотапату, граждане, ополчившись, вышли и побѣдили его полки, такъ что онъ остался одинъ (предъ врагами). Прогнавъ враговъ до воротъ и взявъ городъ, онъ съ укоризною посмѣялся надъ своей дружиной. „Оставили вы меня одного!!“ Такъ и князь Александръ Ярославичъ, побѣждая другихъ, самъ оставался непобѣдимъ“.

О посѣщеніи Александра ливонскимъ магистромъ Андреемъ Вельвеномъ. Нападеніе шведовъ.

„Нѣкто изъ западныхъ странъ, изъ числа тѣхъ, которые называютъ себя „слуги Божіи“, именемъ Андреяшъ, пошелъ, чтобы видѣть Александра („хотя видѣти дивный возрастъ его“), подобно тому какъ нѣкогда царица южская приходила къ царю Соломону, желая слышать его премудрость. Такъ и этотъ Андреяшъ, увидавъ Александра Ярославича и возвратившись къ своимъ, говорилъ: „Прошелъ я много странъ и народовъ, но такого не встрѣчалъ ни между царями, ни между князьями“. И вотъ услыхалъ о такомъ мужествѣ князя Александра Ярославича король римской области, изъ полунощной страны, и сказалъ: „Пойду и плѣню землю Александрову“. И собралъ великую силу и наполнилъ много кораблей своими полками. Съ большими силами явился онъ, пылая духомъ ратнымъ!“

„Войдя въ Неву-рѣку и ставъ у устья Ижоры, онъ, шатаясь, какъ безумный, хотѣлъ сперва взять Ладогу, а затѣмъ-де „заберу и Новгородъ и всю новгородскую область“. Надмеваясь гордостью, онъ послалъ пословъ въ Новгородъ къ великому князю Александру Ярославичу съ такими рѣчами: „Если только ты можешь сопротивляться... такъ вотъ я уже здѣсь и плѣню твою землю“!

„Услыхавъ эти слова, князь Александръ Ярославичъ разгорѣлся сердцемъ... Придя въ церковь святыя Софіи, онъ палъ на колѣна предъ алтаремъ и началъ молиться со слезами: „Боже хвальный, Боже праведный, Боже великій и крѣпкій, Боже предвѣчный, сотворившій небо и землю, назначившій предѣлы народамъ и повелѣвшій жить каждому, не заходя въ чужія земли! (и далѣе словами псалмопѣвца): „суди, Господи, обижающихъ меня и возбрани борющимся со мною, воспріими оружіе и щитъ и возстани на помощь мнѣ!“ Окончивъ молитву, онъ всталъ и поклонился архіепископу. Архіепископъ благословилъ его и отпустилъ съ миромъ“.

„Великій князь вышелъ изъ церкви, отирая слезы, и началъ ободрять свои полки“:

„Не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ! Вспомнимъ слова псалмопѣвца Давида [1]): сіи на колесницахъ, и сіи на конехъ: мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ. Тіи спяти быша и падоша“.

„И пошелъ на враговъ въ ярости мужества своего, съ небольшимъ числомъ войска. Уповая на Св. Троицу, не сталъ и дожидаться, пока соберутся большія войска“.

---

1) Пс. XIX. 6, 9.

„Жалостно было слышать, что его отецъ, честный князь Ярославъ Всеволодовичъ, и не зналъ о такомъ нападеніи на своего милаго сына, великаго князя Александра: не было у него времени послать вѣсть къ отцу, потому что непріятели уже приближались. Да и новгородцевъ собралось не много, потому что великій князь Александръ Ярославичъ поспѣшилъ выступить противъ враговъ. И пришелъ на нихъ въ воскресенье—въ день, посвященный памяти святыхъ отецъ, бывшихъ на соборѣ въ Халкидонѣ, святыхъ Кирика и Улиты и святаго великаго князя Владиміра, крестившаго землю русскую и нареченнаго во св. крещеніи Василіемъ".

О Пелгусіи ижорянинѣ. Невская побѣда.

„Былъ одинъ мужъ именемъ Пелгусій, старѣйшина земли ижорской. Ему поручено было наблюдать стражу на морѣ. Онъ принялъ святое крещеніе съ именемъ Филиппа и жилъ среди своихъ соплеменниковъ, остававшихся въ язычествѣ, богоугодно, воздерживаясь отъ пищи по средамъ и пятницамъ. Поэтому Богъ сподобилъ его страшнаго видѣнія, о которомъ мы и скажемъ вкратцѣ. Пелгусій имѣлъ великую вѣру и надежду на свв. мучениковъ Бориса и Глѣба. Увидавъ непріятелей, онъ пошелъ къ великому князю Александру Ярославичу, чтобы разсказать ему о силѣ варяжской и о расположеніи ихъ стана. Случилось ему стоять на краю моря и наблюдать оба пути. Всю ночь провелъ онъ безъ сна. На восходѣ солнца ему послышался страшный шумъ на морѣ—и вотъ онъ видитъ приближающійся насадъ. Посреди насада стояли святые мученики Борисъ и Глѣбъ въ одеждахъ багряныхъ; руки ихъ лежали на раменахъ другъ у друга; гребцы въ насадѣ были одѣты какъ бы мглою. И сказалъ Борисъ: „Братъ Глѣбъ, вели грести, да поможемъ сроднику своему великому князю Александру Ярославичу". Пелгусій, увидавъ видѣніе и услыхавъ такія рѣчи святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, въ ужасѣ затрепеталъ и стоялъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока насадъ не скрылся отъ очей его. Потомъ онъ поспѣшилъ къ своимъ, и вотъ встрѣтилъ его великій князь Александръ Ярославичъ. Съ радостью („радостныма очима") во взорѣ увидалъ онъ князя и разсказалъ ему одному о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Великій князь отвѣчалъ ему: „Не говори, друже, объ этомъ никому". Тогда князь устремился на враговъ, въ шестой часъ дня, и была злая сѣча съ римлянами. И избилъ онъ безчисленное множество римлянъ, и самому королю „возложилъ печать" на лицо своимъ острымъ мечемъ".

О шести храбрыхъ мужахъ.

„Здѣсь явились въ полку великаго князя Александра Ярославича шесть храбрыхъ мужей, которые крѣпко мужествовали съ княземъ. Первый, именемъ Гаврило Олексичъ, наѣхалъ на шнеку и, видя, что несутъ королевича подъ руки, взъѣхалъ до самаго корабля по той же доскѣ, по которой сходили. И вбѣжали враги въ корабль предъ нимъ и, обернувшись, сбросили его съ доски вмѣстѣ съ конемъ въ море, но онъ по волѣ Божіей вышелъ невредимъ (изъ воды). И снова бросился онъ къ кораблю и вступилъ въ

бой, окруженный врагами, съ самимъ воеводою. И были убиты имъ тогда воевода и епископъ ихъ. Другой новгородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, не имѣя страха въ сердцѣ, много разъ бросался на враговъ и бился однимъ топоромъ. Много враговъ пало подъ ударами его топора, такъ что всѣ дивились его силѣ и храбрости. Третій Яковъ Полочанинъ, ловчій князя, ударилъ на полкъ непріятельскій съ мечемъ въ рукѣ и съ такимъ мужествомъ поражалъ враговъ, что самъ князь его похвалилъ. Четвертый новгородецъ, именемъ Миша, съ дружиной соратниковъ, пѣшій бросился (къ морю) и потопилъ три корабля римлянъ. Пятый былъ нѣкто изъ младшихъ воиновъ, по имени Сава. Онъ наѣхалъ на большой златоверхій шатеръ (короля) и подсѣкъ у него столбъ. Шатеръ упалъ, и полки великаго князя Александра Ярославича, увидавъ паденіе шатра, возликовали. Шестой былъ слуга Александровъ Ратмиръ. Онъ бился пѣшій, и окружило его множество римлянъ. Онъ погибъ, весь покрытый ранами. Все это я слышалъ отъ своего господина князя Александра Ярославича и отъ другихъ, участвовавшихъ въ той сѣчѣ. И было тогда дивное чудо, подобно тому какъ въ древніе дни при царѣ Езекіи. Когда Сеннахиримъ, царь ассирійскій, подступилъ къ Іерусалиму съ намѣреніемъ взять святый городъ, внезапно явился ангелъ Господень и избилъ 185,000 войска ассирійскаго. На утро нашли множество труповъ погибшихъ непріятелей. Такъ случилось и при побѣдѣ надъ королемъ великаго князя Александра Ярославича. По ту сторону рѣки Ижоры, гдѣ и не могли быть полки Александра Ярославича, нашли великое множество избіенныхъ ангелами Божіими—множество труповъ лежало... Оставшіеся въ живыхъ со срамомъ бѣжали. Три корабля наполнены были трупами и всѣ потонули. Для другихъ ископали ямы и набросали въ нихъ безчисленное множество. Много было изранено. Въ ту же ночь всѣ бѣжали. Изъ новгородцевъ пали тогда: Константинъ Лугошиничъ, Юря Тапищаничъ, Дрочило Нездиловъ, сынъ Кожевниковъ, а всего съ ладожанами 20 мужей, а, можетъ быть, и меньше—то Богъ вѣсть!“

„Великій князь Александръ Ярославичъ и новгородцы возвратились съ великой побѣдой въ Новгородъ, будучи всѣ сохранены Богомъ и св. Софіею, хваля и прославляя святую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа“.

Ледовое побоище.

„Во второе лѣто по возвращеніи съ побѣды князя Александра Ярославича, пришли (нѣмцы) „отъ западныя страны“ и построили городъ во владѣніяхъ Александра. Великій князь Александръ Ярославичъ вскорѣ выступилъ противъ нихъ, разрушилъ городъ до основанія, а самихъ перебилъ. Однихъ онъ съ собою привелъ въ Новгородъ, а другихъ, помиловавъ, отпустилъ: милостивъ былъ „паче мѣры!“ На третій годъ послѣ побѣды надъ королемъ, въ зимнее время пошелъ князь съ большой силой въ землю нѣмцевъ, чтобы они не хвалились, говоря: „унизимъ славянскій народъ!“ Вѣдь уже и Псковъ взяли, и тіуновъ тамъ своихъ посадили... Великій князь Александръ Ярославичъ, отправившись противъ непріятелей, переловилъ нѣмцевъ и чудь, освободилъ Псковъ изъ плѣна, повоевалъ и пожегъ ихъ землю и забралъ безъ числа въ плѣнъ, а иныхъ избилъ. Тогда надменные враги собрались и порѣшили: „пойдемъ, погубимъ великаго князя

Александра и возьмемъ его своими руками!“ Когда они приближались, стража великаго князя Александра изумилась, увидавъ силу нѣмецкую. Великій князь Александръ Ярославичъ поклонился Святой Троицѣ и пошелъ въ землю нѣмецкую, чтобы отмстить за кровь христіанскую... Узнавъ объ этомъ, магистръ выступилъ противъ него со всѣми своими бискупами, со множествомъ народа и со всѣми властями, „что ни есть на сей сторонѣ“. Пришли на озеро, называемое „Чудское“. Великій князь Александръ Ярославичъ отступилъ на озеро. Нѣмцы и чудь пошли за нимъ. Великій князь поставилъ свои полки на озерѣ Чудскомъ, на узмени, у Вороньей скалы. Укрѣпившись силою крестною и исполчився, онъ пошелъ на враговъ. Съ той и другой стороны было великое множество воиновъ. Отецъ великій князь Ярославъ Всеволодовичъ прислалъ сыну меньшаго брата его Андрея съ большимъ войскомъ. У самого великаго князя Александра было много храбрыхъ мужей, подобно тому какъ у царя Давида были крѣпкіе и сильные. Такъ и войска великаго князя Александра пылали духомъ ратнымъ. Сердца у нихъ были какъ у львовъ... „О княже нашъ честный и драгій,— говорили они,— приспѣлъ часъ сложить намъ за тебя свои головы!“ Великій князь, воздѣвъ руки къ небу, воскликнулъ: „Суди, Боже, и разсуди споръ съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ! Помоги мнѣ, Господи, какъ нѣкогда Моисею противъ Амалика и прадѣду моему великому князю Ярославу противъ Святополка окаяннаго!“

„День былъ субботній. Солнце показалось... И сошлись оба войска. Нѣмцы и чудь пробились свиньею сквозь русскіе полки. Началась великая и злая сѣча: трескъ отъ ломавшихся копій, стукъ отъ ударовъ мечами— точно замерзшее озеро всколыхнулось... Не видно было льду—все было залито кровью... И вотъ что я слышалъ отъ очевидца. „Я видѣлъ,—говорилъ онъ мнѣ,—Божіе воинство на воздухѣ, пришедшее на помощь великому князю Александру Ярославичу“. Русскіе одержали побѣду силою Божіею и помощію св. Софіи и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. И обратили враги „плещи своя“, и сѣкли ихъ русскіе воины, преслѣдуя какъ бы по воздуху, и некуда имъ было скрыться... Избивали ихъ на льду на протяженіи семи верстъ до Суболичскаго берега... Такъ Богъ прославилъ здѣсь великаго князя Александра предъ всѣми полками, какъ Іисуса Навина подъ Іерихономъ... Вотъ хвастались нѣмцы: „возьмемъ великаго князя Александра своими руками“... А Богъ самихъ предалъ въ руки его, да и не было ему равнаго противника въ бою... Послѣ славной побѣды великій князь Александръ возвращался во Псковъ. Много было плѣнныхъ; его воины подлѣ коней вели тѣхъ, которые называются рыцарями. Когда великій князь Александръ приблизился къ Пскову, его передъ городомъ встрѣтили игумены и священники съ крестами въ ризахъ и множество народа. И пѣли славу Господу и великому князю Александру Ярославичу: „Господи, пособивый кроткому Давиду побѣдить иноплеменниковъ, Ты помогъ и вѣрному князю нашему оружіемъ крестнымъ освободить Псковъ отъ иноязычниковъ и иноплеменниковъ, (избавилъ насъ) рукою великаго князя Александра Ярославича“!..

„О невѣгласы псковичи, если вы забудете это и до правнучатъ великаго князя Александра Ярославича“ (не будете помнить его благодѣянія), вы уподобитесь жидамъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ „крастелми печеными!“ Всѣ благодѣянія Бога своего, изведшаго ихъ чрезъ Моисея

„изъ работы египетскія“, они позабыли! Вотъ что я вамъ скажу: если кто-нибудь изъ рода его и впослѣдствіи придетъ къ вамъ или въ печали пріѣдетъ жить у васъ, а вы не примете и не почтите его—будь вамъ имя „вторые жиды!“

„И стало славнымъ имя великаго князя Александра Ярославича по всѣмъ странамъ—отъ моря Варяжскаго до морей Понтскаго и Хупожскаго, до страны Тиверійской и до горъ Араратскихъ, по ту сторону моря Варяжскаго и горъ Аравійскихъ,—даже до Рима великаго!..“

„Около того времени усилились литовцы и начали „пакостити“ въ областяхъ князя Александра. Онъ, выступая противъ нихъ, началъ ихъ избивать. Во время одного похода удалось ему разбить семь ратей, при чемъ избито было много воеводъ ихъ, а иныхъ забрали въ плѣнъ. Слуги князя Александра, ругаясь надъ непріятелями, привязывали ихъ къ хвостамъ своихъ коней и такимъ образомъ вели за собою безбожную литву. Съ того времени литовцы стали бояться имени его“...

Путешествіе къ Батыю.

„Въ то время сильный царь восточной стороны прислалъ своихъ пословъ къ великому князю Александру съ такою рѣчью: „Богъ покорилъ мнѣ столько народовъ—ты ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей? Если хочешь сохранить невредимой свою землю, приди ко мнѣ—и увидишь честь и славу царства моего!“

„По смерти отца своего великій князь Александръ прибылъ во Владиміръ „въ силѣ тяжцѣ“, и грозенъ былъ пріѣздъ его! Молва прошла до устьевъ Волги, и жены моавитскія стали стращать дѣтей своихъ, говоря имъ: „Молчи! великій князь Александръ ѣдетъ!..“

„Великій князь отправился къ царю въ орду. Епископъ Кириллъ благословилъ его въ путь. Когда онъ явился къ царю, Батый подивился ему и сказалъ своимъ вельможамъ: „Правду говорили мнѣ, что нѣтъ другого подобнаго князя!“ И почтилъ его царь многими дарами и отпустилъ въ Русь съ великою честью“.

Плѣненіе Неврюево.

„Впослѣдствіи царь Батый разгнѣвался на меньшаго брата Александра—на Андрея и послалъ на него своего воеводу Неврюя. Неврюй разорилъ всю землю суздальскую. Послѣ плѣненія Неврюева великій князь Александръ воздвигъ церкви изъ развалинъ и снова наполнилъ города, собравъ разогнанныхъ жителей въ свои дома. О такихъ пророкъ Исаія говоритъ: добрый князь въ странѣ не собираетъ богатства, не презираетъ кровь праведника, праведно судитъ сироту и вдовицу; милостилюбецъ, а не златолюбецъ; благъ для своихъ домочадцевъ; кормитель приходящимъ изъ иныхъ странъ и изъ своей страны, на такихъ Богъ милостиво взираетъ!—Такъ Богъ распространилъ землю в. князя Александра и умножилъ богатство и славу его и продлилъ вѣкъ его“.

Посольство отъ папы.

„Однажды папа прислалъ къ в. князю Александру пословъ изъ великаго Рима. Послы говорили князю: „Такъ говоритъ папа: мы слышали о тебѣ, что ты—славный и дивный князь, и земля твоя велика. Поэтому мы послали къ тебѣ изъ числа двѣнадцати кардиналовъ двухъ мудрѣйшихъ: Галда и Гемонта, чтобы ты послушалъ ученія нашего". Посовѣтовавшись со своими мудрецами, великій князь Александръ Ярославичъ, громко воскликнувъ, сказалъ въ отвѣтъ имъ: „Отъ Адама до потопа, отъ потопа до раздѣленія народовъ, отъ раздѣленія народовъ до Авраама, отъ Авраама до прошествія израильтянъ чрезъ Чермное море, отъ исхода сыновъ израилевыхъ до кончины царя Давида, отъ начала царства Соломона до царя Августа, отъ начала правленія Августа до рождества Христова, до Его страданій и воскресенія, отъ воскресенія и вознесенія на небо, до воцаренія великаго Константина и до перваго собора и до седьмого—все мы хорошо знаемъ, а вашего ученія не примемъ!" Послы возвратились во-свояси".

Послѣдній подвигъ св. Александра.

„Между тѣмъ Богъ продлилъ еще дни жизни великому князю Александру, потому что онъ любилъ чинъ церковный: священниковъ, митрополитовъ и епископовъ чтилъ, какъ самого Христа, и любилъ всѣхъ христіанъ. Случилось тогда великое притѣсненіе отъ поганыхъ (татаръ): сгоняли людей, принуждая воевать вмѣстѣ съ ними. Великій князь вознамѣрился отправиться въ орду къ царю, чтобы отмолить своихъ людей отъ бѣды, а своего младшаго брата князя Ярослава и сына своего князя Димитрія посылалъ въ походъ со всѣми полками въ западныя страны. Ярославъ вмѣстѣ съ племянникомъ выступилъ съ большими силами и взялъ у нѣмцевъ крѣпкій городъ Юрьевъ. Они возвратились домой съ большой добычей и съ великой славой. Между тѣмъ великій князь Александръ, отправившись въ орду къ царю Беркаю, зимовалъ тамъ, потому что царь не отпускалъ въ Русь. Тамъ въ ордѣ онъ и разболѣлся. При возвращеніи на родину онъ дошелъ до Нижняго-Новгорода и, промедливъ тамъ немного, прибылъ въ Городецъ, гдѣ болѣзнь его еще больше усилилась".

Кончина св. Александра.

„Горе тебѣ, бѣдный человѣче! Какъ опишешь ты кончину господина своего? какъ не выпадутъ у тебя зѣницы вмѣстѣ со слезами? какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? Оставить отца человѣкъ можетъ, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, если бъ можно было!"

„Великій князь Александръ Ярославичъ, крѣпко ревновавъ о Господѣ Богѣ своемъ (въ теченіе жизни своей), оставляя земное царство и возжелавъ небеснаго, воспріялъ ангельскій образъ иноческаго житія, сподобившись

высшаго чина—схимы, въ 14 день мѣсяца ноября. Въ ту же ночь и преставился".

„Митрополитъ Кириллъ (совершавшій литургію) сказалъ, обратившись къ народу: „Чада моя милая, знайте, что закатилось солнце земли русской!" Іереи, и діаконы, и черноризцы, нищіи и богатые, и весь народъ—вскрикнули: „погибаемъ!"

„Между тѣмъ святое тѣло князя несли къ Владиміру. Митрополитъ Кириллъ съ чиномъ церковнымъ, князья и бояре, и весь народъ, малые и большіе встрѣтили тѣло въ Боголюбовѣ, со свѣщами и кадилами. Отъ множества народа люди выбивались изъ силъ, желая прикоснуться къ честному тѣлу. Плачъ, рыданія и скорбь были таковы, какихъ никогда не бывало—точно земля тряслась... Во Владимірѣ положили его въ церкви Рождества святыя Богородицы, ноября 23 дня, на память св. Амфилохія. И было тогда чудо дивное, достойное памяти. По окончаніи отпѣванія честнаго тѣла экономъ митрополита Кирилла Севастіанъ приступилъ ко гробу и хотѣлъ разогнуть руку почившаго, чтобы вложить духовную грамоту; тогда почившій самъ, какъ живой, простеръ руку свою и взялъ грамоту отъ руки митрополита. Великій страхъ объялъ всѣхъ, такъ что отъ раки отступили. Объ этомъ разсказывали всѣмъ самъ митрополитъ Кириллъ и экономъ его—Севастіанъ. Кто, братіе, слышавши объ этомъ, не подивится чуду, совершившемуся отъ бездыханнаго тѣла, привезеннаго изъ далекаго мѣста въ зимнее время?!.. Такъ Богъ прославилъ Своего угодника, который много потрудился, полагая жизнь свою за землю русскую, за Новгородъ, за Псковъ, за все великое княженіе и за вѣру православную". (См. обозрѣніе источниковъ.)

ПРИЛОЖЕНІЕ, № IV.

Св. Александръ Невскій въ сужденіяхъ и отзывахъ русскихъ историковъ.

„Истинныя заслуги никогда не умираютъ, но, живя въ признательности всеобщей, переходятъ изъ рода въ родъ“.

(Изъ указа Императора Александра I).

Кн. Щербатовъ: „Сей государь исполненъ былъ всѣми добродѣтелями, былъ храбръ на брани, яко многія одержанныя имъ побѣды надъ нѣмецкими, чудскими и литовскими народами свидѣтельствуютъ; твердъ въ предпріятіяхъ своихъ, безъ чего бы въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ каковыхъ была тогда Россія, не могъ оную отъ многихъ несчастій спасти; любитель правосудія, ненавистникъ всякаго междоусобія, истинный другъ своимъ ближнимъ, не взирая на нѣкоторыя учиненныя оными противу его державы предпріятія, и отецъ своимъ подданнымъ, за которыхъ самъ не однажды крайнимъ погибелямъ подвергался, и, наконецъ, толь великую имѣлъ мудрость въ правленіи, что, не взирая на тогдашнее разореніе Россіи, нашелъ способъ себя учинить почтенна татарамъ и страшна нѣмцамъ, шведамъ и литовцамъ. Церковь же россійская, почитая добродѣтели сего государя, въ число святыхъ его вмѣстила“. Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. III. 90. Спб. 1774.

Карамзинъ. Описавъ горесть народа по случаю кончины Александра Невскаго, историкъ продолжаетъ: „Что можетъ прибавить судъ историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Добрые россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ ангеловъ-хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрно мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего князя! Имя *святого,* ему данное, гораздо выразительнѣе *великаго,* ибо великими называютъ обыкновенно *счастливыхъ,* Александръ же

могъ добродѣтелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда справедливо цѣнитъ достоинства государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ государства. Самые легкомысленные новгородцы, неохотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно молили Бога за усопшаго князя, говоря, что „онъ много потрудился за Новгородъ и за всю землю русскую". (Карамз. И. Г. Р. т. IV, 91).

Соловьевъ. „Соблюденіе русской земли отъ бѣды на востокѣ, знаменитые подвиги за вѣру и землю на западѣ доставили Александру славную память на Руси, сдѣлали его самымъ виднымъ лицомъ въ нашей древней исторіи отъ Мономаха до Донскаго". (Соловьевъ. Истор. Россіи. 1853. Т. III, 196).

Бѣляевъ. „Трудясь для блага Россіи, стараясь защитить и успокоить отечество, онъ не давалъ себѣ покою и, отягченный непомѣрными трудами, умеръ во цвѣтѣ лѣтъ. Современники, не имѣя къ тому обычая, не поставили ему памятника, но его доблести соорудили себѣ несокрушимый памятникъ въ сердцахъ ихъ, церковь русская причислила его къ лику святыхъ молитвенниковъ за русскую землю, и Богъ прославилъ гробъ его многими чудесами... Первая новгородская лѣтопись, говоря о кончинѣ Александра Ярославича, заключаетъ свой разсказъ словами: „Потрудися за Новгородъ и за всю русьскую землю". Позднѣйшая исторія, зная послѣдствія трудовъ Александровыхъ, въ правѣ сказать: Александръ много потрудился для отечества и Богъ благословилъ труды его; всѣ заботы и попеченія Александровы принесли богатѣйшіе плоды". (Бѣляевъ. В. кн. Ал. Яросл. Невскій. 41—42).

Арцыбашевъ. „Этотъ государь (проименованный Невскимъ) трудился много для Россіи, не щадя жизни своей". (Повѣств. о Россіи. Т. II. М. 1838. 34—35).

Костомаровъ. „XIII вѣкъ былъ періодомъ самаго ужаснаго потрясенія для Руси. Съ востока на нее нахлынули монголы съ безчисленными полчищами покоренныхъ татарскихъ племенъ, разорили, обезлюдили бо́льшую часть Руси и поработили остатокъ народонаселенія; съ сѣверо-запада угрожало ей нѣмецкое племя подъ знаменемъ западнаго католичества. Задачею политическаго дѣятеля того времени было поставить Русь по возможности въ такія отношенія къ разнымъ врагамъ, при которыхъ она могла удержать свое существованіе. Человѣкъ, который принялъ на себя эту задачу и положилъ твердое основаніе на будущія времена дальнѣйшему исполненію этой задачи, по справедливости можетъ назваться истиннымъ представителемъ своего вѣка.

Такимъ является въ русской исторіи князь Александръ Ярославичъ Невскій". (Русская ист. въ жизнеоп. ея главн. дѣятелей. Вып. I. Спб. 1873. Стр. 152).

Бестужевъ-Рюминъ. „Когда послѣ кончины тѣло св. Александра привезли во Владиміръ, встрѣтилъ его митрополитъ Кириллъ замѣчательными словами: „Чада моя милая! Разумѣйте, яко зайде солнце земли русьской". И всѣ присутствующіе воскликнули: „Уже погибаемъ". Такъ нуженъ былъ Александръ, ясно понимавшій, что сопротивляться было не время, что лучшее спасеніе въ благоразумной уступчивости, что болѣе можно было выиграть политикою, умѣвшій ладить съ татарами и тѣмъ спасшій русскую земли". („Русск. ист." Спб. 1872. 290).

Иловайскій. „Главное значеніе Александра въ русской исторіи основано на томъ, что его дѣятельность совпала со временемъ, когда характеръ монгольскаго ига только что опредѣлялся, когда устанавливались самыя отношенія покоренной Руси къ ея завоевателямъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что политическая ловкость Александра много повліяла на эти устанавливающіяся отношенія. Въ качествѣ великаго князя, онъ умѣлъ не только отклонять новыя татарскія нашествія и давать нѣкоторый отдыхъ народу отъ страшныхъ погромовъ; но и знаками глубокой покорности, а также обѣщаніемъ богатыхъ даней умѣлъ отстранять болѣе тѣсное сожительство съ варварами и удерживать ихъ въ отдаленіи отъ Руси... То былъ блистательный представитель великорусскаго типа...“ (Илов. „Ист. Россіи“. Ч. II. Москва. 1880. 425—426).

ПРИЛОЖЕНІЕ, № V.

Хронологическая таблица.

I. Событія изъ жизни св. Александра.

Годъ рожденія св. Александра Невскаго	1219
Начало княженія въ Новгородѣ	1228
Самостоятельное княженіе	1236
Бракъ	1239
Нашествіе шведовъ	1240
Ледовое побоище и походы на Литву	1242
Походы на Литву и пораженіе литовцевъ у озера Жизца	1245
Кончина вел. кн. Ярослава	1246
Путешествіе къ Батыю и къ истокамъ Амура	1246—1250
Плѣненіе Неврюево	1252
Александръ—великій князь	1252
Посольство папы	1252
Набѣгъ литовцевъ и ихъ пораженіе близъ Торопца	1253
Изгнаніе новгородцами Василія Александровича	1253
Финляндскій походъ	1256
Переговоры съ татарами относительно дани	1253—1257
Новая распря съ Новгородомъ изъ-за дани	1257—1259
Рожденіе Даніила	1261
Походъ Ярослава и Димитрія противъ нѣмцевъ. Взятіе Юрьева.	1262
Послѣднее путешествіе въ орду и кончина св. Александра	1263

II. Событія въ юго-западной Руси.

Вступленіе на престолъ Даніила Романовича	1229
Путешествіе Даніила въ орду	1250
Коронованіе Даніила въ Дрогичинѣ королевск. вѣнцомъ	1255
Кончина Даніила	1264
Мученическая кончина въ ордѣ Михаила черниговскаго	1246

III. Монголы.

Чингизъ-ханъ	1154—1227
Розореніе царства гангутовъ	1206
Походъ на Ховарезмъ (Бухару)	1219
Битва на Калкѣ	1224
Окончательное покореніе Тангута и сѣв. Китая	1227
Опустошеніе Рязанской области	1237
Битва при Сити	1238
Взятіе Кіева	1240
Битва при Лигницѣ	1241
Погибель Багдадскаго халифата	1258

IV. Швеція.

Эрикъ Эриксонъ, при фактической власти Биргера	1216—1251
Вальдемаръ, сынъ Биргера	1251—1275

V. Норвегія.

Гаконъ V	1217—1263

VI. Данія.

Вальдемаръ II Побѣдоносный. Его супруга Дагмара, героиня народныхъ пѣснопѣній	1202—1241
Эрикъ Плогпеннигъ	1241—1250
Абель	
Кристофъ	† 1259
Эрикъ	1259—1285

VII. Ливонскій орденъ.

Альбертъ	1199—1229
Основаніе ордена и построеніе Риги	1201
Паденіе Юрьева	1224
Соединеніе Ливонскаго и Тевтонскаго орденовъ	1237

VIII. Литва.

Крещеніе Миндовга	1252
Смерть „	1263

IX Польша.

Лешекъ . . . . . 1206—1227
Германизація Померанін и Вендской земли между Эльбою и Одеромъ.
Болеславъ . . . . . 1227—1238
Генрихъ Благочестивый
Распаденіе Польши на 11 14 независимыхъ владѣній.

X. Богемія.

Оттокаръ II . . . . . 1253—1278
Борьба Оттокара съ Рудольфомъ Габсбургскимъ.

XI. Венгрія.

Андрей II 1205 1235
Бела IV. . . . . 1235—1270

XII. Византія.

Взятіе Константинополя крестоносцами 1204
Латинская имперія . . . . . 1204—1261
Михаилъ Палеологъ изгонятъ латинцевъ 1261

XIII Германія.

Фридрихъ II Гогенштауфенъ . . . . . 1212—1250
Продолженіе эпохи крестовыхъ походовъ и борьбы папъ съ императорами.
Крестовый походъ его. . . . . 1228—1229
Конрадъ IV . . . . . 1250—1254
Паденіе дома Гогенштауфеновъ.

XIV. Франція.

Усиленіе могущества Капетинговъ.
Людовикъ IX Святой. . . . . 1226—1270
Крестовые походы Людовика.
Продолженіе и окончаніе альбигойскихъ войнъ . . . . . 1218—1229
Составленіе инструкціи для инквизиціи на Тулузскомъ соборѣ, по порученію Иннокентія III 1229

XV. Испанія.

Войны съ маврами.

Фердинандъ III Святой . . . . . 1230—1252
Альфонсъ X . . . . . 1252—1284

XVI. Англія.

Начало установленія парламентскаго правленія.

Генрихъ III. 1216 1272

XVII. Современные папы.

Иннокентій III . . . . . 1198 - 1216
Гонорій III. . . . . 1216—1227
Григорій IX . . . . . 1227—1241

Целестинъ IV, умер. безъ посвященія.

Иннокентій IV . . . . . 1243—1254
Александръ IV . . . . . 1254—1261
Урбанъ IV . . . . . 1261—1265

ИСТОЧНИКИ, ПОСОБІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ.

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ И ПОСОБІЙ.

I. Рукописныя житія.

Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности св. Александра служитъ сказаніе о немъ, написанное современникомъ, который называетъ себя «самовидцемъ возраста его». По изслѣдованію проф. Ключевскаго, оно извѣстно въ пяти редакціяхъ:

1) *Начало: „Преставися великій князь Александръ Ярославичь въ лѣто 6741. Скажемъ мужество его и житіе его“.* Въ библ. Московской Духовной Академіи. № 576, XVI вѣка. Въ Моск. Публ. Музеѣ № 1772, XVI—XVII вѣка.

«Первоначальное житіе св. князя Александра Невскаго составляетъ большую рѣдкость въ уцѣлѣвшихъ древнерусскихъ рукописяхъ: повидимому, отдѣльные списки его попадались рѣдко и стариннымъ нашимъ переписчикамъ [1]). Это можно отчасти объяснить тѣмъ, что въ позднѣйшей письменности, наиболѣе сохранившейся, древнее житіе было вытѣснено изъ обращенія нѣсколькими редакціями его, составленными въ XVI вѣкѣ въ духѣ позднѣйшаго житейнаго стиля. При такой рѣдкости списковъ, первое сличеніе ихъ можетъ возбудить нѣкоторыя сомнѣнія относительно первоначальнаго состава житія. Въ спискѣ, дополненномъ лѣтописными извѣстіями, есть подробности, не встрѣчающіяся въ другихъ. Сличая этотъ списокъ съ древней новгородской лѣтописью, легко видѣть, что эти подробности не принадлежатъ автору житія: почти всѣ онѣ относятся къ невскому и ледовому побоищу и заимствованы почти дословно изъ новгородской лѣтописи, а авторъ житія — не новгородецъ и опускалъ многое, касавшееся собственно Новгорода [2]). Съ другой стороны есть черты, опущенныя въ спискѣ псковской лѣтописи и удержанныя другими; самая крупная изъ нихъ — разсказъ о шести русскихъ удальцахъ, отличившихся въ невскомъ бою. Этотъ разсказъ интересовалъ не исключительно однихъ новгородцевъ, ибо далеко не всѣ эти удальцы вышли изъ ихъ среды: четверо принадлежали къ дружинѣ князя, отъ котораго и слышалъ этотъ разсказъ авторъ, по его собственному показанію: «Си же вся слышахъ отъ господина своего кн. Александра Ярославича и отъ иныхъ, иже обрѣтошася въ той сѣчи».

---

[1]) Единственный намъ извѣстный отдѣльный списокъ житія въ рукоп. Моск. Дух. Акад. XVI в. № 576, л. 1—9, и тотъ, кажется, выписанъ изъ лѣтописнаго сборника, судя по началу: „Преставися вел. кн. Александръ Ярославичъ въ лѣто 6771. Скажемъ мужество и житіе его“. Другіе списки въ лѣтописныхъ сборникахъ: во 2-й псковской лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 2—6) съ пропусками, въ лаврентьевской (тамъ же 1, 204—206) безъ конца, въ 1-й софійской и воскресенской (тамъ же V, 176—181, 191; VII, 146—151): здѣсь житіе подновлено и разбито на отдѣльныя статьи, перемѣшанныя съ лѣтописными извѣстіями; точно также и въ тверской (тамъ же XV, 375—384).

[2]) Эти вставки (см. П. С. Л. V, 177, 179 и слѣд.; слич. съ повтор. лѣт. тамъ же III, 53 и 54): описаніе нашествія шведовъ въ 1240 г., перечень павшихъ въ бою новгородцевъ, начало разсказа о ледовомъ побоищѣ и друг. болѣе мелкія.

Авторъ—не новгородецъ: у него нѣтъ обычныхъ выраженій новгородца о родномъ городѣ, даже есть, напротивъ, нѣкоторое разногласіе съ новгородскимъ лѣтописцемъ въ разсказѣ о невскомъ боѣ: умалчивая о подробностяхъ, которыя могли занимать однихъ новгородцевъ и отмѣчены ихъ лѣтописцемъ, онъ не безъ ударенія указываетъ, что Александръ поспѣшилъ выступить противъ враговъ «въ малѣ дружинѣ» и потому много новгородцевъ не успѣло присоединиться къ нему, тогда какъ новгородскій лѣтописецъ выводитъ Александра въ походъ только съ новгородцами и ладожанами, не упоминая о княжеской дружинѣ. Авторъ и не псковичъ: послѣдняго трудно предположить въ жесткихъ словахъ, съ какими житіе заставляетъ Александра обратиться къ псковичамъ послѣ ледоваго боя: «О невѣгласи псковичи! аще сего (избавленія отъ нѣмцевъ) забудете и до правнучатъ Александровыхъ, и уподобитеся жидомъ» и проч. [1]) Эти слова, образъ выраженія о ливонскихъ нѣмцахъ и шведахъ и другія черты обличаютъ въ авторѣ жителя низовской земли, владимірца; на это указываетъ и обиліе подробностей въ разсказѣ о погребеніи Александра во Владимірѣ, которыхъ нѣтъ въ новгородской лѣтописи [2]). Но трудно опредѣлить общественное положеніе автора; изъ его разсказа видно только, что онъ былъ лицо, стоявшее близко къ Александру. По его признанію, онъ слышалъ о князѣ отъ отцовъ своихъ и былъ «самовидецъ возраста его», о невскомъ боѣ ему разсказывали самъ Александръ и другіе участвовавшіе въ дѣлѣ, очевидно, дружинники князя; о ледовомъ боѣ онъ также слышалъ отъ «самовидца» [3]).

Разсматриваемое житіе далеко не составляетъ полной, обстоятельной біографіи Александра; въ немъ не находимъ многаго, что извѣстно о князѣ изъ другихъ источниковъ. Въ немъ нѣтъ даже связнаго разсказа; содержаніе его представляетъ недлинный рядъ отрывочныхъ воспоминаній, отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни Александра. Не трудно замѣтить мысль, руководившую авторомъ при выборѣ этихъ эпизодовъ: въ его запискѣ соединены именно такія черты, которыя рисуютъ неисторическую дѣятельность знаменитаго князя со всѣхъ сторонъ, а его личность и глубокое впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ, и эти черты переданы въ томъ свѣжемъ, непотертомъ позднимъ преданіемъ видѣ, въ какомъ ходили онѣ между современниками... Источникъ съ такими чертами въ сѣверной письменности получаетъ тѣмъ болѣе цѣны, что ихъ нѣтъ въ современной сѣверной лѣтописи, вообще не любящей рисовать живо явленія времени, и легко замѣтить, что позднѣйшіе лѣтописные сборники въ разсказѣ объ Александрѣ воспроизводятъ эти живыя черты именно по житію, безъ котораго онѣ погибли бы для нихъ и для историка. Литературная сторона житія дѣлаетъ его явленіемъ не менѣе любопытнымъ для характеристики литературной дѣятельности XIII вѣка на сѣверѣ. Изложеніе его не чуждо книжной искусственности, хотя очень далеко отъ изысканнаго до невразумительности «добрословія» позднѣйшихъ книжниковъ. Авторъ знакомъ и съ божественнымъ и съ человѣческимъ писаніемъ: онъ умѣетъ кстати привести текстъ изъ ветхозавѣтнаго пророка; характеризуя своего героя, онъ сравнитъ его въ храбрости съ царемъ рим-

---

[1]) Такъ по сп. 2-й псковской лѣтописи (П. С. Л. IV, 180); по другимъ то говоритъ авторъ отъ своего лица.

[2]) Митрополитъ Евгеній въ Слов. пис. дух. чина II, 265, основываясь только на томъ, что въ древнемъ новгородскомъ, какъ и въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ, житіе Александра помѣщено подъ 1240 г., признаетъ авторомъ его пономаря Тимоѳея, который будто бы составлялъ новгородскую лѣтопись послѣ „попа Іоанна“ и по одному списку ея называетъ себя въ ней подъ 1230 г. Впослѣдствіи нашли подтвержденіе этому въ одномъ новгородскомъ прологѣ, писанномъ, какъ значится въ припискѣ, Тимоѳеемъ, пономаремъ церкви св. Іакова, въ Новгородѣ въ 1282 г. Русск. Ист. Сиб. т. III, кн. 3, стр. 293, статья И. С. Обзоръ р. дух. лит. 1, 64. Но 1) самъ авторъ статьи сознается, что годъ въ припискѣ можно прочитать и 6705, какъ и читаетъ архим. Филаретъ, и 6790, какъ находитъ болѣе вѣроятнымъ авторъ; 2) пономарь и составитель лѣтописи въ 1230 могъ, положимъ, переписать прологъ въ 1282, но былъ, конечно, гораздо старше Невскаго, родившагося послѣ 1219 г., а въ житіи обѣщаетъ разсказать о немъ и то, что слышалъ „отъ отецъ своихъ“, чего какъ будто не помнилъ самъ; 3) есть мнѣніе, что Тимоѳей—только позднѣйшій переписчикъ лѣтописи, и упомянутый прологъ служитъ скорѣе подтвержденіемъ этого. Не говоримъ объ указанномъ разногласіи автора житія и новгородск. лѣтописца.

[3]) Въ сп. псковской лѣт. (П. С. V, 6), сохранилась, повидимому, оффиціальная форма выраженія о хоронившемъ Александра митр. Кириллѣ († 1280), могущая навести на мысль, что житіе писано еще при немъ: „Се же слышано бысть всѣмъ отъ господина митрополита“. Такъ же и въ рукоп. Московской Духовной Академіи; въ другихъ просто: „Отъ Кирилла митрополита“.

скимъ «Еуспесіаномъ» и при этомъ разскажетъ случай, гдѣ послѣдній явилъ свое мужество; разсказывая объ избіеніи шведовъ ангелами въ невскомъ бою, не забудетъ упомянуть о подобномъ чудѣ въ древніе дни, при царѣ Езекіи. Далѣе онъ знаетъ, что пишетъ житіе святаго, котораго и самъ такъ называетъ. Несмотря на все это, онъ не выдерживаетъ элементарныхъ пріемовъ житія, не хочетъ ни начать его приличнымъ описаніемъ благочестиваго дѣтства святаго князя, ни закончить молитвеннымъ обращеніемъ къ новому ходатаю на небѣ. Вмѣсто этого онъ набрасываетъ въ началѣ повѣсти краткую характеристику взрослаго князя: ростомъ онъ выше другихъ людей, голосъ его точно труба въ народѣ, лицомъ онъ Іосифъ прекрасный, сила его — половина силы Самсоновой, и далъ ему Богъ премудрость Соломонову, храбростью онъ Веспасіанъ, царь римскій, — и рядомъ съ этими земными доблестями ни одной иноческой, чѣмъ любили съ дѣтства отличать даже князей позднѣйшія житія. Описаніе кончины святаго авторъ начинаетъ обращеніемъ къ себѣ, которое по наивной изобразительности земной скорби столь же чуждо духу житій послѣдующаго времени: горе тебѣ, бѣдный человѣче! какъ опишешь ты кончину господина своего? какъ не выпадутъ у тебя зѣницы вмѣстѣ съ слезами? какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? оставить отца человѣкъ можетъ, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, если бы можно было. Житіеписатель, вышедшій изъ школы Пахомія Логоѳета, сказалъ бы, что авторъ повѣсти объ Александрѣ совсѣмъ не умѣетъ писать житія; такъ, вѣроятно, и думали передѣлывавшіе ее редакторы XVI вѣка, сглаживая въ ней именно эти оригинальные, вольные пріемы. Этимъ вольнымъ движеніемъ, не стѣсняющимся холодной торжественностью житейнаго языка, оживленъ весь разсказъ житія; замѣтно еще литературное вѣяніе стараго кіевскаго или волынскаго юга подъ этимъ сѣвернымъ, суздальскимъ перомъ, которое съ гибкостью и изобразительностью южнаго лѣтописца вставляетъ въ разсказъ и библейскій примѣръ или текстъ, и сжатую картину ледоваго боя или народной скорби при погребеніи Александра, не даетъ князю, его дружинѣ и другимъ дѣйствующимъ лицамъ дѣйствовать молча, но постоянно выводитъ ихъ съ живою рѣчью и при этомъ иногда мимоходомъ отмѣчаетъ черту современнаго общественнаго взгляда или отношенія къ извѣстному событію: жалостно было слышать, добавляетъ житіе въ разсказѣ о поспѣшномъ выступленіи Александра противъ шведовъ, — жалостно было слышать, что отецъ его вел. кн. Ярославъ не вѣдалъ такого нашествія на сына своего милаго Александра, и ему было некогда посылать вѣсть къ отцу, ибо враги уже приближались». (Ключевскій. Древнерусскія житія святыхъ, стр. 65 – 71).

Сказаніе о св. Александрѣ Невскомъ, находящееся въ сборникѣ Московской Духовной Академіи (изъ библіотеки Троицкой Сергіевой Лавры), напечатано въ изданіяхъ Императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1882 г. Есть отдѣльный оттискъ. «Сказаніе XIII вѣка о подвигахъ и жизни святого благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго» (первоначальная редакція по отдѣльному списку). Сообщ. архимандритомъ Леонидомъ. Спб. 1882 года. Мы имѣли ее подъ руками, цит. «Сказаніе».

Другія редакціи древняго житія св. Александра получили свое происхожденіе въ XVI вѣкѣ. Поводомъ къ составленію ихъ послужило слѣдующее: «Церковь русская, говоритъ въ своей исторіи русской церкви преосвященный Макарій, въ продолженіе пяти слишкомъ вѣковъ воспитала уже весьма много угодниковъ Божіихъ. Но почти всѣ они чествуемы были доселѣ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подвизались и покоились по смерти, а не по всей Россіи. Да и эти мѣстныя чествованія, какъ неутвержденныя высшею властію въ русской церкви, властію митрополита и собора, не могли имѣть полной законности и полной обязательности для православныхъ. Если же иногда учреждаемы были у насъ церковною властію и общія или повсемѣстныя празднества въ честь того или другого святаго, напримѣръ, въ XI вѣкѣ въ честь св. мученикъ Бориса и Глѣба, въ началѣ XII — въ честь преп. Ѳеодосія печерскаго, въ XIV — въ честь святителя Петра, митрополита московскаго, XV — въ честь св. митрополита Алексія: то подобныя событія были крайне рѣдки и совершались отдѣльно одно отъ другого. Митрополиту Макарію пришла мысль собрать, по возможности, свѣдѣнія о всѣхъ русскихъ святыхъ, о ихъ подвигахъ и чудесахъ, разсмотрѣть эти свѣдѣнія на соборѣ и затѣмъ опредѣлить, какимъ изъ угодниковъ Божіихъ установить праздники во всей отечественной церкви, если таковые еще не были

установлены, и какимъ установить или только утвердить праздники мѣстные. И вотъ, по повелѣнію великаго князя Іоанна IV, въ 1547 году состоялся въ Москвѣ соборъ, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, находилось семь святителей, кромѣ прочаго духовенства... На этомъ соборѣ, послѣ предварительныхъ изслѣдованій и разсужденій, опредѣлено было--двѣнадцати святымъ пѣть и праздновать повсюду «въ русской церкви, а девяти только мѣстно».

Въ числѣ первыхъ стоитъ св. Александръ Невскій.

«По благословенію этого же самаго собора, семнадцатилѣтній государь Іоаннъ Васильевичъ обратился съ просьбою ко всѣмъ святителямъ русской земли, чтобы они позаботились, каждый въ предѣлахъ своей епархіи, «извѣстно пытати и обыскивати о великихъ новыхъ чудотворцахъ» въ городахъ, весяхъ, монастыряхъ и пустыняхъ, пользуясь показаніями князей, бояръ, иноковъ и вообще богобоязненныхъ людей. Святители отозвались на предложеніе государя съ сердечною радостію и вскорѣ, каждый въ своемъ предѣлѣ, собрали «каноны, житія и чудеса» новыхъ чудотворцевъ на самыхъ мѣстахъ, гдѣ каждый изъ нихъ просіялъ добрыми дѣлами и чудесами, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей всякаго рода и званія. Въ 1549 году, по волѣ государя и митрополита Макарія, состоялся новый соборъ въ Москвѣ, предъ которымъ святители и «положили» собранныя ими свѣдѣнія. Соборъ «свидѣтельствовалъ» всѣ эти каноны, житія и чудеса и «предалъ Божіимъ церквамъ пѣть и славить и праздновать новымъ чудотворцамъ, какъ то совершалось прочимъ святымъ, Богу угодившимъ, во дни ихъ преставленія и открытія мощей ихъ» (Преосвящ. Макарія — Исторія русской церкви. Т. VI; 215 - 218).

Изъ времени митрополита Макарія извѣстны слѣдующія три редакціи:

1) Начало: «*Преблагій человѣколюбивый Господь изрядно свою благостыню на сѣгрѣшающихъ показуетъ*». Въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ XVI вѣка, начало: «Кыми похвалными вѣнцы». См. въ «Библіологическомъ Словарѣ». П. М. Строева. Въ Минеяхъ Чет., написанныхъ старцемъ Германомъ Тулуповымъ и хранящихся въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры, № 671, 1629 года, подъ 23-мъ ноября. Въ московскомъ Чудовскомъ монастырѣ подъ 23-мъ ноября. Въ рукописяхъ Троицкой Сергіевой Лавры, № 199, 692, XVI вѣка. О рукописяхъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры см. въ «Описаніи рукописей библіотеки Свято-Троицкія Сергіевой Лавры» Арсенія. Москва. 1879 г. Въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ № $^{10}/_{4}$, XVI вѣка. Начало: «Кыми похвалными вѣнцы». См. въ «Библіолог. Слов.» Строева, стр. 211. Въ рукописяхъ И. Н. Царскаго, № 135, XVII вѣка. Описаны П. М. Строевымъ. М. 1848 г.

2) Начало: «*Се благовѣрный и благородный Богомъ преудобренный и хвалами достойный великій князь Александръ Ярославичъ, иже бысть осмый степень*». Въ собраніи рукописей кн. Павла Петр. Вяземскаго, XVII вѣка. Въ собраніи рукоп. кн. М. А. Оболенскаго, № 74, XVII вѣка—въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ рукописяхъ московской Синодальной библіотеки, № 277. Въ рукоп. П. М. Строева № 115, XVIII вѣка, въ Императорск. Публ. Библіотекѣ. Въ рукоп. гр. Ѳ. А. Толстого. № 183, XVII в. Описаны К. Ѳ. Калайдовичемъ и П. М. Строевымъ. М. 1825. Въ библіотекѣ Спб. Духовной Академіи [1]).

Объ этихъ двухъ редакціяхъ проф. Ключевскій говоритъ:

«Вскорѣ послѣ собора 1547 года по порученію митрополита Макарія написаны житія кн. Александра Невскаго и митр. Іоны. Имена обоихъ значатся въ спискѣ святыхъ, канонизованныхъ названнымъ соборомъ. Въ предисловіи къ житію кн. Александра біографъ прямо говоритъ, что данное ему порученіе было слѣдствіемъ соборнаго изысканія о чудесахъ князя [2]). Этими чудесами ограничивается все, что

[1]) По словамъ автора жизнеописанія св. Александра Невскаго, въ „Христіанскомъ Чтеніи“ за 1852 годъ, въ Спб. Духовной Академіи есть рукописи за №№ 273 и 277. Кромѣ того, краткое житіе, внесенное въ прологъ подъ 23 ноября и въ Чт. Мин. подъ 30 августа, въ двухъ спискахъ.

[2]) Эта редакція въ Макар. ч. мин. ноябр., стр. 2233. Нач. „Преблагій человѣколюбивый Господь изрядно свою благостыню на сѣгрѣшающихъ показуетъ“. Ниже читаемъ: „Правящу же престолъ русскія митрополія преосвященному Макарію и повелѣніемъ самодръжца оному о семъ подвигшуся вседушьнѣ съ всѣмъ священнымъ соборомъ и изыскавше извѣстно съ всяцѣмъ испытаніемъ о чудесѣхъ, бывающихъ отъ честныя его раки, сице же ему и мене убогаго понудившу списати сіе восхваленіе“. Житіе сопровождается 13 чудесами, бывшими „въ послѣдняя лѣта“; первое изъ нихъ—явленіе святаго во время Куликовскаго побоища, послѣдствіемъ чего было открытіе мощей князя; остальныя относятся къ XVI в., наприм. 7-е помѣчено 1541 г. Макар. ч. мин. ноябр. 2242.

внесла редакція новаго въ фактическое содержаніе біографіи; самое жизнеописаніе въ ней большею частью дословное повтореніе древней повѣсти объ Александрѣ; только нѣкоторыя черты послѣдней, не соотвѣтствующія пріемамъ позднѣйшей агіобіографіи, сглажены въ новой редакціи или разбавлены общими мѣстами житій. Согласно съ такимъ происхожденіемъ и характеромъ новой редакціи составитель далъ ей заглавіе «похвальнаго слова», а не житія. По нѣкоторымъ выраженіямъ ея видно, что она составлена во Владимірѣ; нѣкоторыя чудеса авторъ записалъ со словъ очевидцевъ, монаховъ здѣшняго Рождественскаго монастыря, гдѣ покоились мощи святаго [1]). Въ житіи нѣтъ ближайшихъ указаній на личность автора. Но между службами новымъ чудотворцамъ, канонизованнымъ въ 1547 г., находимъ канонъ кн. Александру, написанный Михаиломъ, инокомъ названнаго монастыря [2]). Очень вѣроятно, что этотъ инокъ Михаилъ былъ на соборѣ 1547 г. въ числѣ представителей владимірскаго духовенства и получилъ отъ Макарія порученіе составить разсматриваемую редакцію житія... Догадка о происхожденіи этой редакціи изъ Рождественской обители во Владимірѣ подтверждается однимъ современнымъ источникомъ. Почти въ одно время съ этой редакціей, какъ увидимъ ниже, но независимо отъ нея, составлена была другая въ Псковской области біографомъ мѣстныхъ святыхъ Василіемъ. Встрѣчаемъ наконецъ третью обработку того же житія, сдѣланную также при митрополитѣ Макаріи [3]). Біографъ суздальскихъ святыхъ Григорій, писавшій около половины XVI в., въ похвальномъ словѣ русскимъ святымъ говоритъ о владимірскихъ инокахъ, описавшихъ добродѣтели Александра [4]). Если въ формѣ этого извѣстія видѣть опредѣленный намекъ на литературные факты, то мы въ правѣ заключить, что эта третья редакція подобно первой разсмотрѣнной написана въ половинѣ XVI в. инокомъ владимірской обители, гдѣ покоился князь. Въ нее вошла въ сокращеніи, иногда дословно, выше описанная первая редакція съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ опущенныхъ тамъ чертъ древней біографіи. Но къ этому присоединены многочисленныя вставки изъ другихъ источниковъ: редакторъ старался повидимому соединить въ своемъ разсказѣ всѣ извѣстія объ Александрѣ, какія нашелъ въ лѣтописи... Зато изъ чудесъ, приложенныхъ къ первой макарьевской редакціи, онъ взялъ только два. Такой составъ редакціи показываетъ, что она написана спеціально для Степенной книги. Къ прочимъ двумъ редакціямъ она относится, какъ историческая повѣсть къ церковному панегирику; по крайней мѣрѣ такой характеръ хотѣлъ сообщить ей самъ составитель» [5]). (Ключевскій. Житія святыхъ. 238—240.)

3) Начало: „*Сей убо бысть благовѣрный и христолюбивый великій князь Александръ сынъ Ярославичь*“. Въ Минеяхъ Четіихъ, хран. въ рукоп. Московской Синодальн. библіотеки (бывшей Патріаршей) подъ 23 ноября, также—Тулуп. Въ рукопис. Румянцевскаго Музеума, № 397, л. 348, XVI в. Описаны А. Х. Востоковымъ. Спб. 1842. Въ рукописяхъ проф. Н. С. Тихонравова, XVII в. Начало: «Что реку». Въ рукописяхъ В. М. Ундольскаго, № 274, XVII в. Описаны А. Е. Викторовымъ. М. 1870. Въ рукоп. И. Н. Царскаго, № 378, XVI в. Начало: «Что реку».

Ключевскій: «Самымъ плодовитымъ біографомъ псковскихъ и новгородскихъ святыхъ былъ пресвитеръ Василій, въ иночествѣ Варлаамъ. Онъ разсѣялъ въ своихъ сочиненіяхъ скудныя и неясныя извѣстія о себѣ... Сохранилась редакція житія кн. Александра Невскаго, въ концѣ которой составитель называетъ себя Василіемъ. При сходствѣ литературныхъ пріемовъ есть и другія основанія видѣть въ этомъ Василіи біографа псковскихъ святыхъ: въ разсказѣ о Ледовомъ боѣ вставлена чисто-мѣстная подробность, содѣйствіе кн. Всеволода Александру; въ сборникѣ, написанномъ въ Псковѣ въ началѣ второй половины XVI вѣка, находимъ краткое житіе Александра,

---

[1]) Тамъ же, стр. 2242 и 2243.

[2]) Сб. Рум. полов. XVI в. № 397, л. 67. Въ сб. Тр. Серг. л. XVI—XVII в. № 624, л. 148 и въ синод. сб. XVII в. № 447, л. 402 службѣ предпослана приписка съ извѣстіемъ о смерти и погребеніи князя и здѣсь замѣчено объ авторѣ службы: „сотворено смиреннымъ инокомъ Михаиломъ тоя же обители, идѣже блаженнаго тѣло лежитъ“.

[3]) Степ. кн. 1, 358. Синод. рукоп. № 277, л. 541.

[4]) Сб. Тр. С. л. начала XVII в. № 337, л. 584: „Яковъ же кн. Александръ Невскій, отецъ преподобный, его же любомудріе владимірстіи иноци слышавше и видѣвше почудишася и написаша достойно добродѣтели его“.

[5]) Выписывая чудо 1541 года, онъ замѣчаетъ о похвальномъ словѣ Александру: „Сія же различная чудеса довольно писана быша въ торжественномъ словеси его, въ сей же повѣсти сокращено *прочихъ ради дѣлій*“. Степ. кн. по синод. рук. № 277, л. 573.

которое составлено по редакціи Василія, очень мало распространенной въ древнерусской письменности [1]). По нѣкоторымъ выраженіямъ этой редакціи видно, что она явилась послѣ 1547 года... Житіе кн. Александра – реторическая передѣлка древней повѣсти современника въ томъ видѣ, какъ она помѣщалась въ лѣтописныхъ сборникахъ XVI вѣка, т. е. съ добавками изъ лѣтописей; Василій даже не приложилъ къ своему труду позднѣйшихъ чудесъ, описанныхъ современнымъ ему редакторомъ житія; за то онъ смѣлѣе этого послѣдняго измѣнялъ текстъ оригинала, внося въ него свое обычное многословіе». (Ключевскій. Житія святыхъ. 251, 258.)

Послѣдняя, самая обширная редакція. Начало: „*Яко же въ чювственныхъ видимое солнце, сице и житія святыхъ свѣтъ суть и просвѣщеніе*“. Въ рукописяхъ Антоніева Сійскаго монастыря. О нихъ см. въ «Библіолог. Слов.» П. М. Строева. Въ рукопис. кн Вяземскаго, № CLXXXV, XVIII в. Въ рукоп. Макаріева Унженскаго монастыря, см. «Библіолог. Слов.» Строева. Въ Милют. Чет. Мин. подъ 23 ноября. Въ Московской Епархіальной Библіот. № 65, XVII в. Въ рукописяхъ Царскаго, № 411, 614, 729, XVII в. Въ рукоп. Ундольскаго № 275, 1271, XVII в. Въ рукоп. Елп. В. Барсова, № 343, XVI в. Въ Библіотекѣ Владимірск. Семинаріи, № 266, 1672 года, см. «Библіолог. Слов.» Въ Московск. Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ мы видѣли два списка этой редакціи: одинъ за № 639/1150, XVII в. и другой, болѣе поздняго времени, портфель Миллера, № 150. Въ Библіотекѣ Александро-Невской лавры.—См. также «Источники русской Агіографіи» Барсукова. Спб. 1882.

Ключевскій: «По порученію того же патріарха (Іова) составлена была пятая, самая обширная и витіеватая редакція житія кн. Александра Невскаго. Изъ приписки къ ней видно, что авторъ ея вологодскій архіепископъ Іона Думинъ. Его трудъ—компиляція, составленная по запискѣ Александрова біографа-современника, по лѣтописи и по двумъ редакціямъ житія, написаннымъ по порученію митрополита Макарія; новый редакторъ прибавилъ отъ себя новыя реторическія украшенія, 4 чуда 1572 года и пространное похвальное слово. Сводя и передѣлывая сказанія прежнихъ біографовъ, Іона однакожъ ведетъ разсказъ отъ ихъ лица и приписываетъ имъ слова, которыхъ мы не находимъ въ ихъ сочиненіяхъ: такимъ образомъ въ біографіи, написанной по благословенію Іова, читаемъ, что авторъ бесѣдуетъ съ плѣнными, взятыми Александромъ въ Ледовомъ бою, и получаетъ отъ митрополита Макарія приказаніе написать житіе Александра, и слушаетъ разсказъ старца Рождественскаго монастыря во Владимірѣ о чудѣ князя Александра въ 1572 году» [2]). (Ключевскій. Житія святыхъ. 313—314.)

Позднѣйшія жизнеописанія имѣютъ для историка-біографа важное значеніе, потому что, по словамъ изслѣдователя древнерусскихъ житій святыхъ, «памятники позднѣйшей письменности даютъ замѣтить, что болѣе ранніе вожди русско-христіанской жизни на сѣверовостокѣ сошли со сцены не безслѣдно: мѣстная память сохранила о нихъ устное преданіе, которое вмѣстѣ съ этой жизнью ростетъ и осложняется, облекаясь наконецъ въ литературную форму житія. Это преданіе – почти все, что осталось для историка о дѣятельности этихъ вождей, и въ сбереженіи его главное значеніе житій, на немъ основанныхъ». (Тамъ же. 1—2.)

Свѣдѣнія, заимствуемыя изъ рукописныхъ жизнеописаній св. Александра Невскаго, мы приводимъ по послѣдней наиболѣе обширной редакціи. Цитируемая рукопись принадлежитъ Московск. Главному Архиву Министерства Иностран. Дѣлъ, за № 639/1150.

II. Полное собраніе русскихъ лѣтописей.

Извѣстія изъ Софійскаго Временника приводимъ по изданію Строева. М. 1820.

[1]) Рукоп. Рум. № 397, л 348.

[2]) Милют. ч. мин. ноябр. л. 1055, Унд. XVII в. №№ 275 и 1271: въ послѣднемъ анаграмма, въ которой скрыто имя автора; она напечатана по рукоп. Царскаго въ III т. Зап. Археол. Общ. и разобрана въ т. IV стр. 140. Нач. Житія: „Яко же въ чювственныхъ видимое солнце“. Іона, вѣроятно, прежде жилъ въ Рождественскомъ монастырѣ и не прекращалъ сношеній съ нимъ, ставъ въ 1589 г. епископомъ вологодскимъ: о чудѣ 1572 г. разсказалъ ему монахъ этого монастыря Антоній; въ 1600 г. онъ положилъ въ ту же обитель списокъ твореній Максима Грека на поминъ души своей по смерти. Опис. рук. Царскаго, стр. 200.

III. Новѣйшія жизнеописанія св. Александра Невскаго.

1) Созерцаніе славныя жизни святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго. Посвящено Его Импер. Высоч. В. Кн. Александру Павловичу. Иис. Ѳ. Туманскій. Спб. 1789. Страницъ 42.

2) Филарета, архіепископа Черниговскаго въ сочиненіи: «Русскіе святые, чтимые всею Россіею или мѣстно». Ноябрь.

3) «Жизнь св. благовѣрнаго в князя Александра Невскаго», въ Христіанск. Чтеніи за 1852 г. ч. II. Есть отд. изданіе, сокращ. Спб. 1853 г.

4) Житіе св. благовѣрнаго в. князя Александра Невскаго въ «Житіяхъ святыхъ россійской церкви также Пверскихъ и Славянскихъ». Ноябрь. 1856.

5) «Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій» во «Временн» IV. Есть оттискъ. Ив. Бѣляева.

6) «Князь Александръ Ярославичъ Невскій» Костомарова въ сочин. «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». Вып. I.

7) «Жизнь и дѣятельность в. князя Александра Ярославича Невскаго въ связи съ событіями на Руси въ XIII столѣтіи». Соч. Холоднаго. Тамбовъ. 1883 г. Подробное и обстоят. изложеніе.

8) «Жизнь св. благовѣрн. великаго князя Александра Невскаго» въ описаніи открытія и освященія Зеленчукской пустыни, впрочемъ цѣликомъ заимствованное изъ Христіанскаго Чтенія (см. выше).

9) «Александръ Невскій» въ Энциклопедическ. лексиконѣ. Т. I. Спб. 1835. 465—466. Устрялова.

10) «Александръ Невскій» въ Энциклоп. словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами. Т. III. 1861. Стр. 149—152.

11) «Александръ Невскій» въ Энциклопед. словарѣ, подъ ред. проф. И. Е. Андреевскаго. Т. I. 1890. 390—391.

12) «Александръ Невскій и Дмитрій Донской». В. Кельсіевъ. Нива. 1872. №№ 3 и 11 (съ рисункомъ).

13) Въ разсказахъ изъ исторіи русской церкви графа М. Толстого. Кн. 2, гл. I. 1870.

14) Въ краткихъ жизнеописаніяхъ русскихъ святыхъ, составленныхъ архимандритомъ Игнатіемъ. Спб. 1875.

15) «Святый Александръ Невскій». Нива. 1870. № 9.

16) «О святомъ благовѣрн. и в. князѣ Александрѣ Невскомъ». Сост. св. В. Гуляевъ. Мірск. слово. 1876. №№ 34, 35, 36.

17) «Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрн. и в. князя Александра Невскаго». И. С. Ремезовъ. Спб. 1874. Ц. 10 к.

18) «Жизнь и подвиги св. благовѣрн. в. кн. Александра Невскаго». Изд. В. Г. Шатаева. 1866. 15 к.

19) «Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій и великій князь Александръ Александровичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ». Грамотѣй. 1865. № 6, стр 13—14.

20) «Татарскій погромъ и св. благовѣрн. в. кн. Александръ Невскій». П. Роговъ. 1890. Спб. Ц. 15 к.

21) «Сказаніе о св. благовѣрн. в кн. Александрѣ Невскомъ». А. Петрушевскій. Спб. 1885. Изд. Спб. ком. грам. Ц. 10 к.

22) «Святый благовѣрн. в. князь Александръ Ярославичъ Невскій». Изд. Правосл. Бр. св. Ал. Невскаго во Владимірѣ. Вязники. 1888.

23) «Житіе св. благовѣрн. в. кн. Александра Невскаго съ приложеніемъ стиховъ въ честь благовѣрн. князя». Изд. іеродіак. Серафима. Спб. 1888.

24) «Св. благовѣрн. кн. Александръ Невскій». Изд. Преснова. М 1876. Ц. 25 к.

25) «Александръ Невскій». Спб. 1876. Тип. Штауфа. Ц. 15 к.

26) «Жизнеописаніе в. кн. Александра и указъ о перенесеніи мощей въ Спб.» въ статьѣ «Владимірск. Рождественск. монастырь». (Матеріалы для исторіи и археологіи). Влад. губ. вѣд. 1869 №№ 24, 26, 31, 32, 34, 39 и 40.

27) Святый Благовѣрный Великій князь Александръ Невскій. Бронзова. Странникъ. 1880 г. Іюнь—іюль.

IV. Исторіи Россіи:

1) Татищева (1686—1750): «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, неусыпнымъ трудомъ черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная». Въ 1769—1774 гг. изданы были впрочемъ не въ полномъ составѣ первые три тома при Московск. университетѣ. Въ 1784 году въ Петербургѣ былъ напечатанъ IV томъ. Пятый, случайно найденный Погодинымъ въ его рукописяхъ, изданъ въ 1848 г. Московск. Общ. Ист. и Древн. въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др». г. 3, кн. IV и IX.

2) Князя М. М. Щербатова (1733—1790) «Исторія Россіи» въ 5 том. Спб. 1770—1792.

3) «Ядро Россійской исторіи, соч. ближнимъ стольникомъ и бывшимъ въ Швеціи резидентомъ князь Андреемъ Яковл. Хилковымъ». Москва. 1784.

4) Карамзина «Исторія Государства Россійскаго съ древнѣйшихъ временъ». Изд. А. Смирдина. Спб. 1851.

5) «Русская исторія, сочиненная Сергѣемъ Глинкою». Ч. III. Москва 1823.

6) «Исторія русскаго народа». Н. Полеваго. т. IV. 1833.

7) Арцыбашева «Повѣствованіе о Россіи» въ 2 том. М. 1837—43.

8) Соловьева «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».

9) Бестужева-Рюмина «Русская исторія». Спб. 1872.

10) Погодина «Древняя русск. исторія до монг. ига». Москва. 1872.

11) Бѣляева «Разсказы изъ русской исторіи». Москва 1865.

12) Иловайскаго «Исторія Россіи», ч. II. Москва. 1880.

13) Полеваго «Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта». I. II. Спб. 1879—1880.

14) Экземплярскаго «Великіе и удѣльные князья сѣвер. Руси въ татарскій періодъ», съ 1238—1505. Т. I. Спб. 1889.

По исторіи русской церкви:

1) Исторія русской церкви преосв. Макарія.

2) Исторія русской церкви проф. Е. Голубинскаго.

3) Le Catholicisme romain en Russie, par le Comte Dm. Tolstoy. Paris. 1863.

По военной исторіи:

1) Военно-историческая христоматія. Сост. К. К. Абаза. I. II. Спб. 1887.

2) Русская военная сила, подъ ред. г. м. А. К. Петрова. Москва. 1891.

Другіе источники и пособія см. въ примѣчаніяхъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Гр. Хвостова: «О Переяславлѣ Залѣсскомъ». 1823. А. И. Свирѣлина: «Истор. стат. описаніе Переясл.-Троицкаго монастыря». Москва. 1860.

[2]) Погодина: «Древняя русская исторія до Монгольскаго ига». Т. I, 593.
Его же: «Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій». Москва. 1850.

[3]) Корсакова: «Меря и Ростовское княжество».

[4]) Лаврент. 140, 141, 143, 156. Ипат. 111—113. Сн. Ист. русск. церкви преосв. Макарія. Т. III, 269.

[5]) Софійск. врем. 1, 218—219: «Не взношашеся, ни величашеся о себѣ, но на Бога о всемъ возлагаше всю свою надежду, и Богъ покоряше подъ нозѣ его вездѣ вся враги его». Лавр. 184—185. Пересл.-Суздал. 110.

[6]) Лавр. 177. 183. 187. Сн. Ист. р. ц. пр. Макарія. Т. III, 270—271.

[7]) Соф. 1, 266: «Яко же святое писаніе глаголетъ: да кто положитъ душу свою за другы своя; сій же великый князь положи душу свою за вся люди земли Русьскыя, и причте его Господь ко избранному своему стаду, зане же бяше милостивъ ко всякому, требующимъ невъзбранно даяше». Ст. кн. I, 321, 324. Архивск. 271.

[8]) О предкахъ св. Александра по матери, Соф. 1, 227: «Князи же милостивіи, племя княже Ростиславле, и до хрестіанъ добры». Въ Новгородской лѣтописи о Мстиславѣ Храбромъ: «Сь же благовѣрный князь Мьстиславъ възрастомъ середній бѣ и лицемъ лѣпъ, и всею добродѣтелью украшенъ и благоправенъ, и любовь имѣаше ко всѣмъ, и милостини прилежаше, монастыри набдя... Бѣ бо крѣпокъ на рати; всегда бо тъсняшеся умрети за Рускую землю, и тако молвяше дружинѣ: братье! ничто же имѣйте въ умѣ своемъ; аще нынѣ умремъ за христіаны, то очистимся грѣховъ, умремъ же всяко... Бѣ бо налюбезникъ на дружину, и не збираше злата, ни сребра, но дааше дружинѣ, ово же правяше души своей... Не бѣ бо тоа землѣ въ Руси, котораа же его не хотяше, не любляше... Плакашеся по немъ вся Рускаа землѣ». По кончинѣ его говорили: «Уже бо солнце наше зайде намъ!» См. Карамзина Ист. Г. Росс. т. III, 57. Прим. 54. Мстислава Мстиславича современники называли Удатнымъ, Храбрымъ, даже Великимъ, позднѣйшіе историки – Удалымъ.

[9]) Костомарова: «Русская ист. въ жизнеописан. ея главнѣйшихъ дѣятелей». Вып. I, 97.

[10]) Ярославъ Всеволодовичъ былъ женатъ два раза. Въ первый бракъ онъ вступилъ въ 1206 г. съ Юрьевною Кончаковича (Лавр. 180), во второй—въ 1214 году съ дочерью Мстислава Удалого, названною при рожденіи Ростиславою, а при крещеніи Ѳеодосіею. Лѣт. Переясл.-Сузд. Предисл. III. Новг. 1, 35. Воскр. 124. Тверск. 385: «Того же лѣта (1244), мѣсяца мая, на память святыя мученицѣ Ирины, преставися великая княгиня Ѳеодосіа Ярославля, въ Новѣгородѣ, дщи великаго князя Мьстислава Мьстиславича, мати великому князю Александру Невскому». Разгнѣвавшись на зятя своего, Мстиславъ Удалой отнялъ было у него свою дочь, но ссора близкихъ родственниковъ безъ сомнѣнія окончилась примиреніемъ, и дочь Мстислава возвратилась къ мужу, отъ котораго у нея родились девять сыновей.

[11]) Соф. 1, 250. Лавр. 204.

[12]) Соф. 1, 259. Татищ. IV, 12. Изъ другихъ родственниковъ св. Александра слѣдуетъ упомянуть о бабкѣ его по отцу великой княгинѣ Маріи, первой супругѣ в. кн. Всеволода. Она была дочь чешскаго князя Дмитрія Юрьевича Шварнова. Ст. кн. 1, 290. «Преизлиха добрая», она отличалась глубокимъ благочестіемъ, «издѣтска, въ страхѣ Божіи, любя правду... утѣшая печальныхъ и нуждающихся и больныхъ и подавая имъ требованіе». За восемь лѣтъ до кончины она подверглась тяжкой болѣзни, но переносила свое несчастіе съ изумительнымъ терпѣніемъ и покорностью волѣ Божіей, часто приводя себѣ на память слова Іова: аще благая пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ? Болѣе всего заботило ее воспитаніе дѣтей, которыхъ она часто призывала къ себѣ и старалась внушить имъ страхъ Божій и правила христіанской жизни. 2 марта 1206 г. мужъ, дѣти, бояре, духовенство и граждане проводили больную княгиню въ построенный ею монастырь Пр. Богородицы, гдѣ она и постриглась, но недолго пришлось ей прожить въ обители: 19 марта ея уже не стало. Ея любимецъ, старшій сынъ, Константинъ уѣхалъ тогда въ Новгородъ и горько плакалъ о смерти матери Лавр. 178—179. Переясл.-Сузд. 107—108. Степен. кн. 290—292. Карамз. И. Г. Р. т. III, прим. 142.

[13]) Относительно года рожденія св. Александра существуетъ разногласіе. Нѣкоторые жизнеописатели полагаютъ, что онъ родился въ 1220 году, основываясь на указаніи въ Лавр лѣтописи года рожденія его старшаго брата, Ѳеодора. Лавр. 188. Но Татищевъ опредѣлительно указываетъ годъ и день рожденія Александра, именно 1219 г. 30 мая. Тат. III, 423. Бѣляевъ держится извѣстія Татищева. 30 мая—день замѣчательный въ русской исторіи: въ этотъ день родился и Петръ Великій.

[14]) Воскр. 134. Новг. 1, 43. Тверск. 350. Тат. III, 423.

[15]) Объ обрядѣ постриженія см. Погодина: «Др. русск. ист. до Монг. ига». Т. II, 843, также ст. Лавровскаго.

[16]) «Родивше, родители его паки второе породиша и св. крещеніемъ и святымъ книгамъ научиша его». «Ничесо же бѣ ему тщательно отъ сущихъ міра, точію къ поученію книжнымъ, и къ церковному пѣнію, гласы божественными присно огласоваше ушеса своя, святыхъ книгъ поученіи сладцѣ послушаше». Архивск. 251.

[17]) Изъ посланія митрополита Никифора къ в. кн. Владиміру Мономаху. См. Погодина: «Др. р. ист. до М. ига». Т. II, 1185.

[18]) Слова изъ Златой цѣпи неизвѣстнаго проповѣдника. См. тамъ же стр. 1175.

[19]) Изъ посл. митр. Никиф. Тамъ же.

[20]) «Измлада Христа возлюби и пречистую Богородицу и вся святыя»! Прол. Ноября 23. Архивск. 251.

[21]) «Бяше нравъ его измлада тихъ и кротокъ зѣло». Архивск. 251. «Отъ мірскихъ суемудрій отврати себе, душетлѣнныхъ же и богопенавистныхъ игръ и бѣсовскихъ сонмъ до конца возгнушався». Тамъ же.

[22]) «Многопищи яже и сладкихъ ароматъ и любоплотія до конца отвратися». Тамъ же.

[23]) «Излишно бѣ у него бдѣніе всенощное и утаеныхъ молитвъ къ Богу присвоеніе». Архивск. 251.

[24]) Срезневскаго: «Древне-русскія книги». 35. Спб. 1864.

[25]) Архивск. 250, на обор. Въ Степенной книгѣ слѣдующими чертами изображается характеръ св. Александра: «Во все время юности своея смиренномудріе вседушно держаше, воздержася и бдя, чистоту душевную и тѣлесную соблюдаше, кротость же стяжа и тщеславія отвращашеся, и много полагаше тщаніе чрево удерживати, вѣдый, яко чревное насыщеніе цѣломудріе раззоряетъ, и бдѣнію сону сотворяетъ, и прочимъ добродѣтелямъ сопротивляется. Въ устѣхъ же его безпрестани бяху божественнаѧ словеса, услажающа его паче меда и сота; прочитая же ихъ со усердіемъ и желаше сихъ реченная и дѣломъ исполнити. Сродницы же его видяще въ таковыхъ добродѣтелѣхъ преспѣвающа и зѣло пользовахуся и тщахуся всячески угодити Богу, якоже и той всѣми правы угожаше Богу, и распаляшеся божественнымъ небеснымъ желаніемъ, и вся яже въ человѣцѣхъ добрая и честная яко ни во что же вмѣняше, и ни едино благоплодіе душевное на объявленіе человѣкомъ творяше, и всячески ухищряше сокрывающій множайшая и правленіе премногаго ради смиренномудрія. Аще бо и честію земнаго царствія почтенъ бысть отъ Бога и супруга имѣ и чада прижи; но смиренную мудрость стяжа паче всѣхъ человѣкъ». Ст. 1, 355. «Кротокъ и тихъ былъ его нравъ изъ дѣтства, говоритъ одинъ изъ его жизнеопи-

сателей,—возмужавшій только, но не осуровѣвшій съ годами, и Господь былъ съ нимъ, по слову божественнаго писанія: «на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ». (Ис. LXVI, 2). Житія свят. россійск. ц. Ноябрь, 226.

[26]) Архивск. 250, на оборотѣ.

[27]) О посаженіи на столъ см. Соловьев. Ист. Р. Т. III, 6.

[28]) Младшіе братья св. Александра: Андрей, жен. 1250 г. на дочери Даніила Галицкаго, ум. 1264 г. Константинъ ум. 1255 г. Ярославъ, жен. 1264 г. на дочери новгородца Юрія Михайловича, ум. 1272 г. Аѳанасій упом. 1239 г. Даніилъ упом. 1239 г. Михаилъ ум. 1248 г. Василій, род. 1241 г., жен. 1266 г., ум. 1276 г.

[29]) «Видомъ благородія, тѣлеснаго благолѣпія весьма украшенъ паче всѣхъ, не точію сродникъ своихъ, но и всѣхъ иноплемянныхъ странъ земныхъ царей, яко солнце всѣхъ свѣтилъ». Архивск. 257, на обор. «Възрастъ его паче инѣхъ человѣкъ, гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ яко Іосифа прекраснаго, еже бѣ поставилъ его Египтьскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсона, и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломоню, храбрость же яко царя Римскаго Евспасьяна, еже плѣнилъ всю землю іудейску...» Соф. 1, 250. Любопытное извѣстіе о ростѣ св. Александра находимъ въ записи родовъ русскихъ и литовскихъ князей, въ сборникѣ начала XVI вѣка: «Ярославъ роди Александра Храбраго Невьскаго, великаго възрастомъ, Дѣисусъ цѣлова». Библ. Троиц.-Серг. лавры, № 770, л. 428. О значеніи слова «Дѣисусъ» см. Душеп. чт. 1884 г. Янв. 77.

[30]) Прот. Соловьева «Описаніе Новгород. Соф. собора».

[31]) «Молитва благословити царя и князя», по списку XIV вѣка. Синод. библіот. Потребникъ. № 675, 166.

[32]) Степ. кн. 1, 269. Говорскаго: «Жизнь преподобной княжны Полоцкой Евфросиніи» въ Вѣст. югозапад. и запад. Россіи. 1863. №№ XI и XII.

[33]) Изображеніе креста пр. Евфросиніи въ «Памятникахъ старины Витебск. губ.» Сементовскаго. Въ надписи названъ и мастеръ – Лазарь Богша.

[34]) Другія иконы, писанныя по преданію св. Лукою: икона Божіей Матери Смоленская, прислан. около 1077 года. Икона Б. Мат. Владимірская, принесен. изъ Царьграда въ Кіевъ около 1031 года.

[35]) Новг. 1, 52. Соф. 1, 247. «6747 (1239) оженися князь Александръ Ярославичъ, внукъ Всеволожъ, въ Новѣгородѣ, поятъ въ Полотьскѣ у Брячислава дщерь и вѣнчася въ Торопчѣ». Ср. Ист. Г. Р. т. IV, прим. 110. Арцыб. II, прим. 257.

Карамзинъ, основываясь на томъ, что во Владимірскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ церкви Рождества Христова находятся три гроба: «первый (какъ означено въ надписяхъ) Великія Княгини Александры, супруги благовѣрнаго Князя Александра Невскаго; вторый дщери его, Княжны Евдокеи; а третій (на лѣвой сторонѣ) благовѣрныя Княгини Вассы, вторыя супруги Александра Невскаго», утверждаетъ, что «по кончинѣ первыя супруги, именемъ Александры, дочери Полоцкаго князя Брачислава, Невскій сочетался вторымъ бракомъ съ неизвѣстною для насъ княжною Вассою». Ист. Г. Р. т. IV, 92. Здѣсь очевидно кроется недоразумѣніе. Въ лѣтописяхъ нигдѣ не говорится о второмъ бракѣ Александра. Такое умолчаніе было бы мало понятно, если бы дѣйствительно онъ имѣлъ мѣсто. Очевидно, что подъ именами Вассы и Александры надлежитъ разумѣть одно и то же лицо, именно дочь Полоцкаго князя Брячислава, съ которою Александръ вѣнчался въ Торопцѣ въ 1239 году, тѣмъ болѣе, что и надпись на гробницѣ называетъ Вассу дочерью князя Полоцкаго. Въ надписи на ракѣ для св. мощей Александра Невскаго, устроенной въ Москвѣ въ 1695 году, сказано: «законному браку сочетася со Благовѣрною Княжною Вассою *Полоцкою*, отъ нея же и чада себѣ раждаше и во страсѣ Божіи питаше». Имя Вассы принято было в. кн. Александрою, по всей вѣроятности, при постриженіи или, можетъ быть, второе имя происходитъ отъ обычая русскихъ людей того времени носить два имени. См. «Др. Р. Ист. до Монг. ига». Т. II, стр. 840.

[36]) Бѣляевъ. «В. Кн. Александръ Ярославичъ Невскій». 4—5.

[37]) Ист. Г. Р. т. III, 96.

[38]) Красова: «О мѣстоположеніи древн. Новгорода». Новгородъ. 1851. «Прогулка по Новгороду и его окрестностямъ» — въ Новг Губ. Вѣдом. 1862. «Живописная Россія». Очеркъ V.

[39]) «Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ» въ «Русскихъ Древностяхъ». Спб. 1871.

[40]) Объ образѣ жизни нашихъ князей подробно см. у Погодина: «Др. Р. Ист. до Монг. ига». т. II. 839—893.

[41]) Великій князь Ростиславъ молился, «слезами омывая лице свое и стонаніе отъ сердца своего испущая, всимъ видящимъ его въ толпи смиренъи стояща, и тако не можаху удержаться отъ слезъ». Тамъ же. Стр. 865.

[42]) Новг. I, 44, 65.

[43]) Лавр. 173.

[44]) «Паче всего любляше правосудіе, о немъ же и боляръ своихъ часто наказуя притчами отъ Божественныхъ писаній, яко да прежде всего воспросятъ отъ Бога премудрости, и отъ піянства удержатся, и сами предъ Богомъ да смирятся, да не забудутъ праведно судити и не познаютъ лица сильнаго и не пріемлютъ мзды неправедныя, и никого же обидятъ, но да избавятъ обидима отъ руки обидящихъ и паче повелѣннаго имъ ничто же взьемлютъ, но довольни будутъ оброки своими. И тако многажды глаголаше, овогда своея державы страхомъ воспрещаше имъ, овогда же и вѣчное воздаяніе предлагаше имъ, иже на страшнѣмъ судѣ Христовѣ комуждо по дѣломъ его. Боляре же и вси людіе, видяще отъ Бога дарованную ему премудрость ничто же могуще отвѣщавати, но вседушно обѣщавахуся творити, яко же повелѣваше имъ». Ст. кн. 1, 356—357. Ср. Ж. св. Росс. церкви. 235. См. также рукоп. житія, наприм. архивск 258—259.

[45]) Поповъ: «Вліяніе церковнаго ученія и древне-русской письменности на міросозерцаніе русскаго народа и въ частности на народную словесность въ древній до-Петровскій періодъ». Казань. 1883. См. также ст. Аристова: «Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей», въ «Духѣ Христіанина» за 1861 годъ. Октябрь и Ноябрь. Соловьева: «Древняя Русь». Русскій Вѣстникъ. 1856, кн. 1.

[46]) Служба 23 Ноября.

[47]) Соловьева: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» въ Чт. Общ. Ист. и Древн. Годъ 2, кн. 1. Бѣляева: «Исторія Новгорода Великаго». Москва. 1864. К. А. Неволина: «О пятинахъ и погостахъ» въ Запискахъ Геогр. Общ. VIII.

[48]) Н. А. Вроцкій.

[49]) Объ обычаѣ новгородцевъ удалять князей: «Таковъ бѣ обычай б.....ъ дѣтемъ»! Противъ этого восклицанія въ Воскр. л. другою рукою: «похвала Новгородцемъ»! См. Соф. 1, 200.

[50]) Погодинъ: «Др. Р. ист. до М. ига». т. I, 525.

[51]) Тамъ же.

[52]) Новг. 1, 43.

[53]) Новг. 1, 48.

[54]) Новг. 1, 47.

[55]) Прологъ подъ 23 Ноября. Ст. кн. 1,356. «Бяше бо великій сей самодержецъ отецъ сирымъ, вдовамъ питатель, обидимымъ помощникъ, въ скорбѣхъ сущимъ пресвѣтлый утѣшитель». Архивск. 251.

[56]) Соф. I, 236. Новг. 1, 47.

[57]) Новг. 1, 47. Арцыб. 1, 338.

[58]) Новг. 1, 46—47.

[59]) Тамъ же. Арцыб. 1, 337. Прим. 2145.

[60]) Новг. 1, 47.

[61]) Новг. 1, 49. Соф. 1, 237: «Добиша Нѣмци челомъ кн. Ярославу, и смирившеся отъидоша».

[62]) Соф. 1, 237.

[63]) Лавр. 196.

[64]) Соф. 1, 237. Новг. 1, 49.

[65]) Тамъ же.

[66]) Въ 1614 году во время нашествія шведовъ, ругавшихся надъ всѣмъ святымъ, гробъ св. князя былъ вынутъ и открытъ наглыми солдатами шведскими. По извѣстію 1634 года, «нѣмцы въ церкви великомученика Георгія въ монастырѣ, ищущи поклажи, обрѣли человѣка цѣла и непарушена въ княжескомъ одѣяніи, и вынявъ изъ гробницы, яко жива поставили у церковной стѣны. Митрополитъ Исидоръ, услышавъ о томъ, выпросилъ у Делагардія позволеніе перенесть гробъ въ Новгородскій соборъ; въ это время не только оказались нетлѣнными мощи дѣвственнаго князя, но

онѣ источили исцѣленія». Св. мощи съ того времени покоятся открыто при входѣ въ придѣлъ св. Предтечи. Погодинъ «Др. Р. Ист. до М. ига» т. II, стр. 1104.

[67]) Бѣляевъ: «В. кн. Александръ Яр. Невскій». 1—3.

[68]) Соловьева ист. Росс. т. II, 250.

[69]) Письмо оберъ-прокур. Св. Синода Эдуарду Навилю.

[70]) Въ Ипат. и Новгор. лѣт. временемъ битвы указанъ 1224 годъ, въ Лавр. и Акад. 1223. См. замѣч. ст. Куника въ «Зап. Ак. Наукъ по I и III отд.» Т. II, вып. 5. Спб. 1854.

[71]) Иловайскаго «Ист. Россіи». Ч. II, 373.

[72]) Васильева: «Ист. и др. Ср. Азіи». 216.

[73]) Иностранные писатели-путешественники превосходно знакомятъ насъ съ бытомъ и нравами монголовъ. Миноритъ Іоаннъ де Плано-Карпини въ 1245 году ѣздилъ въ Великую Монголію съ порученіемъ отъ папы Иннокентія IV. Спутниками его были доминиканцы Асцелинъ и Симонъ де Сенъ-Кентя. Лучшее изъ изданій записокъ Плано-Карпини: «Relation des Mongols ou Tartares par le Frère Jean Du Plan de Carpin de l'ordre des Fréres Mineurs, légat du Saint Siège Apostolique, Nonce en Tartarie pendant les années 1245, 1246, 1247, et Archevéque d'Antirari. Paris. 1838». У насъ — «Собраніе путешествій къ Татарамъ» Д. Языкова. Спб. 1825. Людовикъ IX посылалъ къ хану Менгу голландскаго монаха Рюисброка или Рубруквиса. Его записки въ латинск. подлинникѣ у Гаклюита: «Coll. of early Voyages». У Бержерона: «Voyag. faits princip. en Asie», II. 1735. Въ сокращен. изложеніи Языкова въ трудахъ Росс. Акад. ч. III. 1840. См. также Шемякина въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1864, кн. 3. Знаменитый путешественникъ венеціанецъ Марко Поло (1250 – 1323), долго жившій въ Монголіи, также даетъ намъ свѣдѣнія о монголахъ. Въ русскомъ перев. Шемякина въ Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1861, кн. 3 и 4; 1862, кн. 1—4. Другіе источники о монголахъ: о. Іоакинфа Бичурина: «Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизова». Спб. 1829. Его же: «Записки о Монголіи». Спб. 1828. Проф. Васильева: «Исторія и древности восточной части Средн. Азіи» въ Запискахъ Археол. Общ. т. IV. Спб. 1859. Въ недавнее время производились изслѣдованія на мѣстѣ резиденціи в. хановъ — въ Каракорумѣ. Докладъ Н М. Ядринцева, въ общ. собр. географ. общ. о результ. Орхонск. экспедиціи, 16 апр. тек. 1892 года. Мѣстонахожденіе Каракорума установлено на основаніи найден. надписей.

[74]) Иловайскаго, «Ист. Россіи». 377.

[75]) Тамъ же. 380.

[76]) Карамз. И. Г. Р. т. III. 287—288.

[77]) В. Доброхотова «Памятники древности во Владим. Клязьм.» М. 1849. Свящ. А. Виноградова: «Ист. Влад. каѳедр. Усп. собора». Владиміръ. 1877. Норбекова Г. Ѳ. «Влад. Усп. каѳедр. соб.» 1865.

[78]) В. Лѣствицына: «Мѣсто побоища на Сити»—въ Яросл. губ. вѣд. 1868, № 41. О битвѣ «на Сити, на рѣцѣ» см. Нижегородск. Сбор. подъ ред. А. С. Гацискаго, т. X. 1890 г., гл. III, 81—187. Мѣстомъ кровав. сѣчи указывается Боженка и ея окрестности «Обвиняя всѣхъ современныхъ Батыю русск. князей въ «безразсудной безпечности, совершенной бездарности и малодушіи», одно недавно издан. военное сочиненіе (1888), не беря во вниманіе истор. условій русск. жизни XIII в., пренебрежительно смотритъ на пораженіе на берегахъ Сити «только что набранной отъ сохи рати русской», и удивляется, что «среди князей не нашлось ни одной сколько-нибудь выдающейся личности, которая могла бы взять на себя руководство обороной Руси», забывая, что удивляться въ исторіи нечему, что при данныхъ истор. условіяхъ войско Батыя оказывалось непобѣдимымъ... и что наоборотъ можно было бы остолбенѣть отъ удивленія, если бы во времена начальнаго, колыбельнаго, разрозненно-удѣльнаго періода русской жизни нашлась бы личность, кот. «могла бы взять на себя руководство обороной Руси». Стр. 185 — 186 «При внимательн. и спокойномъ изученіи всего строя жизни и дѣятельности и личности характера в. кн. Георгія Всеволодовича прежде всего располагающаго насъ къ себѣ гуманностью своихъ отношеній къ окружающему насъ міру и тою любовью, которою платилъ ему за эту гуманность и терпимость этотъ окружающій его міръ, нельзя не придти къ заключенію, что если, можетъ быть, в. князь и не обладалъ въ извѣстной мѣрѣ качествами современ. намъ стратеговъ... то онъ несомнѣнно обладалъ качествами и достоинствами высшаго порядка—умѣньемъ безропотно нести свой крестъ, который выпадалъ на его долю... Трагическимъ же

концомъ своимъ и всей своей семьи онъ омылъ бы и тѣ пятна на своей памяти, которыя могли бы существовать, если бы они существовали». 187. «Есть нѣчто чарующее, какъ-то особенно дѣйствующее на нервы въ этомъ поклоненіи человѣку, усопшему нѣсколько вѣковъ тому назадъ и такъ спокойно, внушительно лежащему открыто передъ всенародными очами». 185. См. также Сабанѣева «Опис. курган. Мологск. уѣзда» въ «Тр. Яр. губ. ст. ком.» 1868. в. V, 92.

[79]) Въ пушк. лѣт. «о, глухое царство!» Подлинныя слова князя: «вижю, яко младая память моя желѣзомъ погыбнеть и тонкое мое тѣло увядаеть».

[80]) «А изъ Новгорода не бысть имъ помочи; но уже кой же бѣ въ недоумѣніи и страсѣ». Соф. 1, 246.

[81]) О движеніи облавами смотр. ст. Березина: «Нашествіе Батыя на Россію». Ж. М. Н. Пр. ч. LXXXVI.

[82]) Соф. 1, 246.

[83]) Ипат. 177. Соф. 1, 248.

[84]) Карамз. И. Г. Р. т. IV, 14.

[85]) Погодинъ: «Др. русск. ист. до Монг. ига». Т. II, 1411. Объ ужасѣ европейцевъ предъ монголами: импер. Фридрихъ II Штауфенъ писалъ англійск. королю: «если татары прорвутся въ Германію, то другія царства увидятъ ужасъ грозы... Будемъ осмотрительны: пока врагъ губитъ сосѣда, подумаемъ о средствахъ самообороны». Въ 1238 г. при берегахъ Англіи не производили сельдяной ловли изъ страха предъ монголами. Mathieu. Paris. Hist. major. 471. Въ церквахъ молились: «Господи, избави насъ отъ ярости татаръ».

[86]) Карамз. И. Г.Р. т. IV, 16.

[87]) Лавр, 200. Тверск. 373. Воскр. 143.

[88]) Карамз. И. Г. Р. т IV. I.

[89]) Впрочемъ Пл.-Карпини передаетъ свое извѣстіе, какъ слухъ: «Dicebatur ab omnibus». Во всякомъ случаѣ—Яр. Всеволодовичъ скончался насильствен. смертью.

[90]) Авторъ сочиненія: «Le catholicisme Romain en Russie» характеризуетъ отношеніе папства къ Россіи въ это время слѣд. образомъ: «Les grands efforts de la cour de Rome pour répandre le latinisme dans ce pays se rapportent a la premiére moitie du treizième siécle. Les circonstances politiques de temps et les progrés du catholicisme en d'autres contrées semblaient présager un succès certain à sa propagande. En 1204, Constantinople était prise par les croisés, et un patriarche latin remplaçait le patriarche grec; en 1201, l'ordre des Porte Glaives était fondè en Livonie, non loin des possessions russes, et, au commencement du même siècle, les Tatares commencaient à ravager la Russie. Le catholicisme troimphait, et la Russie était sur le penchant de sa ruine. Les papes profitèrent de ces circonstances, si avantageuses pour eux». 6. Приведемъ въ подлинникѣ выше указан. мѣсто папск. посланія: «Cum Graecorum imperium et ecclesia pene tota ad devotionem Apostolicae sedis redierit et obediat jussioni, nonne absonum videtur, ut pars toti suo non congruat et singularitas a suo discrepet universo?» Hist. Russ. Monumenta. I, № 3. Пер. см. Ист. Русск. церкви, пр. Макарія, III, 281.

[91]) Данилевскій: «Россія и Европа». Спб. 1889. 337.

[92]) Бѣляевъ: «В. кн. Ал. Ярослав. Невскій». 5—6.

[93]) «Александръ Ярославичъ съ Новгородци сруби городъ въ Шелони». Соф 1, 247. Новг. 1, 52.

[94]) «Приде вѣсть, яко свѣи идутъ къ Ладозѣ». Архивск. 260. Новг. 1, 53. Соф. 1, 251.

[95]) Соф. 1, 251. Лавр. 205. «Богомерзкій краль части римскія, иже отъ полунощныя страны—вѣдяше окаянный тогда отъинуду плененіе въ Руси—хотя оставшую русь поглотити». Архивск. 260.

[96]) Тамъ же. Сказаніе, 5.

[97]) «Возскорбѣ во умѣ своемъ, яко человѣкъ, понеже по случаю нѣкоего Божія промысла воинство Александрово въ Новѣгородѣ въ то время мало обрѣтеся: яко всѣмъ воямъ Новгородскимъ по многимъ градомъ и селомъ живущимъ незапно нападеніе». Рук. жит.

[98]) Соф 1, 252. Лавр. 205.

[99]) Ст. кн. 1, 359. Лавр. 205. Соф. 1, 251. Архивск. 261 и на обор. Въ сказаніи: «паде на колѣно предъ олтаремъ». Стр. 5.

[100]) Тамъ же. Въ сказаніи: «Идя исъ церкви утирая слезы». 5.

[101]) Ст. кн. 1, 358. Новг. 1, 53. Новг. IV, 35.

[102]) Гіэрнъ относитъ битву къ 1245 году, но по нашимъ лѣтописямъ она происходила въ 1240 году. Hiärn, Lifland. chronik. in monument. Livoniae, p. 123.

[103]) «Въсприятъ святое крещеніе, и живяше посредѣ рода своего погана суща .. живяше же богоугодно, въ среду и пятокъ пребывая въ алчьбѣ». Соф. 1, 252. Въ сказаніи: «поручена бысть ему стража утреничная морская». 6.

[104]) Лавр. 205—206. Пск. II, 3. Соф. 1, 252—253. Сказаніе, 6: «Быста руки своя держаща на рамехъ».

[105]) Тамъ же.

[106]) Соф. 1, 252 — 253. Новг. 1, 53. Сказаніе, 8: «Восходящу солнцу ступишась».

[107]) Лавр. 206. Новг. IV, 35. Степ. кн. 1, 360. «Бысть бой силенъ зѣло ужасенъ и страшенъ». Архивск. 263.

[108]) Интересно разсужденіе жизнеописателя: «Бысть же въ то время чудо дивно, яко въ древняя дни при Езекіи цари, егда прииде Санахиримъ царь Асурійскый на Ерусалимъ, хотя плѣнити святый градъ, и внезапу прииде Ангелъ Господень и изби отъ полка Асурійска Р' (100000) и П' (80000) и Е' (5000), и въставше утро и обрѣтоша вся трупія мертвыхъ; такоже и при побѣдѣ великого князя Александра Ярославича, егда побѣди короля объ онъ полъ рѣки Ижеры, идѣ же и не проходно полку великого князя Александра Ярославича, и тамо обрѣтошася много множество избіеныхъ отъ Ангелъ Божіихъ, обрѣтохомъ много трупія избіеныхъ мертвыхъ лежаще». Соф. 1, 254. Лавр. 206.

[109]) Лавр. 206.

[110]) Бѣляевъ: «В. Кн. Алекс. Яр. Невскій». 9 - 10.

[111]) Новг. 1, 53. Архивск. 264 и обор.

[112]) Бѣляевъ: «В. Кн. Ал. Яр. Н.» 10.

[113]) Намъ неизвѣстны ни причина, побудившая магистра ливонскихъ рыцарей побывать въ Новгородѣ, ни сущность переговоровъ, веденныхъ имъ съ Александромъ Вѣроятно дѣло шло объ улаженіи какихъ-нибудь споровъ новгородцевъ съ ливонцами. Наши лѣтописи передаютъ далѣе, что магистръ донесъ славу о доблестяхъ Александра до «Короля части римскія» и побудилъ его къ войнѣ съ Александромъ. Лавр. 205. Пск. II, 3. Новг. 1, 53. Соф. 1, 250. Ст. кн. 1, 358. Прологъ 23 Ноября. Архивск. 259—260 «Услышати пріятно», замѣчаютъ жизнеописатели, говоря объ отзывѣ магистра. Арндтъ: Lifland. Chronik. II, 42, 45. Бопель: Russisch - Liwländisch. Chronographie I, 5. 58. 2, 73, 76. Мы знаемъ другой подобный же случай изъ русской исторіи: въ 1610 году шведскій полководецъ Делагарди, рыдая надъ гробомъ безвременно погибшаго князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, говорилъ русскимъ: «Московскіе люди, не только на Руси вашей, но и въ земляхъ моего государя не видать мнѣ такого человѣка!»

[114]) Соф. 1, 249 Лавр. 204. Пск. II, 2.

[115]) Лавр. 204 — 207. Новг. 1, 51—54. Ст. кн. 1, 357 — 363. Псковск. II, 2—4. Фрибе: «Handbuch der Geschichte L. E. K., 163: «In Russland stand jetzt ein Held auf, dessen Name noch jetzt bei dieser Nation ehrwurdig ist. Dies war Alexander Hewsky». «Оттоле же обыче зватися св Александръ *Невскій*». Архивск. 265.

[116]) «Изби множество безчисленое Римлянъ». Соф. 1, 253. Архивск. 264, на оборот.

[117]) Для первоначальной исторіи утвержденія Ливонскаго ордена въ Прибалтійскомъ краю главнымъ источникомъ служитъ хроника Генриха латыша, обнимающая періодъ времени 1184 - 1226 г., отличающаяся впрочемъ явнымъ пристрастіемъ къ епископу Альберту и нѣмцамъ. Также: «Monumenta Liv. Ant.» 5. Bde. «Scriptores rerum Livonicarum». 2 Bde. Бунге: «Archiv für die Geschichte Liv - Esth - und Kurlands». «Liv-Esth-und Kurländisches Urkundenbuch» 4. Bde. Бопель: «Russisch-Liwland. Chronographie». Энгельманъ: «Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV вв.» Спб. 1858. Трусманъ: «Введеніе христіанства въ Лифляндіи». 1884. См. также: «Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ».

[118]) «Tu tantum, remisso exercitu, cum tuis ad Episcopatum tuum cum pace revertaris, eos, qui fidem susceperunt, ad eam servandam compellas, alios ad suscipiendam verbis, non verberibus, allicias». Chronicon Livonicum vetus. p. 64.

[119]) Руссовъ: «Scriptores rerum Livonic.». 28. Свидѣтельство о поведеніи ливонскихъ рыцарей находимъ даже въ папскихъ посланіяхъ. Hist. Russ. Monument. I, XLVIII, XLIX, LX, XCIX. Какъ ни возмутительны описанныя звѣрства нѣмцевъ, тѣмъ не менѣе нѣмецкіе историки описываютъ ихъ съ внутреннимъ самоуслажденіемъ. «Событія первоначальной Лифляндской исторіи, говоритъ одинъ изъ нихъ, изображаютъ глубокозаложенное основаніе, на которомъ было сооружено зданіе нѣмецкой государственности. Въ болотистую почву туземцевъ, которые, будучи неспособны къ самостоятельному развитію, не могли жить и не умѣли умирать, были вогнаны мощныя балки нѣмецкой народности, разрушительныя почвенныя воды были спущены, поверхность почвы укрѣпилась, ближе примкнула къ стволамъ, и послѣдніе стали прямѣе и плодоноснѣе... Охраненіе бассейна Остзейскаго моря для нѣмецкихъ интересовъ было національною задачею, привлеченіе далекаго Востока въ область европейской культуры было всемірно-исторической задачей этого побережья и его обитателей». Бинеманъ. Цитата у Трусмана: «Введеніе христіанства въ Лифляндіи». 1884. Любопытно сравнить съ этимъ взглядъ нашихъ историковъ на тѣ же нѣмецкія звѣрства: «Утвержденіе въ Ливоніи «божьихъ дворянъ» и «честныхъ бискуповъ» извратило естественный ходъ событій въ Ливоніи, задержало на цѣлыя столѣтія то, что должно было совершиться и что ясно намѣчалось ужъ до ихъ прихода, а вмѣстѣ съ тѣмъ внесло въ Ливонію смуту, раздоръ, войны, кровопролитія». Ист. Лив. съ древнѣйш. вр. I. Итакъ вотъ для чего понадобилось, по сознанію Гильдебранда, «великое, часто жестокое разрушеніе!»

[120]) Г. Трусманъ: «Введеніе христіанства въ Лифляндіи». 433.

[121]) Hist. Russiae Monument. т. I, № IV и squ. См. также «Le catholicisme Romain en Russie». T. I, 7–8.

[122]) Hist. Russ. Monument. Gregorii. P. IX ad Episcopum Semigalliensem — ne pax vel treguae cum Paganis et Ruthenis sine apostolici legati consensu fiant.

[123]) Тамъ же. Honorii. P. III ad judices in Livonia — ut Rutheni, veniuntes inhabitare Livoniam, Latinorum observantiis constringantur.

[124]) Бунге, Band. I, Heft IV, 442.

[125]) «Latinorum semper infensus inimicus». Chronic. Liv. vetus. 134.

[126]) Scriptores rerum Livonicarum. I, 1, 409.

[127]) Chronic. Liv. vet. 280, 284.

[128]) Татищевъ утверждаетъ, что нѣмцы овладѣли городомъ посредствомъ обмана: заключивъ перемиріе, они неожиданно зажгли городъ. III, 431.

[129]) Соловьева Ист. Россіи. Т. II, 375.

[130]) Фрибе: «Handbuch der Geschichte L. E. и К.» 1, 161.

[131]) Reimschron. V. Alnp. 84. См. Костомарова: «Сѣверноруссвія народоуправства».

[132]) Арндтъ: Der Liefländ. Chron. II, 45.

[133]) Новг. I, 43. Ст. кн. 1, 362. Архивск. 266.

[134]) Вступивъ въ предѣлы новгородской земли, нѣмцы надѣлали много зла «въ отечествѣ великого князя Александра». Наложивъ дань на жителей Водской области, они построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ (Петерб. губ. Петергофск. уѣзда), взяли Тесово и «гонишася за Л. (30) верстъ до Новгорода, гость біючи». Соф. 1, 255. Новг. 1, 53 Арцыб. 1, 342, пр. 2180. Съ другой стороны грабежи ихъ простирались по Лугѣ до Сабельскаго погоста. Бѣляевъ: «В. кн. Ал. Яр. Невскій». 10. О Тесовѣ и Саблѣ см. у Неволина: «О пятинахъ и погостахъ Новг.» въ Зап. Геогр. Общ кн. VIII.

[135]) Новг. 1, 53 Ст. кн. 1, 362. «Тогда бо Новгородцы еще самовластни бяху», замѣчаетъ позднѣйшій жизнеописатель. Архивск. 265.

[136]) Соф. 1, 255.

[137]) Ист. Россійск іерарх. ч. VI, 2. Стр. 941—942. Ананія о градѣ Суздалѣ. 188. Ж. М. Н. Пр. ч. LIX, отд. VI, 231. Ист. р. ц. пр. Макарія. Т. IV, I, 173.

[138]) Соф. 1, 255. Новг. 1, 53.

[139]) Новг. 1, 53. IV, 34. Соф. 1, 255. «Не можаше надолзѣ терпѣти достояніе отечества своего отъ невѣрныхъ расхищаемо». Архивск. 266, обор.

[140]) Не на это ли указываетъ условіе въ договорѣ новгородцевъ съ кн. Андреемъ: «А что, княже, братъ твой Александръ дѣлалъ насиліе въ Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи». Собр. госуд. грам. и договор. 1, № 1.

[141]) Бонель: Chronogr. 1. 59, 60, 2. 73, 74.

[142]) Никон. III. 14.

[143]) Соф. 1, 255. Архивск. 266, обор.

[144]) Соф. 1, 256. Лавр. 201. Новг. 1, 53. IV, 34. Пск. 1, 179. «Поклонися во св. Софіи премудрости Божія Слова со многимъ моленіемъ и слезами». Архивск. 266 и обор.

[145]) Соф. 1, 180. Воскр. 151.

[146]) «Градъ Псковъ свободи отъ плѣна». Соф. 1, 256. Новг. 1, 53. IV, 37. Пск. 1, 179. II, 4. При освобожденіи Пскова пали 70 храбрѣйшихъ ливонскихъ рыцарей. Арндтъ: Liefl. Chron. II, 46. И. Г. Р. т. IV, прим. 31.

[147]) «Землю ихъ пожже и повоева, и полона взя, а иныхъ изсѣче». Соф. 1, 256. «Пусти полкъ весь въ зажитія». Новг. 1, 53. Пск. II, 4.

[148]) «Они же гордіи совкупившеся...» Соф. 1, 256. Въ рук. житіи говорится, что нѣмцы собрались въ походъ даже «съ помощью кралевою».

[149]) Соф. 1, 256. Пск. II, 4 Воскр. 150. Фрибе: «Handbuch der Geschichte L. E. и K.» 150. Архивск. 267, обор.

[150]) Ст. кн. 1, 363: «Почудишася множеству ихъ».

[151]) Князева: «Указ. достоприм. г. Пскова». М. 1858. «Ист. стат. опис. Пск. Троицк. каѳедр. собора». М. 1858. Гр. М. В. Толстого: «Свят. и др. Пскова». М. 1861. Древняя и нов. Россія: «Памятники стариннаго Пскова» 292—298. «Живоп. Россія» Оч. VIII.

[152]) Соф. 1, 256.

[153]) Не даромъ вспомнилъ Александръ Ярославичъ о побѣдѣ Ярослава надъ Святополкомъ. Эта побѣда также одержана была на льду озера и притомъ съ новгородск. полками. Восклицаніе Александра вполнѣ понятно, если принять во вниманіе гордыя рѣчи нѣмцевъ: «Славяне не могутъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только нашими рабами!» Житія свят. Р. церкви пр. Филарета, Ноябрь. Соф. 1, 257. Пск. II, 4. По рукоп. жит.: Александръ началъ бой, «знаменався крестнымъ знаменіемъ». Архивск. 267 и на обор

[154]) Тамъ же.

[155]) Caput porcinum—Schweins-kopf—Фрибе. 1, 165. Нѣмецкое ополченіе велъ магистръ ливонск. ордена Германъ Балкъ, 1237 — 1243. Фрибе: «Handbuch der Geschichte Lief-Ehst und Kurl». B. 1, 157. Воскр. 150. Соф. 1, 257.

[156]) Новг. IV, 37. Архивск. 268.

[157]) Соф. 1, 258. Арндтъ: Liefland Chr. II, 46.

[158]) Воскр. 151. Пск. II, 4. Ст. кн. 1, 364.

[159]) Соф. 1, 258. Архивск. 268, обор.

[160]) Соф. Тамъ же. Воскр. 151.

[161]) Соф. 1, 257. Архивск. 268.

[162]) «Въ лѣто S'ѰНА. мѣсяца Маія въ HI. день, на память св. мученика Александра, явися знаменіе въ Пьсковѣ у св. Іоана въ монастыри, отъ иконы св. Спаса, надъ гробомъ великіе Княгини Ярославли Володимировича, юже уби свой пасынокъ въ городѣ Медвѣжіи головѣ, иде муро отъ иконы по BI. денiй и паиде Д. вощаници, яко въ стекляницу, и привезоша двѣ въ Новъгородъ на благословеніе, а во Пьсковѣ оставиша себѣ двѣ». Соф. 1, 259. Воскр. 152. Князь Ярославъ Владиміровичъ, измѣнивъ русской землѣ, привелъ нѣмцевъ и вмѣстѣ съ ними напалъ на Псковъ. Послѣ Ледоваго побоища онъ возвратился въ отечество, примирился съ Невскимъ и получилъ Торжокъ.

[163]) Тамъ же.

[164]) Рукоп. синод въ библіот. Погодина. Бѣляевъ: «В. кн. Ал. Яр. Невскій». 13.

[165]) Соф. 1, 258.

[166]) Гіэрнъ: Liflаnd. Chronik. in monument. Livoniae. 123. Арндтъ: Liflаnd. Chronik. II, 45, 46 Кельхъ: Hist. Livon. 35—39. Бонель: Chron. 1, 60. И. Г. Р. т. IV, пр. 33.

[167]) Соф. 1, 258: «Что есмя зашли мечемъ Псковъ, Водь, Лугу, Латыголу, и мы ся того всего отступаемъ, а что изъимали въ полонъ, мужей вашихъ, а тѣми ся розмѣнимъ, мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите, а Пьсковскій полонъ пустимъ». Воскр. 151. Новг. I, IV. Пск. II.

[168]) Фрибе: «Handbuch d. Geschichte L. E. и K.» 166: «Не будь внутреннихъ смутъ да татарскихъ опустошеній—Лифляндія очутилась бы въ рукахъ русскихъ».

[169]) Лѣтоп. по Ипатск. списку М. Кояловича: «Лекціи по ист. Западной Россіи». Бѣляевъ: «Очеркъ исторіи сѣверозападн. края Россіи». 1867. «Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ». Вильна. 1889. «Очеркъ древн. Литвы и западн. Россіи». В. 1891 г.

[170]) Длугошъ: т. I, 599.

[171]) Бѣляевъ: «Очеркъ исторіи сѣверозападн. края Россіи». 52.

[172]) Фойгтъ: «Geschichte Peussen's», von den ältesten Zeiten bis zum Untergange des Deutschen Ordens, 9 mm. Königsberg, 1827—1839. Соловьева: «Крестоносцы и Литва» въ Отеч. Зап. 1852.

[173]) Соловьевъ. Ист. Росс. т. III, 152.

[174]) «Въ характерѣ литовскаго племени есть много самозаключенности, много заронившагося въ глубину души и тамъ заснувшаго, много таинственнаго, если можно такъ выразиться; не даромъ въ Западной Руси литвинъ—синонимъ колдуна. Эта своенародная самозаключенность держала литовцевъ въ сторонѣ отъ треволненій исторіи; они по характеру своему непредпріимчивый и невоинственный народъ; у нихъ девизъ жизни: не трогай насъ! Но коль скоро мѣшали имъ жить въ своемъ углу, литвины чувствовали въ себѣ силы и развертывали ихъ и являлись на историческомъ полѣ на короткое время, за то съ блескомъ,—съ грохотомъ, и съ послѣдствіями не для себя, а для другихъ». Н. Костомаровъ. Русск. сл. 1860. Май, 9.

[175]) Соф. 1, 258. Воскр. 151. Архивск. 268 на обор.

[176]) Соф. 1, 259. Пск. II, 45: Тверск. 385. Воскр. 151. «Побѣди седмь полковъ литовскихъ». Архивск. 269.

[177]) Соф. тамъ же. Новг. 1, 54. Воскр. 152. Ник. IV, 12. Архивск. 269.

[178]) Погребеніе ея, какъ намъ уже извѣстно, совершено было въ обители св. Георгія, близъ мѣста погребенія ея старшаго сына, Ѳеодора. Въ холодномъ Георгіевск. соборѣ, на южной сторонѣ, у праваго клироса, можно прочесть слѣд. надгробную надпись: Лѣта ҂а҃с҃мд, Маія въ 4, въ Великомъ Новѣградѣ почи о Господѣ чюдная и великая княгиня Ѳеодосія, честнѣйшая супружница в. кн. Ярослава Всеволодовича, съ нимъ же благоговѣйно и богоугодно поживе, отъ него жъ 9 сыновъ породи, в. князя и въ чудесѣхъ словущаго Александра Невскаго и инѣхъ 8, и на конецъ житія иноческій образъ воспріимши и претворено бысть имя ей Евфросинія, и положена бысть въ пресловущей обители св. Георгія объ едину страну сына своего, князя Ѳеодора; послѣди же, многимъ минувшимъ лѣтомъ, сынъ ея князь Ѳеодоръ оттолѣ изъ обители пренесенъ бысть въ Великій Новградъ въ соборную церковь Премудрости Божія и положенъ въ паперти Іоанна Богослова съ великими князи». Карамз. И. Г. Р. т. IV, прим. 39.

[179]) Новг. 1, 54. Арц. т. II, 8, кн. 3, пр. 38.

[180]) И. Г. Р. т. IV, 35.

[181]) Арц. т. I, кн. 2, пр. 82.

[182]) Хотя нѣкоторые жизнеописатели, въ томъ числѣ и Бѣляевъ (впрочемъ не безусловно) утверждаютъ, что первое путешествіе Александра Невскаго въ орду состоялось раньше, именно въ промежутокъ между Невской побѣдой и Ледовымъ побоищемъ, но мы не можемъ съ ними согласиться. Правда, въ лѣтописяхъ, четвертой новгородской и первой псковской (Новг. IV, 37. Пск. 1, 179), равно какъ и въ рукописныхъ житіяхъ находятся данныя, подтверждающія указанное мнѣніе, за то во всѣхъ остальныхъ лѣтописяхъ ясно говорится, что Александръ въ то время былъ въ Переяславлѣ. Никоновская и Львовская л. прямо относятъ призывъ Батыя и первое путешествіе Александра въ орду ко времени послѣ смерти Ярослава. Карамзинъ также полагаетъ, что Александръ ѣздилъ въ орду въ первый разъ въ 1246 году, по смерти Ярослава. И. Г. Р. т. IV, прим. 34.

[183]) Соф. 1, 266. Ник. III, 27. Львовск. II, 23. Архивск. 272.

[184]) Сочиненія С. М. Соловьева т. I. Спб. 1882. 77.

[185]) Тамъ же. 76.

[186]) Погодинъ: «Др. р. ист. до Монг. ига». т. II; 1355, 141а.

[187]) «Слышавъ Александръ смерть отца своего, приде изъ Новгорода къ Володимерю, и плакася по отци своемь со стрыемь своимь Святославомь и съ братьею своею». Воскр. 156.

[188]) «Много пострада отъ безбожныхъ татаръ за землю Русьскую, обаженъ бо бысть царю Ѳеодоромъ Яруновичемъ, и много истомленія подъятъ, пойде отъ Кановичь

и преставись во иноплеменницѣхъ нужною смертію». Воскр. 156. Соф. 1, 265. См. выше прим. 89. См. также Архивск. 270 на обор.

[189]) Степ. кн. 1, 323. Архивск. 271.

[190]) Карамз. И. Г. Р. т. IV. 64. Прим. 78.

[191]) Троицк. подъ 1246 г.: «Поиде Святославъ въ орду про свою отчину и пожалованъ бысть».

[192]) «Поѣха Андрѣй князь Ярославичь въ татары къ Батыеви, и Олександръ князь поѣха *по братъ* же къ Батыеви». Лавр. 201.

[193]) Вообще можно догадываться, что Святославъ Всеволодовичъ въ качествѣ великаго князя оказывался не на высотѣ своего положенія, и это обстоятельство, какъ не разъ бывало и прежде, еще болѣе подстрекало другихъ стремиться къ добыванію великаго княженія, тѣмъ болѣе, что тотъ, кто больше всѣхъ имѣлъ бы правъ на это, не обнаруживалъ желанія искать великокняжескаго стола подъ дядею.

[194]) Соф. 1, 261. Иловайскаго исторія Россіи, ч. II, 563 — 564: «Въ Воскресенскомъ и Тверскомъ говорится о поклоненіи «солнцу и кусту и идоламъ»; въ Никоновскомъ нѣтъ куста, а упоминаются солнце, луна, огонь и идолы. Въ Ипатьевскомъ же, по поводу пріѣзда Данила Романовича въ орду, приводится поклоненіе солнцу, лунѣ, землѣ, дьяволу и умершимъ предкамъ, «водяще около куста поклонятися имъ», и затѣмъ прямо говорится, что Ярославъ кланялся «кусту», а Михаилъ и боярин Ѳеодоръ убиты, потому что «не поклонишася кусту» (535 — 6 стр. нов. изданія). Гаммеръ изъ этого куста сдѣлалъ какой-то «священный поясъ Маговъ и Индусовъ», по-персидски Kesti, поклоненіе которому будто бы заимствовано татарами Батыя въ Персіи (Gesch. der Gold. Horde. 137), и это чрезвычайно натянутое толкованіе нѣкоторыми принято (напр. у Вольфа 389). Но при описаніи самыхъ обрядовъ, которымъ подвергали иноземцевъ въ ордѣ, какъ въ русскихъ лѣтописяхъ, такъ и у Плано-Карпини говорится только о прохожденіи между двухъ огней (все очищающихъ) и поклоненіи идоламъ или на югъ тѣни Чингизъ хана («Чингизаканова мѣчтанья», какъ выражается Ипатьев. лѣтопись). Карпини, сообщающій о томъ обстоятельное извѣстіе, ни о какомъ кустѣ не упоминаетъ. Нѣтъ ли тутъ какой ошибки, т. е. искаженія первоначальнаго текста? Напримѣръ: вмѣсто куста не должно ли разумѣть жертвенникъ или «костеръ», т. е. все тотъ же священный огонь, занимавшій самое видное мѣсто въ обрядахъ монголо-татарской религіи? Или: не стояло ли въ первоначальномъ текстѣ разсказа вмѣсто кусту слово «хвосту», т. е. поклоненіе тому конскому или буйволову хвосту, который развѣвался на главномъ знамени Золотоордынскаго хана? Впрочемъ и поклоненіе кусту не есть что-либо необычайное. Въ Западной Россіи, именно въ Пинскомъ уѣздѣ до сихъ поръ существуетъ праздникъ куста: на завтра Троицына дня деревенскія дѣвушки выбираютъ изъ своей среды самую красивую, и надѣваютъ на нее родъ платья, сплетеннаго изъ березовыхъ и липовыхъ вѣтвей; она получаетъ названіе «куста», и идетъ впереди, а за нею всѣ дѣвушки попарно. (Памятн. книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г., стр. 80)».

[195]) Соф. 1, 299.

[196]) Соф. 1, 266.

[197]) О Сараѣ: Терещенко: «Четырехлѣтніе поиски въ развалинахъ Сарая», въ Журн. М. В. Д. 1847, кн. 9. Его же: «Окончательное изслѣдованіе мѣстности Сарая», въ Запискахъ Ак. Наукъ по I и III отд. т. II., вып. I. В. Григорьева: «О мѣстоположеніи столицы Золотой Орды Сарая», въ Ж. М. В. Д. 1845. Брунъ («О резиденціи хановъ Золотой Орды до временъ Джанибека», въ трудахъ третьяго Археолог. съѣзда. Кіевъ. 1878 г.) высказываетъ мнѣніе о двухъ Сараяхъ: одинъ, близъ Каспійскаго моря, около Селитрянаго городка, и другой, болѣе поздняго времени, на мѣстѣ Царева.

[198]) Карамз. И. Г. Р. т. IV, 43.

[199]) Четьи Минеи. Августъ.

[200]) Очень можетъ быть, что на Батыя произвела сильное впечатлѣніе мученическая кончина Михаила Черниговскаго. При своемъ умѣ онъ понялъ, что отказъ Михаила исполнить обряды истекалъ не изъ его непослушанія волѣ ханской, а зависѣлъ отъ невозможности для князя-христіанина исполнить его волю. По крайней мѣрѣ, чувство нѣкотораго сожалѣнія слышится въ словахъ Батыя по случаю кончины Михаила: «Батый, слышавъ таковое мужество и крѣпость, умилися и рече: велій

мужъ сей». Очевидно, онъ не пожелалъ повторенія прискорбнаго факта. Сн. В. Григорьева: «О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ». 55 — 57. М. 1842.

[201]) Соф. 1, 266. По рук. жит. «Батый вельми почиташе его». «Нѣсть подобнаго князя!» Архивск. 272 на обор.

[202]) Воскр. 153.

[203]) Лавр. 201.

[204]) «Гоби, пишетъ извѣстный изслѣдователь Средней Азіи, своею пустынностію и однообразіемъ производитъ на путешественника тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. По цѣлымъ недѣлямъ сряду передъ его глазами являются одни и тѣ же образы: то неоглядныя равнины, отливающія (зимою) желтоватымъ цвѣтомъ изсохшей прошлогодней травы, то черноватыя, изборожденныя гряды скалъ, то пологіе холмы, на вершинѣ которыхъ иногда рисуется силуэтъ быстроногаго дзерена (Antilope guttorosa). Мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается, попрежнему, угрюмой и непривѣтливой... Закатится солнце, ляжетъ темный пологъ ночи, безоблачное небо заискрится милліонами звѣздъ, и караванъ, пройдя еще немного, останавливается на ночевку. Радуются верблюды, освободившись изъ-подъ тяжелыхъ вьюковъ, и тотчасъ же улягутся вокругъ палатки погонщиковъ, которые тѣмъ временемъ варятъ свой неприхотливый ужинъ Прошелъ еще часъ, заснули люди и животныя, и кругомъ опять воцарилась мертвая тишина пустыни, какъ будто въ ней вовсе нѣтъ живого существа». Пржевальскій: «Монголія и страна Тангутовъ». т. I, 13.

[205]) «При вѣтрѣ всегда становилось холодно, пишетъ тотъ же путешественникъ, и много разъ эти вѣтры превращались въ сильную бурю. Тогда давала себя знать Монгольская степь! Тучи песку, пыли, а на солончакахъ — мелкой соли, поднятыя ураганомъ въ воздухъ, затемняли солнце, которое начинало свѣтить тускло, какъ сквозь дымъ, а затѣмъ становилось и вовсе не видно, такъ что въ полдень иногда дѣлалось не свѣтлѣе, чѣмъ въ сумерки... Вѣтеръ съ такою силою билъ крупнымъ пескомъ, что даже верблюды, привычные ко всѣмъ трудностямъ пустыни, и тѣ нерѣдко останавливались, поворачивали задомъ къ урагану и ожидали, пока пронесется его порывъ. Воздухъ до того наполнялся пескомъ и пылью что часто противъ вѣтра невозможно было открыть глаза, а въ головѣ происходили боль и шумъ, какъ отъ угара. Въ палаткѣ на всѣхъ вещахъ ложился толстый слой пыли, и если буря случалась ночью, то утромъ едва можно было продрать глаза, совсѣмъ засыпанные грязью. Иногда, за страшнымъ порывомъ бури, слѣдовалъ градъ или дождь, какъ изъ ведра, но дождевыя капли разбивались вѣтромъ въ мелкую пыль... Напоръ бури иногда бывалъ до того силенъ, что наша палатка, укрѣпленная двѣнадцатью желѣзными кольями, каждый длиною въ полъаршина, ежеминутно готова была слетѣть, и мы принуждены были привязывать ее еще къ вьюкамъ всѣми наличными веревками». Тамъ же. 83.

[206]) Въ глубинѣ среднеазіатскихъ пустынь тамъ, гдѣ протекаетъ рѣка Урунгу, въ 1878 году прошло нѣсколько тысячъ киргизскихъ семействъ, бѣжавшихъ въ предѣлы Китая. Вотъ какъ описываетъ мѣстности, по которымъ прошли киргизы, тотъ же путешественникъ: «Положительно не было одной квадратной сажени уцѣлѣвшей травы; тростникъ и молодой тальникъ были также съѣдены дочиста. Мало того, киргизы обрубили сучья всѣхъ рѣшительно тополей, растущихъ рощами по берегу Урунгу. Множество самыхъ этихъ деревьевъ было повалено; кора ихъ шла на кормъ барановъ, а нарубленными со стволовъ щепками кормились коровы и лошади...

«Грустный видъ представляла эта мѣстность, довольно унылая и сама по себѣ. Словно пронеслась здѣсь туча саранчи; даже нѣчто худшее, чѣмъ саранча. Та съѣла бы траву и листья; на Урунгу же не были пощажены даже деревья. Ихъ обезображенные стволы торчали по берегу рѣки словно вкопанные столбы; внизу же вездѣ валялись груды обглоданныхъ сучьевъ. Мѣстность обезображена была на многіе годы.

«Такъ ознаменовали свой проходъ и временное стойбище нѣсколько тысячъ кочевниковъ. Что же было, невольно думалось мнѣ, когда цѣлыя орды тѣхъ же номадовъ шли изъ Азіи въ Европу!» Пржевальскій: «Изъ Зайсана въ Тибетъ» 21.

[207]) Гаммеръ-Пургсталя: «Geschichte der golden. Horde». 1840. 90. См. выше указ. пособія, прим. 73.

[208]) «Пут. къ татарамъ». 39—41.
[209]) Тамъ же. 147—149.
[210]) Ник. III, 31. Густинск. 311. Лавр. 202.
[211]) Соловьев. Ист. Росс. т. III, 187. Иловайск. Ист. Росс. ч. II, 417—418.
[221]) Иловайскій. Тамъ же.
[213]) Тверск. 395.
[214]) Лавр. 201.
[215]) «Володимеръ князь Константиновичь преставися въ Володимери, на память св. первомученика Стефана; плакася надъ нимъ Олександръ князь и съ братьею много, и проводи и честно изъ Золотыхъ воротъ, и везоша и въ Углече поле; блаженый же епископъ Кирилъ и съ игумены, пѣвше пѣсни погребальныя, и положиша и у св. Спаса; и много плакашася. Тое же зимы Василій князь Всеволодовичь преставися въ Володимери, на память св. Ѳеодора, и повезоша и на Ярославль и Олександръ князь проводи и, и Борисъ и Глѣбъ, и мати ихъ; блаженый же епископъ Кирилъ, и съ игумены и попы, пѣвше пѣсни погребальныя, и положиша и честно у святое Богородица, и плакашася надъ нимъ много». Лавр. 202. Воскр. 159.
[216]) Новг. 1, 54.
[217]) Бѣляевъ говоритъ, что Александръ былъ «въ новыхъ своихъ владѣніяхъ». В. кн. А. Яр. Невскій. 16. Но въ лѣтописяхъ мы не находимъ объ этомъ извѣстій. Татищевъ утверждаетъ, что Александръ «хотяше идти въ Кіевъ, по отрекоша ему Новгородцы татаръ ради». Кн. IV, 22.
[218]) Новг. 1, 54. Соф. 1, 266.
[219]) Тат. IV, 23. Лавр. 202: «Бысть болѣзнь тяжка князю Александру, но Богъ помилова и, и молитва отца его Ярослава, и блаженаго митрополита и епископа Кирила».
[220]) Новг. 1, 54. Лавр. 202. Ник. III, 33.
[221]) «Умножи Богъ живота великому князю!» Соф. 1, 268.
[222]) «Найдоша дъждеве и поимаша вси рли и обилія и сѣна, и мостъ снесе вода на Волховѣ великый, и на осень би морозъ обилье, но останокъ избыйся». Новг. 1, 55. Лавр. 202.
[223]) Карамз. И. Г. Р. т. IV. 69. прим. 87.
[224]) Карамз. И. Г. Р. т. IV. 70.
[225]) «Лутче мнѣ сбѣжати въ чужую землю, нежели царемъ служити!» Никон. «Сдума Андрей князь Ярославичь съ своими бояры бѣгати, нежели царемъ служити». Лавр. 202.
[226]) «Прогна Андрей, сынъ Ярославль, а самъ сѣде на столѣ». Новг. IV, 38.
[227]) Лавр. 202. Тверск. 391. Воскр. 159.
[228]) Ист. Россіи. т. III, 187. См. также «Ист. отнош. между князьями Рюрикова дома». 267—269.
[229]) Тамъ же. 264.
[230]) Одинъ изъ историковъ, раздѣляя взглядъ Соловьева, находитъ его справедливымъ, «если принять во вниманіе *всѣ* обстоятельства». Какія же всѣ обстоятельства? Да все одно и то же. «Александръ очевидно (?) считалъ себя обиженнымъ послѣ того, какъ Владимірскимъ столомъ овладѣлъ его младшій братъ, вѣроятно употребивъ для того передъ ханомъ какіе-нибудь ловкіе изворотьі»... Отъ разсмотрѣнія же *всѣхъ* обстоятельствъ историкъ уклоняется и даже не указываетъ на нихъ .. Иловайскій: «Ист Россіи». ч. II, прим. 56.
[231]) Тат. III, 296.
[232]) Ист. Р. т. III, прим. 296.
[233]) Тат. IV, 24.
[234]) Ст. кн. 1, 367. Смотр. также рукоп. житія, напр. Архивск. 273.
[235]) Соловьев. Ист. Росс. т. III, прим. 299.
[236]) Карамз. И. Г Р. т. IV, прим. 88.
[237]) Татищеву удалось обработать въ видѣ научнаго трактата лишь первый томъ. Въ остальныхъ четырехъ томахъ его мы видимъ только болѣе или менѣе полный сводъ лѣтописныхъ извѣстій, съ подстрочными примѣчаніями историка. О Татищевѣ, кромѣ исторій Карамзина и Соловьева, см.: «Татищевъ и его время». Н. А. Попова. М. 1861. «В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка».—К. Н. Бестужева-Рюмина въ сборникѣ «Др. и Нов. Россія», т. I, II. 1875. «В. Н. Тати-

щевъ» — въ Ист. Вѣстникѣ, 1886 Апрѣль. Бестужевъ-Рюминъ: «Онъ (Татищевъ) не могъ еще критически отнестись къ своимъ источникамъ, и потому вѣрилъ многому... Это не умаляетъ достоинства его труда, *но требуетъ осторожности въ пользованіи извѣстіями, которыя встрѣчаются только у него*». Р. Ист. 1, 212.

238) Бѣляевъ: «Вел. кн. Александръ Яросл. Невскій». 19. Прим. 48.

239) Соловьева Ист Росс., т. Ш, прим. 299.

240) Бѣляевъ: «Вел. кн. Ал. Яросл. Невскій». 18.

241) «Александръ въ 1251 году былъ отчаянно боленъ въ Новгородѣ, слѣдовательно не могъ ѣхать въ Орду ближе 1252 года, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи. Годъ тогда начинался мартомъ мѣсяцемъ. Александръ, слѣдовательно, по случаю весенней распутицы и разлива многихъ большихъ рѣкъ, лежащихъ на дорогѣ, не могъ выѣхать изъ Новгорода раньше конца апрѣля или начала мая, а отъ Новгорода до Орды, съ объѣздами, которые долженъ былъ дѣлать Александръ, чтобы не попасться въ руки Андрею, ежели онъ умышлялъ противъ него, было по крайней мѣрѣ двѣ тысячи верстъ, на проѣздъ которыхъ по тогдашнему бездорожью нужно было употребить около двухъ мѣсяцевъ. Слѣдовательно Александръ не могъ пріѣхать въ Орду ближе конца іюня или начала іюля, а пріѣхавши, не вдругъ же явился къ хану и не при первомъ же свиданіи успѣлъ вооружить его противъ Андрея, для этого ему нужно было прожить въ Ордѣ, по крайней мѣрѣ, двѣ или три недѣли. Такимъ образомъ Неврюй могъ получить приказъ ханскій о походѣ на Владиміръ не ближе половины іюля мѣсяца, по крайней мѣрѣ еще нужно употребить двѣ недѣли для сбора войска; итакъ ежели предположить, что Неврюй былъ посланъ по проискамъ Александра, то онъ могъ выступить въ походъ не раньше конца іюля или начала августа. А отъ Орды до Владиміра было по крайней мѣрѣ тысячу верстъ, на которыя для похода съ войскомъ, при всей быстротѣ, нужно было употребить не менѣе мѣсяца и даже болѣе; слѣдовательно Неврюй могъ придти ко Владиміру не ближе конца августа. По свидѣтельству же лѣтописей, онъ 23-го іюля бросился черезъ Клязьму, а 24-го уже разбилъ Андрея. Итакъ, по всѣмъ симъ соображеніямъ, Неврюй не могъ предпринять похода по проискамъ Александровымъ, и даже, очевидно, Александръ пріѣхалъ въ Орду уже тогда, когда Неврюй былъ на походѣ во Владиміръ, и слѣдовательно не только не былъ подстрекателемъ Неврюева похода, но даже не могъ остановить его». Бѣляевъ: «В. кн. А. Яр. Невскій» 19—20.

242) Тат. IV, 27.

243) Бѣляевъ, тамъ же, 20.

244) Соловьев. Ист. Р. т. Ш, 186. Лавр. 202. Святославъ-Гавріилъ Всеволодовичъ считается святымъ Юрьева Польскаго. Погребенъ въ Юрьевскомъ соборѣ.

245) Опровергая взглядъ Соловьева, мы вовсе не думаемъ оскорбить славную память великаго труженика русской исторіи. Errare humanum est ... Обвиняющіе въ наведеніи Неврюя, впрочемъ, сами себя опровергаютъ, см. Приложеніе, № III.

246) «Андрей возвратился изъ Нѣмецъ, Александръ пріятъ его съ любовію и хотяше ему Суздаль дати». Тат. IV, 27.

247) Соф. 1, 267. Ст. кн. 1, 368. Архивск. 274.

248) Соф. 1, 267. По рукоп. жит. Неврюй «искрадомъ прінде». Архивск. 273 на оборотѣ.

249) Едва ли только добродушная, скорѣе — своекорыстная. Карамз. И. Г. Р. т. IV, 71.

250) Оставался еще одинъ князь, который могъ бы предъявить, по старинѣ, свои права на Владимірскій столъ — это Владиміръ, сынъ Константина Всевол. Ростовскаго. Но онъ, какъ видно, довольствовался своимъ удѣломъ и не изъявлялъ никакихъ притязаній. Подобные примѣры бывали и въ старину.

251) Карамз. И. Г. Р. т. IV, 71.

252) Соф. 1, 267, Лавр. 202: «Людій безъ числа поведоша, до коньи и скота, и много зла створше, отъидоша».

253) «Бысть радость велика!» Лавр. 202.

254) Доброхотова: «Древній Боголюбовъ городъ и монастырь». М. 1850.

255) Лавр. 202.

256) Ник. III, 34.

257) Лавр. 202.

[258]) Соф. 1, 267. Ник. III, 34. Архивск. 274.

[259]) Карамз. И. Г. Р. т. IV. 71.

[260]) Соф. 1, 267. Ср. пс. XLIV. Новг. 1, 55. Соф. 1, 268. Воскр. 160. Лавр. 202. О Владимірѣ см. гр. С. Г. Строганова: «Дмитр. соб.» М. 1849. Іер. Іоасафа: «Церковно истор. описаніе Влад. дост.» В. 1857.

[261]) Соловьева: «Даніилъ Романовичъ», въ Современникѣ 1847,1. Костомарова—«Р. Ист. въ жизнеоп. ея главн. дѣятелей». Вып. I.

[262]) Костомарова: «Р. Ист. въ жизнеоп. ея главн. дѣят.». Вып. I, стр. 152. О сношеніяхъ Даніила съ папою. Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, см. «Ист. Р. Ц.» пр. Макарія. т. V, кн. II, 308 — 315. Папскія посланія — Hist. Russ. Monum. I, №№ LXI—XCV. Въ Ипатіевск. лѣт. подъ 6763 (1254) годомъ: «Присла папа послы честны, носяще вѣнець и скыпетрь и коруну, еже паречеться королевский санъ, рекый: «сыну! пріими отъ насъ вѣнець королевьства». Древле бо то прислалъ къ нему пискупа Береньского и Каменецького, река ему: «пріими вѣнець королевьства»; онъ въ то время не пріялъ бѣ, река: «рать татарская не престаеть злѣ живущи съ нами: то како могу пріяти вѣнець, безъ помощи твоей?» Опиза же (Opiso, легатъ папскій) приде вѣнець нося, обѣщеваяся, яко «помощь имѣти ти отъ папы»; оному же одинако не хотящу, и убѣди его мати его, и Болеславъ, и Семовитъ, и бояре Лядьскыѣ, рекуще: дабы пріялъ бы вѣнець, «а мы есмь на помощь противу поганыхъ». Онъ же вѣнець отъ Бога прія, отъ церкве св. Апостолъ и отъ стола св. Петра и отъ отца своего папы Некентія, и отъ всякихъ епископовъ своихъ. Некентій бо кльняше тѣхъ хулящихъ вѣру Грецкую правовѣрную, и хотящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ о воединеньи церькви».

[263]) О вліяніи татаръ на развитіе русской жизни срав. взгляды Костомарова въ ст. «Начало единодержавія въ древней Руси», въ «Вѣстникѣ Европы» за 1870 г. № 11 и 12 — и Соловьева въ его Исторіи и въ ст. «Ист. отн. между князьями Р. дома».

. . . . . .

«— Что же можетъ быть благодѣтельнымъ въ господствѣ мусульманъ надъ христіанами?

«— Оно благодѣтельно, какъ всякое испытаніе, посылаемое намъ Богомъ. Или вы полагаете, что тѣ 700 лѣтъ, которыя испанцы провели подъ арабскимъ владычествомъ, и тѣ 250 лѣтъ, въ теченіе которыхъ татарское иго тяготѣло надъ Русью, не принесли никакой пользы ни Испаніи, ни Россіи? Эти тяжкія годины варварскаго владычества надъ болѣе цивилизованнымъ народомъ сплотили этотъ народъ воедино, закалили его въ борьбѣ съ невѣрными, укрѣпили въ немъ вѣру въ Бога, научили его дорожить своею вѣрой, своей національностью, своимъ государственнымъ единствомъ, они сдѣлали его способнымъ на великіе подвиги ума и сердца. Какъ же не признать это варварское иго благодѣтельнымъ? Конечно, иныхъ это иго сокрушило и уничтожило, но это потому, что они сами по себѣ были ничтожны; все, что заслуживало жизни, осталось живымъ и вышло изъ испытанія съ обновленными, окрѣпшими силами; не эту ли мысль выразилъ Пушкинъ въ своемъ мѣткомъ двустишіи:

. . . Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ?

«Въ самомъ дѣлѣ, Испанія послѣ маврскаго ига, Россія послѣ ига татарскаго встаютъ, какъ фениксы изъ пепла, и начинаютъ жить, тогда какъ другіе народы, не испытавшіе подобнаго ига, либо изнемогаютъ въ междоусобіяхъ, либо тускло доживаютъ свою жизнь, отличавшуюся нѣкогда яркимъ блескомъ. Но быстрый расцвѣтъ Испаніи продолжался недолго; она, правда, долгое время сторонилась отъ обезличивающаго водоворота европейскаго прогресса, но она сдѣлалась жертвой мертвящаго начала римскаго папства, и роскошная эпоха Лопе-де-Веги и Мурильо быстро смѣнилась вѣками умственнаго и художественнаго безплодія.

«Россія, наоборотъ, стала развиваться послѣ сверженія татарскаго ига болѣе медленнымъ, но за то болѣе основательнымъ образомъ; первыя силы, которыхъ она набралась въ борьбѣ съ азіатскими варварами, дали ей возможность выйти побѣдительницей и изъ другой тяжелой напасти, изъ смутныхъ временъ, послѣдовавшихъ за смертью Іоанна IV, и изъ нашествія западныхъ враговъ; выйдя и изъ этого ис-

пытанія съ обновленными силами, она потрагила ихъ на великую Петровскую реформу, послѣ которой Россія могла, наконецъ, приступить тотчасъ же послѣ сверженія ига. Но и тутъ намъ еще пришлось подвергнуться многимъ испытаніямъ и заблужденіямъ до тѣхъ поръ, пока теперь мы, наконецъ, начинаемъ, повидимому, входить на правильный путь національнаго развитія.

«Мы вступили позднѣе въ европейскую жизнь, но въ этомъ наше великое преимущество: наши силы свѣжи, тогда какъ у прочихъ европейскихъ народовъ онѣ уже истощились; у насъ еще есть горячая вѣра въ идеалы, тогда какъ тамъ, на Западѣ, вѣра эта уже изсякаетъ; мы сохранили свою государственную чистоту и не дали себя увлечь европейскимъ политическимъ «прогрессомъ», въ которомъ теперь уже сомнѣвается сама Европа; благодаря этому, Россія получила возможность самостоятельно создать и развить свою собственную культуру, къ которой, какъ къ спасительному маяку, обратится въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ извѣрившаяся и отчаявшаяся во всемъ «Европа».

«Всѣмъ этимъ мы обязаны татарскому игу, которое нѣсколько задержало наше быстрое первоначальное развитіе и дало намъ возможность медленно созрѣть «вдали отъ большого свѣта». Намъ не татары были опасны, а европейскій раціонализмъ и космополитизмъ; первые закалили наши силы, второй могъ только разслабить ихъ. Конечно, мы не миновали и этого ужаснаго европейскаго ига, но оно легло на насъ лишь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка и поработило на время одну лишь нашу полуобразованную «интеллигенцію», тогда какъ оно оказалось безсильнымъ предъ здравымъ смысломъ нашего народа, благодаря его крѣпко установившимся религіознымъ и государственнымъ идеаламъ». «Русское Обозрѣніе» 1891 г. Сентябрь. 349 – 350. Ср. Данилевскаго — «Россія и Европа», гл. XII.

[264]) Данилевскій. «Россія и Европа». X, стр. 278.

[265]) Послы папы прибыли къ Александру въ 1252 году. Соф. 1, 268. Тверск. 397. Также и по рук. житіямъ.

[266]) Innocentii p. VI ad Alexandrum Ducem Susdaliensem — de amplectenda Ecclesiae Catolicae unitate, ac de indicandis Tartarorum incursionibus. Hist. R. Monum. 1. p. 68 – 69. LXXVIII.

[267]) Соф. 1, 268. Тверск. 398. Пск. II, 3. Архивск. 274 на обор.

[268]) См. напримѣръ Георгія, митрополита кіевскаго, «Стезанье съ Латиною винъ числомъ 70».

[269]) Не всѣ признаютъ подлинность приводимаго въ рукописныхъ житіяхъ письменнаго изложенія вѣры. Пр. Филаретъ называетъ его вымысломъ XVI столѣтія. Русскіе святые. Ноябрь. 399. См. также «Христіанск. Чтеніе» за 1852 г. II. 484, гдѣ сказано: «Отнести его (письменное изложеніе вѣры) ко времени св. Александра не можемъ, хотя, основываясь на выраженіи Соф. врем.: «сдумавъ съ мудрецы своими, списавъ къ нему (папѣ)», можемъ предполагать, что къ папѣ было отправлено нѣчто въ видѣ изложенія вѣры». Можетъ быть, письменное изложеніе хотя отчасти сохранило главныя черты отвѣта, отправленнаго папѣ. Авторъ сочиненія: «Le catholicisme Romain en Russie», говоритъ: «Dans une biographie manuscrite du grand duc Alexandre Newsky, conservée à la bibliothéque de l'Academie ecclésiastique de Saint-Pétersburg, on trouve, entre autres renseignements, *la Confession de saint Alexandre Newsky*, renfermant une énumération très-succincte des divergences, qui existaient entre les doctrines des deux Eglises grecque et romaine. Cette confession appartient-elle effectivement au grand-duc lui-même? N'est-elle qu'une dissertation de seconde main? Peu importe; elle a son importance au point de vue historique, en ce qu'elle nous apprend comment les contemporains de ce prince envisageaient le catholicisme romain», t. 1, 8. Вотъ этотъ документъ:

«Вѣра наша се есть — Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, Троица во единствѣ и единство въ Троицѣ. Не три убо Бога разумѣваемъ, но единаго Бога во единомъ существѣ и божествѣ проповѣдуемъ. Едино бо есть Божество Троица и Троица во единомъ Божествѣ, раздѣляемъ же Троицу тремя пресущественными упостасьми нераздѣльнѣ и совокупляемъ во единство, не созданно и несмѣсно, божественно и пребожественно, простовидно, а несочетанно, недовѣдомо и неразумѣваемо, творительно, а не сотворенно, саможивотно, самобытно, безначально, присносущно, безконечно, всей твари видимѣй, и невидимѣй здательно и покланяемо. Отъ него же бо вся, и имъ же вся: тождество бо и единство исповѣдуемъ въ Троицѣ и Троицу въ тожде-

ствѣ и единствѣ, Отца же глаголемъ, не прежде Сына разумѣваемъ. Сына же послѣжде, такожде и Святаго Духа: но вси купно разумѣваемъ, не бѣ бо Отца, егда не бѣ Сына, ни Сына, егда не бѣ Отца, ни Духа Святаго, егда не бѣ Отца и Сына, ни Отца и Сына, егда не бѣ Духа Святаго. Но купно Отецъ, купно и Сынъ и Святый Духъ; Отецъ родивый Сына, а не рожденный; Сынъ же отъ Отца родивыйся собезначально, а не родивый; Духъ же Святый, отъ Отца исходяй и на Сынѣ почиваяй, а не родивый, ни рожденный. Трема собствы бо свойственными нераздѣльно исповѣдуемъ Божество, тождественно, равенственно, самовластно и единовластно, упостасно славимъ. Вѣруемъ же несумнѣнно тояжде единаго быти Единосущныя Троицы, тогожде естества, а не инаго, Сына Божія, иже отъ Приснодѣвы Маріи насъ ради рождшагося неизреченно, въ нашу плоть совершенно оболкшася исповѣдаемъ истинно, одушевленно, умно, словесно. Человѣка же совершенна и истинна разумѣваемъ Его, во двою естеству и во двою волю, двѣма же хотѣніи и дѣйствы, нераздѣльно отъ Отца и Святаго Духа, на земли сей во плоти поживша, но бысть со Отцемъ и Святымъ Духомъ купно и на небеси и на земли; не отступивъ бо еже бѣ, но пріятъ еже не бѣ, пребысть бо во обоемъ совершенъ, въ Божествѣ, глаголю, и человѣчествѣ. Едино сыновство пріемъ, а не двойственно, той же бо единъ Сынъ Божій и Богородицы. Пріятъ же волею и пострада плотію, а не Божествомъ насъ ради согрѣшившихъ, на крестѣ отъ жидовъ, кровію своею очистивъ нашу грѣховную скверну. Не точію же до толика доволенъ бывъ человѣколюбія ради милости своея, еже на крестѣ распяту быти насъ ради, но и смерть нашего ради спасенія пріятъ. И во адъ сниде и тамо отступнаго діавола со отступною его силою нерѣчимыми узами связа, и ада плѣни, и смерть побѣди: и отъ вѣка тамо спящія, Адама,— всѣхъ пророкъ же и праведныхъ изведе оттуду, и съ Собою воскреси въ третій день. Самъ же воскресе въ той же плоти, юже отъ насъ пріятъ, а не оставивъ ю во адѣ и ину пріемъ, якоже еретицы мнятъ, но въ той же плоти воскресе, въ нашей реку, юже отъ Богородицы рождся заимствовавъ, въ ней же и на небеса взыде и Отца одесную сѣде со Святымъ Духомъ. Его же ждемъ пріидти въ страшный судъ судити живымъ и мертвымъ и воздати комуждо по дѣломъ его. Воскрешенія мертвыхъ чаемъ и жизни будущаго вѣка. Приснодѣву же Марію Матерь Его Богородицу нарицаемъ истинную. Яко бо тоя Сына отъ нея рождшагося Бога дерзновенно исповѣдуемъ: сице и сію, рождшую Того, Богородицу несумнѣнно нарицаемъ. По Бозѣ бо Богородица, а по Царѣ Царица, и по Владыкѣ Владычица. Его же изволеніемъ и Отчимъ хотѣніемъ, тогожде Сына Отча и Ея, дѣйствомъ Св. Духа породи, кромѣ мужеска полу, неизреченно и недовѣдомо и недоумѣваемо, не токмо намъ земнымъ человѣкомъ, но и небеснымъ существамъ недостизаемо и недомыслимо, Ангеломъ, реку, Херувимомъ и Серафимомъ: но токмо единъ вѣсть родивыйся отъ Нея. Храпимъ же многотщательно и честныхъ иконъ поклоненіе: храпимъ же, не просто пещующе на доскѣ вапы (красками) изображаемое. Не образу убо просту покланяемся, якоже рѣхъ: но первообразному лицу, его же образъ и начертаніе, честное воздаемъ поклоненіе. Христову бо Богоначертанному воображенію поклоняемся, яко образу Божію и Сына Божія, во умъ пріемлюще милосердое того къ намъ съ небеси снитіе, воплощеніе же, на земли житіе и на крестѣ страданіе насъ ради грѣшныхъ и во адъ сшествіе и смерти вкушеніе, и тридневное изъ мертвыхъ воскресеніе, и на небеса преславное Его вознесеніе и на престолѣ со Отцемъ и святымъ Духомъ во плоти нашъ сѣденіе, и насъ смерти избавленіе и вся блага Его, яже къ намъ человѣкомъ согрѣшающимъ. Всемудрыя же премилостивыя Богородицы, Матере Его, честно чтимъ образъ Ея святый, якоже саму Ея зряще во умѣ своемъ пещуемъ, честное поклоненіе образу Ея святому творимъ. За сіе убо, яко та Сына Божія и Бога плотію породи намъ, того ради мы земніи къ Богу присвоихомся, и со Ангелы жити восприяхомъ. Та на небеса отъ земли путь сотвори намъ, древомъ животнымъ напита насъ и хлѣбомъ небеснымъ чревеса наша насыти, и отъ смерти избави насъ и прощеніе отъ грѣхъ дарова намъ, въ раи паки жити сотвори, царство отверзе, и вся благая земная и небесная тоя ради Сыномъ ея пріяхомъ. Святыхъ же и Угодниковъ чтимъ и почитаемъ, яко святыхъ угодниковъ Божіихъ, именуемъ ихъ наши учители, всему міру наставницы ко благимъ; на земли небеснымъ житіемъ своимъ ангеламъ собесѣдницы явишася, и о насъ къ Богу ходатаи и молитвенницы неложніи и христіанстіи заступники отъ всякихъ золъ. Держимъ же честно поученіе святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ прочихъ житія честно

хранимъ. Сему мы научихомся отъ св. апостолъ и св. отецъ. Се наша вѣра есть. Не тако же вѣрующихъ, и не покланяющихся образамъ святымъ, и не чтущихъ написанныхъ нами честныхъ воображеній и первообразныхъ, проклинаемъ». Рукописн. житія.

«La tentative, говоритъ авторъ «Le catholicisme R. en Russie», qui fut faite pour convertir au latinisme le grand-duc Alexandre Newsky échoua complétement... S'étant convaincus par une expérience de plusieurs siècles de l'impossibilite de convertir les Russes au latinisme, les papes commencèrent à agir contre leurs princes tantôt en défendant aux monarques catholiques toute alliance avec eux, tantôt en les excitant contre eux». t. I. 6—7 —Получивъ отвѣтъ Александра, «папежніи посланницы посрамишася». Архивск. 276.

270) Innocentii p. IV ad archiepiscopum, episcopos et praelatos Livoniae, Estoniae et Prussiae. Contra Tartaros Livoniam et Estoniam vastantes,—crucis verbum praedicent. H. R mon. XC.

271) Бунге. B. I. Heft IV, 440.

272) Ипат. 201: «Князь Литовьскій Миньдовгъ самодержець бысть во всей землѣ Литовьской».

273) Тамъ же.

274) Hist. R. mon. I, № LXXXII См. также Шегрена: «Ueber die Wohns. und die Verhaltung. der Iatvägen». 1858. 47. «Русско-Лив. Акты». 5.

275) H. R. mon. I, № LXXXIII.

276) Тамъ же. №№ LXXXIV. LXXXV.

277) Alexandri p. IV ad regem Lithuaniae—permittit ei regnum Russorum bello invadere, suisque ditionibus adjungere. H. R. mon.

278) Бунге: «Liev - Ehst und Kurländisches Urkundenbuch nebst Registern». B. I, 363.

279) Ипат. 188: «Крещеніе же его льстиво бысть: жряше богомъ своимъ втайнѣ».

280) Соф. 1, 270. Воскр 162: «Пріидоша Литва съ Полочаны къ Смоленьску и взяша Войщину на щитъ» Войщина—небольшой городокъ, нынѣ мѣстечко Боево Могилевск. губ. Оршанск. уѣзда.

281) Соф 1, 270.

282) Reimschron. V Alnp. 84. См. Костомарова: «Сѣверно-русскія народоуправства во время удѣльно-вѣчеваго уклада».

283) Соф. 1, 280.

284) Новг. 1, 55.

285) Соф. 1 272. Воскр. 162. Новг. 1. 57.

286) Арндтъ: Der Lievländisch. Chronik., erster Theil. 61.

287) Соф. 1, 272—273 Воскр. 162. Новг. 1, 57. Архивск. 278.

288) Извѣст. II отд. Имп. Ак. Н. т X, вып. III, 205

289) Соф. 1, 278.

290) Карамз. И. Г. Р. т. IV, прим. 121. А. Е. Энгельмана: «Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Лив. ист.». Спб. 1858.

291) «Братья мужи Псковичи! кто старъ, тотъ отецъ; а кто младъ, то ми братъ! Слышалъ есми мужество ваше во всѣхъ странахъ: се же вамъ предлежить животъ и смерть. Братіе моя! потягните за домъ св. Троицы». Эту рѣчь, по сказанію, Довмонтъ произнесъ передъ походомъ на Литву въ 1266 году. П. Г. Р. т IV. пр. 128.

292) Соф. 1, 280: «Нѣмцы.... большую рану въспріяша.... и побѣгоша за рѣку».

293) Новг. 1, 56: «Тогда не бяше князя въ Новѣгородѣ».

294) Тамъ же.

295) Тамъ же: «Новгородци не вѣдяху, гдѣ князь идеть, друзіи же творяху, яко на Чудь идеть».

296) Далинъ: «Geschichte des Reiches Schweden, aus dem Schwedischen übersetzt. II. 167.

297) Новг. 1, 56. Соф 1, 269—270. Воскр. 161. Архивск. 277.

298) Бѣляевъ. «В. кн. А. Яр. Невскій». 24.

299) Новг. 1, 56. Лавр. 203. Воскр. 161. Соф. 1, 270.

[300]) Холодный. «Жизнь и дѣятельность в. кн. Алекс. Яр. Невскаго». 172.
[301]) Соф. 1, 270.
[302]) Въ 1293 году—Новг. 1, 65.
[303]) Карамз. И. Г. Р. т. IV, прим. 111.
[304]) Карамз. И Г Р т. IV, 58.
[305]) Іоакинфа «Записки о Монголіи». III, 182.
[306]) Бѣляевъ. «В. кн. Ал. Яр. Невскій». 25.
[307]) «Князь же Борисъ поѣха въ Татары, а Олександръ князь послалъ дары, Борисъ же бывъ у Лавчія, дары давъ».. «Поѣхаша князи въ Татары, Александръ, Андрѣй, Борисъ; чтивше Улавчѣя, пріѣхаша въ свою отчину. Тое же зимы пріѣха Глѣбъ Василковичь изъ Кану земли отъ царя и оженися въ вордѣ». Лавр. 203.
[308]) Карамзинъ И. Г. Р т. IV, 77.
[309]) Бѣляевъ. «В. кн. Ал. Яр. Невскій». 27.
[310]) Лавр. 203
[311]) Данилевскій. Россія и Европа. 249—250. См. выше примѣч. 263.
[312]) Соф. 1, 269.
[313]) Изъ поученій Серапіона, епископа владимірскаго.
[314]) Ярлыкъ Менгу Тимура. Собр. Госуд. Грамотъ и Догов. II, № 2, стр. 6.
[315]) Р. Ист. Бестужева-Рюмина 1, 283.
[316]) Бѣляевъ. «В. кн. А. Яр. Невскій»: «До насъ не дошли ни ярлыки (или утвердительныя грамоты) хана, данныя Александру и другимъ князьямъ, его современникамъ, ни ярлыки, которые давались послѣдующимъ князьямъ; впрочемъ, мы имѣемъ нѣсколько ярлыковъ, данныхъ въ разное время русскому духовенству, хотя и неранних̀ъ, но тѣмъ не менѣе указывающихъ, что они писались на основаніи первыхъ ярлыковъ, ибо въ нихъ постоянно повторяютъ ханы: «*не изгиначиваемъ первыхъ ярлыковъ, по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ*». Эти ярлыки духовенству до нѣкоторой степени достаточно могутъ руководить насъ въ опредѣленіи тѣхъ отношеній Руси къ монгольскимъ ханамъ, въ которыя она была поставлена стараніями и умомъ Александра Ярославича». Стр. 27—28. Приведемъ здѣсь ярлыкъ Узбека, данный въ 1313 г. митрополиту св. Петру. «Вышняго и безсмертнаго Бога волею, и силою, и величествомъ, и милостью Его многою. Азбяково слово всѣмъ нашимъ княземъ великимъ, и среднимъ, и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ, и вельможамъ, и княземъ нашимъ удѣльнымъ, и полчнымъ княземъ высокимъ и нижнимъ, книжникомъ и уставодержательникомъ, и учительнымъ и людскимъ повѣстникомъ, и збирателемъ, и Баскакомъ и посломъ нашимъ, и гонцомъ, и даньщикомъ, и писцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людемъ высокимъ, и нижнимъ и малымъ, и великимъ нашего царства по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣетъ: да никтоже обидитъ соборную церковь Петра Митрополита и его людей и церковныхъ его; да никто же възимаютъ стяжаній, ни имѣніемъ, ни людемъ; а знаетъ Митрополитъ Петръ въ правду и право судитъ и управляетъ люди своя; и въ чемъ ни буди—въ разбои, и въ поличномъ, и въ татбѣ, и во всякихъ дѣлахъ—вѣдаетъ Петръ Митрополитъ единъ или кому прикажетъ; да вся покорятся и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты по первымъ изъ начала закономъ ихъ, и *по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ;* да и не вступаются въ церковное митрополичіе никтоже, занеже то Божіе есть все, а кто вступаются, а нашъ ярлыкъ и наше слово преступитъ, той Богу есть повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ ему казнь будетъ смертная. А Митрополитъ правымъ путемъ пребываетъ, и тѣшится, да правымъ сердцемъ и правою мыслію своя вся церковная устрояетъ, и судитъ и вѣдаетъ или кому повелитъ таковая вѣдати и управляти. А намъ въ то не вступатися ни во что же, и дѣтемъ нашимъ, ни всѣмъ княземъ нашимъ нашего царства, и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто ничѣмъ въ церковная и въ митрополича, ни въ грады ихъ, ни въ волости, ни въ села ихъ, ни во всякіе ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли и ни въ луга ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во грады ихъ, ни въ волостные мѣста ихъ, ни въ виноградыихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ во конскіе, ни во всякіе скотьскіе стада ихъ, ни въ вся стяжанія и имѣнія церковная. И люди и вся причты ихъ, и вси законы ихъ уложеныя старыя отъ начала ихъ то все вѣдаетъ

Митрополитъ или кому да прикажетъ; да не будетъ ничтоже перечинено или порушено или кѣмъ изобижено. Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, безъ всякіе голки, да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши дѣти, и за наше племя. Мы бо такоже управляемъ и жалуемъ, *якоже прежніе цари ярлыки имъ давали, и жаловали ихъ, а мы по тому же пути и тѣми же ярлыки жалуемъ ихъ*, да Богъ насъ пожалуетъ. А мы Божія брежемъ, и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ Божіе, и тотъ будетъ повиненъ, и гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнію, да то видя иныя въ боязни будутъ. А поѣдутъ наши баскаки, таможники, даньщики, поборщики и писцы, по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило, да будутъ всѣ соборные церкви цѣлы митрополичи, никѣмъ ни отъ кого не изобижены вся его люди и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ; и архимандриты, и игумены, и попы, и вся его причты церковныя, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ. Дань ли на насъ емлютъ или иное что ни буди: *тамга ли, поплужное ли, ямъ ли, мызъ ли, мостовщина ли, ловитва ли какая ни буди наша, или еда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать збирати*, гдѣ восхотимъ воевати: а отъ соборныя церкви Петра Митрополита никтоже не взимаетъ, и отъ всихъ людей и отъ всего его причта: тѣ бо за насъ Бога молятъ и насъ блюдутъ и наше воинство укрѣпляютъ. Кто бо того и преже насъ не вѣдаетъ, яко Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ; и мы Богу моляся, по первыхъ царей грамотамъ грамоты имъ давали жалованые, а не изыначиваемъ ни въ чемъ: какъ то было преже насъ, тако молвя, и наше слово уставило по первому пути, которая дань по первому пути наша будетъ, или запросы наши накинемъ, или поплужное, или послы наши будутъ, или кормы наши, или коней нашихъ, или подводы, или кормъ пословъ нашихъ, или нашихъ дѣтей, или царицъ и кто ни есть, и кто ни буди, и да не вземлютъ, и да не просятъ ничтоже; и что возмутъ, и они назадъ дадутъ третицею, и аще будетъ взялъ за нужду великую, а отъ насъ имъ не будетъ кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ. А что будутъ церковные люди, ремесленницы кои, или писцы, или каменныя здатели, или древодѣлные или иные мастеры каковы ни буди, или ловцы, какова лова ни буди, или сокольницы, а въ то наши да не вступаются никто, и на наше дѣло не емлютъ ихъ; и пардусники наши и ловцы наши, и сокольницы наши и побережницы наши да не вступаются въ нихъ и да не взимаютъ ихъ, ни у нихъ дѣлныхъ ихъ орудій. А что законы ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри ихъ, и часовни ихъ, да не вредятъ ихъ, ни хулятъ ихъ; а кто учнетъ вѣру осуждати ихъ, и хулити, тотъ человѣкъ не извинится ничѣмъ же и умретъ злою смертію. А что попы и дьяконы, единъ хлѣбъ ядуще и во единомъ дому живуще, у кого братъ или сынъ, и тѣмъ по тому же пути наше пожалованіе... Такъ слово наше учинило, и дали есмы Петру Митрополиту грамоту сію для крѣпости ему, да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и вси церкви, и монастыри, и вси причты церковные да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему будутъ по закону ихъ, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ... Заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, четвертаго ветха на поляхъ писана и дана».

[317]) Бѣляевъ. В. кн. Ал. Яр. Невскій. 32. Его же: «О монгольскихъ чиновникахъ на Руси» въ Арх. ист. юрид. свѣд. 1.

[318]) Соловьевъ. Ист. Россіи съ др. вр. т. IV, 178.

[319]) Бѣляевъ. В. кн. А. Яр. Невскій. 28—29.

[320]) В. И. Сергѣевича. «Вѣче и Князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей». М. 1867. И. Бѣляева.—«Отношеніе Приднѣпровскихъ городовъ къ Варяжскимъ князьямъ до 1171 г.». Костомарова. «Начало единодержавія въ древней Руси», въ Вѣстникѣ Европы, 1870, №№ 11 и 12.

[321]) Соловьевъ. Ист. Россіи. Т. IV, 130.

[322]) Новг. 1, 55 Карамз. И. Г. Р. т. IV, 72. Соф. I. 268.

[323]) Новгородцы отправляли посольство договориться съ Александромъ «яко о миру», какъ государство самостоятельное. «Сдумаша Новгородци послати Далмата епископа Новгородьскаго къ вел. кн. Олександру съ грамотами яко о миру; оному же умедлившю, и встави дьяволъ вражду искони ненавидяй добра роду человѣческому и бысть крамола въ Новѣгородѣ, выгнаша Василья князя». Лавр. 203. Воскр. 160. Новг. 1, 55. Соф. 1, 268. Архивск. 276 на обор.

324) Лавр. 203.
325) Новг. 1, 55. Воскр. 160. Соф. 268.
326) Тамъ же
327) Новг. 1, 55.
328) Тамъ же. Воскр. 160.
329) Соф. 1, 269. Новг. 1, 55.
330) Новг. 1, 55.
331) Соф. 1, 269. Новг. 1, 55.
332) Соф. 1, 269. Воскр 161 Новг. 1, 56. Архивск. 276 на обор.
333) Костомаровъ. Русская истор. въ жизнеоп. ея главн. дѣят. Вып 1, 165.
334) Соф. 1, 270. Новг. 1, 56. Воскр 161.
335) Новг. 1, 56.
336) Тамъ же.
337) «Всякъ бо злый злѣ да погыбнеть!» Новг. 1, 56. Воскр. 161. Соф. 270.
338) Майковъ. Глинка влагаетъ слѣд. слова въ уста Александра: «Въ чемъ упорствуете? Жизнь братій вашихъ гибнетъ, а вы жалѣете золота и серебра... Смиримся на время: недолго будетъ торжествовать власть иноплеменная, если укрѣпимся Богомъ, вѣрой и единодушіемъ». Русская исторія, соч. Сергѣемъ Глинкою. Москва. 1823, стр. 50
339) Новг 1, 56. Воскр. 161. Соф. 1, 270.
340) Тат. IV, 30. Новг. 1, 56. Соф. 1, 270.
341) Соф. 1, 270. Воскр. 162. Новг. 1, 56. По китайск. извѣстіямъ, Менгу послалъ въ Русь Бицикъ-берке, а потомъ даруга Китатъ. Іакинфъ, Ист. хановъ, 319, 331.
342) Бестужевъ Рюминъ: «Армянскій историкъ Гирогосъ такъ описываетъ перечисленіе, произведенное за Кавказомъ татарскими баскаками: «имъ поручено было переписать народы, находившіеся подъ владычествомъ татаръ. Снабженные этимъ предписаніемъ, они ѣздили по всѣмъ странамъ для выполненія порученія. Они прибыли въ Арменію, Грузію, землю Агуановъ, также какъ и въ сосѣднія страны, перечисляя и переписывая всѣхъ людей съ десятилѣтняго возраста, за исключеніемъ женщинъ, и требуя строго съ каждаго дань свыше его средствъ. Такъ какъ народонаселеніе начало бѣднѣть, то они прибѣгали къ истязаніямъ и пыткамъ и заключеніямъ въ оковы. Кто скрывался, того схватывали и предавали смерти. Кто не могъ платить, у того отнимали дѣтей, которыхъ брали въ возмездіе за его долгъ... Эти притѣсненія имъ были недостаточны: они обложили налогомъ всѣхъ ремесленниковъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, равно пруды и озера, въ которыхъ ловили рыбу, желѣзные рудники, кузнецовъ и каменщиковъ». Русск. ист. 1, 383.
343) Воскр 162. Соф. 1, 171. Новг. 1, 57.
344) Тамъ же.
345) Новг. 1, 57.
346) Соф. 1, 271. Новг. 1, 57.
347) Воскр. 162. Новг. 1, 57.
348) Карамз. И. Г. Р. т. IV, 80.
349) Новг. 1, 57. Воскр. 162.
350) Собран. Государ. Грам. и Догов. 1. «Раздаялъ волости» — въ договорн. грам. съ Яросл Ярославичемъ Александръ старался ограничить, между прочимъ. судебную власть вѣча. Сохранилось извѣстіе, что въ 1262 году Александръ, въ числѣ другихъ дѣлъ, разбиралъ тяжбу «Лочка и Ивана, и всѣхъ Рожитчанъ съ Родишею, и съ Кузмою и съ Черпецами Спасовскими». Извѣст Акад Наукъ. вып. III, 206. — Послѣднимъ полезнымъ для Новгорода дѣломъ великаго князя былъ заключенный имъ въ 1259 съ послами ганзейскаго союза договоръ о свободной торговлѣ Новгородцевъ въ городахъ Ганзы и ганзейцевъ въ Новгородѣ. См. грам. о сношен. Россіи съ Ригою и ганзейск. город. Спб. 1857. № 1. Извѣст. Ак. VI.
351) Борисъ Васильковичъ неотлучно находится при Александрѣ въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. См. Карамз. И. Г. Р. т. IV, стр. 75, 77. Примѣч. 160. Подобно Александру, Борисъ и Глѣбъ считали покорность татарамъ необходимою для избавленія Руси отъ новыхъ погромовъ. Борисъ скончался въ ордѣ 16 сентября 1277 года. О Глѣбѣ въ Троицк. лѣтописи: «сесь (Глѣбъ) отъ юности своея по нахоженьи поганыхъ татаръ нача служити имъ, и многи христьяны обидимы отъ нихъ

избави, и печальныя утѣшая, брашна своего и питья нещадно требующимъ подавая... и многи церкви созда и украси иконами и книгами... Тихо и мирно испусти душю, поболѣвъ 7 дней, а въ 8 преставись, Дек. въ 13... Вси люды града Ростова стекошась на дворъ, плачемъ великимъ плакаху...». Карамз. Прим. т. IV, стр. 97.

[352]) Лавр. 203.

[353]) О св. Леонтіи см. пр Макарія Ист. Русск. Церкви, т. II, стр. 27 и 329. «Православн. Собесѣди», 1858 «Ист. очерки» Буслаева, II, 98—103. О Ростовѣ: Титова «Описаніе Ростова Великаго». 1891. Также у гр. М В. Толстого: «Древн. святыни Ростова». М 1860.

[354]) Соф. 1, 271. Новг. 1, 57. Лавр. 203. Ст. кн. 1, 371. Тат. IV, 30.

[355]) Лавр. 203: «Епископъ Кирилъ, Борисъ и Глѣбъ и мать ихъ Марья княгини чтиша Олександра съ великою любовью и поѣха въ Володимерь».

[356]) Степ. кн. 1, 355

[357]) Лавр. 203: «Въ лѣто 6763, по Велицѣ дни порожнее недѣли преставися Костянтинъ, сынъ великого князя Ярослава; и бысть плачь великъ, спрятавше понесоша и въ Володимерь, *и яко услыша Олександръ князь брата своего смерть,* и усрѣтоша и митрополитъ, игумени и попове, пѣвше обычныя пѣсни, положиша и у святое Богородици въ Володимери». Замѣчательно это всякій разъ особенное указаніе лѣтописца на присутствіе св. Александра при кончинѣ и погребеніи близкихъ родственниковъ! Сн. прим. 215.

[358]) Лавр. 203 Арх 277.

[359]) Сарайская епархія впослѣдствіи переведена была въ Москву. Епископы, потомъ архіепископы и митрополиты жили на Крутицахъ, на берегу рѣки Москвы и назывались Сарскими и Подонскими. Эта епархія была упразднена въ 1799 г. Крутицкій монастырь обращенъ въ казармы.

[360]) О Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ, см. пр. Макарія Ист. Р. Ц. т. IV, кн. I, стр. 121—122. Аристова «Христ. по русск. ист.» 1325 – 1336. Прав. Собесѣди. 1859. 1, кн 3, стр 356. Буся. «Ист. очерки». II, 155—169.

[361]) Карамз. И. Г. Р. Прим. т. IV, 67 стр.

[362]) Кар. И. Г. Р. т. IV, прим. 113. Лавр 203—204

[363]) Ист. россійск. іерарх. ч. VI, 2. Стр. 941 — 942. Ист. Р. Ц. пр. Мак. т IV, 1, 173. Ж. М. Н. Просв. ч. LIX, от. VI, 231. Ананія о градѣ Суздалѣ.

[364]) Архивск. рук. жит. 258—259 Ст. кн. 1, 235. Житія святыхъ Россійск ц. Ноябрь. 235.

[365]) Ст. кн. 1, 375.

[366]) Тат. IV, 31.

[367]) Соф. 1, 271: «Откупаху бо ти окаанніи бесермена дани у татаръ, и отъ того велику пагубу людемъ твораше; работающе люди христіянскыя на рѣзѣхъ и мнози души разведени быша» Лавр. 204. Воскр. 163 Архивск. 277.

[368]) Ист. монг. пер. Григорьева, 40. Спб 1834.

[369]) Соф 1, 272. Воскр. 163. Лавр. 204 Ник. III, 41.

[370]) Карамз. И. Г. Р. т IV, прим стр. 63

[371]) Соф. 1, 272.

[372]) Воскр. 162—163. Тверск. 402. Лавр. 204.

[373]) Бѣляевъ «В. кн. Ал. Яр Невскій». 38.

[374]) Карамз. прим. IV, 106.

[375]) Карамз. И Г. Р. т IV, 88. Изв Ак. Н. 205.

[376]) Бѣляевъ. «В. кн А Яр. Невскій». 39.

[377]) Сказаніе. Соф. 1, 272. Воскр. 163. Иск. 5

[378]) Бѣляевъ. «В. кн. Ал. Яр. Невскій». 39—40.

[379]) Карамз. И. Г. Р. т IV, пр. 107. Новг. 1, 57.

[380]) Соф. 1, 272. Иск. 5. Арцыб II, 34, прим 255. Сказ

[381]) Григорьевъ. Ист. Монг. 34 – 50.

[382]) Воскр 163 - 164: «Князь великій Александръ поиде въ орду къ царю Берькаю, и удръжаша и царь, не пусти его въ Русь и зимова въ ордѣ, тамо и разболѣвся». Соф. 1, 273.

[383]) Жит. святыхъ Россійск. церкви. Ноябрь. 261.

[384]) Ст. кн. 1, 372 Рукоп. житія

[385]) Нынѣ селеніе Балахнинск уѣзда, Нижегородск. губ. Арцыб. II, прим. 1207. Нѣкоторые называютъ городъ Касимовъ, Рязанск. губ., какъ мѣсто кончины св. Александра. Первый выразилъ это мнѣніе Миллеръ въ «Географ Лексик. Россійскаго государства», стр. 70. Недавно это мнѣніе вновь высказано въ «Ист. города Касимова съ древнѣйш. временъ». Соч. Шишкина. Рязань. 1891. Но мы не можемъ согласиться съ этимъ предположеніемъ. Смотр. статью Мельникова — «Гдѣ скончался св. Александръ Невскій» — въ Отечеств. Зап. 1842 г. т. XXIII. Тѣло св. князя изъ Городца несли сухимъ путемъ на Стародубъ и Боголюб. прямо къ Владиміру, слѣдуя теченію рѣки Клязьмы отъ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее Тёза. Городецъ былъ послѣднимъ сторожевымъ пунктомъ въ низовск. землѣ.

[386]) «Уразумѣ ко Господу свое отхожденіе и начатъ помышляти еже отъ міра изшествіе, и возлюби иноческое житіе ангельскаго образа, и всяко мятежство мірское презрѣ, благородіе же и богатство и пищу тѣлесную и суетную славу и прочая насильствующая вжелѣнія отрину и вкупѣ рещи, вскорѣ остави земнаго царствія, высоту желая нетлѣнныхъ и вѣчныхъ благъ наслажденія». Степ. 1, 372. Сказ. Арх. 278 на обор.

[387]) Послѣ постриженія «нача изнемогати зѣло». Арх. 279. Соф. 1, 273.

[388]) Соф. 1, 273. Пск. II., 5. Сказаніе. Рук. житія.

[389]) Ст. кн. 1, 372—373I Арх. 279.

[390]) Карамз. II. Г. Р. т. V, стр. 90. Ст. кн. 1, 373

[391]) Арх. 278 и на обор. 279: «Блаженный же отъ многа клича и вопля зѣло послужився прослезися, повелѣ отъ вопля и слезъ престати имъ да не молву дѣюще сокрушаютъ душу его».

«Смотрите, какъ и въ послѣднія минуты являетъ онъ заботу о ввѣренныхъ ему людяхъ, подобно пастырю, хотящему отойти въ дальнюю сторону, который гласомъ трубы собираетъ стадо свое, чтобы овцы не отлучались на пажити другъ отъ друга. Получивъ многожелаемую схиму, созываетъ онъ къ болѣзненному одру князей своихъ и бояръ и простыхъ людей и даетъ имъ послѣднее благословеніе, прощая ихъ во всемъ и прося отпущенія самому себѣ. Горькое было зрѣлище общаго плача и рыданія о поборникѣ всей земли русской, предстателѣ бояръ, питателѣ убогихъ, отцѣ вдовъ и сиротъ и заступникѣ церкви, которую защищалъ отъ враговъ, утверждая въ ней вѣру Христову! Блаженный, отходя въ вѣчность, и самъ прослезился отъ многаго вопля и велѣлъ прекратить рыданіе, чтобы не нарушали предъ смертію его покоя. Еще однажды пожелалъ онъ сподобиться пріобщенія пречистыхъ таинъ Господа и Спаса своего и съ симъ божественнымъ напутствіемъ предалъ свою чистую душу въ руки Божіи, въ день памяти св. апостола Филиппа, 14 ноября, 1263 года». Жит. св. русской ц. Ноябрь, 272.

«Ему было еще только 43 года: но кто изъ князей понесъ столько трудовъ, подвиговъ и мукъ душевныхъ за Россію, сколько понесъ Александръ?» «Русскіе святые», Ноябрь, 104.

[392]) Соф. 1, 273. Новг. 1, 58. Воскр. 163. Ст. кн. 372.

[393]) Соф. 1, 273. Ст. 1, 373. Арх. 279 и на обор.

[394]) Ст. кн 373.

[395]) Соф. 1, 273.

[396]) Тамъ же. Ст. кн. 1, 373.

[397]) Тамъ же.

[398]) Соф. 1, 274. Пск. II, 6. Ст. 1, 373. Чудесное происшествіе при погребеніи св. Александра напоминаетъ знаменіе, совершившееся при погребеніи св. Алексія, человѣка Божія, имя котораго принялъ св князь при своемъ постриженіи. «Царь съ патріархомъ колѣна преклонше, и святая мощи лобызавше, глаголаша со слезами къ нему аки къ живому: молимъ тя, рабе Христовъ, даждь намъ хартію сію, да увѣмы, что есть въ ней написано, и познаемъ тя, кто еси. *И отдаде рука хартію царю и папѣ*». Четьи-Минеи. Мартъ. Рїв.

[399]) Монастырь основанъ в кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ. См. «Русскія достопамятности», т. III. Изд Мартынова. Стр. 51: «Съ благоговѣніемъ смотримъ въ Рождественскомъ монастырѣ на мѣсто, гдѣ до XVIII стол. почивали мощи благовѣрн. кн. Ал. Невскаго». Въ числѣ достопримѣчательностей монастыря находится образъ Знаменія Божіей Матери греческ. письма, богато украшенный ризою серебряною вызолоч. съ эмалью, разноцвѣтн. камнями и жемчугомъ На поляхъ, съ обѣихъ сто-

ронъ оклада, по два изображенія святыхъ, съ прав. стороны: Георгія и Макарія, а съ лѣвой: Іакова и Ануфрія. Крестная мать этой иконой благословила св. Александра передъ походомъ противъ шведовъ, потомъ онъ всегда носилъ ее при себѣ. Образъ св. Александра Невскаго въ схимническ одѣяніи искуснаго стараго письма въ чекан. серебр. ризѣ—«Преподобный князь великій Александръ Невскій». Старинная пелена, съ изображеніемъ св Александра также въ схимническ. одѣяніи, хран. за стекломъ—приношеніе царицы Параскевіи, второй супруги царевича Ивана Ивановича, втораго сына Грознаго, какъ значится въ надписи на пеленѣ подъ ногами. Послѣ насильственнаго развода она была пострижена въ монастырѣ на Бѣлоозерѣ, а оттуда переведена въ женскій монастырь во Владимірѣ. Скончъ. въ 1590 году. По обѣимъ сторонамъ головы надпись: «Благовѣрный князь Александръ Невскій Чудотворецъ». Вокругъ, по краямъ пелены: «Яко благочестиваго корене пречестная отрасль былъ еси, блаженне Александре: яви бо тя Христосъ яко нѣкое божественное сокровище русѣи земли, новаго чудотворца, преславна и благопріятна, сошедшаго ти благодать исцѣленій: его же моли спасти градъ сей и державу сродникъ твоихъ богоугодней быти и сыновомъ русскимъ спастися». Тропарь. Объ этой пеленѣ см. въ Изв. Импер. Арх. Общ. IV, В. В. Стасова. См. рисунокъ.

[400]) Христ. чт. 1852 г. II, 502.

[401]) Тамъ же. 503—506. Степ. кн. 1, 375: «Въ жизни убо сей маловременнѣй вѣнча его Господь славою и честію земнаго царствія, храбростію же во бранѣхъ и мужествомъ, и премудрости разума повсюду превознесе имя его. Онъ же паче временныхъ вѣчныхъ желая, о спасеніи же душа своея и о свободѣ христіанстѣй крѣпцѣ и мужественнѣ подвизаяся, и о сихъ не токмо живота своего не щадяше, но и самую душу свою всегда тщашеся полагати. Его же ради и по преставленіи отъ житія сего сугубу мзду воспріялъ еси вмѣсто временнаго царствія, небесное царствіе наслѣдова во вѣки безконечныя, и нетлѣннымъ вѣнцемъ увязеся отъ вседержительныя десницы Владыки Царя Христа Бога нашего». Похвала св. Александру.

[402]) Карамз. И. Г. Р. IV, 91.

[403]) Фарраръ, «Ж. Г. наш. І. Хр». 198.

[404]) Ст. кн. 1, 366.

[405]) Жит. св. Р. Ц Ноябрь. 226.

[406]) Христ. Чт. 1852 г. II, 514.

[407]) Ж. св. Р. церкви. Ноябрь. 274.

[408]) Ст. кн. 1, 374.

[409]) Ж. св. Р. ц. Ноябрь. 276.

[410]) «Стали копать мѣсто и обрѣтоша честныя его мощи цѣлы и тлѣнію непричастны... Оттуду наипаче благоволеніемъ Божіимъ почаша отъ него бывати многа чудеса, и различна недужнымъ исцѣленія... Вси, иже съ вѣрою приходящимъ къ честнѣй рацѣ святыхъ мощей его, слѣпіи прозираху, хроміи хождаху, бѣсніи исцѣлѣваху, разслабленіи укрѣпляхуся, многоразличными болѣзни одержими здравіи бываху». Ст. 1, 374. О чудесахъ и исцѣленіяхъ см. въ рукописныхъ житіяхъ, напр. Архивск. 280—286, также въ «Ж. св. Р. церкви», въ Христ. чт. 1852 г.

[411]) Новг. 1, 58. Воскр. 164.

[412]) Воскр. подъ 1491 г. Ст. кн. II, 154—155. Рук. житія.

[413]) Ст. 1, 375. Рук. житія

[414]) Слов. ист. о церк. писат. т. II, 16. 1827.

[415]) Воскр 221—222. Рук. житія.

[416]) Ст. кн. II, 156—157. Рук. житія.

[417]) Ж. св. Р. ц. Ноябрь. 278—280. Рук. житія.

[418]) Служба 23 ноября.

[419]) Тамъ же.

[420]) Христіанск. Чт. II, 180—181. 1852. Сказаніе о мощахъ: перенесеніе честныхъ мощей св. Благовѣрн. в. кн. Александра Невскаго изъ Владиміра въ царствующій градъ св. Петра, еже бысть 30 августа въ лѣто отъ Р. Хр. 1724. Напечатано въ «книгѣ Житій святыхъ», синод. изд. 1740 г. подъ 30 августа. См. также «Перенесеніе мощей св. благовѣрн. и в. кн. Александра Невскаго изъ Владиміра въ Спб.» въ Влад. Епарх. вѣдомост. 1868, № 17.

[421]) Христ. чт. 11, 185. 1852 г.

[422]) Полн. Собр Зак Россійск. Имп. т. VII, 74—75

[423]) «Въ сей сребропозлащенной ракѣ положенныя Святыя мощи Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Князя Александра Ярославича, во иноцѣхъ Преподобнаго Алексія Невскаго і Владимірскаго і всея Россіи Чудотворца, внука бывша Всеволоду, правнука Георгію Долгоруку, праправнука Владиміру Мономаху, иже былъ правнукъ Великому Князю Владиміру Святославичу, во Святомъ Крещеніи нареченному Василію, просвѣтившему Россійскую землю Святымъ Крещеніемъ отъ негоже осмь степень Великихъ Князей Александръ».—Это при верху раки по краямъ.

Въ кругахъ по сторонамъ,—въ первомъ: «Сей Благовѣрный Святый Великій Князь Александръ рожденъ бысть отъ Благовѣрнаго и Великаго Князя Ярослава Всеволодовича Владимірскаго и отъ Святыя Великія Княгини Ѳеодосіи, имиже и воспитанъ во благочестивомъ наказаніи и Божественному писанію наученіи изъ младенчества своего красотою лица и величествомъ тѣла и премудростію разума и благочестіемъ житія растя и православною вѣрою яко солнце сіяше и тѣмъ родителей своя увеселяше: ибо Пресвятую Троицу во единомъ Божествѣ Отца и Сына и Святаго Духа, и Пресвятую Богородицу Приснодѣву Марію и вои небесныхъ силъ (*—въ другомъ:*) и вся святыя усердно любляше и заповѣди Божественныя крѣпко храняше, архіереи же, іереи и священическій чинъ почитая, нищія милуя, сиротъ питаше, вдовицъ заступаше и обидимыхъ избавляше и по Апостолу всѣмъ всякъ бывая да всякъ купно же и себе самаго Богу пріобрящетъ, егда же доспѣетъ совершеннаго возраста тогда волею благочестивыхъ родителей своихъ и законному браку сочетася со Благовѣрною Княжною Вассою Полоцкою, отъ нея же и чада себѣ раждаше и во страсѣ Божіи питаше, сице же ему благочестно жительствующу въ великомъ Новѣ градѣ и отъ Бога и родителей своихъ порученную власть добрѣ правящу прославляше его Богъ до конецъ вселенныя и помощію Божіею и Пресвятыя Богородицы многія побѣды показа надъ нѣмцы, приходившими съ похвалами и со многочисленными воинствы на рѣку Неву и на великій Новъградъ и Исковъ и во иныхъ различныхъ мѣстахъ якоже о томъ повѣствуетъ пространнѣе степенная книга. (*—Въ третьемъ:*) И оттолѣ не токмо себе, но и имя свое страшно и грозно нѣмцомъ сотвори имже жены ихъ чадъ своихъ яко громомъ устрашаху молчати и боятися повелѣваху глаголюще: Александръ идетъ; о немже слышавъ и безбожный мучитель царь Батый призва его къ себе и видѣвъ красоту лица его и возраста величество храбрость мужества словесъ же премудрость и гласа силы, зѣло удивися и предъ всѣми похваливъ честь велію воздаде ему и посла его во Орду къ кановичемъ. Святый же Александръ пріиде изъ Орды во градъ Владиміръ и многія отъ Батыя раззоренныя церкви воздвиже и христіанъ распуженныхъ собра и отъиде къ Беркаю въ Орду, и бывъ тамо мѣсяцъ шесть въ болѣзнь великую впаде, царь же отпусти его, онъ же дошелъ Городца изнеможе.—(*Въ четвертомъ:*) И постризся въ монашество и во схиму съ великою любовію и нареченъ бысть Алексій, причастився же Таинъ Христовыхъ и воздѣвъ руцѣ предаде святую свою душу Господеви въ лѣто шесть тысящъ семьсотъ семьдесятъ перваго году Ноемврія въ четвертый надесять день, тѣло же его святое принесено во градъ Владиміръ тогожде мѣсяца въ двадесять третій день надъ нимже преосвященный Кириллъ митрополитъ надгробное пѣніе отпѣвъ нача святому въ руцѣ влагати прощальную грамоту, святый же предъ тѣми самъ яко живъ руку свою разгнувъ прія грамоту отъ митрополита и паки ю согнувъ и о семъ чудеси вси предстоящіи удивишася и прославиша Бога, и положено святое его тѣло здѣ въ велицей Архимандритіи и въ монастырѣ и во храмѣ Пресвятыя Богородицы на семъ мѣстѣ многая чудеса точащи отъ тогда и до нынѣ съ вѣрою приходящимъ Аминь. (*—Въ пятомъ при возглавіи:*) Въ дни благочестивыхъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ по благословенію великого господина Святѣйшаго Киръ Адріана архіепископа Московскаго и всеа Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха устроена сія сребропозлащенная рака въ честь и храненіе цѣлбоносныхъ нетлѣнныхъ мощей святаго благовѣрнаго великаго князя Александра въ монасѣхъ Алексія Невскаго и Владимірскаго и Всероссійскаго чудотворца, иже почиваетъ блаженно во градѣ Владимірѣ въ пречестной и великой обители Пресвятыя Дѣвы Богородицы Маріи въ монастырѣ Рождественскомъ при архимандритѣ тоа Лавры господинѣ Іосифѣ Шерновѣ. Потщася радѣтельно въ содѣлованіи строенія сего Святѣйшаго патріарха ризо-

хранитель монахъ іеродіаконъ Боголѣпъ, мірозданія семь тысячъ двѣсти третьяго лѣта».

[124]) Новый Александро-Невскій общежительный монастырь, въ Тамбовской губ. въ 18 в. отъ г. Кирсанова, близъ села Ожревки, въ урочищѣ, именуемомъ «Кушникова Дуброва», устроивается съ 1890 года въ память чудеснаго событія 17 октября 1888 года. Строитель монастыря—старецъ, заштатный священникъ села Костина-Отдѣльца, Борисоглѣбск. уѣзда, Василій Андреевичъ Голубевъ. Въ урочищѣ «Кушникова Дуброва» (316 десят.), купленномъ имъ для монастыря, находится родникъ св. великомуч. Варвары, *«избавительницы отъ внезапныя и напрасныя смерти»*. Въ настоящее время въ монастырѣ воздвигнуты: трехъэтажный корпусъ, дл. 33 арш., а шир. 16, съ домовою церковію и 22 комн. Въ третьемъ этажѣ — храмъ во имя св. великомуч. Варвары. Колокольня. Гостиница. Часовня надъ родникомъ. Баня и скотный дворъ. Пчельникъ, гумно и пр. 29 сентября 1891 года совершена закладка камен. храма во имя св. Александра Невскаго.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Стран.

1. Великокняжеская горница и сѣни въ Боголюбовѣ (съ рисунка, приложеннаго къ сочиненію Г. Доброхотова).

«Это, по мнѣнію автора, придворная комната, пристроенная къ сѣверной стѣнѣ Рождественской церкви, ведшая во храмъ, и извѣстная подъ именемъ молельни; сѣни, внизу которыхъ кончилъ жизнь в. к. Андрей». (Погодинъ)... 3

2. *Икона Божіей Матери Владимірская.* «Изъ Царьграда святыня сія привезена въ Кіевъ вмѣстѣ съ Пирогощею, а оттуда 1154 г. во Владиміръ на Клязьмѣ, сыномъ в. к. Юрья Долгорукаго, Андреемъ Боголюбскимъ, который «вкова в ню болѣ 30 гривенъ золота, кромѣ серебра и дорогого каменія и жемчюга, и постави ю въ церкви своей въ Володимери». Отъ пребыванія своего тамъ икона получила названіе *Владимірской.* Перенесеніе ея въ Москву при в. к. Василіи Дмитріевичѣ въ 1395 году, августа 26, ознаменовано спасеніемъ престольнаго града отъ нашествія Тамерлана. Ханъ монгольскій, устрашенный дивнымъ видѣніемъ, внезапно обратился въ бѣгство въ тотъ самый день, какъ жители московскіе встрѣтили на Кучковомъ полѣ эту завѣтную святыню съ восклицаніями: «Матерь Божія! спаси землю русскую!» Какъ сіе достопамятное и чудесное событіе, такъ равно избавленіе Москвы предстательствомъ Богоматери отъ нашествія Ахметова въ 1480 году, церковь празднуетъ крестными ходами августа 26 и іюня 23. Самое поновленіе сей иконы митрополитомъ Симономъ въ 1514 г. торжествуется церковію мая 21». (Погодинъ),..... 5

3. *Суздальскій соборъ.* «Древній стольный Суздаль лежитъ верстахъ въ четырехъ отъ Нерли, на ея правомъ притокѣ, рѣчкѣ Каменкѣ, въ тридцати верстахъ отъ Владиміра, посреди ровной мѣстности. Суздальскій кремль занималъ небольшой полуостровъ, образуемый изгибомъ Каменки. Здѣсь по обыкновенію стоялъ княжій дворъ и главная святыня города, т. е. соборный храмъ. Послѣдній, посвященный празднику Рождества Богородицы, былъ основанъ еще Владиміромъ Мономахомъ; но Юрій Долгорукій, избравшій Суздаль своимъ стольнымъ городомъ, вмѣсто деревяннаго собора построилъ каменный. Это именно тотъ храмъ, который при Всеволодѣ III и епископѣ Іоаннѣ обновленъ русскими мастерами безъ помощи нѣмцевъ... Во времена великаго князя Юрія II Всеволодовича Рождественскій соборъ пришелъ въ такую ветхость, что верхъ его началъ падать. Вслѣдствіе чего онъ былъ вновь перестроенъ великимъ княземъ и освященъ епископомъ Симеономъ въ 1225 году; а стѣнное его расписаніе окончилось только спустя восемь лѣтъ; полъ его былъ вымощенъ «краснымъ разноличнымъ мраморомъ». (Шловайскій)..... 7

4. *Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.* «Это наиболѣе уцѣлѣвшій и самый изящный изъ всѣхъ суздальскихъ храмовъ до-татарской эпохи, сохранившихся до нашихъ временъ. Онъ построенъ былъ въ концѣ XII вѣка, слѣдовательно когда характерный стиль этихъ храмовъ достигъ значительной степени

развитія. И дѣйствительно, Дмитріевскій соборъ служитъ прекраснымъ образцомъ суздальскаго стиля. Высота его весьма гармонируетъ съ его основаніемъ. Восточная сторона зданія состоитъ изъ трехъ алтарныхъ полукружій, а три остальныя стороны наружными полуколоннами какъ бы раздѣлены на три части, съ дугообразными верхами (комарами). Подъ каждою дугою по одному узкому продолговатому окну; а въ каждой средней части входная дверь также съ дугообразною аркою. Кровля храма обита по самымъ сводамъ и дугамъ, и все зданіе вѣнчается возвышеннымъ тамбуромъ съ полусферическимъ куполомъ... Дугообразныя арки входныхъ дверей испещрены рельефными узорами; далѣе надъ ними идетъ роскошный, узорчатый поясъ, пересѣкающій наружныя стороны на два яруса. Поясъ этотъ состоитъ изъ колонокъ или столбиковъ, соединенныхъ вверху дугообразными перемычками; а между колонками помѣщены изображенія человѣческихъ фигуръ, животныхъ и растеній. Подобныя же изображенія людей, звѣрей, фантастическихъ животныхъ, травъ и проч., представляющія иногда цѣлыя группы или сцены и ярко раскрашенныя, наполняютъ собою весь верхній ярусъ фасадовъ и, наконецъ, подъ куполомъ въ барабанѣ всѣ промежутки между просвѣтами. Обиліе оброиныхъ украшеній показываетъ, что онѣ пришлись по вкусу въ особенности сѣверовосточной Руси. Онѣ обратились исключительно на внѣшнія стороны храма, потому что здѣсь предоставлялась имъ нѣкоторая свобода; тогда какъ во внутренности его не допускалось никакихъ существенныхъ отступленій отъ византійскихъ образцовъ: тутъ стѣнная иконопись составляла главное и едва ли не единственное его украшеніе. Кромѣ того, были иконы, писанныя на доскахъ; въ числѣ ихъ особымъ почитаніемъ пользовалась доска, принесенная изъ Солуня съ самой гробницы мученика Димитрія, и вѣроятно съ его изображеніемъ. Лѣтопись говоритъ, что доска эта источала муро, и что вмѣстѣ съ нею была принесена сорочка святаго, также положенная въ Дмитріевскомъ соборѣ. Хоры или полати для женщинъ здѣсь и въ другихъ суздальскихъ храмахъ не огибаютъ трехъ внутреннихъ стѣнъ, какъ въ византійскихъ и южнорусскихъ древнихъ соборахъ, а ограничены только западной стороной». (Иловайскій)..... 9

5. «Въ тишинѣ ночной имѣлъ обыкновеніе повергаться предъ иконами Христа и Его Пречистой Матери»..... 15

6. Софійскій соборъ въ Новгородѣ, см. стр. 18..... 17

7. Церковь св. Спаса въ монастырѣ св. Евфросиніи..... 19

8. Княжна..... 20

9. Музыканты и плясуны. (Фрески Софійскаго собора)..... 21

10. Планъ окрестностей Новгорода..... 23

11. Одежда князей. (Въ изборникѣ 1073 г. Изображеніе семьи в. кн. Святослава)..... 25

12. «Онъ особенно любилъ правосудіе»..... 26

13. Обѣдъ князя съ митрополитомъ. (По сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ)... 26

14. Князь..... 27

15. Главный входъ въ Александро-Невскую лавру..... 28

16. Чертежъ Новгорода въ 1169 году (по рисунку Г. Вельтмана, приложенному къ его письму о господинѣ Новѣгородѣ Великомъ. Москва. 1839 г.).

«Находится въ иконостасѣ на доскѣ деревянной, подъ чудотворною иконою Знаменія Богородицы въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ, за рѣшеткой и занавѣской. Сіе изображеніе, тщательной иконной живописи, древняго греческаго стиля, круглое, 19 дюймовъ въ діаметрѣ. На немъ представлены приступъ къ Новгороду и битва. Кремль и нѣкоторыя зданія на Софійской и Торговой сторонахъ (церкви, башни) находятся и понынѣ въ томъ же видѣ; это доказываетъ, что и все остальное: стѣна средняя, стѣна наружная, бойницы, церкви и домы были срисованы вѣрно». (Погодинъ)..... 30

17. Осада Новгорода воями в. к. Андрея Боголюбскаго, въ 1169 г..... 31

18. *Древняя икона Знаменія Пр. Богородицы въ Новгородѣ.* Икона представляетъ изображеніе чудесной помощи, оказанной Богоматерью новгородцамъ въ 1169 году во время нападенія на Новгородъ безчисленной рати Андрея Боголюбскаго.

«Не надѣясь на собственныя силы, новгородцы спѣшили только огородить

свой городъ острогомъ и пламенно молились Господу и Его Пречистой Матери о помощи. На третью ночь архіепископъ Іоаннъ во время молитвы услышалъ голосъ, который повелѣвалъ идти въ церковь св. Спаса на Ильиной улицѣ, взять оттуда икону Богородицы и вынести на городскую ограду. Архіепископъ съ наступленіемъ дня послалъ было за иконою одного діакона съ клирошанами: но икона не подвиглась съ мѣста. Потомъ отправился за нею самъ со всѣмъ соборомъ, и, послѣ всенароднаго молебствія, икона подвиглась съ мѣста и была торжественно изнесена на городскую ограду. Въ это время суздальцы приступили уже къ Новгороду и пустили въ него цѣлую тучу стрѣлъ. Икона чудесно обратилась лицомъ на народъ, и архіепископъ увидѣлъ текшія изъ очей Богоматери слезы, которыя всѣ приняли за *знаменіе* Ея небесной милости. Дѣйствительно, на суздальцевъ напалъ внезапный страхъ и слѣпота, и они начали биться между собою, а новгородцы, вышедъ изъ-за ограды, стремительно ударили на нихъ, однихъ истребили, другихъ прогнали, третьихъ взяли въ плѣнъ. Съ того времени икона прославилась и другими чудесами». (Пр. Макарій)..... 33

19. *Варлаамо-Хутынскій монастырь близъ Новгорода.* «Начало Хутыню монастырю положилъ Варлаамъ, бывшій въ немъ первымъ игуменомъ. Варлаамъ, въ мірѣ Алексѣй Михайловичъ, родился въ Новгородѣ отъ богатыхъ родителей и съ дѣтства имѣлъ влеченіе къ книжному ученію и постничеству. А по смерти родителей, раздавъ все имѣніе ихъ нищимъ, принялъ иноческое постриженіе отъ наставника своего священника Порфирія и началъ искать мѣста для уединенныхъ подвиговъ. Болѣе всего понравилась юному черноризцу прекрасная возвышенность на правомъ берегу Волхова, въ десяти верстахъ отъ Новгорода, къ сѣверу отъ Кремля, называвшаяся Хутынь—и Варлаамъ поселился здѣсь и построилъ себѣ келлію. Вѣсть о святой жизни пустынника распространилась повсюду, и многіе, князья и бояре, и простые люди, стекались къ нему просить наставленій. Въ числѣ прочихъ приходилъ къ нему новгородскій князь Ярославъ, которому онъ предсказалъ рожденіе сына, и который, когда предсказаніе исполнилось, избралъ старца въ воспріемники новорожденному. Мало-по-малу собралось вокругъ Варлаама множество иноковъ, желавшихъ имѣть его своимъ руководителемъ. Тогда онъ построилъ каменную церковь во имя Преображенія Господня, которую освятилъ (1192) новгородскій архіепископъ Гавріилъ, благословивъ быть при ней святой обители. Самъ Варлаамъ былъ въ этой обители игуменомъ около года и, предчувствуя свое отшествіе къ Богу, завѣщалъ ей села, земли и другія угодья, пожертвованныя новгородскимъ княземъ Ярославомъ, передалъ настоятельство другу своему Антонію и скончался въ ноябрѣ 1193 г.». (Пр. Макарій).

Въ истекшемъ году исполнилось 700 лѣтъ со времени основанія обители. 37

20. Древнее вооруженіе..... 40

21. Татаринъ..... —

22. Предъ нашествіемъ татаръ..... 42

23. *Древній Успенскій соборъ во Владимірѣ.* «Внутри кремля почти надъ самымъ обрывомъ Клязьмы красовался соборный храмъ Успенія Богородицы, знаменитое сооруженіе Андрея Боголюбскаго, заключающій главную мѣстную святыню, т. е. Боголюбовскую икону, принесенную Андреемъ изъ Вышгорода и богато окованную золотомъ. Владимірскій Успенскій соборъ представлялъ прекрасный образецъ того изящнаго храмоваго стиля, который выработался въ суздальской землѣ въ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка. Въ основаніи своемъ онъ сохранялъ общій планъ кіевскихъ и византійско русскихъ церквей, т. е. основной квадратъ, нѣсколько удлиненный трехчастнымъ алтаремъ на восточной сторонѣ. Внутри онъ былъ покрытъ фресковою иконописью; кромѣ того, блисталъ разноцвѣтными плитами и позолотою, пущенною по карнизамъ, аркамъ и наддверіямъ, а также позолоченною сѣнью надъ алтарнымъ престоломъ. Бѣлый камень, изъ которыхъ строились суздальскіе храмы (привозившійся, какъ полагаютъ, водою изъ Камской Болгаріи), по своей мягкости представлялъ удобный матеріалъ для рѣзьбы, и храмы эти снаружи обыкновенно украшались изящнымъ поясомъ изъ рѣзныхъ колонокъ и другими рельефными изображеніями. Обиліе этихъ, такъ назыв. «обронныхъ», украшеній составляетъ главную особенность суздальскаго храмоваго стиля отъ церквей южно-русскихъ и новго-

родскихъ. Другая особенность суздальскихъ храмовъ состояла въ томъ, что они были объ одномъ верхѣ, т. е. одноглавыя. Владимірскій Златоверхій соборъ также первоначально построенъ одноглавымъ. Но послѣ пожара 1185 года, когда Всеволодъ III обновилъ этотъ храмъ, общій видъ его нѣсколько измѣнился. Три новыя стѣны воздвигнуты были съ южной, западной и сѣверной сторонъ, и такимъ образомъ стѣны Андреевскія очутились внутри храма; въ нихъ были пробиты арки и просвѣты для бо́льшаго соединенія съ придѣльными частями. Вмѣстѣ съ тѣмъ надъ послѣдними возведены четыре купола или главы, которыя съ прежней или срединной составили пять главъ, чѣмъ Успенскій соборъ сталъ отличаться отъ прочихъ одноглавыхъ храмовъ суздальскаго края. Притворы этого собора заключаютъ въ себѣ гробницы многихъ князей и епископовъ владимірскихъ. Палаты епископскія помѣщались подлѣ самаго собора». (Иловайскій) 45

24. Курганы по берегамъ рѣки Сити, на мѣстѣ сраженія русскихъ съ татарами въ 1237 г. (Съ рисунка, приложеннаго къ прекрасной статьѣ Г. Сабанѣева въ Трудахъ Ярославскаго статистическаго комитета, выпускъ 5, 1869. Ярославль). (Погодинъ). См. прим. 78..... 47

25. Сцена изъ битвы русскихъ съ татарами..... 51

26. Свв. Борисъ и Глѣбъ..... 57

27. Св. Александръ Невскій..... 58

28. Древнее вооруженіе русскихъ во время св. Александра было то же, что и прежде—въ теченіе всего удѣльнаго періода: мечъ, копье, лукъ со стрѣлами, сабля, сулица, рогатина, ножъ, топоръ, оскѣпъ, броня, щитъ, шлемъ.. 60

29. Воевода..... 61

30. Видѣніе Пелгусія..... 63

31. Невская битва. «Возложилъ ему печать на лицо»..... 65

32. Князь и его дружина (изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ) ..... —

33. Видъ Пскова..... 68

34. «Карта Ливоніи къ лѣтописи Генриха Латыша (съ старинной карты, неизвѣстно мнѣ кѣмъ составленной).

Здѣсь означены только имена областей». (Погодинъ)..... 69

35. Карта мѣстности Ледоваго побоища..... 76

36. Ледовое побоище. «Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!»..... 77

37. Возвращеніе послѣ побѣды..... 78

38. Древній мечъ..... 80

39. «Рисунки къ Болгарской войнѣ Святослава (сняты съ приложенныхъ А. Д. Чертковымъ къ его изслѣдованію, въ Русскомъ историческомъ сборникѣ, т. VI, № 1—4, и заимствованныхъ имъ изъ Ватиканскаго списка Манассеиной краткой лѣтописи—до 1078—1080 г.). Они вставлены тамъ вѣроятно болгарскимъ писцомъ. Рукопись относится къ 1350 году (списокъ Московской Синодальной библіотеки къ 1345 г.)». (Погодинъ) .....82—83

40. «Шлемъ переяславскаго князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невскаго, найденный въ лѣсу, подъ кочкою, на мѣстѣ сраженія подъ Липицами въ 1808 году». (Съ рисунка съ Древностяхъ Р. Г).

«По вѣнцу, на продольной бляхѣ», описываетъ Г. Вельтманъ, «изображены орлы, соколы и крылатые звѣри, совершенно сходные съ изображеніями (на древнихъ норманскихъ памятникахъ).

«Въ семъ шлемѣ усматривается», говоритъ Олешинъ, «еще варяго-русская или норманская форма, какъ то: остроконечная тулья, неподвижное забрало, образующее человѣческій носъ и слѣды желѣзной полуличины; задокъ и наушники были кольчужные. На передней части тульи сего шишака надъ лбомъ вычеканенъ на позолоченномъ серебряномъ листкѣ образъ св. архистратига Михаила, около котораго вырѣзаны сіи слова: *Великыи Архистратиже Гн. (Господень) Михаиле, помози рабу своему Θеодору.* Ярославъ во святомъ крещеніи именованъ былъ Θеодоромъ». (Погодинъ)..... 89

41. Св. Александръ Невскій..... 93

42. Св. Александръ въ ордѣ..... 95

43. Древній шлемъ..... 95

44. Юрта Чингизъ-хана 99
45. Карта русской земли въ половинѣ XIII столѣтія 103
46. Видъ Владиміра на Клязьмѣ съ восточной стороны 108

47. *Церковь Покрова въ Боголюбовѣ.* «Покровская церковь находится въ виду Боголюбова монастыря, на юго-востокъ отъ него. Еще и нынѣ замѣтно, что въ древности устье рѣки Нерли, протекающей здѣсь съ сѣвера на югъ, находилось близъ Покровской церкви, но нынѣ Нерль сливается съ Клязьмою почти на разстояніи версты отсюда. Мѣсто, занимаемое Покровскою церковію, въ отношеніи къ другимъ ближнимъ мѣстамъ, болѣе возвышенно: западная стѣна церкви стоитъ при самой крутизнѣ древняго лѣваго берега Клязьмы; и какъ онъ находился тогда на самомъ упорѣ этой быстрой рѣки, описывавшей по теченію отъ Боголюбова монастыря полукругъ, то здѣсь, по удаленіи Клязьмы, и образовалось озеро, глубокое еще и нынѣ».

«Ежели камни изъ Болгарскихъ каменоломенъ начали перевозить съ августа мѣсяца 1164 года, то-есть со времени завоеванія Болгаріи, то полагая два лѣта на перевозку камней и лѣто на построеніе церкви, какъ сказано въ житіи князя, выйдетъ, что она построена въ 1166 г.

«Длина Покровской церкви, отъ западной двери до углубленія горнаго мѣста, $16^1/_2$ аршинъ, ширина $11^1/_2$ арш., высота до купола фонаря 10 саж. и 2 аршина; толщина стѣнъ $1^3/_4$ арш., и онѣ облицованы бѣлымъ известковымъ камнемъ, отъ 8 до 9 верш. въ діаметрѣ, тесаныхъ квадратно, а внутри облицовки находится булыжникъ и дикіе камни, залитые известковымъ растворомъ (цементъ). Связи стѣнъ вѣроятно дубовыя, какія, хотя и въ гнилушкахъ, видимы были въ углахъ стѣнъ при возобновленіи Дмитровскаго собора во Владимірѣ, построеннаго братомъ Боголюбскаго, Всеволодомъ. Кто со вниманіемъ разсматривалъ первообразъ древнѣйшихъ храмовъ Владимірской губерніи—придворную Борисоглѣбскую церковь въ селѣ Кидекшѣ, близъ города Суздаля, основанную Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, Успенскій соборъ во Владимірѣ и другіе храмы XII вѣка, хотя находящіеся и въ довольно испорченномъ видѣ, особенно же кто видѣлъ возобновленный Дмитровскій соборъ, тотъ составитъ самое опредѣленное понятіе о Покровской церкви, по образцу которой, безъ сомнѣнія, построенъ этотъ соборъ». (Погодинъ) 114

48. Древнія фрески Дмитріевскаго собора во Владимірѣ ..... 117—118
49. Золотыя ворота во Владимірѣ. См. Сузд. лѣтоп. подъ 1165 г. 119
50. Князь на тронѣ и оруженосецъ. (Фрески Софійскаго собора) 120
51. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ 122

52. *Шапка Мономаха.* Вотъ описаніе ея по описи 1696 года:

«Шапка царская золота сканная Мономахова, на ней крестъ золотъ гладкій, на немъ по концамъ и въ исподи четыре зерна гурмицкихъ, да въ ней каменья въ золотыхъ гнѣздехъ, надъ яблокомъ яхонтъ желтъ, яхонтъ лазоревъ, лалъ, промежъ ними три зерна гурмицкихъ, да на ней четыре изумруда, два лала, двѣ коры яхонтовыя, въ золотыхъ гнѣздахъ, двадцать пять зеренъ гурмицкихъ на золотыхъ спняхъ, околъ соболій, подложена атласомъ червчатымъ, влагалище деревянное, оклеено бархателью травчатою, закладки и крючки серебряны».

Это описаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ современному состоянію вѣнца и его украшеній.

«Тулья вѣнца составлена изъ осьми продолговатыхъ треугольныхъ, сканныхъ золотыхъ дощечекъ, соединенныхъ острыми концами подъ золотымъ яблокомъ, надъ которымъ золотой гладкій крестъ съ крупными жемчужинами на оконечностяхъ и въ подножіи.

«На яблокѣ въ гнѣздѣхъ со спнями три крупныхъ камня: яхонтъ лазоревый, яхонтъ желтый и лалъ; между камнями въ гнѣздахъ же со спнями три крупныхъ жемчужины.

«На каждой изъ осьми дощечекъ, составляющихъ тулью, по крупному камню, изъ числа которыхъ два яхонта червчатыхъ, четыре изумруда и два лала. Камни обставлены жемчужинами въ видѣ треугольниковъ; на семи дощечкахъ по три жемчужины, на осьмой четыре. Опушка шапки соболья». (Погодинъ)... 123

53. В. князь 127

54. Отправленіе папскихъ пословъ ... 129
55. Входъ въ св. ворота Александро-Невской лавры ... 135
56. Псковскія древности ... 139
57. Копорье ... 140
58. Выступленіе въ походъ ... 142
59. Александровская церковь въ Александро-Невской лаврѣ ... 144
60. Александро-Невская лавра ... 145
61. Монета Александра Невскаго ... 151
62. Частная кладбищенская церковь Русанова въ Александро-Невской лаврѣ. 153
63. Планъ древняго Новгорода ... 154
64. На волховскомъ мосту ... 158
65. Древній шлемъ ... 165

66. *Ростовъ.* «Кремль ростовскій занимаетъ самую середину города; онъ стоитъ на небольшой возвышенности и окруженъ двойнымъ земляным валомъ, построеннымъ для защиты отъ непріятеля въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Толщина вала въ основаніи 10 саженъ, высота 3 сажени, а въ окружности онъ до $2^1/_2$ верстъ».

Успенскій соборъ. «Впервые онъ былъ построенъ около 990 года, былъ тогда деревянный и объ одной главѣ. Простоявъ 169 лѣтъ, онъ въ 1160 году сгорѣлъ до основанія, а потому княземъ Андреемъ Боголюбскимъ и былъ заложенъ снова, но уже каменный; онъ былъ почти оконченъ,—какъ, вслѣдствіе дурной постройки, неожиданно упалъ, такъ что пришлось его снова строить. Этотъ новый соборъ въ 1214 г. началъ уже строить князь Константинъ Всеволодовичъ. Въ 1230 г. сыномъ князя Константина, блаженнымъ Василькомъ (убитымъ впослѣдствіи въ 1238 г. татарами на рѣкѣ Сити), храмъ былъ достроенъ и 25-го февраля, въ первую недѣлю Великаго поста, въ присутствіи князя, освященъ ростовскимъ епископомъ Кирилломъ, который впослѣдствіи много украшалъ этотъ храмъ. Онъ сооруженъ по плану собора владимірскаго изъ бѣлаго камня съ узкими окнами, имѣетъ пять главъ и крытъ бѣлымъ желѣзомъ; длина его 17-ть саженъ, ширина—12, а высота — 24 с. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1237 г. татары, разоряя Ростовъ, не пощадили внутренности соборнаго храма, но онъ былъ скоро украшенъ вновь, а въ 1280 г. епископъ ростовскій Игнатій (святой) покрылъ соборную церковь оловомъ, а полъ сдѣлалъ изъ привознаго краснаго мрамора». (Титовъ).

Въ соборѣ почиваютъ мощи ростовскихъ святителей: Леонтія, Исаіи, Игнатія и Ѳеодора. Подъ алтаремъ — семейная усыпальница ростовскихъ князей, между которыми покоится и кн. Василько, убитый татарами и причисленный церковію къ лику св. мучениковъ. Память его празднуется 4 марта.

На приложенномъ рисункѣ ростовскаго кремля по порядку можно видѣть: ц. Спаса, Соборъ, колокольня, ц. Воскресенія, Одигитрія, бывш. Всѣхъ Святыхъ, архіерейскій домъ, ц. Спаса на сѣняхъ, Іоанна Богослова, Григорія Богослова, садовая ограда ... 166

67. *Придѣлъ св. Леонтія.* «Въ 1884 году причтомъ собора передѣлывался старый чугунный полъ. Войдя случайно въ придѣлъ св. Леонтія, мы увидали на стѣнѣ, подъ снятыми плитами, слѣды фресокъ; руками стали выбирать мусоръ на томъ мѣстѣ, и фрески являлись все яснѣе и яснѣе. Тогда мы рѣшились обратиться къ г. начальнику губерніи, В. Д. Левшину, который и употребилъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать надлежащія изслѣдованія въ этой части собора, тѣмъ болѣе, что тутъ предполагалось отыскать склепъ или усыпальницу съ гробами ростовскихъ князей, погребенныхъ, согласно лѣтописи, подъ соборными сводами; о существованіи же придѣла и гроба св. Леонтія никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, да и записей о томъ никакихъ не сохранилось.

Съ благословенія преосвященнѣйшаго Іонаѳана было дозволено расчистить находившійся подъ поломъ мусоръ и сдѣлать выемку наваленной тамъ земли и кирпича. Вслѣдствіе этого оказались на лѣвой сторонѣ, при входѣ въ придѣлъ, на глубинѣ 3-хъ аршинъ, фрески съ изображеніемъ св. Игнатія и возлѣ этого изображенія отъ главнаго алтаря спускалась на $3^1/_2$ ар. каменная лѣстница. При дальнѣйшихъ раскопкахъ, на той же глубинѣ $3-3^1/_2$ аршина, открылся каменный полъ, абсидъ алтаря съ кирпичнымъ престоломъ и, наконецъ, на

правой сторонѣ, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наверху стояла серебряная рака св. Леонтія, почти наравнѣ съ поломъ, оказалась каменная гробница, которую прислалъ князь Андрей Боголюбскій для новооткрытыхъ мощей святителя».

«Заваленная,—по выраженію Е. В. Барсова, —новыми людьми щебнемъ и засыпанная мусоромъ», она, тѣмъ не менѣе, скрывала священные останки того, къ кому въ теченіе восьми вѣковъ вѣрующая Русь обращалась какъ къ «сопричастнику апостоловъ». Надъ гробницей оказались слѣды такого же свода, въ видѣ ниши, какъ и на противоположной сторонѣ; на стѣнѣ превосходно сохранилось изображеніе св. Леонтія...

«Первоначально открытый гробъ святителя предполагалось обложить бѣлымъ итальянскимъ мраморомъ, а верхнюю доску съ изображеніемъ святителя сдѣлать на петляхъ, дабы было возможно открывать и видѣть даръ Андрея Боголюбскаго со священными останками; но проектъ этотъ, по нѣкоторымъ независящимъ отъ комиссіи причинамъ, не исполненъ въ точности. Вмѣсто мраморной облицовки гробницы, поставлена прежде бывшая серебряная рака, сооруженная въ 1800 году; самый же гробъ обложенъ дубовымъ футляромъ и составляетъ какъ бы подножіе серебряной раки; съ боку этого футляра выдвигается доска для желающихъ видѣть древній каменный гробъ святителя. Это измѣненіе проекта значительно повредило художественной части исполненія, предполагавшагося въ стилѣ того времени».

«Уцѣлѣвшее въ стѣнѣ фресковое изображеніе св. Леонтія осталось въ томъ же видѣ и даже не потребовало поновленія: такъ хорошо сохранилась живопись». (Титовъ) 167

68. Древній шлемъ 170

69. Видъ села Городецъ (Нижег. губ.) 178

70. Ѳедоровскій Городенскій монастырь, гдѣ скончался св. Александръ Невскій 179

71. Кончина св. Александра 181

72. Погребеніе св. Александра. «Яко отъ раки отступиша» 183

73. Св. Александръ Невскій въ иноческомъ чинѣ — изъ Строгановскаго лицеваго иконописнаго подлинника 184

74 Св. Александръ Невскій 188

75. Древняя пелена съ изображеніемъ св. Александра, хранящаяся въ ризницѣ Рождественскаго монастыря во Владимірѣ. Приношеніе цар. Параскевіи, супруги сына Грознаго—Ивана Ивановича † 1690 г. 191

76. Перенесеніе Петромъ I мощей св. Александра Невскаго въ Петербургъ. Съ карт. проф. Баснина, въ Исаакіевск. соборѣ.

...Гдѣ разилъ онъ врага...
Вдругъ возникаетъ тамъ городъ .. Народомъ кишатъ берега..
Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
Громъ раздается; корабль показался вдали...
Правитъ имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...
Кормчаго всѣ называютъ царемъ...
Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говоритъ ..
Вотъ передъ гробомъ земные поклоны творитъ...
Слѣдомъ—всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ... (Майковъ). 199

77. Знаки ордена св. Александра Невскаго . . . . . 202 – 206

78. Серебряная рака съ мощами св. Александра Невскаго 203

79. Соборъ въ Александро-Невской лаврѣ 205

80. Соборный храмъ въ новомъ Александро Невскомъ монастырѣ 209

81. Колокольня въ Александро-Невскомъ монастырѣ 211

82. Невская битва 215

ВАЖНѢЙШІЕ НЕДОСМОТРЫ.

Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
1	его свѣтлый образъ	ея свѣтлый образъ.
17	Въ числѣ	Въ челѣ
35	Славенскій	Словенскій
36	и ихъ сердца	въ ихъ сердца.
90	великимъ княземъ сдѣлался	великимъ княземъ въ скоромъ времени сдѣлался (послѣ Святополка II)
92	епископа Кирилла	митрополита Кирилла
112	преудобенъ	преудобренъ
171	истинное и-	истинно- не
190	1451	1541
260	послѣ которой Россія могла, наконецъ, приступить тотчасъ же послѣ сверженія ига.	послѣ которой Россія могла наконецъ приступить къ своему умственному и художественному творчеству, къ которому Испанія имѣла возможность приступить тотчасъ же послѣ сверженія арабскаго ига.

750-

009992/750

200
34/B